

Родная старина

Книга 4 Отечественная история
XVII столетия

БЕЛЫЙ
ГОРОД

Annotation

Истерзанная и обнищавшая Русь благополучно выходит из Смутной поры, вынеся из нее свою веру и народность в их целостности. Сложнее положение в западнорусской Руси. Еще долго приходится ей биться за сохранение своей Православной церкви и народа. На защиту Православия против Речи Посполитой встает запорожское казачество. Южная Русь наконец соединяется с единой и единокровной Москвой. Однако идет новое испытание — раскол в самой Русской церкви. И из него, несмотря на многие беды, выходит она целостной и неповрежденной. Обо всем этом читайте в четвертой книге «Родная старина».

Текст печатается по книге «Родная старина: Отечественная история в рассказах и картинах (С XVI до XVII ст.)» Составил В. Д. Сиповский (СПб., 1904) в соответствии с грамматическими нормами современного русского языка.

- [Оглавление](#)
 -
 - [Царствование Алексея Михайловича](#)
 -
 - [Смуты в начале царствования](#)
 - [Соборное уложение и судебное дело](#)
 - [Присоединение Малороссии. Богдан Хмельницкий](#)
 - [Восстание на Украине](#)
 - [Борьба Польши с казаками](#)
 - [Вторая война Хмельницкого с Польшей](#)
 - [Переяславская рада](#)
 - [Малороссия](#)
 - [Война с Польшей и Швецией](#)

- [Смерть Хмельницкого и смуты в Малороссии](#)
 - [Денежные затруднения и смуты в Москве](#)
 - [Царь Алексей Михайлович](#)
 - [Возвышение Никона](#)
 - [Патриаршество Никона](#)
 - [Исправление богослужебных книг и обрядов](#)
 - [Разлад между царем и Никоном](#)
 - [Суд над Никоном](#)
 - [Борьба с расколом](#)
 - [Восстание Разина](#)
 - [Новые люди в Москве](#)
 - [Ордин-Нащокин и Матвеев](#)
 - [Последние годы царствования Алексея Михайловича](#)
 - [Царствование Федора Алексеевича](#)
 - [Придворные дела и падение А. С. Матвеева](#)
 - [Внешние события](#)
 - [Уничтожение местничества](#)
 - [Церковные дела и просвещение](#)
 - [Состояние Русской земли к исходу XVII столетия](#)
 - [Страна, деревни, села и города](#)
 - [Москва](#)
 - [Состав населения и государственный строй](#)
 - [Войско](#)
 - [Государственные доходы, промышленность и торговля](#)
 - [Домашний быт](#)
 - [Распорядок повседневной жизни](#)
 - [Семейный быт](#)
 - [Состояние образованности](#)
 - [Удовольствия и развлечения](#)
 - [Заключение](#)
-

Оглавление

В. Д. Сиповский
Родная старина Книга 4
Отечественная история XVII
столетия

Царствование Алексея Михайловича

Смуты в начале царствования. Соборное уложение и судебное дело. Присоединение Малороссии. Богдан Хмельницкий. Восстание на Украине. Борьба Польши с казаками. Вторая война Хмельницкого с Польшей. Переяславская рада. Малороссия. Война с Польшей и Швецией. Смерть Хмельницкого и смуты в Малороссии. Денежные затруднения и смуты в Москве. Царь Алексей Михайлович. Возвышение Никона. Патриаршество Никона. Исправление богослужебных книг и обрядов. Разлад между царем и Никоном. Суд над Никоном. Борьба с расколом. Восстание Разина. Новые люди в Москве. Ордин-Нащокин и Матвеев. Последние годы царствования Алексея Михайловича

Смуты в начале царствования

Только шестнадцать лет было Алексею, когда он вступил на престол (12 июня 1645 года). Молодой царь напоминал отца добротой, мягкостью, отличался сердечностью, живостью ума, сильно привязывался к близким людям. Алексей по своему воспитанию был подготовлен к царскому делу, конечно, лучше отца, но, к несчастью, вступая на престол, он был еще слишком молод и потому не мог быть самостоятельным. Самым близким к нему сановником был его воспитатель, боярин Борис Иванович Морозов, состоявший при нем тринадцать лет безотлучно. Царь был к нему сердечно привязан, и Морозов в первые годы царствования Алексея был главным правителем государства. К сожалению, этот боярин, умный, понимавший нужды государства, не столько думал о благе его, сколько о своих личных выгодах. Это вызвало немало бед.

Тотчас по вступлении Алексея на престол было сделано несколько разумных распоряжений: королевич Вольдемар был отпущен с честью в Данию; освобожден и отпущен в Польшу Луба; велено было воеводам идти на Азов и таким образом нанести удар крымцам, которые снова стали делать нападения на московскую Украину, — раньше русские ограничивались только обороной границ, а теперь переходили к наступательной войне; уже начаты были и переговоры с Польшей о союзе против крымцев и турок, и польский посол, русский родом и православный, громогласно прославлял в цветистой речи союз России с Польшей, которые, «как два кедра ливанские, созданы десницей Господа от единой крови славянской и от единого языка славянского народа».

Г. Седов Выбор невесты Алексеем Михайловичем

Дела внешние, таким образом, шли недурно; но нельзя сказать того же о внутренней жизни, о положении народа. Он страдал под тяжестью налогов, а тут, как нарочно, обрушились еще другие несчастья на Русскую землю: неурожай и падеж скота. Купечество было бедно; всем беднякам жилось плохо; терпел народ и от дурного правосудия.

В 1647 году царь задумал жениться. По-прежнему собрали на смотр в Москву до двухсот девиц. Царь выбрал Евфимию Всеволожскую; но когда стали ее облачать в царскую одежду, то нарочно так крепко затянули ей волосы, что ей сделалось пред царем дурно.

К. Маковский Выбор невесты царем Алексеем Михайловичем

Простой обморок признали припадком падучей болезни. Вместо великой чести, которая ожидала Всеволожских, всю семью их постигла царская опала: они были обвинены в том, что скрыли болезнь царской невесты, и сосланы в Тюмень.

Царь после этого несколько времени сильно тосковал по своей невесте.

Морозов всячески старался отвлечь его — устраивал охоты на медведей и волков. Через некоторое время Морозов дал возможность царю увидеть в Успенском соборе дочерей Милославского, которых уже раньше он расхваливал Алексею. Царю приглянулась одна из них — Мария Ильинична. В январе 1648 года отпраздновали царскую свадьбу, а через десять дней Морозов, несмотря на свои преклонные годы, женился на другой дочери Милославского и таким образом породнился с царским домом.

После этого Морозов стал оказывать особое покровительство Милославским и родичам их — давал им видные должности. Родственники Ильи Даниловича Милославского, по большей части люди бедные, получая выгодные места, выказали большую жадность: только и думали о наживе, творили всякие неправды и насилия, надеясь, что им все сойдет с рук.

Особенно опозорил себя лихоимством Леонтий Плещеев. Он заведовал земским двором, или приказом, в его руках было судебное дело, и он самым бессовестным образом обирал всех приходивших к нему судиться — как истцов, так и ответчиков. Мало того, говорят, он завел шайку доносчиков, которые возводили разные ложные обвинения на людей, особенно на богатых. Их хватили и сажали в заключение, томили в тюрьмах и вымогали у них и их родичей большие взятки за освобождение.

Другой сановник — шурин Плещеева Петр Траханиотов, под ведением которого был пушкарский приказ, стрельцы, оружейники, полицейские чины, — обращался крайне жестоко с подчиненными, удерживал себе часть их жалованья.

М. Нестеров Первая встреча царя Алексея Михайловича с боярышней Марией Ильиничной Милославской

Так поступали люди, занимавшие видные должности; мелкие чиновники, конечно, не отставали от своих начальников в злоупотреблениях. Все неправды и насилия тяжким гнетом ложились особенно на низших, на бедных, на народ.

Сверх того, разные неудачные меры, которые тогда пускались в дело для увеличения скудной казны, тоже возбуждали большое неудовольствие в народе. Торговля в это время стеснялась всевозможными пошлинами, а иноземцы-купцы, пользуясь всякими льготами, злоупотребляли ими, отбивали торговлю у русских

торговцев, и те постоянно жаловались, что им невмочь соперничать с иностранцами.

«Немцы не только от нас, — жалуются они, — промыслы отбили, но и все Московское государство оголодали: покупают в Москве и других городах мясо и всякий харч и хлеб и вывозят в свою землю».

Пошлина на соль, которой правительство хотело заменить разные мелкие поборы, принесла больше вреда, чем пользы. Соль вздорожала, и рыбный промысел упал. Соленая рыба потреблялась русским народом в огромном количестве, гораздо больше, чем говядина; объясняется это соблюдением многих постов и любовью русских к рыбным кушаньям. Теперь же рыбные промышленники уменьшили свой промысел, стали недосаливать рыбу, и она портилась. Соленая рыба страшно поднялась в цене, и сбыт ее сильно уменьшился: потребители не в силах были покупать дорогостоящую рыбу; пришлось им испытывать лишения; торговцы терпели большие убытки. Недовольство было общее. Возбуждала также недовольство православного люда, крепко державшегося заветной старины и боявшегося всякого новшества, продажа табака, которая была собственностью правительства. Прежде, при Михаиле Федоровиче, резали носы за употребление этой «богомерзкой травы», а теперь само правительство торгует ею: в этом видели явную склонность боярина Морозова к иноземным обычаям.

Неизвестный художник Портрет царя Алексея Михайловича

Для того чтобы увеличить доходы правительства, прибегали к разным налогам. Вздумали, например, продавать от казны аршины с клеймом орла. Все торговцы обязаны были покупать эти аршины и платить в десять раз дороже, чем за обыкновенные. Если же

какого-нибудь купца ловили с неклеяменным аршином, то брали с него огромный штраф.

Подобные меры, стеснявшие население и порождавшие дороговизну, возбуждали недовольство в народе. Еще больше усиливалось оно от всевозможных притеснений, лихоимства и неправосудия должностных лиц.

Число недовольных все росло и росло. В Москве простой народ часто стал толпами собираться у церквей и толковать о том, как бы избавиться от бед и неправд. Не раз уже подавали царю жалобы и челобитные, но они попадали в руки бояр, окружавших царя, а те многое скрывали от него, и потому просьбы не исполнялись. Народ сильно озлобился.

В 1648 году, 25 мая, когда государь возвращался от Троицы и ехал верхом, окруженный своими боярами, народ силой протиснулся к нему и остановил его коня. Огромная толпа окружила государя — умоляли его выслушать просьбу, жаловались на Плещеева, на его притеснения и неотступно просили отрешить его и на его место назначить честного человека, «иначе, — кричали в толпе, — народ вконец погибнет!»

Молодой царь был испуган шумной толпой и ее горькими жалобами; он приветливо обратился к народу, просил успокоиться, обещал разведать, в чем дело, и исполнить все справедливые просьбы.

Народ успокоился и благодарил царя. Все это кончилось бы, вероятно, мирно, но несколько бояр — друзей Плещеева, сопровождавших царя, — не сдержались, начали бранить народ, били некоторых кнутом по головам, иных даже сшибли с ног. Народ рассвирепел — в обидчиков полетели камни. Бояре обратились в бегство, кинулись в Кремль, во дворец. Разъяренная чернь бросилась за ними. Стрельцы, бывшие на страже у дворца, сдержали толпу; бежавшие бояре укрылись в царских покоях.

Расходившаяся чернь теперь уже не унималась: раздавались ярые крики, чтобы выдали Плещеева на расправу народную.

Боярин Морозов вышел на верхнее крыльцо и стал было от имени царя увещевать народ, но толпа зашумела, раздались угрозы:

«Мы и тебя хотим взять!»

Морозов поспешил удалиться.

Буйная толпа кинулась к его дому, выломала ворота и двери, расшибла, разломала и разграбила в доме все, что нашлось. Боярыне Морозовой никакой обиды не сделали, только пригрозили.

«Если бы ты не была сестрой царицы, — сказали ей, — мы изрубили бы тебя на мелкие части!»

Затем чернь бросилась на дома других нелюбимых сановников: одна толпа разнесла дом Плещеева, другая — дом Траханиотова; ограблены были дворы еще нескольких бояр. Досталось и думному дьяку Чистову. На него злобились за соляную пошлину. Он в это время лежал больной. Заслышав шум и узнав, что толпа ломится к нему во двор, он спрятался под кучу веников; но его слуга, захватив господские деньги, выдал его, а сам бежал. Чистова заколотили палками до смерти.

***Царица Мария Ильинична Милославская, супруга
царя Алексея Михайловича Романова***

Во время этого погрома велено было Кремль запереть и отдан был приказ немецким офицерам в полном вооружении немедленно явиться с отрядами своими для защиты дворца.

К мятежникам, которые снова кинулись к Кремлю с криками, чтобы выдали им всех лиходеев, царь выслал

своего двоюродного дядю Никиту Ивановича Романова, которого народ очень любил за доброту и справедливость. С непокрытой головой, держа в руках свою боярскую шапку, выехал Романов к бушующей черни и от имени царя обещал, что все злоупотребления сановников будут разведаны, а виновные наказаны, и уговаривал толпу успокоиться и разойтись.

Народ, выражая свою преданность царю, все-таки настойчиво требовал выдачи главных виновников общих бедствий: Морозова, Плещеева и Траханиотова, — настаивал, чтобы они на глазах всех были казнены. Романов клялся, что Морозова и Траханиотова в Кремле нет, что они бежали. Мятежники требовали, чтобы пока выдан был Плещеев. Боярин поскакал в Кремль, и скоро пришло известие оттуда, что Плещеева решено казнить пред народом.

Э. Лисенер Соляной бунт

Рассвирепевшая чернь не дала совершиться казни: когда палач вывел из Кремля Плещеева, толпа ринулась на него, исколотила палками, размозжила ему голову. Тело убитого поволокли на площадь. Траханиотова поймали посланные царем люди близ Троицкой лавры и привезли в Москву. На следующий день после гибели Плещеева палач по царскому приказу водил Траханиотова с колодкой на шее целый час по городу и затем отрубил ему голову.

Смерть Плещеева и казнь Траханиотова, по-видимому, несколько удовлетворили бушующую чернь: она криками благодарила царя, но выражала желание, чтобы казнь постигла и Морозова. Казалось, ему не миновать было беды. Но внезапно в одном конце Москвы вспыхнул пожар и стал быстро распространяться; наконец, загорелся большой кружечный двор, или кабак. Толпа накинулась на даровую водку; разбивали бочки, черпали водку шапками, сапогами. Многие перепились до смерти; некоторые погибли в пожаре. Пожар отвлек внимание черни от мятежа. Правительство между тем несколько дней подряд старалось всякими мерами успокоить народ: в Кремле угощали стрельцов и служилых немцев вином и медом; царский тесть Милославский устраивал пиры и приглашал более влиятельных торговцев; священники по распоряжению патриарха увещевали народ успокоиться, обнадеживали его, что с этой поры дела пойдут лучше. Некоторые из должностных лиц, не любимые народом, были заменены другими, более угодными ему.

Когда наконец народное волнение улеглось, царь пожелал лично переговорить с народом. Об этом заранее было объявлено всем. В назначенное время государь вышел на площадь в сопровождении боярина Никиты Романова и обратился к собравшемуся народу с речью — выразил прежде всего большое сожаление, что неведомо для него безбожные Плещеев и Траханиотов

притесняли народ, за что и понесли заслуженную кару. Затем царь высказал надежду, что назначенные теперь богобоязливые мужи будут блюсти пользу и благо народное, о чем и сам он, государь, отныне будет иметь бдительное смотрение; обещал, что пошлина на соль будет отменена, а разные льготы народу будут умножены.

**Б. Кустодиев Возмущение слобод против бояр
(Бунт против бояр на старой Руси)**

В ответ на это народ низко кланялся, благодарил царя и желал ему долголетия.

В заключение царь стал говорить о Морозове, просил, чтобы народ не требовал его казни, — ручался, что он будет оказывать всем только свою любовь и

расположение, обещал отставить его от должности государственного советника, если он совсем не угоден народу, лишь бы только остался он, его воспитатель и второй отец, цел и невредим. «Сердце мое, — сказал царь в заключение, — не вынесет его смерти», — и затем выразил надежду, что народ от него, государя, не потребует такой тяжелой жертвы. При этом слезы показались на глазах царя и голос его прервался.

«Будь здоров на многие лета! — громко закричал тронутый народ в ответ царю. — Как Богу угодно и государю, пусть так и будет!»

Царь сердечно любил своего воспитателя и всеми силами старался оберегать его от всякого лиха. Морозова отправили в Кирилло-Белозерский монастырь. Туда царь послал наказ, чтобы его охраняли от всякой беды; даже собственноручно приписал, чтобы боярина берегли «от всякого дурна», грозил казнью за дурную охрану и сулил награду, если приказ будет точно исполнен. «Я вас пожалую, — писал он, — так, что от зачала света такой милости не видали!»

А. Рябушкин Ожидают выхода царя

Морозов недолго пробыл в Кирилло-Белозерском монастыре. По возвращении оттуда он уже не был больше главным правителем, но по-прежнему оставался очень близким лицом царю, помогал ему своим советом и, видимо, очень желал оправдать обещание царя народу — старался при всяком случае выказывать к нему любовь и расположение и помогал всякому, кто к нему обращался.

Московские мятежи отразились и в других городах. Воеводы и разные подьячие творили повсюду много зла народу — вдали от Москвы, конечно, еще больше, чем здесь. Искать законной управы на лихоимцев и насильников было очень трудно для жителей городов, далеких от столицы, а слухи, что бояре за молодостью царя заправляют всем, как хотят, не доводят правды до него, поджигали недовольных к восстанию. Не на царя они поднимались, а на бояр-лиходеев, которые во зло употребляли государево доверие, управляя его именем.

Летом 1648 года вспыхнул мятеж в Сольвычегодске. Здесь при сборе податей творились вопиющие насилия и неправды — это и вызвало восстание. Затем возмутились устюжане, раздраженные взяточничеством подьячего, которому сильно покровительствовал воевода. Лихоимец был убит мятежниками. Эти восстания были скоро усмирены. Гораздо труднее было справиться в Пскове и Новгороде.

Из русских областей, отошедших к Швеции по Столбовскому договору, являлось много перебежчиков. Их по условию следовало выдавать шведскому правительству; но они были русские люди, православные, желавшие сохранить свою народность, веру и жить в отечестве. Выдавать их лютеранскому правительству казалось царю делом зазорным. Со Швецией заключили новый договор: царь обязался заплатить большие деньги за перебежчиков. В счет этого выкупа решено было отпустить в Швецию хлеб из псковских житниц.

Из Москвы послан был в Псков купец с приказом купить 2000 четвертей хлеба для того, «чтобы цены приподнять, чтобы немцам сдать его по дорогой цене, какая будет на рынках». (По условию, шведы обязывались принять хлеб по рыночной цене.) В тот год был недород хлеба, и потому он был недешев; когда же московский купец скупил его в большом количестве, то

цена его еще более возвысилась. На беду, скупщик хлеба задумал еще воспользоваться случаем к легкой наживе: стал и псковичам продавать хлеб по возвышенной цене. Среди них поднялся сильный ропот. Стали ходить слухи, что бояре-изменники держат сторону иноземцев, намерены вывезти казну шведской королеве и хлеб отправляют за рубеж, хотят «оголодать» Русское государство. На сходках у кабаков и на рынках наиболее смелые из народа стали кричать, что не надо пропускать хлеб за границу. Обратились с этим требованием даже к архиепископу. Воевода пригрозил «кликунам», как тогда звали главных коноводов народных сходов. Но угрозы не подействовали; на следующий день толпа, уже более многочисленная, кричала, что не надо вывозить хлеб. В это время крикнули:

«Немец едет! Везет казну из Москвы!»

В. П. Верещагин Самодержавец царь Алексей Михайлович

В ту пору шведский агент в самом деле вез часть денег, уплаченных за перебежчиков. Толпа кинулась на него, отобрала у него деньги и бумаги, а самого посадила под стражу. Напали и на двор московского купца, скупившего хлеб. Мятежники не хотели и знать своего воеводу, выбрали свое особое правление из посадских и послали к царю челобитчиков с жалобами на насилия воеводы и его подчиненных.

Псковский мятеж отозвался и в Новгороде. 15 марта 1650 года прибыл в Новгород проездом датский посол. Один посадский кричал в толпе народа, что приехал немец, что он везет московские деньги к немцам; этот крикун возбуждал чернь и на богатых купцов, закупавших хлеб для казны. Народ заволновался; ударили в набат; началась «гиль», как называли тогда в Новгороде и Пскове народные движения. Толпа кинулась на несчастного, ни в чем не повинного посла, избила, даже искалечила его; затем напала на дворы новгородских богачей и разграбила их. Унять бунтовщиков у воеводы не было силы: стрельцы пристали к мятежу. Митрополит Новгородский Никон попытался пустить в дело духовное оружие: он в Софийском соборе торжественно проклял зачинщиков мятежа. Но это еще больше разозлило мятежников; они двинулись на митрополичий двор. Никон вышел к ним и стал уговаривать их, но мятежники избili и его. Владыка, несмотря на это, не потерял силы воли, по-прежнему корил мятежников, увещевал их образумиться, не гневить государя и выдать главных коноводов, как требовала царская грамота. Все было напрасно. Тогда только слова Никона подействовали, когда подошел к Новгороду боярин, князь Хованский, с военным отрядом. Наконец 20 апреля мятежники смирились и выдали главных зачинщиков. Поступили с ними очень милостиво: смертью казнен был только один, более других виновный в оскорблении датского посла.

Никон, сам сильно пострадавший, хлопотал пред царем о прощении и снисхождении к мятежникам.

Псковичи волновались дольше новгородцев, не слушались никаких увещаний; порешили даже обороняться от Хованского. Псков продержался в осаде до половины августа.

В Москве 26 июля постановлено было на соборе еще раз испытать мирные средства против мятежного Пскова. Сюда прибыл Рафаил, коломенский епископ, с несколькими духовными лицами, а с ними — выборные люди из разных сословий. Они обещали мятежникам прощение, если те смирятся, и грозили царским гневом и карой, если будут упорствовать, — говорили, что сам царь поведет на них ратную силу. Увещания Рафаила и выборных людей подействовали: их устами говорила как бы вся Россия. Псковичи наконец покорились этому голосу, принесли повинную и выдали главных виновников мятежа; их казнили.

Соборное уложение и судебное дело

Волнения, мятежи, жалобы на несправедливость и лихоимство побудили царя и его советников подумать об улучшении судопроизводства и управления.

В 1649 году, 16 июня, царь на общей думе с патриархом, святителями, со своими боярами и другими думными людьми постановил собрать в одно целое все статьи из апостольских правил, законов греческих царей, которые подходили к государевым и земским делам, а также указы прежних русских государей и боярские приговоры. А на какие случаи не было ни указов государя, ни боярских приговоров, то изложить общим советом, «чтобы Московского государства всяких чинов людям, от большого и до меньшего чину, суд и расправа была во всяких делах всем равна». Собрание всех статей и указов было поручено боярам-князьям: Одоевскому, Прозоровскому, окольному князю Волконскому да дьякам Леонтьеву и Грибоедову.

В два с половиной месяца они исполнили возложенное на них дело. Собрание постановлений, или Уложение, было готово и 3 октября прочтено перед государем и его думой, а потом — перед собором выборных людей, нарочно для этого призванных в Москву из разных концов и из всех сословий.

Когда выслушали и одобрили Уложение, то подлинный свиток его длиной в 434 аршина был подписан членами собора и велено было переписать Уложение и с этого списка печатать книги и разослать по всем приказам и городам.

Составить так скоро Уложение могли потому, что по всем приказам были уже книги, куда заносились царские указы и боярские приговоры по времени выхода. Задача

составителей была только выбрать все важнейшее и расположить в известном порядке по содержанию, а то крайне было трудно справляться: указы и приговоры были разбросаны в разных приказах, да и в каждом приказе накопилось много книг, в которых статьи были расположены не по содержанию, а по времени.

Уложение заключает в себе 25 глав, и каждая из них распадается на отдельные статьи. Тут находим уголовные законы, об оскорблениях, правила судопроизводства, полицейские уставы, законы о вотчинах, поместьях, крестьянах, холопах и прочее.

Н. Некрасов Соборное уложение. 1649 год

Герб России

Уложение отличается от Судебника царя Ивана гораздо большей полнотой: в Уложение включены законы, каких в судебниках не было. В первой статье говорится о богохульниках, которых постановлено

казнить огнем: «Буде сыщется про то (богохульство) допряма, и того богохульника, обличив, казнити — сжечь». За бесчинство в церкви тоже полагается смерть: «А будет какой бесчинник, пришед в церковь Божию во время святой литургии и каким ни буди обычаем божественные литургии совершити не даст, и его, изымав и сыскав про него допряма, что он так учинил, казнити смертию без всякие пощады».

Хотя сожжение на деле уже употреблялось против богохульников и еретиков и в Новгороде и в Москве, но в законы до Уложения не вносилось: этим постановлением хотели предупредить, очевидно, появление ересей вроде жидовствующих и других.

Во второй главе говорится о государевой чести и как государево здоровье оберегать. Смертная казнь полагается злоумышленникам на жизнь государя, изменникам, бунтовщикам, а также и замышляющим завладеть государством и престолом. В этой же главе говорится об изветах в государственных преступлениях, тут устанавливается страшное «государево слово и дело». Доносивший о каком-либо злом умысле против государя или об измене заявлял, что за ним есть «государево дело и слово»; начинался розыск, «сыскивали всякими сыски», при этом обыкновенно пускалась в дело пытка.

Плохо приходилось по Уложению и доносчику, если он не мог доказать справедливость своих слов: его подвергали тому наказанию, какое полагалось за преступление, в котором он винил другого. Но всякий, у кого только являлось подозрение в чьем-либо злом умысле, кто слышал если не о «деле», то о «слове», оскорбительном для государевой чести, должен был спешить донести — если кто-либо в этом предупреждал его, то он мог понести кару за недонесение.

Соборное уложение царя Алексея Михайловича

Вся эта глава, которой не было в прежних судебныхниках, конечно, была вызвана смутами во время самозванцев и междоусобицы, когда совершено было столько преступлений против верховной власти.

Страшно суровое наказание постигало делателей воровских (фальшивых) денег: им заливали горло расплавленным металлом.

Крестьяне Уложением еще более закрепощались, чем прежде: раньше помещику предоставлено было только в продолжение десяти лет отыскивать беглых крестьян, так что те из них, кому удавалось укрыться в течение этого срока, потом могли спокойно доживать свой век у другого помещика. Таким образом, была хоть какая-то возможность уйти от крайне жестокого и несправедливого господина. Теперь же по Уложению срок уничтожался, и помещик мог всегда отыскивать бежавших от него крестьян и водворять их на прежнее место.

Суд в это время попал всецело в руки приказных. Губные старосты мало-помалу теряют значение. В городах вся судебная сила перешла к воеводам и дьякам, зависящим от московских приказов. Все, кому

случалось вести сколько-нибудь важную тяжбу, должны были ехать в Москву и тут в приказах искать управы; дело не обходилось без посулов разным подьячим. Дела обыкновенно сильно затягивались, и тяжущимся очень дорого обходилась эта «московская волокита».

Для судопроизводства требовалось, чтобы обвиняющий доказал свое обвинение; если же не было достаточных улик, то иногда предоставлялось решить присягой, причем спрашивали обвиняемого, хочет ли он «взять присягу на свою душу или отдать ее на душу обвинителя». По словам Олеария, на присягавших смотрели с презрением: их долго увещевали не присягать, а если это делалось, хотя бы и в правом деле, то присягавших на некоторое время как бы отлучали от церкви. Олеарий при этом говорит, будто в течение трех лет не позволяют им принимать святое причастие; а если по дознанию оказывалось, что присяга дана ложно, то виновного секли кнутом, ссылали в заточение в Сибирь и позволяли причаститься лишь перед смертью.

Ф. Солнцев Кресло царя Алексея Михайловича

Тот же писатель говорит о мучениях, каким подвергали подсудимых, чтобы вынудить у них признание. пытка была в те времена и в Западной Европе. Наши предки чаще всего употребляли такую пытку: обвиненному скручивали руки за спину, привязывали к ним веревку и поднимали его к перекладине между двумя столбами, а к ногам привязывали тяжелый брус, на который вскакивал палач. После такой встряски руки несчастного пытаемого выворачивались в плечах и вытягивались, что причиняло невыносимую боль. Мало того, если

пытаемый не признавался в вине, то под ногами его раскладывали огонь и несчастный терпел страшные мучения, причем еще задыхался от дыма. Иногда обвиненным сбрасывали на голову волосы и на выбритое место капали холодной водой, что считалось очень мучительной пыткой. Некоторых, смотря по роду преступлений, били кнутом, жгли им тело раскаленным железом и прочим.

Этот дикий обычай — подвергать обвиненных пытке, — сильно распространенный и в других странах в те времена, указывает ясно на крайне суровые нравы. Считали тогда несправедливым осудить человека, если он сам не сознавался в том, в чем его винули, и, желая вымучить признание страшными истязаниями, нередко вынуждали людей ни в чем не повинных взводить на себя небывалые вины.

Убийц, умышленно убивших кого-либо, сажали в темницу на шесть недель, затем отсекали им головы. Обвиненного в воровстве подвергали пытке, чтобы узнать, не украл ли он еще чего-либо. Если оказывалось, что он впервые воровал, то его секли плетью на пути от Кремля до большой площади, где палач отрезал у него ухо, затем на два года сажали в тюрьму. Если вор попадался второй раз в краже, ему отсекали другое ухо, сажали в темницу, а затем ссылали в Сибирь.

Ужасное наказание присуждалось жене, убившей или отравившей своего мужа: ее живую закапывали в землю по шею и держали таким образом до смерти.

Неплатящих должников тоже постигала суровая кара: их, кто бы они ни были, сажали в долговую тюрьму (яму) и ежедневно выводили на площадь перед приказом и там целый час били по голеним гибкими прутьями толщиной в палец (батогам). Такого рода наказание называлось «ставить на правеж». Случалось, что наказывающие, получив взятку, били слегка или делали только вид, что бьют; а иногда подвергавшиеся

наказанию клали в сапоги или толстые куски шерсти, или деревянные лубки, по которым и приходились удары прутьев. Если должник решительно не мог уплатить долг и никто его не выручал из беды, он должен был идти в кабалу к займодавцу и служить ему.

Кроме этих наказаний, были в ходу разрезание или вырывание ноздрей, битье батогами и сечение кнутом по обнаженной спине.

Ф. Солнцев Кресло царя Алексея Михайловича

Присоединение Малороссии. Богдан Хмельницкий

После усмирения мятежа Остригина и Гуни казацкая сила была, по-видимому, вконец сокрушена, но это только казалось.

Посполитая Речь оставалась по-прежнему тем же исключительно «панским» государством с бессильным королем во главе, с поработленным и угнетенным народом внизу, необузданной шляхтой и всесильными магнатами, настоящими государями-самодержцами в своих владениях. Подавленный панством простой народ, особенно православный, был главным источником казачества. Чем тяжелее становился гнет, чем горше были для православного люда насилия панов да арендаторов и поругание не только человеческого достоинства, но и самого заветного достояния — веры, тем сильнее росла вражда и злоба у крестьян к своим поработителям и ко всему строю Польского государства, тем больше было побуждений уходить из горькой панской неволи на вольное казацкое житье.

Владислав IV, король доброжелательный и очень склонный к военной славе, несмотря на все свои попытки, не мог облегчить православный южнорусский народ от притеснений, не мог и увлечь поляков к боевым подвигам. Польские, литовские и западнорусские паны не походили на своих предков — не думали ни о славе, ни о благе своего отечества. Шумное веселье, широкий разгул, безумная роскошь и необузданный произвол — вот что тешило тщеславие панов. Всякие начинания, которые требовали от них каких-либо жертв или труда, были ненавистны им и встречали решительный отпор с их стороны на сейме, без разрешения которого король не мог ничего предпринять. Здесь требовалось

единогласное решение вопросов; довольно было хотя бы одному депутату заявить о своем несогласии — и дело не могло состояться. Понятно, сколько всякой неправды творилось при этом: богатым магнатам нетрудно было подкупить одного или нескольких депутатов, и они, как говорилось тогда, «срывали сейм», если там решалось дело, неудобное всецельным панам. Депутаты выбирались обыкновенно в разных городах на местных сеймиках из шляхтичей; при этом богатые паны, угощая и щедро одаривая избирателей, тоже «вольных» шляхтичей, легко могли добиться выбора в депутаты угодных им лиц.

Царь Алексей Михайлович Царский титулярник XVII века

Шляхтичи, эти «сыны свободы», по большей части нищие, гнушавшиеся всяким трудом, чванились своими правами, надменно подымали головы, с презрением смотрели на «хлопство», называли его «быдлом» (скотом) — и в то же время сами были угодливыми, низкопоклонными слугами богатых панов, магнатов,

щедрые подачки которых и милости только и давали им возможность так жить, как, на их взгляд, подобало истому шляхтичу, то есть весело и ничего не делая. Выродившееся, себялюбивое, измельчавшее духом магнатство и шляхетство, державшие в своих руках судьбу государства, были главной причиной слабости Речи Посполитой. Они и погубили ее впоследствии.

Паны всегда смотрели враждебно и опасливо на военные затеи своих королей, боялись, что они, опираясь на преданное им войско, могут усилиться и ослабить панское могущество; сверх того, война требовала издержек, новых налогов, грозила, стало быть, и панскому карману, а если очень уж разгоралась, то могла потребовать «посполитого рушения» — общего вооружения, причем все шляхтичи, способные носить оружие, должны были идти в поход.

Славолюбивый Владислав томился бездействием и своим бессилием и особенно лелеял мечту о большом походе на Турцию. Венецианский посол подстрекал его к войне, обещая помощь Венеции, которая в то время враждовала с Турцией. Владислав думал составить большой союз против нее, привлечь к нему и Москву, но держал все дело в большой тайне, опасаясь, что паны помешают его замыслам. Он думал повести так дело, чтобы война была неизбежна и чтобы сама Турция объявила ее. На тайном совете с несколькими своими сторонниками король порешил дать дозволение казакам напасть на крымских татар и на владения султана и этим вызвать с его стороны объявление войны. Владислав тайно ночью виделся с казацкими старшинами, объявил им, что он восстановит казачество в прежней силе его, побуждал их начать борьбу с Турцией и дал им грамоту (привилегию) со своей подписью с разрешением строить чайки и готовиться к походу.

Паны проводили о затеях короля и на сейме не только не согласились с ним, но даже резко укоряли его за самовольные действия, за приготовления к войне. Король так был огорчен своей неудачей, что заболел. Но грамота его казакам имела важное значение. Нигде насилия и неправды панов не возбуждали такого негодования и злобы, как на Украине, где народ привык раньше к вольности казацкой и с трудом сносил панское иго.

Ф. Солнцев Держава царя Алексея Михайловича

Один случай возмутительного насилия послужил поводом к народному восстанию.

Близ города Чигирина был хутор, которым владел Зиновий Богдан Хмельницкий, сын Чигиринского сотника Михаила Хмельницкого. Богдан обучался в киевской братской школе, а затем был и в иезуитском

училище. От природы умный и даровитый, он таким образом получил хорошее по тому времени образование.

Ф. Солнцев Шлем царя Алексея Михайловича

Киевская школа, конечно, укрепила в нем дух православия, а иезуиты развили у него гибкость ума, сообщили ему отчасти свою пронырливость, ловкость и неразборчивость в средствах. Богдан свободно владел латинским и польским языками, а потом освоился с турецким и французским. Окончив свое школьное образование, прошел он и другую школу — военную: поступил в ряды казацкого войска и участвовал в польско-турецкой войне (1620–1621). Здесь был убит его

отец, а сам он попался в плен к туркам и два года прожил в Константинополе. Освободившись из плена, Богдан вернулся на Запорожье и не раз потом водил лихие шайки в морские походы на турок. Смелы и удачны были эти набеги: не один десяток турецких галер был пущен ко дну, немало басурман избито было по берегам, а в 1629 году удальцы под предводительством Богдана «окурили мушкетным дымом» сам Царьград, выжгли предместье его. С большой добычей возвращались из своих походов сподвижники Богдана; имя смелого и умного вождя с уважением произносилось на Запорожье. Послужив много лет казацкому делу, или «рыцарской славе», как выражались порой книжные казаки, Богдан вернулся на родину, в Чигирин, получив звание Чигиринского сотника, обзавелся семьей и зажил мирным хозяином на своем хуторе Субботове, доставшемся ему от отца. Но недолго пришлось Богдану наслаждаться мирной жизнью: Чигиринский под староста, пан Чаплинский, личный враг его, давно уж искал случая как-нибудь повредить ему; даже есть известие, что хотел при помощи убийцы погубить его, но злодейство не удалось. Чаплинский, в отсутствие Богдана, напал с вооруженным отрядом на Субботово, завладел им, произвел погром, увез жену Хмельницкого, а десятилетнего его сына так высек за какое-то грубое слово, что тот умер на другой день.

Хмельницкий явился к Чигиринскому старосте с жалобой; тот не оказал ему никакого внимания. Богдан обратился тогда в суд; но там заговорили, что он даже и не вправе владеть хутором, так как у него нет на то документов, и Чигиринский староста может отдать хутор и землю кому захочет.

Оскорбленный Хмельницкий, не находя законного суда, думал было военным способом наказать дерзкого оскорбителя и вызвал его на поединок. Чаплинский

принял вызов, но привел с собой трех своих служителей, чтобы вчетвером напасть на своего противника. К счастью, предусмотрительный Богдан, опасаясь коварства со стороны врага, надел панцирь под платье. Это спасло его, и он с такой ловкостью отбивался от злодеев, что обратил их всех в бегство.

«Не все еще забрал Чаплинский, — воскликнул он, — когда есть сабля в моих руках!»

Хмельницкого засадили было в тюрьму, — должно быть, за буйство, но, впрочем, скоро выпустили: прежняя жена его, с которой обвенчался Чаплинский по римско-католическому обряду, упростила нового мужа выпустить заключенного.

Хмельницкий отправился в Варшаву искать высшего правосудия: он все еще верил, что в Польше есть суд и закон, который защитит его.

Дело его и здесь недолго разбиралось. Ему ответили от имени сейма, что он сам виноват в потере своего хутора, потому что не запасся законным документом на владение им. Жалоба на убийство сына была признана ложной: Чаплинский заявил, что это клевета, и, вероятно, представил свидетелей, отвергавших жестокость наказания.

Насчет же похищения жены паны-судьи даже пошутили над Богданом.

«На белом свете много красавиц, — сказали они, — поищи себе другую!»

Хмельницкий решился обратиться к королю, который лично знал его. Но что мог сделать король? Он сам только что перед этим испытал горькую обиду на сейме. Говорят, будто, сознавая свое бессилие помочь казакам и оборонить их от панских несправедливостей и насилий, он сказал между прочим Богдану:

«У вас есть сабли: кто мешает вам самим постоять за себя?»

Сказал ли это король или нет, но подобная мысль, конечно, должна была явиться у Хмельницкого, испытавшего на себе «польскую правду». Проживая в Варшаве во время сейма, он мог ясно видеть порядки Польского государства, понять, в каком незавидном положении был сам король, как смотрели на него всемогущие паны.

На обратном пути на Украину Хмельницкий внимательно приглядывался к положению края, к состоянию крепостей, чутко прислушивался к разговорам, ловко выведывал, чего особенно желает население, на что сетует... Не торопясь ехал он по Русской земле, останавливался чуть не в каждом селе, вкрадывался в доверие народа, с видимой жадностью выслушивал горькие жалобы на жестокости панов и сам с большим жаром говорил об их насилиях и неправдах, разжигал в слушателях своих чувство мести, обнадеживал, что скоро наступит конец гнету. Особенно любил Богдан вступать в беседу с русским духовенством: знал он, что священники имеют большую силу в народе. Им он даже открывал свои замыслы.

«Знайте, — говорил он, — я решился мстить панам-ляхам не только за свою обиду, но и за поругание русской веры и народа. Я бессилен, но вы можете пособить делу: пришлите ко мне хоть по два или по три человека с каждого села».

Угнетенные и озлобленные люди с радостью слушали Хмельницкого и выражали полную готовность подняться на своих заклятых врагов-притеснителей. Общее сочувствие в русском народе к мысли о восстании и борьбе с ляхами укрепило Богдана в его замысле; он мог надеяться на сильную поддержку народа.

Вернувшись на Украину, Хмельницкий где-то в роще, ночью, собрал наиболее влиятельных казаков на тайное совещание. Здесь он яркими красками обрисовал положение православного народа в польских владениях.

«Проезжая по Руси, — говорил он, — я повсюду видел страшные притеснения и тиранство; народ вопит о помощи; все готовы взяться за оружие; все обещают стать с нами заодно».

Не новостью все это было для казаков, собравшихся на совещание; они сами порассказали тут же об известных им возмутительных насилиях и неправдах панских.

«Нет сил терпеть долее! Пора взяться за сабли, пора сбросить с себя ляшское ярмо!» — вот к какому заключению привели казаков рассказы и совещания.

Замысел Хмельницкого оружием отомстить панской Польше как нельзя больше совпадал с общим желанием: злобы и жажды мести накопилось у всех казаков и православных крестьян слишком много, и довольно было малейшего повода, незначительного толчка, чтобы произошел взрыв народной ненависти. Этот толчок и дал Хмельницкий.

В довершение всего он рассказал своим сообщникам о расположении короля к казакам, о позволении строить чайки для нападения на Турцию, о желании его восстановить казачество в прежней силе. Чтобы убедить всех в справедливости своих слов, Богдан показал королевскую грамоту, которую ему удалось ловко похитить у Барабаша, кошевого атамана. Таким образом, даже в глазах более осторожных казаков восстание против панов узаконивалось грамотой короля, которому ненавистные паны всегда становились поперек дороги, лишь только задумывал он что-либо сделать в пользу казаков или православного народа.

Притом грамота эта, разрешавшая казакам набег на татар и турок, дала возможность казакам, в случае борьбы с Польшей, привлечь на свою сторону крымцев.

Казаки на своем совещании порешили искать помощи в Крыму: одними своими силами они не надеялись справиться. Всех участников тайного

совещания, по свидетельству его участника, особенно ободрило то, что киевский митрополит Петр Могила благословил начинание Богдана.

Но все предприятие чуть было не нарушилось в самом начале: один из участников совещания из зависти к Хмельницкому изменил общему делу, донес обо всем старосте. Богдана схватили. Но во время допроса он держал себя очень ловко, прикинулся, что ничего и знать не знает, с самым невинным и изумленным видом выслушивал обвинения в заговоре, ссылаясь на бывших при допросе казаков; и эти свидетели, тайные сообщники Хмельницкого, поддержали его: готовы были клясться, что донос на него не более как гнусная клевета. До окончательного решения дела он был отдан под надзор, но ему удалось бежать — бежал он со своим сыном Тимошем в Запорожскую Сечь; за ним последовали и многие сообщники.

Ф. Солнцев Зерцало царя Алексея Михайловича

На Запорожье Богдана приняли с радостью: тут немало было отчаянных удальцов, прогулявших все свое состояние до последнего гроша, готовых идти хоть в огонь и в воду.

Но не лихой набег для наживы был теперь на уме у Богдана.

«Поругана вера святая, — говорил он с горечью казакам, — отнят насущный хлеб у честных епископов и иноков; над священниками ругаются; униаты стоят с ножом над шеей; иезуиты гонят нашу отеческую веру; над просьбами нашими издевается, глумится сейм!.. В

довершение всех мучений предали нас в рабство проклятому жидовскому роду!»

Все, что наболело на душе у русского человека, — все сказалось в словах Богдана. Понятно, как глубоко они западали в душу казакам. Умел Хмельницкий красноречиво говорить, рассказывал он и о своих личных бедах и в заключение сказал:

«К вам уношу душу и тело, укройте меня, старого товарища, обороняйте самих себя; вам то же грозит, что и мне».

«Принимаем тебя, Хмельницкий пане, хлебом-солью и сердцем щирим (искренним)!» — кричали в ответ ему казаки.

Свой замысел Богдан открыл полностью только кошевому да старшинам запорожским, опасаясь, чтобы поляки не узнали преждевременно о том, что он затевает большое дело. Всячески старался он отвести им глаза, писал даже казацкому комиссару и коронному гетману, что бежал, спасая свою жизнь, на которую злоумышлял Чаплинский; что запорожские казаки собираются только с тем, чтобы послать в Варшаву депутацию и просить защиты от обид и насилий. Благодаря осторожности и ловкости Богдана поляки и не помышляли о том, что затевается большое восстание.

Запорожский казак

Восстание на Украине

Хмельницкий отправился в Крым, долго хлопотал у хана Ислам-Гирея о помощи, уверял его, что поляки — общие враги татар и казаков, показал ему королевскую привилегию, из которой хан ясно мог видеть, что король побуждал казаков к нападению на татар и турок; наконец, заявил, что готов оставить сына своего заложником у хана в доказательство того, что не замышляет ничего дурного против него; по требованию хана даже поклялся на сабле.

Тогда Ислам-Гирей дал разрешение идти с ним перекопскому мурзе Тугай-Бею, и тот с ордой своей последовал за Богданом. Татары остановились, не доходя до Сечи, на реке Бузулуке, а Хмельницкий отправился в кош. Здесь его уже давно ждали. Кошевой собрал огромное число запорожцев, и они, предчувствуя, что затевается что-то важное, с нетерпением ждали, когда им объяснят, в чем дело. 18 апреля 1648 года к вечеру явился наконец в Сечь Хмельницкий; с ним было несколько татар как свидетелей ханской помощи.

В этот вечер дали три залпа из пушек; на рассвете повторили этот обычный сигнал для сбора на раду. Запорожцы стали съезжаться верхом на конях. В полдень довбиш ударил в литавры. Сборище было так велико, что обычное место сходок — майдан, или площадь пред церковью, — оказалось недостаточным: рада собралась за крепостью.

Кошевой изложил громко и ясно пред всей казацкой громадой обиды, какие терпят украинцы от ляхов, заявил, что хан обещал казакам свою помощь, что перекопский мурза стоит неподалеку от Сечи.

Раздались громкие крики:

«Честь и слава Хмельницкому! Пусть он будет нашим головой! Мы все готовы идти и помогать ему до последнего дыхания!»

По приказу кошевого, принесли из скарбницы знаки гетманского достоинства: хоругвь, бунчук, позолоченную булаву с камнями и серебряную войсковую печать — и, вручая все это Богдану, торжественно провозгласили его гетманом Запорожского войска. Хмельницкий теперь стал законным повелителем запорожцев; однако он признал себя только старшим, а не гетманом: для этого сана нужно было еще признание городских казаков.

И. Репин Запорожский полковник

Решено было, что восемь тысяч отборных удальцов последуют за Хмельницким и с помощью татар откроют военные действия; остальным запорожцам велено было разойтись по домам, быть всякий час готовыми к походу и ждать приказаний.

Все эти приготовления к восстанию, конечно, не могли сохраниться в тайне: хотя русские по деревням и

по городам держали себя очень осторожно и разве только шепотом говорили между собой о своих надеждах, но угрозы подгулявших казаков да возмутительные воззвания показывали полякам, что затевается против них что-то недоброе. Жида уже доносили панам о враждебных выходках казаков. Наконец, Барабаш, казацкий старшина, верный польскому правительству, известил коронного гетмана, что Хмельницкий собирает мятежную шайку и надо опасаться восстания. Потоцкий, коронный гетман, дал приказ военным отрядам, стоявшим на зимних квартирах, собираться немедленно к Днепру, извещал магнатов об опасности, просил их снаряжать свои отряды и спешить к нему. Паны собирались, по обыкновению, очень лениво, а зловещие признаки восстания обнаруживались все яснее и яснее: народ целыми толпами стал уходить к Хмельницкому. Тогда Потоцкий издал универсал к русскому народу, где оповещал всех бежавших, чтобы они вернулись в свои деревни, — иначе грозил, что не только имения отнимутся у них, но за их измену будут отвечать своей жизнью их дети и жены. Иные паны стали уже эту угрозу применять и на деле. Этим, конечно, еще более озлобили народ. Начались обычные в таких случаях стеснения: простонародью запрещали ходить толпами по улицам, собираться в домах; отбирали у поселян-украинцев всякое оружие. Все это, конечно, не достигало цели, а только пуще злобило народ. Сторонники Хмельницкого, переодетые богомольцами-странниками или нищими, ходили по селам и деревням и приготавливали народ к восстанию. Скоро не было деревни на Украине, где бы народ не был готов подняться на своих заклятых врагов при первом появлении казаков.

Зиновий Богдан Хмельницкий

Польские вожди и не подозревали, какое готовится народное движение. Потоцкий отрядил часть войска под начальством своего сына против мятежников «сухим» путем, а другому отряду, из реестровых казаков, велел под предводительством Барабаша спуститься по Днепру на байдаках (большие лодки). Таким образом гетман надеялся сразу покончить с Хмельницким, который в это

время стоял станом при потоке Жовты Воды. Здесь казаки, по своему обычаю, устроили табор, укрепившись четырехугольником из возов.

Через восемь дней по выступлении в поход подошел молодой Потоцкий с небольшим своим отрядом и поджидал Барабаша, который должен был тут соединиться с ним. Но дело вдруг приняло совсем неожиданный оборот. По приказу Хмельницкого, некоторые из его сподвижников должны были попытаться склонить реестровых казаков к восстанию. Передовые отряды их охотно пристали к Богдану и радостно приветствовали его. Когда же барабашевцы пристали к берегу, неподалеку от того места, где находился польский стан, один из ловких агентов Хмельницкого, Ганжа, вмешался в толпу казаков и собрал так называемую «черную раду», то есть сходку без начальников.

«Мы идем за веру, за казачество и за весь народ! — кричал он. — Силы наши немалы; позади нас идет Тугай-Бей с ордою... Разве вы будете проливать кровь своей братии?! Разве не одна мать Украина породила нас и вас? За что лучше вам стоять: за костелы или за церкви Божии? Короне ли польской пособлять станете, которая отплатит вам неволей, или матери своей Украине?»

Заговорила русская кровь в казаках-барабашевцах, которым и раньше поход на своих был совсем не по душе, — разгорячили их слова Ганжи. Казаки принялись рвать знамена и значки, полученные от поляков.

«Бить изменников!» — заревела толпа и кинулась на старшин.

Остановить ненужную жестокость уже нельзя было. Разъяренные казаки своих начальников-шляхтичей одних изрубили, других побросали в воду; тут погиб и Барабаш, преданный слуга Польши.

В тот же день встречал новых своих приверженцев Богдан Хмельницкий. Он сидел на белом коне, под

белым знаменем, на котором было написано «Покой христианству».

«Братия, молодцы! — обратился он к ним. — Да будет ведомо вам, что мы взялись за сабли не ради одной славы и добычи, а на защиту жизни жен и детей наших! Все народы обороняют свою жизнь и свободу. Звери и птицы то же делают: на то Бог и дал им когти и зубы. Неужели оставаться нам невольниками в своей собственной земле? Поляки отняли у нас честь, вольность, веру — все это за то, что мы за них же проливали кровь... Не вас ли зовут они хлопами? Не они ли замучили ваших старшин? Несчастные эти мученики, погибшие от злодеев, призывают к вам о мести за них и за всю Украину!»

Слова Хмельницкого сильно подействовали на новых его сподвижников — они громкими криками приветствовали его и всех своих русских братьев.

Ужас охватил поляков, увидавших, что отряд, который они поджидали себе на помощь, передался врагу. Начальники совсем потеряли голову; порешили все-таки всеми силами обороняться и поскорее дать знать коронному гетману об опасности. Поляки сбили возы в четырехугольник, кругом вывели вал, поставили пушки и надеялись таким образом устоять, пока явится помощь. Началась перестрелка, но казаки отвечали полякам вяло; те ободрились, даже решились выйти из укреплений и напасть на врагов.

5 мая Потоцкий велел своему отряду выступать в поле. В казацком стане тоже готовились к бою: трубили в трубы, били в литавры, казаки строились, Хмельницкий ободрял их речью.

Стремительно вылетели казаки из стана, перешли через поток, отделявший их от врагов, и с оглушительным гиком кинулись на поляков. Потоцкий двинул на них своих воинов; загремели пушки. Но

внезапно раздался позади польского стана дикий татарский крик: «Алла!»

Нежданное нападение татар озадачило поляков. Не успели они прийти в себя, как новый удар... Драгуны, на вербованные из русских, изменяют — переходят на сторону казаков. Польское войско расстроилось; все пришло в смятение. Напрасно Потоцкий старался ободрить своих.

«Неужели, — кричал он, — хотите вы походить на овец, бегущих от волков? Лучше умереть в бою, чем обратиться в гнусное бегство и все-таки достаться в пищу зверям!»

Поляки едва успели скрыться в окопах и увезти пушки.

На следующий день казаки с разных сторон кинулись на польский обоз. Поляки около шести часов мужественно отбивались; казакам не удалось сломить их, но зато польский стан был окружен со всех сторон и осажденные были отрезаны от воды. Письмо, которое послано было к коронному гетману с просьбой о немедленной помощи, было перехвачено казаками, и они с насмешками показывали его издали полякам, приглашая их «отдаться на милость хлопам».

Положение поляков было отчаянное: в случае мужественной обороны им грозила неминуемая голодная смерть.

Но Хмельницкому невыгодно было долго оставаться на месте, осаждая небольшой польский отряд, и он предложил полякам вступить в переговоры.

«Мне нет никакой надобности делать вам какие-либо уступки, — говорил он польскому уполномоченному, — а я предложил вам войти в сношения с нами, потому что мне жаль вас. Отдайте нам ваши пушки и идите себе спокойно домой».

Недолго думали поляки: предложение Хмельницкого показалось им весьма выгодным; они потребовали

только, чтобы казаки клятвой скрепили обещание беспрепятственно выпустить их. Казаки присягнули. Польские пушки были отвезены в стан Хмельницкого. Они были очень ему нужны: у него было всего четыре орудия.

Поляки поспешно двинулись в обратный путь, надеясь скоро присоединиться к своим. Напрасная надежда! Прошли они спокойно три мили; тут надо было им проходить через яр, поросший лесом. Вдруг вдали показались облака пыли, затем среди них зачернели всадники, наконец раздались дикие и грозные крики: то был Тугай-Бей со своей ордой. Татары, не глядя ни на какие договоры казаков, кинулись на польский обоз. Тучи стрел летели в лица шляхтичей, калечили людей и коней. Поляки думали скорее пройти яр, но идти было трудно по буеракам, покрытым мелким лесом. Казаки, забравшись сюда раньше, изрыли землю канавами, закидали дорогу деревьями и камнями — она стала непроходимой. Лошади портили себе ноги и падали, возы вязли в канавах. Татары начали бить поляков из их собственных пушек, только что сданных казакам.

Поляки, воодушевленные своим юным вождем, мужественно оборонялись: стали копать вал, отчаянно бились саблями, камнями, дубинами, но татары ударили разом с четырех сторон на польский обоз, ворвались, и началось побоище. Потоцкий, уже умирающий от ран, был взят в плен. Все сподвижники его, кто остался в живых, положили оружие (8 мая 1648 года).

«Это вам за то, паны, — говорится в одной народной думе, — что не захотели вы с казаками-молодцами в мире жить; для вас лучше были жида, чем удальцы-запорожцы; а теперь за то попробуйте татарской юшки». «Не по одном ляхе осталась вдова, не по одном заплакали дети-сироты, — говорит другая песня. — Высыпался хмель из мешка, натворил беды панам —

напились они желтой водицы, да, видно, хмелю было много положено, не устояли они на ногах».

И. Прянишников Казачий разъезд

Два дня стояли казаки на месте битвы. Хмельницкий, приведя в порядок свое войско, с двадцатью шестью пушками на маленьких двухколесных возах, поспешно двинулся в поход, чтобы настичь гетмана Потоцкого. В это время силы казаков увеличились: к ним пришло более двух тысяч охотников. У Хмельницкого было уже под начальством до пятнадцати тысяч, кроме татар.

В то время, когда был уничтожен польский отряд при Желтых Водах, коронный гетман стоял с войском близ Черкасс; оно было невелико — меньше, чем у Хмельницкого. Паны в польском стане пировали. Каждый из них, особенно богатые магнаты, прибыв с отрядами своими в стан, считали долгом устраивать пиры. Время летело незаметно; никто и не беспокоился о том, что уж много дней прошло, а об отряде молодого Потоцкого ни слуху ни духу. Самонадеянные поляки были так уверены в своем боевом превосходстве над

казаками, что даже и верить не хотели, когда до них впервые дошли дурные слухи об участии отряда; однако тревожные вести о состоянии края начинали уже смущать их. Разведчики, которые посылались в разные стороны узнать, что делается в народе, доносили, что Украина повсюду пустеет; что кое-где заготовлены запасы и стоят вооруженные люди. Все показывало, что готовится большое народное движение. Эти вести смутили панов-начальников; они с тревогой стали припоминать, что в отряде молодого Потоцкого много русских. Решено было идти на выручку своих. Два дня польское войско шло, не встречая людей, не получая никаких вестей, — казалось, будто весь край вымер. Наконец принес их раненый шляхтич, которому удалось спастись из желтоводской битвы. Все были поражены ужасом. Узнали, что Хмельницкий уже близко с бесчисленным войском, по уверению шляхтича. После долгих споров решили отступить и укрыться в укрепленных городах. Двинулись в обратный путь и на третий день похода достигли Корсуна на реке Роси. Сюда разведчики принесли весть, что Хмельницкий с татарами следует по пятам за польским войском и с часу на час надо ожидать нападения. Решено было остановиться укрепленным станом и приготовиться к бою.

С. Васильковский Украинский пейзаж

15 мая показались вдали облака пыли: то шел Хмельницкий с казаками и татарами. Пыли было так много, что поляки думали, что врагов по крайней мере тысяч сто, а их было всего пятнадцать тысяч. Передовой польский отряд — драгуны, на вербованные из украинцев, — передались и здесь Богдану, не хотели они биться со своими. Польское войско стало падать духом; однако первые налеты татар на укрепленный стан были отбиты. Хмельницкий расположил свои полки полукругом и делал вид, будто хочет напасть на поляков всеми силами, а между тем задумал без больших потерь для своих уничтожить все польское войско. Одному ловкому и отважному казаку, Никите Галагану, готовому на все, поручил он пробираться подле польского стана

так, чтобы его заметили и схватили, и научил, что говорить при допросе. В то же время был послан значительный отряд казаков, чтобы, обошедши польское войско, испортить дорогу, поставить в удобных местах пушки и под прикрытием леса приготовиться встретить поляков.

Затея Хмельницкого удалась вполне: Галаган был схвачен и приведен к начальникам. Его стали, по тогдашнему обычаю, пытать огнем, допрашивая о числе казаков и татар.

«Нашим я не знаю счета, — сказал он, — да как и узнаешь — с каждым часом их прибывает, а татар — тысяч пятьдесят; скоро и сам хан с ордою будет здесь...»

И без того поляки были уже в большой тревоге, а тут ужас обуял их. На совете панов поднялись споры. Многие были того мнения, что надо бежать как можно скорее. Потоцкий был постоянно не в ладах с более решительным помощником своим Калиновским. После долгих пререканий решено было отступить.

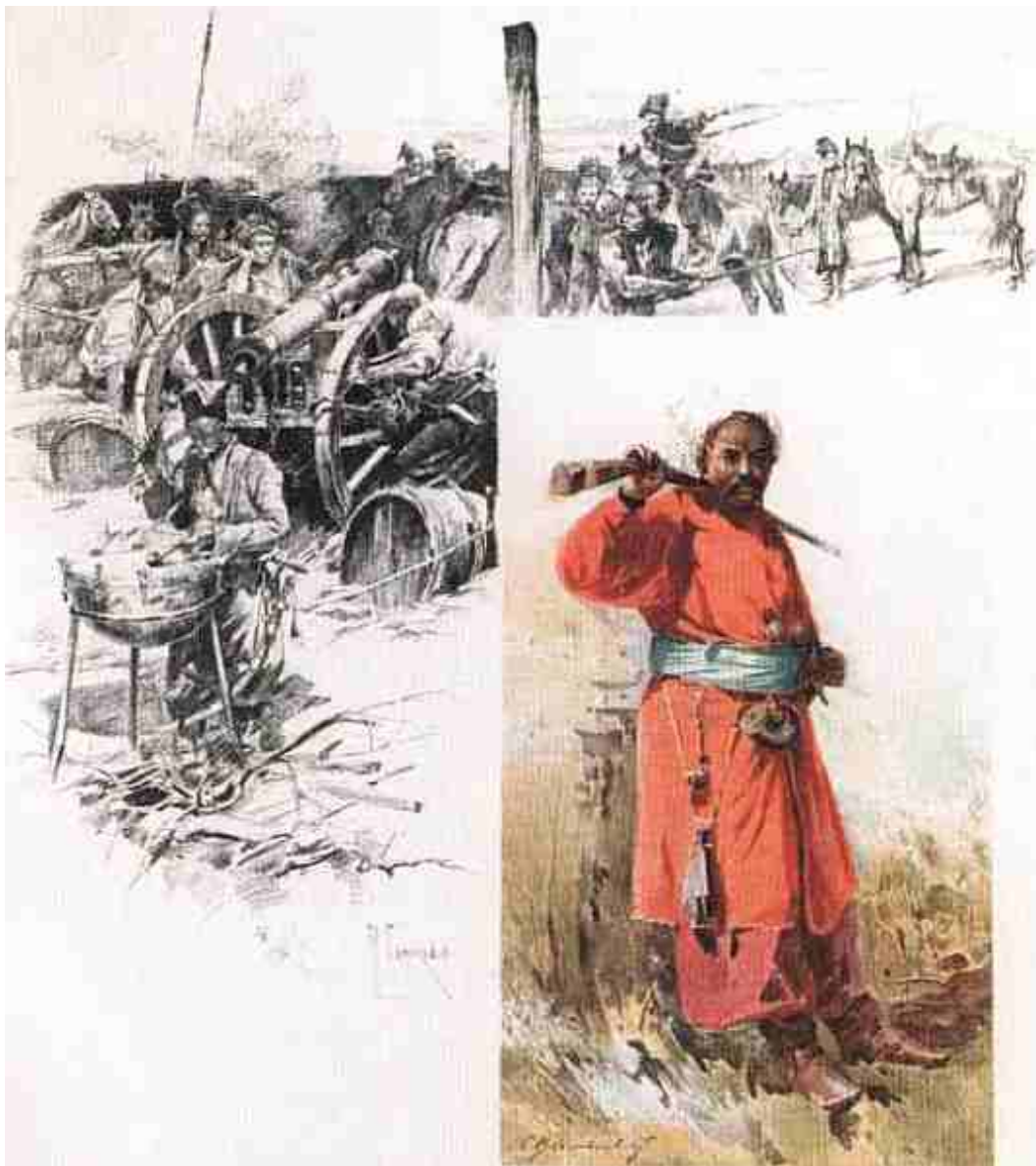
На другой день, перед рассветом, польский обоз поднялся с места; возы с припасами, панские рыдваны со всяким добром, лошади и пушки под охраной пехоты тронулись в путь. Рассказывают, будто паны, по какому-то непростительному легкомыслию, взяли проводником Галагана, хорошо знавшего ту местность.

Малороссы и украинцы

Хмельницкий дал пройти полякам несколько верст спокойно, затем его наездники начали стремительно налетать на врагов: казаки давали залпы из ружей, татары пускали тучи стрел и затем быстро уносились назад — таким образом томили поляков постоянной тревогой. Несколько верст прошли еще поляки, отбиваясь от врагов, и наконец, уже усталые, вошли в роковой лес. Тут Хмельницкий приказал ударить на

польский обоз с тыла и успел отбить много возов. Но беда ждала поляков в конце рощи. Здесь дорога шла крутым спуском в долину и затем подымалась на гору. В этой долине, которую поселяне называли Крутой балкой, казаки прорыли на несколько верст глубокий ров. Поляки, ничего не подозревая, стали спускаться в долину. Когда заметили канаву, было уже поздно. Возы и пушки полетели в ров. «Стой, стой!» — кричали передние задним, но кричали напрасно: значительная часть возов уже была на спуске, лошади не могли сдержать на себе их тяжести, и все катилось в ров. Иные возы бросались в беспорядке в стороны, но и там были овраги. В довершение беды с противоположной горы казаки били поляков из пушек, а с тыла всеми силами напирала казаки и татары. Один из польских полковников с отрядом своим в две тысячи кое-как пробился и ушел. Это привело польский стан в полное расстройство; казаки ворвались в середину его, и началось страшное побоище. Польское войско бежало врассыпную — кто в лес, кто в болото; но отовсюду из засады выскакивали казаки, стреляли, кололи, рубили их. Это было не поражение, а совершенный разгром польского войска. Потоцкий, видя, что спасения нет, предался на волю Божью и сидел в своей карете; другие паны последовали его примеру. Так их всех и привезли в казацкий стан.

Тип запорожца

«Видишь, Потоцкий, — сказал Хмельницкий, — как Бог устроил: вы пошли брать меня в неволю, да сами в нее и попались!»

«Хлоп! — воскликнул Потоцкий. — Чем ты заплатишь славному татарскому рыцарству? Оно победило меня, а не ты с твоей разбойничьей сволочью!»

«Тобою, — отвечал Хмельницкий. — Тобою, который называет меня хлопом, и тебе подобными!»

По решению рады, оба гетмана и самые знатнейшие паны, а также несколько тысяч пленных были отданы татарам. Сверх того, казаки поделились с ними и богатой добычей.

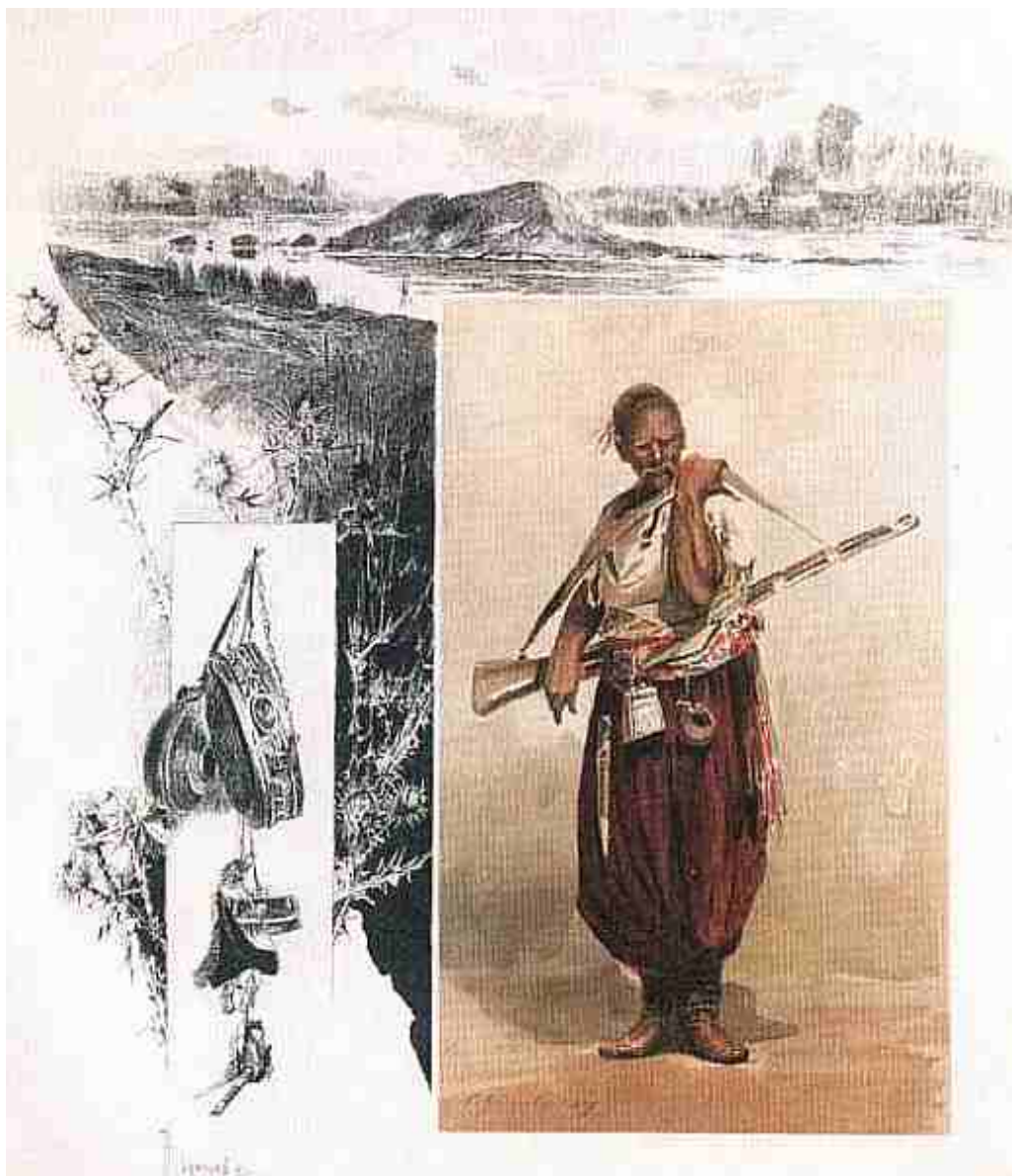
Хмельницкий отслужил благодарственный молебен и устроил пир казацким старшинам и мурзам; простым казакам выкачено было двадцать пять бочек горилки (водки). На Запорожье с вестью о победе посланы были бунчуки, булавы, взятые у поляков, тысяча талеров запорожскому братству на пиво, а триста — на сечевую церковь.

После Корсунского побоища Хмельницкий стал под Белой Церковью.

Вести о желтоводском и корсунском погромах быстро разносились повсюду. Восстание запылало по всей Украине. В это время умер Владислав, и наступило в Польше бескоролье — это развязывало Хмельницкому руки: он постоянно выставлял на вид, что поднял восстание не против короля, а против всемогущего польского панства, творившего вопиющие насилия и беззакония, стеснявшего даже и короля. Чтобы выиграть время и побольше набраться сил, Хмельницкий завел с польским правительством переговоры, а тем временем повсюду, по всей Украине, по обе стороны Днепра, поднимались народные силы. Крестьяне кидали свои обычные занятия, перековывали свои косы и серпы в сабли да копья или просто, за недостатком оружия, с косами и дульем шли толпами к Богдану, а тот распределял их по полкам или, выбрав из их же среды отважного и ловкого вожака, пускал их «очищать Русскую землю», как выражались тогда.

Иные ватаги «хлопов», даже и не сносясь с Хмельницким, сами выбирали себе удалого атамана и отправлялись на свою страшную работу. «Хлопская

злоба» против панов-притеснителей, которая долго таилась, теперь прорвалась с неудержимой силой и запылала по всей Украине. Панам, ксендзам и жидам пощады не было. Всюду, где появлялись гайдамаки — так звались эти шайки озлобленных хлопов, — в деревне ли, в местечке ли, панские слуги, обыкновенно русские, приставали к ним, и не было спасения господам. Их же собственные слуги вязали их и отдавали в руки гайдамаков. А те предавали их бесчеловечным истязаниям: резали, топили, распиливали пополам, буравили глаза, сдирали кожу — словом, творили все, что только могут совершать грубые, озлобленные люди, дошедшие до зверской свирепости. Нередко тут же, на месте кровавой расправы с паном и его семейством, среди трупов, начинался дикий разгул: потоками лилось дорогое панское вино, пили, пели, плясали. Случалось и так, что какой-либо пан со своей командой из шляхтичей застигал в замке мертвецки пьяных гайдамаков и в свою очередь творил над ними жестокую расправу; впрочем, это было очень редко. Все паны искали спасения в бегстве, но спастись было трудно. «Каждый хлоп — наш неприятель, каждое русское местечко и селение — гнездо врагов!» — свидетельствовал один из них. На каждой тропинке беглецы могли встретиться с ужасными гайдамаками.

Тип запорожца

С дикой враждой нападали они на католические костелы и монастыри и предавали поруганию католическую святыню: образа простреливали или рубили, ксендзов и монахов секли и истязали пред алтарями, топтали ногами священные предметы. Сохранилось предание, что в одном костеле гайдамаки повесили над главным алтарем ксендза, жида и собаку и

написали: «Ксендз, жид да собака — усе вира одинака». Свирепая народная вражда не оставляла в покое и мертвых: гайдамаки врывались в панские усыпальницы и выкидывали из гробов тела и кости. По ночам всюду виднелись зарева пожаров: то горели монастыри, костелы да панские замки.

Ярость черни, казалось, была ненасытна. Несчастные евреи были избиваемы тысячами... Гайдамацкие бесчисленные загоны (шайки), по словам летописи, кружили по всей стране. Гибель грозила ежечасно не только панам, ксендзам и евреям, но и всем тем, кто не содействовал гайдамакам. Они держались такого правила: кто не за нас, тот против нас. Не один молодой щеголь, даже из русских, подбравивший голову на польский лад и рядившийся в польский кунтуш, поплатился жизнью, по словам летописца, в это ужасное время за свое щегольство.

Лучшие русские люди на Украине, хотя, конечно, возмущались дикой злобой, с какой рассвирепевший народ расправлялся с исконными врагами своими, были уверены в ту пору, что настал для них час свободы.

«Приспел час, желанный час! — восклицали православные священники, призывая народ к борьбе. — Настало время возвратить свободу и честь нашей вере, поруганной, униженной!..»

Паны или гибли от рук гайдамаков, или бежали с Украины; но не погиб и не бежал один из злейших врагов православия и русского народа — князь Иеремия Вишневецкий. Он еще при начале восстания собрал около восьми тысяч шляхтичей, живших в его громадных владениях, и вел жестокую борьбу с гайдамацкими загонами, свирепствовал и злодействовал не меньше их. Горе было врагам, попавшимся в его руки! Он беспощадно вешал, сажал на кол, рубил головы; но особенно свирепо расправлялся он со своими подданными, если они переходили на сторону

гайдамаков и затем попадались к нему в руки. Местечко Немиров, принадлежавшее ему, перешло на сторону казаков. Вишневецкий пришел в ярость, когда узнал, что его рабы больше не повинуются ему; нагрянул с отрядом своих на местечко и после упорного боя ворвался в него.

«Подайте мне виновных!» — кричал он, собравши уцелевших жителей, которые, дрожа от страха, клялись, что они не изменники и готовы исполнить волю своего повелителя.

Чтобы как-нибудь избавиться от беды, они указали на некоторых.

Вишневецкий велел мучить всех, кто казался ему сколько-нибудь подозрительным. Несчастливым вырывали глаза, рубили пополам, сажали на кол, обдавали кипятком, мучили такими муками, говорит летописец, каких и поганым не выдумать.

С. Чупруненко Запорожцы в лодке на днепровских порогах. XVII век

«Мучьте их! — кричал в каком-то диком исступлении Вишневецкий. — Мучьте так, чтобы они чувствовали, что умирают!»

Если один из просвещеннейших польских магнатов того времени способен был на такое зверство, то нельзя удивляться свирепости грубой черни, измученной вековым рабством.

Все усилия Вишневецкого, несомненно талантливого вождя, справиться с гайдаками оказались ничтожны: они разбивались о громадную силу народного восстания. Не раз Вишневецкий уничтожал шайки гайдамаков, но являлись новые, еще более грозные, — вырастали они позади него, впереди, со всех сторон.

Народное восстание было подобно страшному пожару, охватившему целый город. Губительный огонь всюду проникает, все пожирает, что может гореть. И жалкими оказываются дерзкие попытки гасить могучее пламя. Сначала оно тихо, воровски пробиралось по более удобным путям и закоулкам, выбиваясь наружу то там, то сям, и, казалось, борьба с ним была еще возможна. Но пропущено удобное время; огонь вошел в силу; он быстро охватывает весь город и пожирает с треском все ему доступное, пока не испепелит всего.

Вишневецкий принужден был отступить до Збаража, своего родового города. Здесь уже хозяйничали повстанцы: его дом и замок были разорены, церкви уничтожены, кости предков его выкинуты на поругание. Он увидел, что борьба с восстанием для него невозможна, распустил шляхтичей, а сам поехал на сейм. Загоны гайдамаков наполнили всю Волынь, Подолию и Галицию.

Поляки разных губерний

Борьба Польши с казаками

На сейме отложили на время избрание короля, а занялись вопросом об усмирении мятежа: паны видели, что восстание грозит гибелью их могуществу, и действовали на этот раз с небывалым до тех пор единодушием. Несколько недель польское правительство показывало вид, будто готово вести переговоры с казаками, а тем временем собрано было большое войско, 40 тысяч, преимущественно из шляхтичей. При сборе его был отдан приказ не доверяться «хлопам», а полагаться лишь на людей благородных и чужеземцев. Так как гетманы были в плену, то избраны были три вождя из знатнейших фамилий. Остророг, человек ученый и большой знаток латыни, Конецпольский, восемнадцатилетний юноша, и князь Заславский, пан, до крайности изнеженный и преданный роскоши. Хмельницкий в насмешку говорил, что поляки выбрали себе предводителями «латыну, дetyну да перыну». Сейм, конечно, видел и сам несостоятельность избранных вождей и назначил к ним совет из десяти лиц — не подумали, как видно, о том, что на войне многоначалие губительно, что тут нужен один решительный и облеченный сильной властью вождь. Вишневецкий, более других способный быть главнокомандующим в то опасное время, был при выборе обойден: его недолюбливали паны за высокомерие и слишком властный нрав.

С самого начала было видно, что никакого толку от собранного ополчения не будет. Это исключительно панское войско блистало, по рассказам очевидцев, необычайной роскошью: паны-гусары щеголяли своими дорогими конями, бархатными кунтушами, подбитыми дорогими мехами, саблями и кинжалами в серебряных

оправах; на шапках кисти сверкали драгоценными камнями, на шеях блистали золотые цепи, на ногах — серебряные и позолоченные шпоры; чепраки были вышиты роскошными узорами, стремяна серебряные. За панами шел в поход целый обоз с бесчисленными богатствами: тут были собольи шубы, роскошные одежды, серебряная посуда, меды, вина, варенья. При каждом пане была целая дворня — всевозможные слуги, лакеи, повара. Пирь с песнями и музыкой шли с утра до ночи. «При виде этого войска, — говорит польский историк, — можно было подумать, что оно собралось на свадьбу».

Пустое чванство и хвастливость этих нарядных воинов были непомерны.

«Не стоит и пуль тратить на такую сволочь, как казаки, — говорили они. — Мы их плетью разгоним!»

А иные паны дошли, говорят, до того, что громогласно зывали:

«Господи Боже! Не помогай ни нам, ни казакам, а только смотри, как мы расправимся с этим презренным мужичьем!»

Два поляка в национальных одеждах

Простые воины, жолнеры, подобно своим начальникам, тоже не прочь были повеселиться: задавали пирушки друг другу и скоро прогуляли все свое жалованье, выданное им вперед за три месяца, — тогда они стали обирать местное население, вооружая его этим против себя.

20 сентября Хмельницкий подошел к польскому стану. Небольшая речка Пилявка отделяла русских от врагов. Дело началось с незначительных схваток. Казаки сначала как будто уклонялись от решительной битвы.

Верно, они что-нибудь замышляют, говорили с тревогой в польском стане. Поляков пугало уже то, что пленные русские под пыткой показали, что Богдан с часу на час поджидает крымского хана с громадной ордой.

Вечером 21 сентября до поляков донесся шум из казацкого стана: там трубили в трубы, били в литавры, палили из ружей и пушек, и вдруг воздух огласили громкие крики «Алла! Алла!». Это очень встревожило поляков, и они провели ночь в томительной неизвестности. На рассвете схвачен был русский пленник. Под пыткой он сказал, будто к Хмельницкому накануне прибыло татар 40 тысяч, а скоро будет и сам хан. Это было сильно преувеличено, — конечно, нарочно: на помощь казакам пришел татарский отряд всего в четыре тысячи. Поляки были напуганы. Боязнь усилилась, когда утром татары с диким криком напали на них и с помощью казаков уничтожили два польских отряда; вдобавок двое татар, только что захваченных поляками, сообщили, что хан уже близко, а с ним войска, что травы в поле. А тут еще значительный отряд казаков зашел полякам в тыл и стал их сильно беспокоить. Переполох охватил весь польский стан; начальники потеряли голову, не знали, что и делать, ссорились между собой, сваливали вину за неудачи друг на друга. В тот же день вечером на совете знатнейшие паны порешили, что оставаться дольше под Пилявой, где много болот и яров, не следует. Отправили вперед обоз; начальство на время решили сдать Вишневецкому, а сами отправились вслед за обозом. Ночью с 22 на 23 сентября по войску разнеслась весть, что военачальники покинули стан. Вишневецкий вовсе не расположен был брать начальство над расстроенным войском. Все пришло в ужас и смятение. Куда девалась недавняя самоуверенность? Войско, побросав свой багаж и возы, в беспорядке кинулось бежать.

Казаки, увидев на рассвете, что польский стан пуст, сначала глазам своим не поверили. Хмельницкий со всеми силами кинулся вдогонку. Шляхтичи бежали в полнейшем беспорядке, бросали оружие. Никто понять не мог, почему все бегут. Каждый кричал: «Стойте! Стойте!» — а сам мчался, перегоняя других бегущих. Общий безотчетный страх гнал их сильнее врагов.

Казакам досталась небывалая еще добыча: несколько тысяч возов со всяким добром, восемьдесят пушек и всяких драгоценностей на десять миллионов польских злотых. Казаки накинулись на добычу — это некоторых из бегущих поляков спасло от смерти; но многие паны сложили свои головы под казацкой саблей, и не одну панскую шею стянул татарский аркан. Казакам досталось столько разного добра, что дорогие вещи продавались за бесценок: за кварту водки казак давал шинкарю бархатную шубу или серебряный кубок. Богдану надолго стало захваченной панской казны.

После Пилявского побоища он двинулся ко Львову, взял с него откуп и вступил в настоящую Польшу.

Теперь она, беззащитная, была у ног его: путь в столицу был открыт; всего оставалось уже два перехода до нее. В руках у Хмельницкого была судьба Речи Посполитой, и русский народ повсюду встречал его с восторгом, как освободителя. До сих пор его действия согласовывались с народной волей, и сила народа вознесла его на такую высоту, о какой он, конечно, и не мечтал при начале восстания. Теперь он мог доконать в Польше панство, мог навсегда вырвать из власти ее все русские области, но, как видно, или не понимал еще своей силы, или не признавал, какую великую задачу он может решить. Показавший большие дарования вождя во время восстания, Хмельницкий оказался на этот раз недалеким политиком: думал, что, не порывая связи с Польшей, русский народ может добыть свободу православия и избавиться от панского гнета. Идти в

глубину Польши и поразить ее в самое сердце осторожному Хмельницкому казалось опасным даже для казачества: он боялся вмешательства соседних государств. Как бы то ни было, но на этот раз Польша спаслась от смертельного удара.

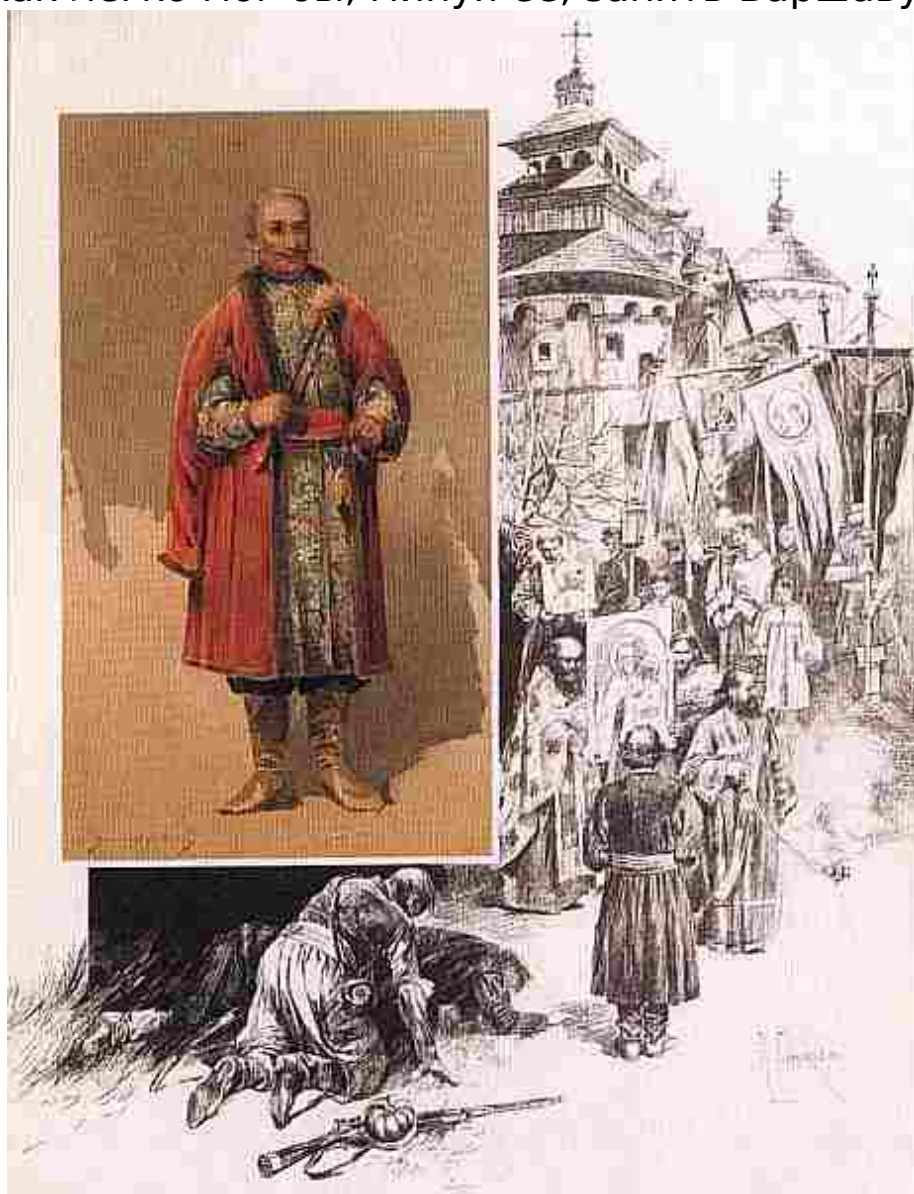
Общее мнение казаков на раде, которую он собрал, было: идти на Варшаву и вконец разгромить Польшу.

А. Киселев Украинская хата

«Пане Хмельницкий, ве́ди на ляхив, кинчай ляхив!» — кричали на раде, и в этом крике сказывалась воля всего народа.

Но Богдан на этот раз разошелся с этой волей. Он стал лукавить — заявил, что поведет казаков на Польшу; чтобы угодить им, разослал отряды их по Волыни и Полесью «очищать Русскую землю от ляхов» и осадил незначительную польскую крепость Замостье, под которой и простоял без всякой надобности целый месяц, тогда как легко мог бы, минуя ее, занять Варшаву.

Воевода Адам Григорьевич Кисель

В это время здесь шли выборы нового короля, и Хмельницкий почему-то очень хлопотал, чтобы престол достался брату покойного короля — Яну Казимиру. Желание это, конечно, было исполнено. Новый король тотчас по своем избрании прислал Богдану письмо с приказом прекратить войну и ждать королевских уполномоченных для переговоров о мире. Хмельницкий, всегда выставлявший на вид, что он борется не с королем, а с панством, повиновался и в декабре вернулся в Киев.

В начале января 1649 года он въезжал в город. Ему была устроена торжественная встреча. При громе пушек, при звоне колоколов и восторженных кликах бесчисленного народа въехал Богдан с казацкими старшинами в полуразрушенные Ярославовы Золотые ворота; пред храмом святой Софии его приветствовал митрополит; бурсаки академии и училищ пели ему хвалебные латинские и украинские вирши, величали его «новым Моисеем, избавившим Украину от польской неволи».

Казалось, это было лучшим временем в жизни Хмельницкого. Но с этих пор стали замечать какие-то странности в его нраве: он то постился и молился, то совещался с какими-то чаровницами, то предавался разгулу, то становился горд и суров, то снова делался простым, приветливым ко всем — настоящим казаком, чуждым всяких панских замашек, каким знали все казаки своего «батька Богдана», как его обыкновенно величали.

Слава о могуществе казаков разносилась повсюду, и в Переяславль к Хмельницкому стали являться посольства — из Молдавии и Валахии, из Турции, от Седмиградского князя, — все предлагали дружбу и союз

против Польши. Прибыл и московский посланник, привез привет и обычные царские подарки: дорогие меха от Алексея Михайловича. Он желал казакам успеха, но лишь в том случае, если они поднялись только за свою веру; разрыва с Польшей царь, очевидно, остерегался.

Наконец явились комиссары от нового короля. Во главе их был Адам Кисель, русский и православный пан, но вполне преданный полякам. Они привезли Хмельницкому от короля грамоту на гетманское достоинство, булаву, осыпанную драгоценными камнями, и красное знамя с белым орлом.

Когда Кисель стал торжественно вручать булаву Хмельницкому пред всей радой на площади, то здесь ясно сказалась народная вражда к каким бы то ни было сделкам с Польшей.

«Зачем вы, ляхи, принесли нам эти цацки? — раздались в толпе недовольные голоса. — Хотите опять нас в неволю забрать!» Кисель даже не мог докончить на площади своей речи. Вражда казацкой громады к королевским послам сказывалась слишком явно.

Сам Хмельницкий, всегда сдержанный и осторожный, подвыпивши, говорил им такие речи:

«Скажу коротко: ничего не будет из вашей комиссии. Война должна начаться снова через три или четыре недели. Переверну я вас, всех ляхов, вверх ногами, потопчу вас, а потом отдам турецкому царю в неволю... Король должен быть королем, должен казнить и шляхту, и князей ваших. Совершит преступление князь — урежь ему шею; согрешит казак — сделай ему то же. Вот это будет правда!...»

Кисель все свое красноречие пустил в дело, чтобы убедить Хмельницкого, обещал, что король увеличит число казаков до пятнадцати, даже до двадцати тысяч.

«Напрасно толковать, — отвечал Хмельницкий. — Было бы раньше об этом говорить, а теперь уже не время... Я довершу то, что замыслил, — выбью у ляхов из

неволи весь русский народ. Сперва я воевал за свою обиду, а теперь стану воевать за веру православную!.. Вся чернь по Люблин и Краков поможет мне... Двести, триста тысяч войска будет у меня под рукою! Орда уже стоит наготове!..»

Выслушивая эти угрозы, паны-комиссары, как сами потом рассказывали, цепенели от ужаса. Но все-таки Хмельницкий, по неотступной просьбе их, написал условия мира. Они были таковы: по всей Руси уничтожить и саму память об унии; киевскому митрополиту дать первое место в сенате после польского примаса; все должности на Руси предоставить православным; казацкий гетман должен зависеть только от одного короля; не позволять евреям жить на Украине и не давать начальства над польскими войсками Иеремии Вишневецкому.

Королевские послы своей властью не могли подписать этих условий и, набравшись много страха, видя кругом себя злобу и вражду, уехали. Как ни скромны были требования Хмельницкого, но и они вызвали негодование в польском сенате: ослепленные нетерпимостью католики не хотели допустить и мысли об уничтожении унии. Польша стала готовиться к войне.

Готовилась и Украина. Пустели хутора, села, города. Снова поднимался народ, поднимался уже смело, решительно — с полной верой в успех. Покидал крестьянин свой плуг, торговец — свою лавку, ремесленники — свои дела, мещане, горожане, должностные лица — все принимались за оружие. Презрение, насмешки и брань ждали тех, кто мог и не захотел бы идти на войну; только калеки, немощные старики, женщины и дети оставались дома. Хмельницкий распределял людей по полкам; всех их было 24: двенадцать на правой стороне Днепра и столько же на левой. Каждый полк получал в свое

владение целую область, где казаки и располагались по городам и местечкам.

Главная власть над всем краем была в руках гетмана, при нем была генеральная (общая) войсковая старшина: обозный (начальник артиллерии и заведующий лагерем), есаул, писарь, судья, хорунжий (главный знаменщик). Высшее место управления называлось войсковой канцелярией: здесь вместе с гетманом заседала вся генеральная старшина. В каждом полку была своя канцелярия и полковая старшина с теми же названиями, как и общая. Полки делились на сотни, в которых было управление, совершенно схожее с полковым. Сотни, заключающие в себе нередко по несколько сот человек, в свою очередь делились на курени. Таким образом, Хмельницкий распространил старое казацкое управление на весь край, подвластный ему.

Костюмы поляков

В начале лета начались военные действия. Крымский хан привел многочисленное полчище на помощь Хмельницкому; по призыву его явились и донцы; все рассчитывали на окончательный разгром Польши и на хорошую поживу.

В Польше тоже усиленно готовились к борьбе: объявлено было «посполитое рушение», и военные силы всей страны собирались около короля. Одна армия уже стояла под Збаражем, чтобы помешать вторжению в Польшу.

30 июня Хмельницкий осадил это войско. Поляки едва успели кое-как окопаться под городом и отбить первые нападения казаков и татар, которые после этого обложили со всех сторон польский стан, порешили истомить врагов непрерывной пальбой и голодом. Вокруг польского стана был насыпан вал выше его, и с высоты стали бить поляков из пушек и ружей; поляки соорудили более тесные окопы, повыше прежних, и мужественно отбивались, но у Хмельницкого было гораздо более рабочей силы под руками, и скоро казаки насыпали такой высокий вал подле польского, что нетрудно было с него застрелить и собаку, по словам очевидца. Ни днем ни ночью не было покоя осажденным — пули летели как град. Поляки принялись окапываться внутри своего укрепления: каждый из них, как они сами потом рассказывали, выкапывал себе нору и сидел в ней, как крот. Попробовал Хмельницкий посредством мин добраться до поляков; но последние вовремя заметили это и отбили врагов. 26 июля казаки со всех сторон насыпали такой высокий вал вокруг польского стана, что никто из осажденных не смел и головы высунуть из своего окопа — тотчас убивали его наповал. Поляки начинали уже чувствовать недостаток пороха. Запасного оружия не было. Летний зной, теснота, гниение трупов людей и лошадей, которых не успевали вовремя закапывать, душили поляков; скоро не хватило и съестных припасов. Даже и паны питались кониной, но и ее не стало. Пришлось есть кошек, собак, мышей, иные не брезговали и падалью, а не то ремни и кожу с обуви разваривали и ели.

А тут еще казаки издевались над несчастными.

«Скоро ли вы, панове, — говорили они смеясь, — чинш (оброк) будете собирать на Украине? Вот уже год прошел, как мы вам еще ничего не платили... А может, какую-нибудь панщину придумаете? Вот от скота вы до сих пор ничего не брали...»

Положение осажденных становилось уже невыносимым. Жолнеры роптали, приписывали свои беды гневу Божию за то, что в их войске были протестанты; более суеверные вспоминали, что был уже им недобрый знак: еще в начале войны молния ударила в древко знамени. Стали уже поговаривать о том, что лучше разбежаться; но всех еще сдерживал и воодушевлял мужественный Вишневецкий — пробовал он даже войти в тайные сношения с ханом и склонить его на свою сторону, однако попытка эта ни к чему не привела. Не удались разные хитрости и Хмельницкому. Вишневецкий не менее его был горазд на разные военные проделки: несколько раз он обманывал падающих духом, убеждая их, что близка помощь, и те с удвоенными силами отбивали врагов.

Хан уже терял терпение и требовал, чтобы Хмельницкий скорее кончал дело.

«Гей, казаки-молодцы! — кричал Богдан, объезжая свое войско. — Вот что мне сказал его милость хан: если не дадим ему поляков, то сами пойдем в неволю в Крым».

Решено было взять польский стан во что бы ни стало приступом. При грое нескольких десятков пушек, с гиком ринулись казаки на приступ с разных сторон. Катили и гуляй-городки (деревянные башни) к польским окопам. Поляки с трудом могли видеть в облаках дыма — едва успевали они заряжать ружья, чтобы отбивать казаков, которые в иных местах прорывались чрез окопы и резали осажденных. Страх и отчаяние начинали уже овладевать войском. Польский стан был бы в руках казаков, если бы не Вишневецкий.

«Если кто только двинется назад, — кричал он с саблей в руке оробевшим, — тот или сам погибнет, или меня на месте положит... Не дадим сволочи потешаться над нами. Вперед!»

Смелый вождь даже и робких увлекал за собой. Он кинулся из окопов, ворвался в толпу казаков, положил нескольких на месте, затем бросился на гуляй-городок, разогнал «хлопов», подвигавших его, и зажег его.

Костюмы поляков

Благодаря необычайным усилиям Вишневецкого польский стан был спасен и на этот раз, но казаки еще более увеличили свои окопы; польский стан до того был зарыт, что не осталось и узкого прохода для вылазки. «Неприятель, — говорит очевидец, — всех нас мог посчитать и перебить, как кур...». Поляки могли продержаться только несколько дней. Объявлено было,

что большая награда будет дана тому, кто доставит королю известие о необходимости самой скорой помощи. Вызвался один шляхтич из приближенных Вишневецкого. С величайшими предосторожностями этот шляхтич прополз, как змея, среди спящих казаков, скрываясь в болотистых местах, в бурьяне, а когда миновал неприятельский стан, он пошел, сначала выдавая себя за русского мужика, затем прискакал на почтовых в стан короля.

Король в это время собирал войска. Медленно снаряжались отряды посполитого ополчения. Узнав о беде, какая грозит осажденным, король поспешил с двадцатью тысячами войска на выручку. Хмельницкий хорошо знал и о численности королевского отряда, и о всех движениях его: поселяне извещали казаков обо всем. Король прибыл к местечку Зборову близ Збаража. Здесь приходилось полякам переправляться через речку. Хмельницкий оставил пехоту продолжать осаду, а сам с конницей и татарами поспешил к Зборову. С одной стороны этого местечка был густой дубовый лес. Хмельницкий скрыл за этим лесом своих казаков и татар, так что никто из поляков не подозревал об опасности. Через город протекал рукав реки Стрицы; поляки находились на правой стороне ее и готовились переходить на левую. Хмельницкий воодушевил своих словом.

«Молодцы! — говорил он. — Отцы, братья и дети ваши простирают к вам руки, молят о мщении за кровь их, безнаказанно пролитую. Церковь наша, поруганная и попранная поляками, взывает к вам, сынам своим, постоять за нее! Но не дерзайте поднять убийственной руки на его милость короля, помазанника Божия! Мы воюем против панов, наших мучителей, которые подвигли его на нас!»

Утром рано 5 августа поляки начали переправу через речку. День был пасмурный и дождливый. В полдень,

когда значительная часть войска переправилась, поляки спокойно расположились обедать. Вдруг из сторожевого отряда прибегают посланные, извещая, что из лесу напали на них татары, что нужна помощь. Сначала этой вести даже и не поверили, а когда увидели своих бегущих воинов, было уже поздно. Татары и казаки с оглушительным криком ударили на ошеломленных поляков, не знавших, что делать. Люди, перевозившие возы через реку, в страхе оставили их на мосту, загородили его так, что ни с той стороны нельзя было помочь пострадавшим, ни им спастись и соединиться со своими. Притом шел дождь, и туман был такой, что поляки, по словам одного из свидетелей тех событий, прежде могли чувствовать удары, чем видеть врага, наносившего их. Спасения не было, казаки и татары окружили всех и истребили вконец. На полмили кругом все поле покрылось шляхетскими телами; кровь струилась ручьями; до пяти тысяч дворян легло во время этого побоища, не считая слуг.

Уничтоживши одну часть польского войска, казаки и татары кинулись на остальных, которые поспешно перешли через реку и разрушили мосты. Король наскоро приготовил свое войско к бою. Густой толпой показались татары; затем из лесу и с возвышенностей появились казаки. Несколько раз с громкими криками «Алла! Алла!» налетали татары на поляков; три раза уже подавалось польское войско; едва-едва удалось военачальникам привести его в порядок, удержать от бегства. Татары наконец врезались в середину войска — поляки уже обратились в бегство. Король во весь опор поскакал к бегущим.

«Господа! Не покидайте меня, не губите отечества!» — кричал он, заслоняя им путь.

Король сам хватал за узды лошадей, поворачивал их на неприятеля, поднимал кинутые знамена, напоминал

всем об их долге, умолял, наконец грозил заколоть первого, кто опозорит себя робостью.

«Тот умрет как изменник, кто струсит! — кричал он. — Велю палачу казнить негодяев!»

Постыдились некоторые слов короля — смелые схватились с врагом, но были снова смяты. Тогда король двинул в дело немецкую пехоту и конницу (рейтаров).

Только в сумерках прекратился бой. Расстроенные, изнуренные, упавшие духом поляки столпились в своем обозе, а кругом со всех сторон обступила их вражья сила непроницаемым кольцом.

Спасения не было. Здесь должна была решиться судьба украинского восстания. Настала ночь. Непроглядная тьма легла на поле; только кругом светились зловещие огни казацкого и татарского стана. Отчаяние овладело поляками; наиболее мужественные — и те упали духом.

«Мы погибли! Спасения нет!» — говорили чуть не все.

Король, стараясь скрыть гнетущее его чувство и казаться бодрым, совещался с военачальниками; все были верхом на конях. Некоторые выразили мнение, что гибели не миновать, но надо придумать способ, чтобы тайно вывести короля из обоза; король с негодованием отверг это предложение. Иные, более решительные, предлагали силой пробиться сквозь неприятельские ряды, а более благоразумные советовали королю снестись с ханом, попытаться как-нибудь склонить его в свою пользу. Этому совету король и последовал. Хану было отправлено письмо, очень дружелюбное. Вместе с тем приказано было укрепить стан, окопаться и приготовиться к отпору; но по войску разнеслась весть, будто король в ту же ночь покинет стан.

«Нас оставляют здесь на убой!» — зашумела толпа. Жолнеры перестали работать в окопах. Смятение началось общее. Все только и помышляли о бегстве.

Сильно утомленный король едва сомкнул глаза, как был разбужен своим духовником, который сказал ему об общем волнении.

«Коня! — крикнул он. — Я поеду по рядам и покажу всем, что король с ними!»

Он поехал по стану с обнаженной головой; пред ним несли зажженные факелы, чтобы все ясно видели его лицо.

Татарин Закавказского края

«Вот я! Вот я! Я — ваш король! — повторял он, проезжая мимо воинов. — Не бегите от меня, дети мои! Не покидайте, благородные шляхтичи, государя своего!.. Бог милосерд! Завтра с Его помощью я надеюсь победить врага. Я не оставлю вас и, если такова воля Божия, сложу мою голову вместе с вами!»

При этом у короля, говорившего взволнованным голосом, лились слезы по щекам. Это на многих подействовало; они приободрились и кричали: «Не уйдем, король с нами; он не покинет нас!»

С рассветом поляки уже были готовы к битве. Они замкнулись в неоконченных окопах; там, где недоставало насыпей, поставлены были телеги. Скоро начался бой. Татары бросились в тыл полякам. Хмельницкий направил один сильнейший отряд казаков на польский стан, а другому велел сделать приступ на город. (Мещане города помогали казакам.) Загорелась жестокая битва. Казаки неудержимо рвались в польский стан, наконец ворвались.

«Ради Бога спасайте меня и отечество!» — кричал король.

Около него стеснились более мужественные, хотели его избавить хоть от неволи; но казаки, наполнившие польский стан, рассеяли эту оборону и дорвались до короля.

О. Верне Турок и казак

Вдруг раздался крик: «Згода!» (мир). То Хмельницкий велел остановить бой.

С трудом унялись расходившиеся казаки.

Что побудило Богдана остановить бой, когда король был уже почти в его руках, — трудно решить. По одним известиям, он не хотел государя-христианина отдавать в плен крымцам; по другим — прекращение битвы было делом хана. Можно думать, что союз с ханом уже сильно тяготил в это время Хмельницкого, связывал ему руки: можно было опасаться, что татары при выгодных условиях легко могут перейти на сторону поляков; Богдан уже не ладил с ханом.

Хан и Хмельницкий прислали королю миролюбивые письма. Богдан старался уверить, что он не мятежник, что он и все казацкое войско желают, чтобы король был могущественнее своего покойного брата.

Король заключил договор с ханом: обязался ежегодно давать ему дань, или, как называли ее поляки, «подарок», в девяносто тысяч злотых, кроме того единовременно выдать двести тысяч.

После того состоялся договор с казаками. Численность казацкого войска полагалась в 40 тысяч; в казацких владениях (нынешние Киевская, Полтавская, Черниговская губернии и часть Подольской) воспрещалось проживать евреям; не дозволялось здесь стоять и коронным войскам; все должности предоставлены на Украине только православным; киевскому митрополиту давалось право заседать в сенате; об унии определено сделать постановление на сейм; наконец, всем повстанцам обещано полное прощение (амнистия) за все прошлое.

Такова сущность Зборовского договора. Выгоды, приобретенные Украиной сравнительно с военными успехами казаков, были очень умеренны. Хмельницкий, очевидно, не доверяя своим союзникам-крымцам, не хотел совсем оторвать свою землю от Польши. Он всячески старался выказать себя преданным слугой короля; по заключении договора пожелал свидеться с государем, «упасть к ногам его». Проведав о намерении Богдана ехать в королевский стан, казаки закричали, что они не пустят своего «батьку» без заложников, — пришлось одному из знатных панов остаться на время у них. Хмельницкий в сопровождении сотни знатнейших казаков прибыл в польский лагерь. Паны убеждены были, что Богдан явится пред лицом государя с унижением, с трусливым видом, как провинившийся «хлоп», но ошиблись: он вошел бодро, выказывая должное уважение к особе государя, но сохраняя вполне

и чувство собственного достоинства. Преклонив одно колено, он стал говорить почтительно, но смело, указал вкратце на беды, какие пришлось вынести русскому люду, и прибавил:

«Прости смелости моей речи, государь милостивый, — мы не обманываем благосклонного слуха твоего... Терпение наше истощилось: мы вынуждены были заключить союз с чужеземцами против шляхетства... Можно ли осуждать нас за то, что мы защищали свою жизнь и имущество?.. Скот, если его мучить, и тот бодается! У меня и в помыслах никогда не было поднимать оружие против вашего величества, государя нашего милосердного и не повинного в страданиях наших. Мы восстали только против тех, которые презирали казаков как пресмыкающихся, угнетали нас как самых последних рабов».

Казак-победитель

Король молча, но ласково протянул руку; Хмельницкий почтительно поцеловал ее. Подканцлер от лица короля сказал несколько примирительных слов и выразил надежду, что Богдан загладит свой проступок «верностью и трудами на пользу отечества».

На другой день враждебные войска разошлись. Наконец после семинедельной осады вышли из своих нор на свет Божий поляки, бившиеся под Збаражем: из десяти тысяч их осталось около трех тысяч; от голода и изнурения они едва держались на ногах. Зборовский мир спас их от смерти. В это же время прекращено было восстание, поднявшееся в Белоруссии.

Вторая война Хмельницкого с Польшей

Первые дни по заключении Зборовского мира были счастливейшим временем на Украине. Народ искренно верил, что наступила пора свободы; что ни панов-католиков, ни жидов, ни ксендзов больше не будет на Русской земле. Вероятно, в это время сложились радостные стихи украинской думы: «Были страшные времена; никто не приходил спасать украинцев, никто не подавал воды омыть кровавые раны наши, а теперь прошли грозные невзгоды... Нет лучше, нет краше нашей Украины: нет на ней пана, нет жида, не будет и унии!»

Из каждого местечка, из каждого села, где проезжал Хмельницкий, — отовсюду население выходило навстречу, раздавался колокольный звон, и русский люд, по старому обычаю, с хлебом и солью встречал своего избавителя.

«Радуйтесь, — говорил он. — Сила русская перевесила польскую: теперь целый свет узнает, что значат казаки!»

Но восторги народа недолго длились — скоро настали снова дни скорби и бедствий. Поселяне, находясь в рядах казацкого войска, не пахали весь прошедший год полей. Хотя война дала всем очень богатую добычу, но она недолго держалась в руках: разные вещи сбывались за бесценок ловким торгашам и шинкарям; а между тем хлеб поднялся страшно в цене, и бедным людям пришлось очень круто. Скоро поняли, что и Зборовскому договору не очень-то можно радоваться.

Распустив свое ополчение осенью 1649 года, Хмельницкий принялся устраивать Малороссию. Он

старался из поместий знатных украинских панов, особенно врагов русской народности, вроде Иеремии Вишневецкого, набрать побольше крестьян в реестровые казаки, чтобы избавить их от преследований. Записал в реестр Хмельницкий значительно больше народу, чем следовало по договору; казак вступал в казацкое звание со всем семейством и имел двух помощников, конного и пешего, кроме работников. Сверх того, было 20 тысяч казаков в запасе. Каждый реестровый казак делался полным собственником известного участка земли, каким он прежде пользовался у помещика. Кроме того, у панов были отобраны целые волости и отданы в пользование разных казацких чинов, пока они исполняли свои обязанности («ранговые поместья»). Все староство чигиринское отдано было на гетманскую булаву, то есть на содержание гетмана. Чигирин стал как бы столицей Малороссии. Всю страну Хмельницкий разделил на 16 полков; из них каждый занимал известную область с полковым и сотенными городами и селами. Во многих городах Хмельницкий оставил для мещан прежнее самоуправление и самосуд по «Магдебургскому праву» (например, в Киеве, Нежине, Чернигове, Новгороде-Северском, Стародубе и других).

В то время как Хмельницкий занимался устройством края, народное недовольство усиливалось. Дороговизна поднялась небывалая; а тут надо было еще платить татарам за их услуги. Хотя Богдан, сверх несметной военной добычи, переплатил им огромные деньги, но насытить алчность хищников было трудно. Пришлось обложить поголовно весь русский народ, чтобы уплатить им; а они, не довольствуясь этим, ничем не стесняясь, хозяйничали на Украине, даже уводили в плен женщин. Но недовольство народа перешло в негодование, когда Хмельницкому, по договору, пришлось многих своих бывших сподвижников-казаков обращать по-прежнему в панских крестьян. Хотя он записал в реестр гораздо

больше, чем следовало, даже позволил, кроме реестровых, образовать охочие казацкие полки, но все же значительная часть населения, принимавшая участие в борьбе, но не вошедшая в реестр, должна была под именем «посполитых» вернуться к своим плугам, опять работать в панской неволе. Хмельницкий вынужден был издать универсал (указ), где приказывал всем не вошедшим в реестр «повиноваться своим господам под страхом смертной казни». В королевском универсале жителям Украины объявлялось даже, что в случае сопротивления «хлопов» владельцам коронное войско вместе с запорожским будет действовать против мятежников, как против неприятелей.

«Как! — кричал народ в негодовании. — Где же обещание гетмана? Разве мы не были казаками?!»

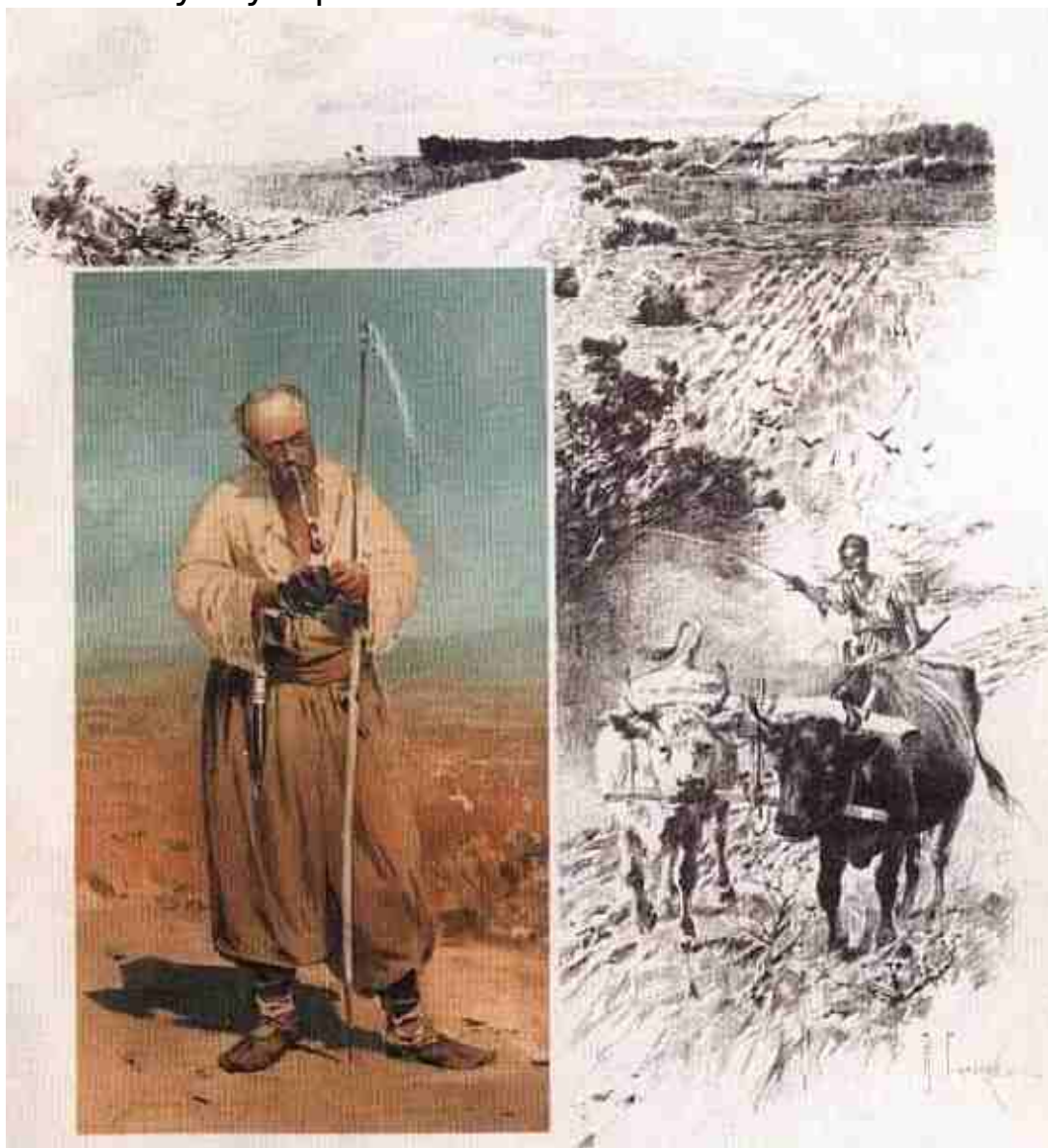
Тут только народ стал понимать истинное значение Зборовского договора, которым обеспечивались выгоды лишь нескольких десятков тысяч казаков, а не всего украинского народа. С этой поры Хмельницкий стал утрачивать любовь и доверие народа. «Хлопы» наотрез отказывались служить панам. Большая часть панов, вздумавших было вернуться в свои имения, должна была спасаться бегством; иные же богатые и знатные, вообразив, что они могут по-прежнему забрать в руки крестьян и даже совершить расправу над непокорными, возвращались с вооруженными отрядами в свои поместья и начинали творить суд и расправу.

«Прежние беды рушатся на наши головы, паны уже начинают мстить нам и мучить нас!» — с гневом и отчаянием говорил народ.

Буйство, мятеж, всякие насилия беспрерывно вспыхивали то там, то здесь. Хмельницкий думал суровостью положить конец всему этому — стал казнить непокорных, вешать их.

Это совсем уронило его в глазах народа; на него стали смотреть как на предателя, заодно с ляхами

гнетущего народ. Само имя Хмельницкого, произносимое раньше с благоговением, стало у многих предметом презрения. Положение его становилось крайне затруднительным: «хлопы» составляли шайки гайдамаков, и он не мог помешать им; помещики искали защиты у него; говорят, огромная толпа народа явилась даже к нему и укоряла его.

Посполитый крестьянин

«Так ты нас покидаешь, — кричали иные из них, — покидаешь тех, кого обязан защищать и не давать в обиду панству! Разве ты слеп и не видишь, что ляхи тебя обманывают, хотят тебя поссорить с верными воинами?! Поступай как знаешь. Если тебе нравится неволя, оставайся в ней, а мы выберем себе другого старшего, который лучше тебя постоит за нас».

Особенной любовью народа в это время пользовался отважный и непреклонный полковник Нечай, стоявший всегда против всяких сделок с поляками.

В 1650 году, когда Хмельницкий собрал в Переяславле общую (генеральную) раду, ему пришлось встретить большие затруднения, да и сам он, очевидно, вполне сознавал всю непрочность Зборовского договора. Он даже откровенно высказал это королевскому послу:

«Паны поддели меня. По их просьбе я согласился на то, чего исполнить никак не могу. Подумайте сами: сорок тысяч казаков, а с остальным-то народом что я буду делать? Они меня убьют, а на поляков все-таки подымутся!..»

Богдан Хмельницкий

Не думали и поляки исполнять заключенный договор. Когда прибыл в Варшаву киевский митрополит Сильвестр, чтобы занять место в сенате по договору, жители города выказали сильнейшее негодование: они и мысли не хотели допустить, что с ними рядом будет сидеть схизматик, и заявили, что оставят сенат, если

будет сюда допущен враг римской церкви. Митрополит так и уехал из столицы ни с чем.

Хмельницкий в это время сильно добивался помощи у Москвы и негодовал на крайнюю сдержанность и осторожность ее.

В декабре 1650 года послы Хмельницкого явились в Варшаву и предъявили сейму требование, чтобы уничтожена была уния; чтобы важнейшие чины Польского государства скрепили Зборовский договор и чтобы четыре знатнейших пана, и в числе их Иеремия Вишневецкий, жили в своих украинских имениях без военных отрядов, как бы заложниками мира, и прочее.

Это посольство вызвало сильное негодование у польских сановников: их гордость и слепая религиозная ревность были жестоко оскорблены требованиями казаков. 24 декабря на сейме война была решена единогласно и постановлено собрать «посполитое рушение».

Вся Польша вооружалась. Папа прислал королю свое благословение, мантию и освященный меч, а всем поднимающимся на брань против схизматиков посылал отпущение грехов. Это воодушевило поляков. На Украине также готовились к борьбе, тоже придавали ей священное значение. Приехал из Греции коринфский митрополит; он опоясал Хмельницкого мечом, который был освящен на гробе Господнем. Но все же на этот раз прежнего воодушевления не было; народ уже не верил так в своего вождя, как прежде, негодовал на него за потачку панам, за казнь некоторых храбрых казаков, да и многим уже не по душе был союз с татарами, которые позволяли себе творить на Руси всякие насилия.

В феврале 1651 года началась война — началась неудачно для казаков: поляки уничтожили трехтысячный отряд их в местечке Красном (в Подолии). Дело было в Прощеное воскресенье ночью. Казаки сильно подгуляли: одни спали, а другие беспечно

веселились — поляки нагрянули врасплох, изрубили пьяную стражу и ворвались в город. Жители ударили в набат. Храбрый полковник Нечай в это время пировал.

«Гей, Нечаю, утикаем (бежим)! Ляхи!» — кричали казаки, прибежавшие впопыхах к своему начальнику.

Спасться бегством еще можно было, но удалой полковник, разгоряченный вином, вскочил из-за стола и закричал:

«Уतिकати?! Щоб то казак Нечай утикав! Як можно свою славу казацкую пид ноги топтать? Давай коня! Вырижим всіх ляхив — всіх до одного!»

Он вскочил на своего буланого, которого не успели даже оседлать, и понесся на улицу, где уже началась свалка и казаки в темноте резались с поляками. Нечай полетел вперед, и казаки принялись, как поется в песне, «сикти на капусту ляхив». Жители принимали участие в бойне: из окон и с крыш стреляли в поляков. Жолнеры в беспорядке стали уже отступать; вся улица была завалена трупами. Уже поляки были вытеснены из местечка; победа была за казаками. Но вдруг позади них засверкало пламя и затрещали выстрелы. Это был сильный польский отряд, подоспевший на помощь своим и занявший местечко. Оно было зажжено с разных концов. Среди пылавших строений казаки отчаянно рубились. Нечай, весь изрубленный, истрелянный, отмахивался еще саблей; поляки напрягали все усилия, чтобы взять его живьем, но не взяли. Умиравшего удальца снесли в замок, где он и скончался; пред кончиной он заповедал товарищам передать последний поклон матери.

Три дня еще бились казаки. Напрасно враги предлагали им сдаться, обещая помилование. Попробовали они пробиться и уйти, но это не удалось: все они сложили головы в лютой сече, только два сотника попались живые в руки поляков и были

повешены. Беспощадная расправа постигла и жителей местечка: оно было выжжено дотла, а люди убиты.

Это злосчастное побоище сильно опечалило русских; оно было в глазах суеверных людей дурным предзнаменованием.

Хмельницкий старался вызвать в народе прежнее воодушевление и доверие к себе; в своем универсале выставлял на вид, что начинается борьба за «свободу Русской земли», призывал всех вооружаться поголовно, даже послал в Польшу своих агентов волновать крестьян, заверяя их, что казаки борются не за одну Русь, а за весь простой народ Речи Посполитой. В то же время казацкие послы отправлены были в Крым просить помощи у хана.

Большое польское войско начало опустошать страну между Бугом и Днестром. В иных местах казацкие отряды пытались дать врагам мужественный отпор, происходили упорные стычки, но больших сражений не было. Поляки стали под Берестечком на реке Стири. Хмельницкий, ожидая татарской помощи, упустил удобное время напасть на врагов, когда они пробирались по болотистым местам и переправлялись через реку. Огромное польское войско, доходившее, говорят, до трехсот тысяч, расположилось теперь на большом поле, удобном для битвы. Поляки редко выставляли такие громадные силы: тут были не только воины «посполитого рушения», жолнеры, но и немцы-наемники. Очевидно, прежние легкомыслие и самоуверенность на этот раз не ослепляли поляков; они понимали, что идет борьба не с какой-нибудь ватагой казаков-удальцов, а с целым народом.

«В то время, — по словам свидетеля событий, — только ксендзы, женщины, старики и дети оставались дома, в Польше; все взрослые и сильные пошли на войну, освященную благословением римского

первосвященника: всякому хотелось избавиться от грехов и мучений после смерти».

Здесь, на обширной равнине под Берестечком, должен был решиться роковой вопрос: быть ли Украине вольной казацкой страной или навсегда проститься со свободой.

У Хмельницкого теперь было гораздо меньше силы, чем у поляков. Хан на этот раз шел на помощь ему неохотно, не по своей воле, а по приказу султана: для Крыма Зборовский договор был выгоден, а усиление казачества за счет Польши казалось опасным. Но Богдан еще не унывал — он верил в свое счастье. Когда хан наконец прибыл и увидел польский стан, то остался очень недоволен: он не думал встретить такую силу.

Украинский казак

Сам король своим присутствием воодушевлял войско, готовил его к бою. В то же время Хмельницкий устраивал свои боевые силы: на левом крыле стояла татарская орда; вперед был выставлен знаменитый казацкий четырехугольник из возов, поставленных в три ряда и скованных между собой цепями; пехота стояла в середине этого подвижного укрепления; по бокам

находились отряды конницы; на правом крыле — казаки, из них реестровые, закаленные в боях, были главной силой.

Приготовленные к бою враждебные войска долго не видели друг друга: густой утренний туман скрывал их. В польском стане пели молитвы, по рядам воинов обносили образ Холмской Божией Матери. Затем объезжал их король и ободрял словами.

«Друзья! — говорил он. — Теперь наступает час воздать справедливую месть мятежникам и неверным. Я с вами неразлучно; уничтожим холопа и вернемся домой с победой или ляжем здесь все, обороняя честь отечества! Лучше смерть, чем неволя у холопов или посмеяние у всех народов!»

В казацком стане тоже готовились к смертному бою. Митрополит Коринфский в архиерейском облачении проезжал на коне между русскими; пред ним несли церковные хоругви и образа.

Хмельницкий в горностаевой мантии, опоясанный священным мечом, с гетманской булавой, осыпанной драгоценными камнями, носился на ретивом коне по рядам казаков и напоминал им, что настал час навсегда утвердить независимость веры и русского народа. Зычный голос гетмана, не раз пугавший врагов, разносился далеко по казацкому войску.

Взошло солнце. Туман поднялся, словно занавес, и открылось величественное зрелище: лучи солнца заиграли на блестящих панцирях и оружии огромного множества воинов; значки и знамена развевались на утреннем ветерке.

Враги молча и недвижно глядели друг на друга, словно измеряя свои силы. Ни та, ни другая сторона не хотела начинать бой. Несколько часов прошло в томительном ожидании. Было уже два часа пополудни. Облако стало надвигаться на солнце, и подул западный ветер. В польском войске заиграли на трубах и запели

песнь в честь Богородицы — так поляки обыкновенно начинали сражение. Тогда двинулась вперед и казацкая пехота под защитой своего укрепления. С диким воплем кинулись татары на польское войско. Но тут Иеремия Вишневецкий стремительно ударил на казаков с двенадцатью полками, прорвал строй и врезался в середину казацкого войска. Сам Вишневецкий с мечом в руке летел вперед. Есть известие, будто бы один из казацких вождей изменил своим и во время этого налета велел казакам двинуться назад.

Вслед за Вишневецким король двинул артиллерию и немецкую пехоту, подоспел и еще один отряд на помощь. «Тогда, — по словам очевидца, — грянуло сразу несколько десятков пушек, поднялась черная туча, разрываемая огненными снопами; раздались страшные крики, ржание коней, рев испуганных волов, вопли раненых, а затем, когда поднялся дым, виднелись всюду багровые потоки крови, груды трупов в панцирях... и бешеные кони, волочившие по полю своих всадников, не успевших вынуть ног из седла и кончавших жизнь под шипами подков».

В. Орловский Украинский пейзаж

К вечеру участь битвы была решена. Хан, по словам летописца, закричал: «В казацком войске измена!» — и пустился в бегство. Пораженные безотчетным страхом, татарские полчища бросились вслед за ним; татары в беспамятстве, никем не преследуемые, покидали свои арбы с женами и детьми, а также и богатства, награбленные на Руси.

Хмельницкий, изумлявший всех своей твердостью и находчивостью, был озадачен этой картиной общего беспричинного бегства татар; он стоял как ошеломленный. Наконец, придя в себя, поспешно сдал начальство над войском полковнику Джеджалыку, а сам кинулся вслед за ханом, надеясь уговорить его вернуться. Хан не только не вернулся, но увел с собой Хмельницкого как пленника.

Джеджалык кое-как привел в порядок расстроенные казацкие полки и, мужественно отбиваясь от врагов, отступил к реке Пляшовой. Стемнело, и поляки прекратили битву. За ночь казаки окопались и к утру были уже готовы к бою: с трех сторон их защищали окопы, с четвертой — болото. Десять дней отбивались казаки, выдерживали страшную пальбу, но мириться с поляками соглашались только на условиях Зборовского договора. Поляки требовали полной покорности. На беду для русских, между ними начались нелады и ссоры. Начальство перешло к полковнику Богуну, который был горазд на разные военные хитрости и немало бед натворил полякам. К сожалению, в казацком стане смуты продолжались.

«Старшины нас покинули, — кричали многие, — Хмельницкий всему виной! Он, злодей, изменник, погубил нас!»

Наконец «хлопы», из которых состояло большинство казацкого ополчения, на своих сходках стали поговаривать о том, чтобы выдать королю своих начальников. Проведав об этих толках, Богун задумал

тайком уйти с казаками из стана. Ночью с 28 на 29 июня казаки свезли на болото возы, шатры, кожухи, мешки, седла, из всего этого соорудили три плотины и начали тихо, незаметно ни для своих, ни для поляков, уходить отряд за отрядом. Утром 29 июня, когда проснулись в стане, кто-то крикнул:

«Братцы, все полковники ушли!»

Ужас охватил всех, толпы «хлопов» кинулись на плотины в таком множестве, что они не выдержали и народ стал тонуть. Напрасно Богун с другого берега уговаривает «хлопов» переходить мало-помалу; тщетно казаки кричали им: «Стойте, стойте! Тише!» Оторопевший от страха народ напирал толпами.

Поляки сначала и понять не могли, что творится в казацком стане, думали, что это какая-нибудь новая хитрость Богуну, что казаки притворным бегством хотят завлечь в свой табор врагов. Но спустя некоторое время поляки кинулись на оставленный казацкий табор, завладели всеми припасами, двадцатью восемью пушками, знаменами и прочим, затем принялись добивать бегущих.

После разгрома казацкого стана «посполитое рушение» было распущено, король уехал в столицу, а тысяч тридцать войска двинулись громить Украину; поляки надеялись теперь стереть казачество с лица земли.

Хан продержал у себя Хмельницкого как пленника до конца июля, затем отпустил его, взяв с него, вероятно, значительный выкуп. Таким образом, предательство хана мало того что погубило казаков под Берестечком, но и лишило их главного вождя в самое опасное время. Хмельницкий, освободившись от хана, прибыл в местечко Наволочь, где с горя три дня и три ночи пил без просыпу. Сюда стали сходить к нему жалкие остатки казацких полков. Но здесь-то и сказалась необычайная сила воли Богдана: он не упал

духом, не потерялся в несчастье, несмотря на то что казацкое дело, казалось, погибло, а сам он упал в глазах и казаков и народа, видевших в нем изменника.

На Масловом Броде, на реке Русаве, собралась так называемая черная рада. Здесь обвиняли Хмельницкого за то, что он покинул войско под Берестечком. В разных местах Украины на сходках осуждали Богдана как изменника, а он всюду смело являлся, с бодрым видом, с решительной речью, выставляя на вид, что он не считает еще дело потерянным. Прибыл он и на Маслов Брод, и спустя некоторое время казаки, незадолго перед тем проклинаявшие его, готовы были идти на верную смерть по одному знаку его. Таково было обаяние этой сильной личности!

Ожил и народ и вооружился поголовно, готовясь опять к борьбе не на жизнь, а на смерть. Лишь только польское войско вступило на Украину, жители попутных сел и городов начали поджигать свои жилища, истреблять всякие запасы, портить дороги и мосты, беспрестанно нападать на польские отряды, не давая им покою ни днем ни ночью. Эта народная злоба приводила поляков в бешенство; они, овладев каким-либо селом, предавали непокорных поселян беспощадному поголовному истреблению, невзирая на возраст и пол. Русские на пленных поляках тоже вымещали свое озлобление, не уступая в зверстве своим заклятым врагам. Хмельницкий не в силах был остановить сильного неприятеля, тем более что литовский гетман вел новые силы на помощь полякам и занял Чернигов, а затем и Киев.

В конце августа силы польские и литовские сошлись под Белой Церковью. Неподалеку стоял с войском и Хмельницкий; силы его были невелики, по большей части состояли из новобранцев, — отваживаться на битву было слишком смело, и он предложил мир. Поляки тоже были утомлены войной; они видели, как трудно

вести борьбу с ожесточенным народом, притом наступила осень: припасы добывались с большим трудом. Польские вожди согласились вести переговоры. Скоро казаки проведали, что гетман склоняется к миру, что он готов идти на большие уступки полякам, и пришли в сильное волнение. Когда польские комиссары ехали, охраняемые значительным отрядом, в замок для переговоров, казаки толпились вокруг, кричали, свистали, грозили им.

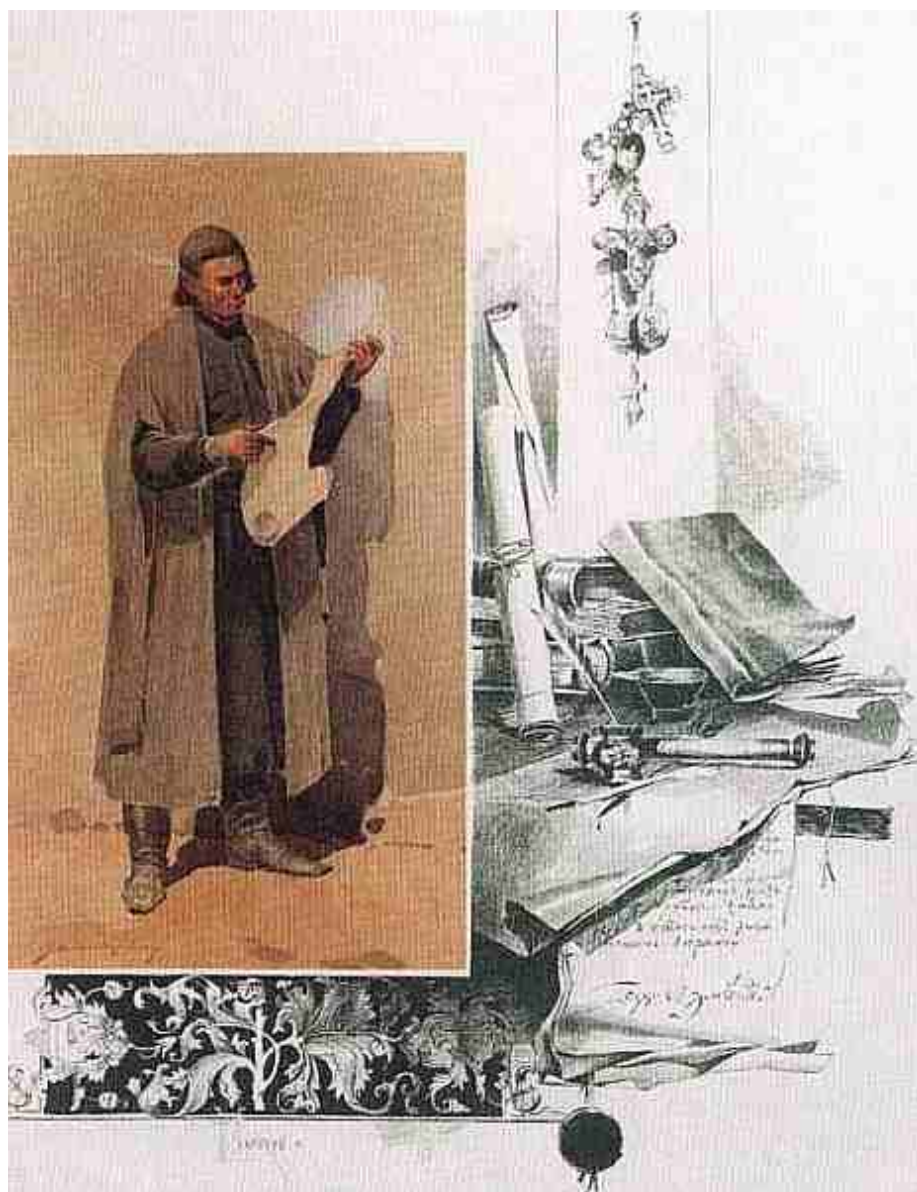
Один из комиссаров, старик Кисель, высовываясь из своего экипажа, старался успокоить толпу и говорил им кротко:

— Друзья мои, мы не ляхи; я русский; мои кости такие же русские, как и ваши.

— Твои русские кости слишком обросли польским мясом! — кричали ему в ответ казаки.

Гетман и полковники, унимая буйную толпу, поспешили навстречу комиссарам и почтительно ввели их в замок.

По окончании договора Хмельницкий и полковники вышли из замка к толпе казаков. Водворилось молчание; начали читать договор; но лишь только «хлопы» заметили, что число казаков уменьшено и что многим придется опять вернуться под власть панов, как поднялся сильный шум.

Писарь войсковой

«Вот как ты, пане гетмане, трактуешь с ляхами! — раздались крики из толпы. — Сам подбил нас подняться на панов, а теперь нас, бедных, на муки им снова отдаешь!.. Но прежде чем до этого дойдет, ты сам сложишь голову и ни один лях отсюда живой не уйдет!»

Раздалось несколько выстрелов. Богдан и полковники скрылись в замке. Разъяренная толпа

готовилась брать его приступом. Камни полетели в окна... Комиссары трепетали от страха, но Хмельницкий выказал необычайное присутствие духа. Он снова вышел из замка со всеми старшинами. Некоторые из толпы с поднятыми саблями и дубинами двинулись было против него; он положил нескольких своей булавой, а за ним и полковники саблями или своими перначами разгоняли «хлопов». Войсковой писарь кричал им:

Неизвестный художник Казаки

«Чего хотите вы, злодеи? За что оскорбляете вы панов (комиссаров)? Они не ляхи; притом они послы, а послов нельзя трогать!»

Чернь мало-помалу образумилась.

Переговоры тянулись довольно долго; наконец договор был заключен (17 сентября 1651 года). Число казаков было уменьшено до двадцати тысяч; помещики вступали на Украине в свои прежние права; евреям также предоставлялось свободно жить везде.

Когда вся Украина узнала об условиях Белоцерковского мира, поднялось повсюду сильное неудовольствие. Хмельницкий в глазах народа был предателем, отдавшим своих опять в жертву панам и жидам. Не желая снова идти в кабалу, крестьяне и казаки целыми тысячами стали выселяться в южные области Московского государства и устраивать там свои слободы, как это было после неудачных восстаний Остриина и Гуни. «Малорусы жгли свои хаты и гумна, чтоб не доставались врагам, грузили на возы свои пожитки и отправлялись огромными ватагами искать себе новой Украины, где бы не было ни ляхов, ни жидов». В пределах нынешних Курской и Харьковской губерний разом возникло множество малорусских слобод, из которых иные разрослись потом в значительные города (Сумы, Короча, Белополье, Ахтырка, Лебедин, Харьков и другие). Напрасно Хмельницкий запрещал выселяться, напрасно польское правительство хотело даже силой удержать переселенцев — ничто не помогало, народ уходил толпами, порой даже оружием пролагая себе дорогу.

Но и крестьяне, оставшиеся на Украине, выказывали всюду крайнюю вражду к панам своим, которые стали снова водворяться в прежних своих поместьях. По-прежнему начали собираться вооруженные шайки, беспрестанно нападавшие на поляков. Сам гетман в своем Чигирине мог опасаться за свою жизнь. Чернь

сильно волновалась против него, и он очутился между двух огней: с одной стороны, вынужден был исполнять договор, чтобы не навлечь на Украину новой беды от поляков; с другой — ему крайне опасно было еще более раздражать свой народ, угождая полякам. Приходилось то казнить нескольких вожаков, волновавших народ против поляков, то позволять вносить в реестр значительно большее число казаков, чем полагалось по договору. Хмельницкий, конечно, и сам вполне понимал, что в таком положении долго оставаться невозможно, и заключил Белоцерковский мир лишь с тем, чтобы собраться с новыми силами. Борьба была неизбежна; польское иго было невыносимо для Украины.

Переяславская рада

Повод к войне явился раньше, чем можно было ждать. Весной 1652 года старший сын Хмельницкого Тимош с большим казацким отрядом и татарами пошел в Молдавию, чтобы вступить в брак с дочерью молдавского господаря, с которой он раньше был сговорен. Польский гетман Калиновский, несмотря на то что был предупрежден о цели похода, заградил Хмельницкому путь и напал на казацкий отряд. Загорелась жаркая битва (22 мая в урочище Батог на реке Буге); в польском стане оказались сильные неурядицы, и все двадцатитысячное польское войско с предводителем погибло без остатка. Эта случайная победа послужила знаком к общему восстанию в Малороссии. Польские жолнеры, стоявшие тут, одни были изгнаны, другие истреблены. Помещики снова покидали свои имения и бежали в Польшу. Король созвал чрезвычайный сейм, чтобы найти средства окончательно искоренить казачество, но полякам наскучили уже непрерывные войны и тяжелые расходы, и потому сейм был против созвания «посполитого рушения», а правительство не имело достаточно денег, чтобы содержать порядочное наемное войско. Польша не могла скоро начать военных действий.

Нелегко было вести войну и Хмельницкому. Шестилетняя борьба с Польшей сильно надломила малорусский народ — он не успел еще оправиться от недавних тяжких потерь и жертв. Хмельницкий понимал, что борьбе с Польшей долго еще не будет конца; что поляки скорее погубят свое отечество, чем откажутся от власти над русскими областями. Своими силами управиться с Польшей Украина и прежде не могла, а теперь и подавно. Хмельницкий всюду искал

поддержки, заводил сношения и с Турцией, и с Трансильванией, даже со Швецией, но до сих пор ниоткуда не было ему помощи. Татары, которые всегда не прочь были участвовать в грабеже и опустошении неприятельской страны, плохими были союзниками, когда борьба становилась трудной; притом их легко могли подкупить поляки и склонить на свою сторону. Одна надежда осталась у Хмельницкого — надежда на Москву: с ней связывали малорусский народ одна вера и одно происхождение. Уже не раз Богдан пытался как-нибудь втянуть Москву в борьбу с Польшей, но царь не желал нарушать мир с ней. После Берестецкого погрома Хмельницкий стал откровенно говорить московским боярам, приезжавшим к нему, о своем желании поступить под высокую руку православного государя; наконец прямо обратился к нему с этим предложением. Алексей Михайлович долго не соглашался, опасаясь разрыва с Польшей, но охотно взял на себя посредничество, чтобы примирить Хмельницкого с королем.

А. Маковский Украинский пейзаж

Два месяца спустя после Батогского сражения царский посланник, боярин Репнин-Оболенский с товарищами прибыл в Польшу. Он напомнил прежнее требование о наказании лиц, виновных в умалении царского титула, и заявил, что царь охотно простит эту вину, если польское правительство помирится с Хмельницким на условиях Зборовского договора и уничтожит унию.

Паны приняли очень холодно предложение царя: «... говорили, — по словам русских послов, — гораздо сердито, что Зборовского договора и на свете нет, с Хмельницким у короля никакого договора не было, а под Зборовом договаривались с крымским ханом, и договор этот нарушен Хмельницким, им же нарушен и договор

под Белой Церковью, и теперь король всех этих изменников снесет и до конца разорит».

Между тем весной 1653 года польский отряд под начальством Чарнецкого вторгся в Подолию, и снова начались все ужасы зверской жестокости, разорения и опустошения. Осенью сам король с большим войском выступил против казаков и стал под Жванцем, на берегу Днестра. Пришел сюда и Хмельницкий и опять привел с собой своих вероломных союзников — татар. Они рассеялись загонами по всей стране, и полякам отрезаны были все пути. Скоро начались сильные холода, и в польском стане обнаружился недостаток в продовольствии. Поляки начинали уже со страхом думать, что для них повторятся збаражские невзгоды. Но они спаслись — заключили унижительный договор с ханом; король обязался уплатить ему сразу сто тысяч червонцев, затем ежегодно уплачивать большие деньги и, сверх того, позволить татарам в течение сорока дней брать пленников в областях, принадлежавших Польше. Притом король обещал казакам утвердить Зборовский договор, по требованию хана, для виду только, а впоследствии сам хан тайно обещал помочь полякам укротить казаков.

Хмельницкий проведал об этом тайном условии. Он умолял хана не оставлять его, но все было напрасно: хану выгоднее было соединиться с Польшей, чем с казаками.

В декабре король уехал из стана, и войско польское разошлось. Вслед за тем татары с дозволения короля предали страшному опустошению весь южнорусский край до самого Люблина. Досталось и полякам за их постыдный договор с ханом: татары без разбору жгли и шляхетские усадьбы и увозили в плен множество польской шляхты обоего пола. Южно-русский край в эту пору страшно пострадал и почти обезлюдел.

С. Васильковский Украинский пейзаж

«Запечалилась Украина, — по словам одной малорусской думы, — что негде ей деться. Вытоптала орда конями маленьких детей. Малых потоптала, старых порубила, а молодых — „середулыи их“ — в полон забрала!»

Теперь все надежды Хмельницкого были обращены на Москву. Он начал снова настоятельно просить царя принять Малороссию в свое подданство. Московское правительство тоже решилось действовать. Трудно было дольше оставаться спокойными зрителями того, как истреблялся по соседству народ той же крови, той же веры, как и все московские люди; как заливались русской кровью лучшие русские земли. Кроме того, грозила опасность, что казаки в отчаянии отдадутся в подданство Турции и вместе с татарами станут врагами Московского государства. Хмельницкий уже раньше указывал на это. Наконец, царь чувствовал себя

оскорбленным невниманием польского правительства к его требованиям и посредничеству.

***А. Кившенко Переяславская рада. 1654 год.
Воссоединение Украины с Россией***

В 1653 году, 1 октября, Москва была очень оживлена: собралось сюда множество народа. Предстояло решиться великому делу, ради которого царь созвал на земскую думу выборных людей Русской земли от духовного и светского чина. Государь слушал обедню, которую служил патриарх; затем при колокольном звоне, сопровождаемый духовенством, боярами, осеняемый хоругвями, отправился в Грановитую палату. Здесь в блестящем царском уборе сел он на трон; на одной стороне сидели патриарх, митрополиты и прочее

духовенство, на другой — бояре, окольничие, думные люди. Палата наполнилась людьми всех сословий.

По знаку царя думный дьяк стал читать вслух о тех неправдах, какие творили поляки, какие ошибки делали они в царском титуле, как умаляли его, как в разных польских книгах печатались такие «злые бесчестия и укоризны и хулы, чего не только великим государям христианским, помазанникам Божиим, но и простому человеку слышати и терпети невозможно и помыслити страшно». Потом дьяк указал, какие обиды делали поляки порубежным жителям Московского государства. Наконец перешел к рассказу о том, как поляки теснили православную веру, какие творили православным насилия и поругания церквам Божиим, как Хмельницкий с запорожским войском просил государя принять угнетенных православных христиан под свою руку. В заключение было упомянуто, что турецкий султан зовет украинскую чернь к себе в подданство.

После чтения этого доклада стали отбирать мнения. Бояре сказали, что «следует гетмана со всем войском и со всеми городами и землями принять под высокую государеву руку и не допустить их в подданство турецкому султану или крымскому хану». Все другие сословия согласились с этим и приговорили, что государь должен объявить войну Польше и Литве за оскорбление веры и своей царской чести. Все без изъятия выразили готовность жертвовать своим достоянием и жизнью.

Для принятия Украины под свое покровительство царь отправил в Переяславль трех послов: боярина Бутурлина, окольничего Алферьева и думного дьяка Лопухина с товарищами. За пять верст от города московское посольство было торжественно встречено. Осеняемые хоругвями и образами, в сопровождении казацких старшин, при радостных восклицаниях народа,

шли царские послы через город в церковь. Здесь был отслужен молебен о здравии царской семьи.

***Богдан Хмельницкий произносит речь в
Переяславле 8 января 1654 года***

Хмельницкий, вскоре прибывший в Переяславль, назначил общую раду на 8 января 1654 года. В седьмом часу довши ударили в литавры, и городская площадь скоро наполнилась множеством казаков. Гетман сначала тайно совещался с генеральной старшиной, полковниками и знатнейшими казаками. В одиннадцать часов он в полном гетманском наряде, под бунчуком, вступил на площадь, где посреди толпы было оставлено просторное место. За гетманом шла вся украинская

старшина. Войсковой есаул велел всем молчать — водворилась мертвая тишина. Не только площадь, но и крыши домов были полны народом — все ждали с нетерпением, чем решится их судьба.

— Панове полковники, есаулы, сотники, все войско запорожское и все православные христиане! — раздался знакомый народу громкий голос Хмельницкого. — Ведомо всем вам, как Бог освободил нас из рук врагов, теснивших церковь Божию, озлобляющих все христианство нашего восточного православия. Вот уже шесть лет мы живем без государя, в непрерывных бранях и кровопролитии с гонителями и врагами нашими, жаждущими искоренить нас и церковь Божию, чтобы и самое имя русское не поминалось в земле нашей. Всем нам это наскучило; мы видим, что нельзя нам жить больше без царя... Мы собрали сегодня раду, явную всему народу, чтобы вы с нами выбрали себе государя из четырех, кого хотите. Первый — царь турецкий, который много раз уже через своих послов призывал нас под свою власть; второй — хан крымский; третий — король польский, который, если захотим, и теперь еще может нас принять в прежнюю ласку; четвертый — православный государь Великой России, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец, которого мы уже шесть лет беспрестанно умоляем быть нашим государем и повелителем. Тут которого хотите, того избирайте! Царь турецкий — басурманин: всем вам ведомо, какую беду наши братья, православные христиане, греки терпят и в каком живут утеснении от безбожных. Крымский хан тоже басурманин, с которым мы по нужде сошлись, и какие оттого нестерпимые беды испытали! Об утеснениях польских панов и говорить нечего! Сами знаете, что они жида и пса лучше почитали, чем нашего брата христианина! А православный христианский великий государь, царь восточный, единого с нами благочестия,

греческого закона, единого исповедания; с православием Великой России мы — единое тело, имеющее главой Иисуса Христа. Этот великий государь, царь христианский, сжалившись над нестерпимым оскорблением православной церкви в нашей Малой Руси, шестилетних наших молений не презрел — теперь милостивое свое царское сердце к нам склонил, своих великих ближних людей к нам с царскою милостью своею прислать изволил. Если мы его с усердием не возлюбим, то, кроме его царской высокой руки, благодетельнейшего пристанища не обрящем! Кто же с нами не согласен, тот пусть идет, куда хочет, — вольная дорога!

В ответ на слова гетмана раздались громкие крики всего народа:

— Волим под царя восточного православного! Лучше нам умереть в своей благочестивой вере, нежели достаться ненавистнику Христову, поганину!

Переяславский полковник Тетеря стал обходить площадь кругом и спрашивал во все стороны:

— Чи все так созволяете?

— Все! — кричал отовсюду народ.

Тогда гетман крикнул на всю площадь:

— Буди тако! Да укрепит нас Господь под его царскою крепкою рукою!

Народ громко восклицал:

— Боже, утверди! Боже, укрепи! Чтоб мы навеки все были едино!

Затем были прочтены главные условия, на которых Малая Русь соединялась с Великой: запорожскому войску (казакам) быть всегда в числе 60 000; казаки сами выбирают себе гетмана; права шляхтичей и горожан остаются прежние; в городах правителям быть из малороссиян, им же и доходы собирать; гетман имеет право принимать иноземных послов и прочее. Одним словом, Малороссии даны были такие права, каких она

никогда не имела под властью Польши, и вдобавок московский царь брал на себя еще защиту Украины от всех ее врагов.

После этого рада начала расходиться, а гетман и прочие старшины отправились в соборную церковь приносить присягу. Целый день присягали казаки и переяславские жители. Московские послы отправили стольников и стряпчих по всем городам и полкам приводить к присяге жителей.

Хмельницкий послал посольство в Москву с просьбой к царю о подтверждении договорных статей, какие прочтены были на Переяславской раде. Царь утвердил все с небольшим ограничением — потребовал, чтобы гетман, принимая иноземных послов, доносил о них государю, задерживал бы замышляющих какое-либо зло Московскому государству и не ссылался с польским королем и турецким султаном без соизволения государя.

Н. Пимоненко Украинская ночь. Свидание

Малороссия

После долгой кровопролитной борьбы южная Русь наконец соединилась с единокровной и единой верной Москвой.

Малороссия представляла сравнительно с московскими землями по климату и почве благодатный край: тучные нивы ее давали богатейшие урожаи; степи ее с их рослой и сочной травой могли прокормить бесчисленные стада всякого скота и табуны лошадей. «Плодородная земля доставляет украинцам хлеб в таком изобилии, — говорит Боплан, — что они часто не знают, куда девать его: кроме Днепра, ни одна из судоходных рек, протекающих по Украине, не впадает в море». Сама природа, таким образом, не побуждала жителей к постоянному упорному труду. Украинцу не приходилось, как жителю севера, в поте лица трудиться, расчищать в лесах места для пашни, удобрять землю; стоило ему лишь вспахать плугом слой чернозема, посеять зерно — и благодатная почва щедро вознаграждала его за труд.

Этим, вероятно, и нужно объяснить кажущуюся леность и малую подвижность украинского поселянина.

Но эти же самые с виду ленивые и неповоротливые крестьяне совсем перерождались, когда опасность и неудержная удаля побуждали их сесть на коней и обратиться в казаков.

Украинцы обнаруживали большие способности во всяком деле. «В их стране, — говорит Боплан, — вы найдете людей, искусных во всех ремеслах, необходимых для общежития: плотников, тележников, кузнецов, ружейников, кожевников, сапожников, бочаров, портных и прочих. Казаки весьма искусны в добывании селитры, которою изобилует Украина, и в приготовлении пороха. Женщины прядут лен и волну,

ткнут для своего употребления полотна и сукна... Украинцы вообще способны ко всем искусствам... Встречаются также между ними люди с познаниями высшими, нежели каких можно было бы ожидать от простолюдинов, но заботятся они только о полезном и необходимом». Тот же писатель говорит и о главных недостатках казаков и украинцев вообще: «Все стараются превзойти друг друга в пьянстве и бражничестве, и едва ли найдутся во всей Европе такие беззаботные головы».

У великоруса, жившего среди скупой природы, бывшего из дня в день ради пропитания, выработались стойкость, упорство в труде, сноровка, сметливость, изворотливость. Ему постоянно приходится быть начеку, чтобы изловчиться, вывернуться из нужды; ум да сноровка тут — первое дело; предаваться долго какому-либо чувству или давать волю воображению даже и некогда. Не то у малоруса — досуга у него было довольно; благодатная и роскошная природа подстрекает его воображение, а пережил и перестрадал он много. Знает он татарскую да турецкую неволю, изведal и панщину, помнит и о лихих казацких подвигах — словом, есть о чем досужим кобзарям песни и думы складывать, да притом такие, что за сердце хватают! Малорусы были исстари большие охотники до музыки и пения; их песни, по большей части заунывные, отличаются глубиной чувства, задушевностью. Кобзари и бандуристы были любимыми гостями в каждом селе, в каждой хате. У малорусов дольше и полнее, чем у великорусов, удержались разные языческие поверья и обряды.

Малоросское село

По внешней жизни украинцы тоже имели свои особенности: их мазанки, или хаты, окруженные зеленью, отличались от великорусской бревенчатой избы. Одежда их также имела свои отличия: многое было заимствовано от поляков и от татар. Важнейшие лица носили длинные польские кафтаны, суконные или шелковые; сверх них надевали еще такие же кунтуши, или черкески, с прорезными рукавами; подпоясывались дорогими кушаками. Нижняя одежда состояла из суконных шаровар. Простолюдины одевались различно в разных местах: жившие южнее, ближе к татарам, носили верхнюю и нижнюю одежду длинную и широкую, наподобие татарской, и барашковые шапки; зимой — сапоги с железными скобами вместо каблуков, летом — кожаные лапти. Крестьяне, жившие севернее, походили

одеждой более на великорусов. Они носили лапти из лыка; верхнее платье из белого или серого сермяжного сукна, называемое свиткой, опоясанное кушаком. Зимой сверх того надевали тулуп или козух и овчинную шапку. Достаточные мещане и зажиточные из крестьян иногда носили суконную одежду разных цветов — такие кафтаны назывались жупанами.

Не только казаки, поселяне, но также и старшины брили бороды, оставляя одни усы, подобно полякам, брили даже головы, подобно им, оставляя на голове лишь небольшой кружок из волос. Степовики же стригли, как запорожцы, всю голову кругом, оставляя надо лбом длинный клочок, называемый чуприной.

Костюмы малороссиян

Жены чиновных лиц и дочери их в старину одевались совершенно так же, как и крестьянки, с той лишь разницей, что вместо простых шерстяных полосатых плахт (юбок) обвертывали себя сверх рубах шелковыми, подвязывали их богатыми кушаками; передники, так называемые запаски, тоже были шелковые. Верхняя часть тела, кроме рубахи, ничем не покрывалась. Такова была домашняя одежда. Когда же надо было выезжать со двора, то надевали длинные кафтаны, только не свитки из простого белого сукна, а из лучшего или из других каких-либо богатых материй, известные под названием кунтушей. Замужние женщины носили на головах кораблики, или шапки из бархата и парчи, похожие на корабль, а также большие кокошники вроде ярославских, обитые кисеей, с длинными концами сзади; назывались они кибалками. Девицы ходили с непокрытыми головами; волосы заплетали в две косы и обертывали их вокруг головы; в праздники обвивали косы золотыми или серебряными стеками и позументами, спускали их подобно сельским девушкам, которые таким же образом украшали свои головы лентами, а летом — цветами. Женщины носили черные сапоги, в праздничные дни — красные с высокими скобами. На горожанок и мещанок оказывали большое влияние поляки, особенно на жительниц западной части Малороссии. Они надевали вместо плахты юбку со шнуровкой, спереди запаску, а вместо свитки — разноцветный или китайчатый кафтан с перехватом на боках, называемый жупаном. Зимой небогатые женщины носили длинные нагольные шубы, а достаточные — покрытые сукном или китайкой. На головах носили круглые шапочки, обернутые в белую длинную холстину, подобно покрывалам у монахинь. Сверх того, мещанки

украшали головы и шапочками другого рода — совершенно круглыми и опушенными соболями.

Костюмы малороссиян

Война с Польшей и Швецией

Уже с лета 1653 года в Москве готовились к войне с Польшей: снаряжались войска, производились смотры, а 23 октября в Успенском соборе государь объявил:

«Мы, великий государь, положа упование на Бога и на Пресвятую Богородицу и на московских чудотворцев, посоветовавшись с отцом своим, с великим государем, святейшим Никоном патриархом, со всем освященным собором и с вами, боярами, окольными и думными людьми, приговорили и изволили идти на недруга своего польского короля; воеводам и всяких чинов ратным людям быть на нынешней службе без мест, и этот наш указ мы велели записать в разрядную книгу и закрепили своею государскою рукою».

В начале 1654 года один отряд за другим выступал в поход. Отпуск рати на войну совершался с разными обрядами, которые были в обычае в те времена. Вот как, например, справлен был отпуск отряда князя Трубецкого. Это было в воскресенье, 17 марта. В Успенском соборе служил сам патриарх. Присутствовал государь с именитыми ближними боярами; была в церкви и царица — стояла на своем месте за занавеской (запоной); налево стояли боярские жены. Собор был полон боярами, стольниками и различными военными чинами, которые должны были идти в поход. После обедни служили молебны. Патриарх благословил бояр и воевод, затем они прикладывались к образам. Царь поднес патриарху наказ воеводам, а он положил его в киот иконы Владимирской Богородицы, затем подзвал бояр и воевод и сказал им несколько наставительных слов:

«Примите сей наказ от престола Господа Бога... Идите радостно и дерзостно за святые Божии церкви, за

благочестивого государя и за всех православных христиан и исполняйте государево повеление без всякого преткновения...».

Трубецкой принял наказ и поцеловал руку у патриарха. Царь, поддерживаемый двумя боярами, вышел из церкви и у дверей пригласил к себе бояр и воевод «хлеба ести».

За столом государь обратился с наставительной речью к воеводам — убеждал, чтобы они творили суд и правду и были милостивы. По окончании обеда, когда певчие пропели обычные молитвы, царь снова обратился с речью к боярам и воеводам: заповедал им, «чтобы все ратные люди на первой неделе Петрова поста обновились святым покаянием и восприятием тела и крови Господней».

Трубецкой ответил царю благодарственными словами:

«О царю пресветлый, премилостивый и премудрый, наш государь и отец и учитель! Ей, насладились мы душевных и полезных учительных слов!.. Пророком Моисеем манна дана была израильским людям в пищу; мы же не только телесною снедью напитались от твоих царских уст, но и душевную пищу пресладких и премудрых глаголов Божиих, исходящих от уст твоих царских, обвеселились душами и сердцами своими. Хотя малодушны мы и маловерны, но устремляемся на всякое послушание благое, и Бог помощник нам будет!»

Начался отпуск. Трубецкой, как старший, подошел первый к царской руке, но царь прижал его голову к своей груди. Растроганный воевода со слезами на глазах стал кланяться царю в землю — поклонился до тридцати раз. Отпустив воевод, царь вышел в сени Грановитой палаты к ратным людям, жаловал их из своих рук белым медом и говорил речь — объяснял, за что начинается война, и заявил, что и сам он идет в поход. Ратные люди громкими криками выражали свою радость и готовность

сложить головы свои за государя своего и всех православных. Государь был тронут до слез.

Шведы

Когда надо было уже выступать в поход, то ратные люди проходили мимо дворца под переходами, на которых сидели царь и патриарх. Он кропил проходящее войско святой водой.

С такими же благочестивыми обрядами снаряжались в боевую службу и другие части войска. Сам царь выступил в поход с большими силами 18 мая.

Главную часть рати по-прежнему составляли дворяне и дети боярские (помещики), которых требовали на службу только на время войны, причем из двух сыновей брали одного, а другой оставался при семье. Но в это время все больше и больше значения приобретают стрельцы (пехота) как постоянное войско. Они делились на приказы (всех 20), в каждом — около тысячи человек, под начальством головы, полковников, полуголое, сотников, пятидесятников и десятников. Кроме жалованья, им выдавался хлеб; притом стрельцам в мирное время давали еще право беспошлинных промыслов, торговли и прочего. Сверх того, были казаки (конница) из украинских городов, под начальством атаманов, сотников и есаулов. В это время при войске был уже порядочный «народ» (артиллерия), и при нем целые отряды пушкарей. В состав рати входили еще рейтары и драгуны; они составляли конницу по европейскому образцу, вооружены были карабинами и пистолетами; упоминаются в эту пору уже и «солдаты». Европейское военное искусство в то время все более и более проникает в наше отечество; множество иностранцев служило в русской службе; они обучали русских новым способам и приемам военного искусства.

При огнестрельном оружии охранительное вооружение (щиты, панцири, шлемы) начинает уже терять и у наших предков прежнее значение: оно более служит украшением царей и воевод; зато различные виды наступательного оружия — пушки, пищали, ружья, карабины, пистолеты — все более и более входят в употребление.

Война началась целым рядом блестящих успехов. Царь уже на пути к Смоленску стал получать одно за другим радостные известия о сдаче городов русским. 5

июля государь приступил к Смоленску, и сюда скакали к нему гонец за гонцом с донесениями о победах и взятии литовских городов. 10 сентября сдался Смоленск, а в следующем, 1655 году князь Черкасский разбил литовского гетмана и занял Вильно, столицу Литвы; взяты были также Ковно и Гродно. На юге дела шли тоже весьма удачно: здесь действовал Хмельницкий с московскими воеводами; занят был уже Люблин.

Типы и костюмы; внутренность шведского дома

Велики были успехи русского оружия, но не до радости было царю: в Москве свирепствовала страшная повальная болезнь, которая валом валила людей.

Польша в это время находилась на краю гибели. В довершение всех ее несчастий в войне принял участие шведский король Карл X, имевший свои счета с ней. Ему было нетрудно теперь одержать верх над обессиленной

страной: он овладел Познанью, Варшавой, Краковом. Но эти слишком быстрые и блестящие успехи шведов в ту пору и спасли Польшу. Царь Алексей Михайлович, конечно, был очень недоволен этим вмешательством шведского короля как раз в то время, когда Польша уже была окончательно побеждена, — вмешался он словно только для того, чтобы поделиться добычей; притом для России вовсе не выгодно было, чтобы ее постоянная соперница на севере — Швеция — усилилась за счет Польши. Католическая Австрия тоже совсем не желала, чтобы соседняя единоверная с ней Польша попала в руки протестантов и схизматиков.

В конце 1655 года прибыл в Москву Алегретти, посланник императора. Это был очень ловкий дипломат, способный провести кого угодно; цель его была — поссорить Россию со Швецией.

В ноябре царь возвращался из похода; происходила торжественная встреча: патриарх, окруженный огромным числом духовенства, встречал государя, который, поддерживаемый боярами, шел по городу. При колокольном звоне и пальбе из пушек, взятых на войне у врагов, царь дошел до Лобного места. Здесь от его имени спросили весь толпившийся народ о здоровье. Толпа, наполнявшая площадь, бросилась на колени и кричала государю: «Многие лета!»

***Н. Кочергин Морской бой отряда воеводы
Потемкина с отрядом шведских судов у острова
Котлин 20 июля 1656 года***

В эти торжественные дни, среди празднования побед, императорский посол и начал действовать; ему нетрудно было убедить бояр, что шведский король питает враждебные замыслы против России, что он завел даже тайные сношения с Хмельницким. Алегретти предлагал от имени своего государя помочь миру с Польшей, намекал, что все католические государи Европы вступятся за Польшу, если ей будет грозить гибель. Все эти доводы и соображения были весьма вероятны, а вражда к Швеции у русских и без того была довольно сильна, и потому задача императорского посла была достигнута. Напрасно шведский посол, живший с

1655 года в Москве безвыездно, старался рассеять недоразумение.

Бояре всячески придирались к нему, явно желая войны, — корили за то, что шведский король подчинял себе литовские города, раньше доставшиеся царю, а 17 мая 1656 года, наконец, заявили, что мир со стороны шведов нарушен. Шведского посла перевели из почетного посольского дома за Замоскворечье.

В 1656 году, в половине июля, сам царь двинулся в поход на шведов. Русская рать вступила в Ливонию. Сначала дело пошло хорошо: в конце июля был взят внезапным нападением Динабург, затем русские завладели Кокенгаузенom. Царь, видимо, рассчитывал сохранить все завоеванные города: лишь только занят был Динабург, он велел строить здесь церковь святых Бориса и Глеба и сам город назвать Борисоглебовом; Кокенгаузен переименован был в Царевичев-Дмитриев город. Но, к сожалению, на взятии этих двух городов и еще нескольких незначительных мест и кончились успехи русского оружия. 23 августа сам царь осадил Ригу; сооружено было шесть батарей, и русские стали громить город и днем и ночью. Били город в течение целого месяца, но он не сдавался, а в начале октября осажденным посчастливилось сделать удачную вылазку и нанести русским сильный удар. Значительная потеря в людях, осенняя пора, недостаток в съестных припасах заставили русских отступить. Неудачна была и осада Нотебурга (Орешка) и Кексгольма; только Дерпт (Юрьев) был занят московским отрядом. Весь 1657 год прошел без решительных военных действий, а в мелких стычках шведы брали большей частью верх. В это время Московское государство сильно терпело от внутренних неурядиц, от недостатка денег; притом начались смуты в Малороссии, и тянуть дольше войну со Швецией было трудно. В начале 1658 года заключено было перемирие; в конце следующего года оно было утверждено на 20

лет (в местечке Валиесаре). Москва удержала за собой города, занятые русскими отрядами, но в 1661 году в Кардисе был заключен вечный мир: царь уступил Швеции все свои завоевания.

Смерть Хмельницкого и смуты в Малороссии

Известие, что Москва хочет помириться с Польшей в то время, когда можно было совсем покончить ее, поразило Хмельницкого как громом. Незадолго перед тем поляки делали попытки помириться с ним. Король написал ему ласковое письмо, полное льстивых похвал, искал его расположения. Весной 1656 года прибыл к нему польский посол и пытался самыми лестными обещаниями склонить к миру, но Богдан не поддавался ни на какие уловки, даже прямо высказал свое убеждение:

— Пока в Польше властвуют паны, миру между русскими и поляками не бывать!

Когда он проведал, что в Вильно собираются русские и польские уполномоченные для заключения мира (1656 год), то отправил туда и своих посланников. Но московские послы не допустили их к совещаниям, напомнили им, что они — подданные царя и Хмельницкому, как подданному, не подобает посылать своих послов. Это сильно оскорбило казацких посланников. Они, вернувшись к гетману, в присутствии других старшин жаловались на свою обиду и рассказывали, со слов поляков, будто царь заключает мир на том, чтобы всю Украину снова вернуть под власть Польши; будто даже обещал полякам помощь на казаков, если они станут противиться.

Хмельницкий, услышав это, пришел, говорят, в исступление и в отчаянии воскликнул:

— Дитки, треба отступити от царя; пойдём туда, куда велит нам Вышний Владыка! Поддадимся басурманскому государю (султану)!

Но такая нелепая мысль могла мелькнуть у Богдана разве только в минуту отчаяния. Когда он одумался и несколько успокоился, он написал царю письмо, где умолял его не заключать мира с Польшей.

«Ляхи, — писал он, — не сдержат никогда своего договора — заключили его только для того, чтобы, немного отдохнув, уговориться с султаном турецким, татарами и другими и опять воевать. Если только вправду выбирали Ваше Царское Величество на престол, то зачем посылали они послов к римскому цезарю просить его родного брата к себе на престол? Мы ни в чем не можем верить ляхам: мы подлинно знаем, что нашему русскому народу они не хотят добра. Великий Государь, единый православный царь в подсолнечной! Молим тебя снова: не доверяй ляхам, не отдавай православного русского народа на поругание!»

Но в Москве, как сказано выше, в это время боялись, чтобы Швеция не воспользовалась плодами русских побед, не усилилась бы за счет Польши. Притом московское правительство не совсем доверяло казацкой старшине, и надо сказать, что имело на то основание: некоторые из старшин присягали Москве неохотно, да и Хмельницкий обнаружил по старой привычке слишком большую склонность к самовластию. Переговоры о мире с Польшей и недоверие московского правительства к нему сильно огорчали его: он опасался в будущем усиления Польши и прежнего порабощения Украины.

А. Орловский Портрет польскою шляхтича

В начале 1657 года Хмельницкий без ведома царя вошел в тайный сговор с Карлом X, шведским королем, и седмиградским князем Ракоци о разделе Польши. Украина по этому договору с остальными южнорусскими землями признавалась навсегда независимой от Польши. Хмельницкий, как было условлено, послал отряд казаков

на помощь Ракоци. Царь, узнав об этом, отправил послов в Чигирин со строгим выговором Хмельницкому.

Но в эту пору старый гетман уже доживал свои последние дни. Долговременная война, постоянные боевые тревоги и опасности да горькие неудачи надломили его здоровье; притом ему было около шестидесяти лет. Последние же огорчения, надо думать, окончательно подорвали его силы. Когда прибыли царские послы, то он едва уже мог вставать с постели. Он уклонялся от делового разговора с ними, ссылаясь на свою болезнь, но они все-таки добились своего, и боярин Бутурлин в резких выражениях передал гетману выговор за то, что он, «забыв страх Божий, ссылагается с недругами царя и даже чинит им вспоможенье без воли и повеления великого государя».

Хмельницкий оправдывался тем, что до него дошли слухи, будто царь хотел отдать Украину в руки полякам и послать им ратную помощь; затем Богдан ссылался на свою верную службу царю еще до подданства, напоминал, что он не допускал крымского хана разорять государевы земли, и в свою очередь корил русских бояр.

— Великому государю во всем воля, — говорил он, — только диво мне, что бояре ничего доброго ему не посоветуют: короной польской еще не овладели и мира еще окончательно не заключили, а уже с другим государством, со шведами, войну начали.

В ответ на это бояре снова укоряли его. На другой день Хмельницкий старался всячески доказать им, что необходимо покончить с Польшей.

— Будем бить ляхов, — говорил он, — чтобы их до конца искоренить и не дать им соединиться с другими государствами против нас. Хоть они и выбирали нашего государя на Польское королевство, но это только на словах — на деле этого никогда не будет!

Вскоре после этого не стало Богдана. Месяца за два до своей смерти он, чувствуя упадок сил, созвал раду в

Чигирине, чтобы избрали ему преемника. Рада эта осталась в памяти народа.

Старый, уже ослабевший гетман трогательно прощался с товарищами своими.

— Братья! — говорил он. — Если бы я должен был говорить к не знающим наших плачевных дел, то не стало бы у меня ни времени, ни сил, ни слов. Но вам известно, братья, столько же, сколько и мне, какие страшные угнетения, гонения, разорения, поругания и мучения терпел под игом поляков злосчастный русский народ и как страдала наша мать, православная восточная церковь, как, лишенная своего богослужения, угнетаемая латинством, стонала она! Наконец посетил нас Бог своею милостью... и возвращено прежнее благочиние церкви нашей, и освобожден от тяжкого и постыдного рабства русский народ. Известно вам, с какими трудами, потерями, бедствиями и кровопролитием совершилось это избавление.

А. Орловский Польский всадник

Далее Хмельницкий благодарил казаков, почтивших его избранием в гетманы, выказавших храбрость и единодушие в тридцати четырех сражениях с поляками, венграми, валахами и татарами. Затем, ссылаясь на старость и слабость, просил казаков избрать вместо него другого гетмана. «Меня же, милые братья, простите по-христиански, если я по немощи

человеческой кого-нибудь огорчил или против кого из вас погрешил».

При этом Богдан поклонился собранию и залился слезами. Плакали и все казаки. Несколько оправившись, он продолжал:

— Бог знает, братья, чье это несчастье, что Господь не дал мне окончить этой войны так, как бы хотелось, — утвердить вольность вашу, а также освободить Волынь, Покутье, Подол и Полесье и так избавить оружием нашим от польского ига русский народ, принуждаемый к унии, — словом, все земли, которыми владели русские князья, преклонить под высокую руку всероссийского царя. Богу угодно было иное. Не успел я окончить своего дела, умираю с величайшим прискорбием, но не знаю, что будет после меня. Прошу вас, братья, пока я жив, изберите себе, на моих глазах, нового гетмана вольными голосами. Если я буду знать отчасти вашу будущую судьбу, то спокойнее сойду в могилу.

Богдан Хмельницкий

Помолчав немного, Хмельницкий стал перебирать по именам нескольких из казацких старшин, достойных, по его мнению, гетманской булавы.

— Нет, нет! — закричали многие голоса.

— За твои кровавые труды, за твой разум и мужество, за то, что ты избавил нас от ляхского ярма и прославил перед целым светом... мы должны и по

смерти твоей оказывать честь твоему дому. Никто у нас не будет гетманом, кроме Юрия, твоего сына!

Богдану понравилось такое внимание к нему, но он все же возразил, что сын его еще слишком молод (ему было едва шестнадцать лет) и что в такое опасное время нужен им не юноша, а муж опытный и искусный. Но Хмельницкому ответили, что сына его окружают опытными и разумными советниками, и старик имел слабость согласиться.

Скончался Богдан в августе 1657 года в Чигирине. По желанию покойного, останки его погребли в Субботове. Народ, оплакивая своего освободителя, рыданием заглушал церковное пение.

«То не черные тучи ясное солнце заступали, — говорится в одной украинской думе, — не буйные ветры в темном лесу бушевали — казаки Хмельницкого погребали, по батьке своем слезы проливали».

Но не довелось и праху Богдана успокоиться в родном Субботове. Семь лет спустя польский вождь Чарнецкий, опустошая Украину, захватил хутор и в дикой злобе велел выкинуть из гроба прах Хмельницкого. Но церковь, построенная им, где был он погребен, существует и теперь.

По смерти Богдана Хмельницкого на Украине поднимаются смуты. Юный сын его скоро вынужден был отказаться от гетманства; власть попала в руки ловкого Ивана Выговского, генерального писаря.

Все население Малороссии распадалось в это время на посполитых, то есть крестьян-земледельцев, и казаков, обязанных охранять новый порядок вещей. Народ (посполитые) еще при Богдане выражал свое недовольство, что всякие льготы и преимущества даются исключительно казакам. Теперь же и в казацкой среде возникло как бы два сословия: значных, то есть старшин, богатых казаков и шляхтичей, приставших к казачеству, и простых, на которых первые начинали

смотреть свысока, называли их казацкой чернью. Выговский по своим взглядам и стремлениям примыкал к значным. Эта партия хотела, конечно, полного самоуправления на Украине и находила, что союз с Польшей гораздо выгоднее, чем подчинение Москве. Именитым казакам шляхетские польские порядки были очень по душе, но зато другая сторона — народ и простые казаки преданы были Москве и с ненавистью смотрели на польские шляхетские порядки. На беду, у народа теперь не было разумного вожака, а московские воеводы, стараясь прибрать к рукам своевольную чернь, нередко возбуждали ее неудовольствие.

Лишь только Выговский взял в свои руки гетманскую булаву, тотчас и начались неурядицы. Полтавский полковник Мартын Пушкарь и запорожцы не хотели признать его гетманом и прислали в Москву весть, что гетман и полковники замышляют измену, а вся чернь остается верной государю.

— Мы, — говорили запорожские послы, — Выговского не хотим иметь гетманом — не верим ему ни в чем: он не природный запорожский казак, а взят из польского войска. Богдан подарил ему жизнь и сделал его писарем, но он войску нашему никакого добра не хочет.

А. Орловский Пейзаж с рекой в Малороссии

В Москве затруднялись, как быть: Выговский жаловался на Пушкаря как на мятежника, а Пушкарь обвинял Выговского в измене. Наконец дело обнаружилось. Выговский пошел на Пушкаря, разбил и убил его. Освободившись от соперника, Выговский заключил союз с крымским ханом, а в 1658 году на раде в Гадяче решено было заключить с Польшей договор, по которому Украина подчинялась ей, сохраняя полную независимость во внутреннем управлении. В Польше с радостью принято было известие о желании казацких старшин снова соединиться с ней. Поляки на сейме по старому обычаю надавали казакам всевозможных обещаний, не думая, конечно, исполнять их. Но затея Выговского не удалась: большинство казаков было против него и оставалось верным Москве, и ему

пришлось начать войну с непокорным народом и казаками. Московский воевода князь Трубецкой, пришедший с войском на помощь сторонникам Москвы, был летом 1659 года разбит под Конотопом Выговским, показавшим большие военные дарования. Но когда крымский хан, помогавший ему, ушел из Малороссии, причинив ей большое разорение, то против Выговского здесь выразилось такое негодование, что он не мог оставаться гетманом; им провозглашен был снова Юрий Хмельницкий, который присягнул царю, а Выговский бежал в Польшу.

Неизвестный художник Портрет царя Алексея Михайловича

Смуты в Малороссии этим не кончились: еще долго здесь лилась кровь и шла борьба между польской и московской партиями.

Предсказания Богдана, что поляки только для того, чтобы отвести от себя удар, пообещали признать московского царя наследником польского престола, вполне оправдались. Справившись со шведами, прогнав их из своих владений, поляки и не думали исполнять своих обещаний, даже не соглашались уступить Москве все ее завоевания. Пришлось русским снова взяться за оружие; но эта, вторая, польская война была для Москвы далеко не то, что первая. Военные действия начались в 1658 году; осенью воевода Юрий Долгорукий разбил и даже захватил в плен литовского гетмана, но другой воевода, князь Хованский, в июне 1660 года потерпел страшное поражение от Чарнецкого. На юге дела русских были совсем плохи: Юрий Хмельницкий изменил и передался королю, а Шереметев, московский воевода, окруженный поляками и татарами под Чудновом, вынужден был сдаться. Его отвезли в Крым в неволю. В 1661 году новые неудачи и беды обрушились на русских в Литве и Белоруссии: один за другим утрачены были города, взятые раньше, — Вильно, Гродно, Могилев.

Войне не предвиделось конца; тяжкие налоги и подати становились невыносимы для народа; торговля упала; не доставало денег на жалованье ратным людям. Безденежье и необычайная дороговизна вызвали мятеж в Москве.

Бездарный и вероломный Юрий Хмельницкий отказался от гетманства; преемник его, Тетеря, присягнул королю; но левая от Днепра сторона Малороссии держалась Москвы и избрала себе в

гетманы на раде в Нежине запорожского кошевого Брюховецкого. Польские войска в это время вторглись в Малороссию и заняли почти всю ее; только город Глухов своей мужественной обороной задержал короля и дал возможность русским и украинским военным силам несколько оправиться.

И Москва и Польша уже крайне тяготились войной и очень желали прекратить ее, но переговоры о мире долго ни к чему не приводили: поляки не шли ни на какие уступки, а русским после тяжких потерь и трат на войну отказаться от всех завоеваний и Малороссии тоже было невозможно. Но когда в Польше начались внутренние смуты и возникла опасность со стороны Турции и Крыма, то они стали податливее.

Наконец в 1667 году было заключено перемирие на тринадцать с половиной лет — в деревне Андрусово, близ Смоленска. Царскому уполномоченному Ордину-Нащокину удалось после долгих споров с поляками добиться довольно выгодных для Москвы условий: царь должен был отказаться от Литвы, но приобретал зато Смоленск, Северскую область и часть Малороссии по левую сторону Днепра; на правой за Москвой остался Киев на два года. Конечно, не таковы были бы условия мира, если б Швеция не отвлекла царя от войны с Польшей. Не будь этого, вероятно, мечты Хмельницкого исполнились бы: все русские земли были бы вырваны из польских рук и Малороссия не была бы разорвана на две части.

Благочестивый Алексей Михайлович, видимо, душевно скорбел, что приходилось уступать часть православной Русской земли, и не хотел допустить и мысли, чтобы отдать всю Малороссию Польше, как сначала требовали поляки. Царь в письме Нащокину так выразил свою мысль на тогдашнем своеобразном языке:

«Собаке (Польше) недостойно есть и одного куса хлеба православного (Малороссии); если же оба куса

хлеба достанутся собаке вечно есть — ох, кто может в том ответ сотворить? и какое оправдание примет отдавший святой и живой хлеб собаке; будет ему воздаяние преисподний ад, прелютый огонь и немилосердые муки!»

Стрельцы московских полков

Несмотря на все ошибки Хмельницкого, сделанные им во время борьбы с Польшей, несмотря на промахи

Москвы, все-таки совершилось великое дело: значительная часть Русской земли была отнята у поляков, а Польше, почти всегда враждебной русскому народу, нанесены были такие удары, от которых оправиться она уже не могла. С этих пор окончательное соединение всех русских земель в одно целое стало только вопросом времени.

Денежные затруднения и смуты в Москве

Тринадцать лет тянулась война; требовала она большого напряжения сил и расходов, а между тем Москва была в те времена вовсе не богата средствами. Торговля и промышленность были в страшном упадке. Кроме войны, государство сильно обеднело и обезлюдело от моровой язвы. Тяжелые подати удручали народ; торговые люди терпели от застоя в торговле и платежа больших налогов (особенно пятой деньги). Даже ходячей монеты было в ту пору очень мало. Серебро привозили в Россию иностранцы, особенно англичане. При покупке русских товаров иностранцы платили своими серебряными деньгами, которые брались у них на вес; пошлина с иностранных товаров собиралась тоже серебром. Иностранные деньги предъявлялись в Москву, правительству, которое их перечеканивало на русские или же только выставляло на монете русское клеймо, и деньги в новом виде возвращались владельцам и шли в оборот. При перечеканке правительство пользовалось известной выгодой. (Голландский ефимок, например, принимался правительством за 42 копейки, а перечеканенный шел в 64 копейки.) Пока шла довольно бойкая торговля с иноземцами, приток серебра не прекращался и особенной нужды в нем не чувствовалось. Но в 1649 году, по настоянию русских торговых людей, английские купцы были высланы из внутренних городов государства; позволено было им торговать только в Архангельске, причем они обязаны были платить обычную пошлину. Помимо того, что английские торговцы, пользуясь беспошлинной торговлей, злоупотребляли своими правами и вредили русской

торговле, им было выставлено на вид, что они «всею землею учинили большое злое дело, государя своего Карлуса короля убили до смерти». (Это случилось во время английской революции 1649 года.) После этого торговля с Англией на время прекратилась, и привоз серебра в Россию очень уменьшился, а между тем в деньгах стало сильно нуждаться и само правительство — на военные издержки.

Б. Кустодиев У кружала стрельцы гуляют

Уже в 1656 году нечем было платить жалованье ратным людям, и государь, по совету, как думают, боярина Ртищева, приказал пустить в оборот медные деньги (копейки), которые имели бы нарицательную цену серебряных. Так как правительство ручалось за ценность их и само выпускало их, то сначала они и пошли в ход наравне с серебряными; но через два года они стали падать в цене, так как серебряных денег

становилось все меньше и меньше в обороте: более осторожные люди стали их припрятывать, лишь только они попадали к ним в руки.

Д. Буторин Медный бунт

Кроме того, пущено было в ход множество «воровских» (фальшивых) денег; в одной Москве выпущено было поддельной монеты более чем на шестьсот тысяч рублей. Медные деньги стали падать в цене — торговцы брали их очень неохотно; цены на товары весьма быстро росли. Напрасно правительство издавало указы, чтобы никто не смел поднимать цену на товары, чтобы медные деньги всеми принимались в одну цену с серебряными. Прибегали к жестоким казням:

делателям воровских денег отсекали руки и прибавляли их напоказ к стене денежного двора; заливали горло расплавленным оловом. Ничто не помогало.

Медные деньги летом 1662 года так упали в цене, что их давали на восемь рублей за рубль серебра. Дороговизна на жизненные припасы поднялась такая, что бедным стало трудно жить; особенно терпели, конечно, рабочий и служилый люд, живший жалованьем.

Весной 1662 года после Пасхи чернь в Москве стала волноваться; носились слухи, что собирается гроза на боярина Илью Даниловича Милославского, гостя Шорина и некоторых других, которых винили в перемене в денежном деле ради собственной корысти.

И. Горюшкин-Сорокопудов Сцена из XVII столетия

25 июля в Москве вспыхнуло народное волнение. Кто-то приклеил к столбу на видном месте письмо, где винули Милославских, окольного Ртищева и Шорина. Приказные люди сорвали это письмо; тогда толпа зашумела:

— Вы везете письмо к изменникам; государя в Москве нет, а письмо надобно всему миру.

Письмо силой отобрали у приказных; стали его во всеуслышание читать. Дело кончилось тем, что в толпе раздались крики: «К царю идти требовать, чтобы царь выдал виновных бояр на расправу», и затем чернь в числе нескольких тысяч повалила в село Коломенское.

Государь был в церкви в то время, как подошла толпа. Увидев из окна вдали множество людей, хотя безоружных, но шедших с криком и шумом, среди которого можно было разобрать имена Милославских и Ртищева, царь приказал этим боярам скрыться в покоях царицы и царевен, которые сидели у себя ни живы ни мертвы от страха, а сам вышел на крыльцо к шумящей толпе. Ему поднесли в шапке письмо, говоря:

— Изволь, великий государь, вычесть письмо пред миром, а изменников привести перед себя.

— Ступайте домой, — отвечал им царь. — Как только отойдет обедня, я поеду в Москву и учиню сыск в том деле и указ.

Ласковая речь царя несколько успокоила бушующую чернь.

— А чему нам верить? — кричали некоторые.

Царь обещал им Богом и даже на своем слове протянул руку; тогда один из толпы ударил с государем по рукам. После того все спокойно отправились назад, в Москву. Хотя у государя и было войско, но он не велел никого трогать.

***В. Шварц Сцена из домашней жизни русских царей
(Игра в шахматы)***

В это время в Москве толпа гилевщиков (мятежников) разграбила дом Шорина и, несмотря на увещания боярина, присланного царем, двинулась в Коломенское с криками, что они знают виновников. Возвращавшаяся от царя толпа пристала к ним, и они вместе отправились в Коломенское. Царь уже сел на коня, чтобы ехать в Москву, когда нахлынула к нему мятежная чернь.

— Выдай изменников! — кричала толпа.

— Я государь, — сказал царь. — Мое дело — сыскать и наказание учинить, а вы ступайте по домам!

Но крики продолжались.

— Не дай погибнуть понапрасну! — кричали одни.

— Буде добром не отдашь, — кричали другие, — мы станем брать их сами, по своему обычаю!

Эти дерзкие требования вывели наконец царя из терпения: он велел стрельцам, бывшим при нем, и боярам ударить на толпу. Мятежники обратились в бегство, и множество их было перебито; некоторые были казнены.

В Москве волнение стихло, но жалобы на медные деньги продолжались. Медный рубль ценился уже в 15 раз меньше серебряного. Наконец издан был указ, по которому употребление медных денег вместо серебряных отменялось. Выпущено было правительством в оборот серебро в значительном количестве; но все-таки государство долго не могло после того оправиться от сильного денежного расстройства.

П. Рыженко Царь Алексей Михайлович Тишайший

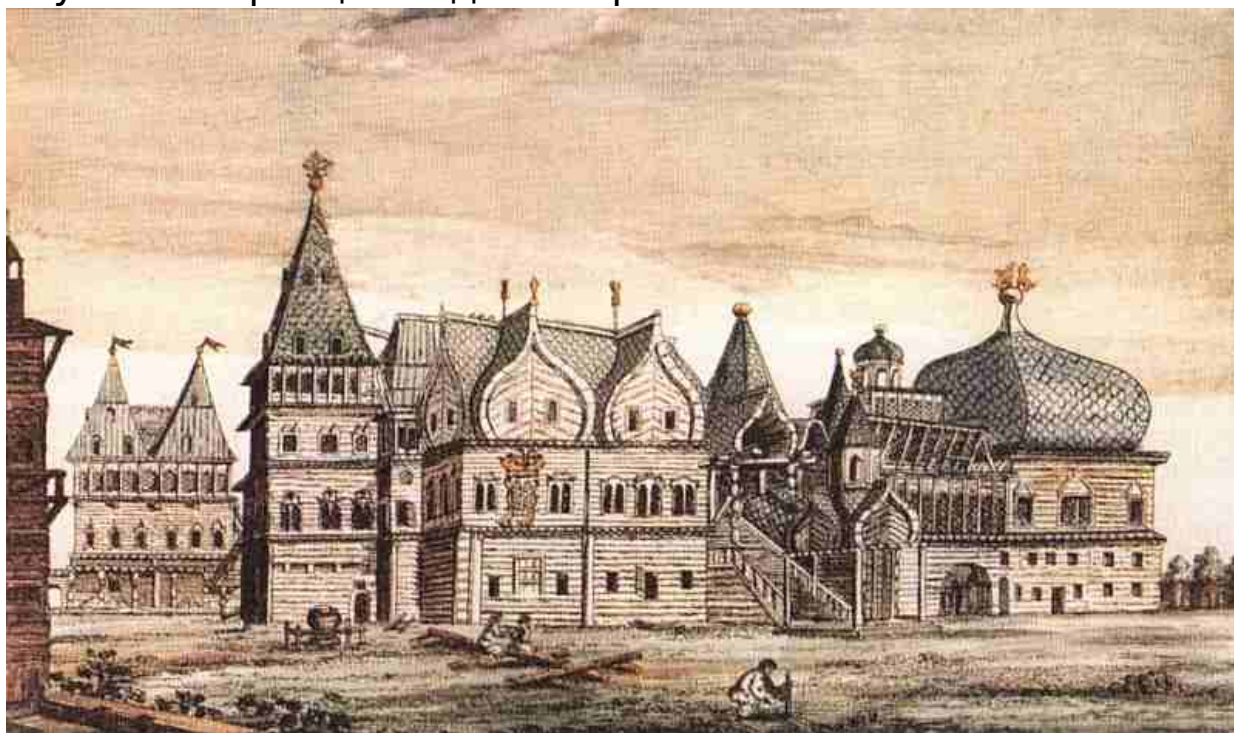
Царь Алексей Михайлович

Царствование Алексея Михайловича было страшно тяжелой порой для Русского государства. Долгая и трудная война, постоянные внутренние смуты и беспорядки, безденежье — вот что представляет это время; а между тем до тех пор еще не бывало в Москве такого государя, как Алексей Михайлович. Добродушный, ласковый, приветливый ко всем, он получил недаром прозвище Тишайший. Если по вспыльчивости и случалось ему кого-либо обидеть или по склонности к веселью и шутке жестко пошутить над кем-нибудь, то он старался загладить обиду, смягчить неловкую выходку. В те грубые времена эта мягкость нрава и доброта в человеке, облеченном высшей властью, были большой редкостью. Например, вот что пишет близкому человеку сам царь об одной своей забаве во время пребывания в селе Коломенское: «Извещаю тебя, што тем утешаюся, што стольников купаю ежеутр в пруще... кто не поспеет к моему смотру, так того и купаю, да после купания жалую, зову их ежеден, у меня купальщики те ядят вдоволь, а иные говорят: мы-де нароком не поспеем, так-де и нас выкупают да за стол посадят; многие нароком не поспевают...» (Дело было зимой.) Из этого видно, что шутка царя, на наш взгляд, довольно тяжелая, нисколько не обижала его приближенных, потому что он смягчал ее своей лаской. Так бывало и в других случаях.

Добродушие царя особенно сказывалось в домашней жизни: он был прекрасным семьянином и жил со своей супругой Марией Ильиничной душа в душу. Он был из тех людей, которые хотят, чтобы не только у них, но и у всех близких было на душе светло и радостно.

Чувство изящного у него было тоже сильно: он любил свое Коломенское за красивое местоположение, любил до страсти пышные обряды. Царские выходы в церковь, церемонии во время больших праздников, приемы иноземных послов и своих бояр — все это совершалось при царе Алексее по строго установленному чину и гораздо торжественнее и пышнее, чем прежде. Вся жизнь царя представляла как бы стройный обряд. Разные подробности церемоний или церковной службы занимали его порой не менее, чем государственные дела. Набожен и благочестив был он в высшей степени: любил читать священные книги, проводил каждый день часов по пяти в церкви, клал усердно поклоны, посты соблюдал очень ревностно. «Великим постом, — говорит один из его современников, — царь Алексей обедал только три раза в неделю, а именно: в четверток, субботу и воскресенье, в остальные же дни кушал по куску черного хлеба с солью, по соленому грибу и огурцу... Рыбу он ел только два раза в Великий пост и соблюдал все семь недель поста... Сверх обычных постов, он ничего мясного не ел по понедельникам, средам и пятницам — одним словом, ни один монах не превзойдет его в строгости постничества». До свету, часа в четыре утра, вставал он с постели; начиналось утреннее моление, поклонение иконе того святого, память которого чтилась в тот день, чтение какого-нибудь назидательного слова, затем происходило шествие к заутрене. После того приходили бояре, били челом государю, вели разговор о делах и все за царем шли к обедне. В праздники царские выходы были торжественнее, пышнее и с соблюдением известного чина; смотря по празднику, надевалась и различная одежда, более или менее пышная. После обедни царь занимался делами: читались доклады и челобитные; в известные дни происходили заседания боярской думы. Пополудни дела оканчивались и

следовал царский обед. После обеда царь спал до вечерни; затем шел к вечерне, после которой проводил время уже в своем домашнем кругу, играл в шахматы или слушал рассказы бывалых людей о различных диковинах в чужих краях. Так обыкновенно шла — ровно, чинно и благочестиво — царская жизнь; она служила образцом и для бояр.

***Дворец царя Алексея Михайловича в Коломенском
Гравюра Ф. Дюрфельда по рисунку Ф.
Гильфердинга***

Видоизменялся несколько этот строй жизни только в большие праздники да во время приемов важных иноземных посольств. Рождество, Крещение, Вербное воскресенье и Пасха — вот важнейшие праздники, когда церковные службы, церемонии и все обряды царской жизни совершались особенно великолепно. Перед большими праздниками царь раздавал милостыню, посещал заключенных, выкупал должников, прощал

преступников. Все русские люди в то время считали своей обязанностью творить в праздничные дни разные благодеяния и богоугодные дела. К сожалению, это нередко обращалось лишь в один обряд.

Алексей Михайлович дорожил царским величием: оно, соединенное с блеском и пышностью, пленило его. На выходах его сопровождали бояре, разные придворные чины и рынды в их роскошных уборах. Всех иноземцев поражало величие московского двора.

«Двор московского государя, — говорит английский писатель Карлейль, посещавший Москву, — так красив и держится в таком порядке, что едва ли найдется хоть один из всех христианских монархов, который превосходил бы в этом московского. Все сосредоточивается около двора. Подданные, пораженные его блеском, приучаются благоговеть перед ним...»

В лице Алексея Михайловича, казалось, соединились многие лучшие свойства русского человека, и он являлся как бы представителем русского добродушия, мягкости и набожности, но, несмотря на все доброжелательство царя, несмотря на прекрасные свойства души, он не мог сделать счастливым свой народ, водворить в государстве порядок и благоустройство. Он полагал, что можно достигнуть всего этого, сохраняя старый строй жизни, и слишком был доверчив к людям, и притом крайне податлив, а многие этим-то и пользовались. Честных людей, хороших советников и прямых слуг было у него мало, а людей сколько-нибудь образованных и проницательных государственных деятелей — еще меньше. Этим и надо объяснить, почему в это время мы видим столько бед и неурядиц в Московском государстве.

А. Рябушкин Пир царя Алексея Михайловича

Царь Алексей по своей мягкой природе постоянно нуждался в советниках; он всем сердцем привязывался к людям, близко стоявшим к нему, легко поддавался их влиянию. Таким близким лицом в начале царствования был боярин Морозов, а потом — патриарх Никон.

Возвышение Никона

В 1605 году, в мае месяце, у крестьянина Мины в селе Вельеманове, близ Нижнего Новгорода, родился сын, названный при крещении Никитой. Рано лишился ребенок своей матери; отец женился во второй раз, и маленькому Никите пришлось вынести много страха и горя от мачехи. Недаром говорит пословица: «Мачеха в дому что медведь в лесу». Невзлюбила она своего пасынка: часто бранила, била его, держала впроголодь, даже извести хотела. Отец вступался за сына, ссорился с женой, но та потом вымещала с лихвой свою злобу на Никите. Когда он подрос, отец отдал его к причетнику учиться читать. Грамота далась способному мальчику легко, и он полюбил чтение церковных книг; но, вернувшись домой, стал было забывать грамоту; а между тем его сильно привлекала монастырская жизнь. Наконец, тайком от отца, он бежал из дому в обитель Макария Желтоводского. Здесь его приняли на жительство, и он, ежедневно посещая церковь, вполне освоился с церковной службой, чтением и пением. По просьбе отца Никита вернулся домой, затем женился и нашел себе место причетника в одном людном селе; здесь скоро он сделался священником. Недолго пробыл он тут: московские купцы, узнавши о его начитанности и благочестии, уговорили его перейти в Москву.

Б. Черушев Патриарх Никон

Никита имел троих детей, но они все умерли один за другим. Это сильно поразило его — он, как видно, увидел в этом указание свыше, что ему не надо было уклоняться от раннего влечения к монастырю, уговорил жену постричься и сам удалился на Белое море, в Анзерский скит (на острове в 20 верстах от Соловецкого монастыря), и постригся там под именем Никона. Тогда было ему еще 30 лет.

В Анзерском скиту жизнь была суровая. Братия (12 человек) жила по отдельным избам, стоявшим на

большом расстоянии одна от другой. Иноки вели, стало быть, жизнь пустынников; только раз в неделю, в субботу вечером, они сходились в церкви. Богослужение шло всю ночь. Прочитывалась вся Псалтирь, а с наступлением дня совершалась литургия, затем иноки расходились по своим избам.

Не поладив с игуменом, Никон перешел в Кожеозерскую пустынь. Он, по своему нраву не любивший жить с другими, удалился от обители и стал жить отшельником на особом острове, занимаясь рыболовством. Спустя некоторое время в Кожеозерской обители скончался игумен, и братия избрала на его место Никона.

На третий год после этого, в 1646 году, он должен был ехать в Москву по делам своего монастыря. Настоятели монастыря, приезжая в столицу, обязаны были являться к царю. Представился ему Никон и произвел очень сильное впечатление на него. Видный собой игумен, с его умной и решительной речью, пришелся очень по сердцу царю. Он пожелал, чтобы Никон остался в Москве, и его посвятили в сан архимандрита Новоспасского монастыря. Здесь была родовая усыпальница Романовых; набожный государь часто приезжал сюда беседовать с Никоном и все сильнее и сильнее сближался с ним. Беседы и внушения красноречивого архимандрита глубоко западали в душу царя; по желанию его, Никон должен был каждую неделю являться во дворец для духовной беседы. Не раз он просил у государя за притесненных и обиженных, за вдов и сирот и таким образом давал ему случай восстанавливать нарушенную правду, творить истинно христианские добрые дела. Это пришлось очень по душе добродушному государю, и он дал Никону поручение принимать просьбы от всех, кому нужно было найти управу на обиды, кто нуждался в царском милосердии. С этих пор Никона осаждали просители — и в монастыре, и

на пути, когда он ездил к царю; все знали, что всякая правая просьба через Никона дойдет до государя и скоро будет исполнена. Ни для кого в Москве уже не было тайной, что Никон — близкий царю человек.

В 1648 году, когда новгородский митрополит Афоний по дряхлости удалился на покой, на его место был посвящен Никон. Это было очень важное повышение: новгородский владыка считался вторым лицом после патриарха.

В Новгороде Никон выказал и свою необычайную твердость воли, и заботливость о церковных порядках. Как известно уже, мятеж в Новгороде 1650 года был скоро усмирён только благодаря мужеству и самоотвержению Никона. Когда воевода, которому грозила смерть, скрылся у митрополита во дворе, мятежники с дубьем и камнями ворвались туда. Никон вышел унимать их.

— Дети, — говорил он, — зачем пришли ко мне с оружием? Я всегда был с вами и теперь не скрываюсь. Я — пастырь ваш и готов душу свою положить за вас!

Рассвирепевшая толпа с криком, что он укрывает изменников, кинулась на него — и он упал под ударами. Злодеи ужаснулись, думая, что убили его, и разбежались. Никона, едва дышащего, отнесли в келью. Когда он пришел в чувство, то ни о чем больше не думал, как об укрощении мятежа; приготовился к смерти, исповедался, причастился и велел везти себя на санях в скопище мятежников.

Кровь текла у него, по словам очевидца, изо рта и ушей, но он, собравшись с последними силами, обратился к мятежной толпе с увещанием.

— Дети! — говорил он. — Я всегда проповедовал правду без страха... Ничто земное не страшит меня, я укрепился Святыми Тайнами и готов умереть. Я, как пастырь, пришел спасти вас от духа вражды и несогласия. Успокойтесь! Лишите меня жизни, если

знаете какую-либо вину или неправду мою против царя и государства! Я готов умереть с радостью; но обратитесь к вере и повиновению!

Кроткая и вместе с тем твердая речь владыки, только что перед тем едва не погибшего от безумной злобы, образумила мятежников — они разошлись. Никон после этого в соборе предал проклятию вожаков восстания.

Когда после того толпы раскаявшихся мятежников приходили к владыке молить его о том, чтобы он испросил им царское прощение, он явился ходатаем за своих обидчиков.

Твердость и самоотвержение его поразили царя. В своей грамоте государь называет его «новым страсготерпцем и мучеником». Царь в своих письмах, казалось, не находил слов, чтобы выразить свое уважение и любовь к Никону: величал его «великим сияющим солнцем», «крепкостоятельным пастырем», «милостивым, кротким, милосердным», «возлюбленником своим и содружебником» и так далее. И действительно, Никон был настоящим духовным пастырем и благодетелем для новгородцев: во время страшного голода он ежедневно кормил народ, выстроил четыре богадельни. Царь совещался с ним и дал ему большие полномочия, так что он не только церковные дела ведал в Новгороде, но был здесь настоящим правителем. Это, конечно, многим боярам не нравилось — они уже в эту пору завидовали царскому любимцу и злобились на него.

Начал Никон заводить и новые порядки в церковном обиходе. В церковную службу вкралось много разных погрешностей и дурных обычаев. Из них два обратили на себя внимание Никона — это «многогласие» и дурное церковное пение.

Церковные службы многим священникам казались слишком длинными и утомительными, а опускать что-либо утвержденное уставом считалось тяжким грехом.

Вот и надумали они совершать богослужение разом в несколько голосов: один читал, другой пел, третий говорил ектеньи, четвертый — возгласы и так далее. Выходила такая путаница звуков, что почти ничего нельзя было разобрать. Уже на Стоглавом соборе вооружались против этого нелепого обычая, но все-таки он держался в прежней силе. Другое зло, обратившее на себя внимание Никона, было дурное церковное пение: поющие растягивали слова иногда до крайности, вставляли гласные звуки вместо полугласных, прибавляли новые, переносили произвольно ударение, так что порой решительно нельзя было разобрать слов — например, вместо «Спас», «во мне» в пении выходило «Сопасо», «во моне» и тому подобное.

Вступив на новгородскую кафедру, Никон строго запретил «многогласие» во всех новгородских церквях и ввел благолепное церковное пение. Каждую зиму он ездил в Москву и обыкновенно привозил с собой своих певчих. Царю, у которого была большая склонность ко всему изящному, очень полюбилось благозвучное пение новгородских певчих, и он ввел его и в своей придворной церкви, несмотря на то что патриарху Московскому Иосифу было не совсем по душе это новшество.

В 1651 году, 9 февраля, царь призвал в свои палаты патриарха, митрополитов и архиепископов, и здесь было постановлено, чтобы во всем Московском государстве по церквям и монастырям пели чинно, безмятежно и единогласно, псалмы говорили в один голос и неспешно, со всяким вниманием, и так далее.

Ф. Солнцев Митра патриарха Никона

А. Литовченко Царь Алексей Михайлович и Никон, архиепископ Новгородский, у гроба чудотворца Филиппа, митрополита Литовскою

Царя очень занимала мысль водворить повсюду в русских церквах благочиние и хорошее пение.

Но даже и эти незначительные перемены вызывали неудовольствие у закоренелых приверженцев старины. Уже тогда доходило до царя, что один священник,

стоявший за прежние церковные порядки, корил другого, приверженца новины, говоря:

— Заводите вы, ханжи, новую ересь, единогласное пение!

В начале 1652 года благочестивому царю пришла мысль (вероятно, была внушена ему Никоном) перенести в московский Успенский собор мощи трех бывших московских святителей, пострадавших от мирских властей за правду, за веру и отечество: митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря, патриарха Иова из Старицы и патриарха Гермогена из Чудова монастыря.

В Соловки за мощами святого Филиппа был послан Никон с несколькими духовными лицами и боярами; он вез любопытную «молебную грамоту» от царя к святителю Филиппу. В ней находим между прочим следующие слова:

«Ничто столько не печалит души моей, пресвятой владыко, как то, что ты не находишься в нашем богохранимом царствующем граде Москве, в святой соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы, вместе с бывшими до тебя и по тебе святителями, чтобы ради ваших совокупных молитв всегда неподвижно пребывала святая соборная и апостольская церковь и вера Христова, которою спасаемся. Молю тебя, приди сюда и разреши согрешение прадеда нашего, царя и великого князя Иоанна, совершенное против тебя нерассудно, завистью и несдержанною яростию. Хотя я и неповинен в досаждении тебе, но гроб прадеда приводит меня в жалость, что ты со времени изгнания твоего и доселе пребываешь вдали от твоей святительской паствы. Преклоняю пред тобою сан мой царский за согрешившего против тебя, да отпустишь ему согрешение его своим к нам пришествием, и да упразднится поношение, которое лежит на нем, за изгнание тебя. Молю тебя о сем, о священная глава, и

преклоняю честь моего царства пред твоими честными мощами, повергаю на умоление тебя всю мою власть...»

На грамоте собственной рукой государя было написано:

«О священное главе, Святый Владыко Филиппе, пастырю наш! Молим тя, не презри нашего грешного моления, прииди к нам с миром! Царь Алексей желаю видети тя и поклонитися мощам святым...».

В то время, когда Никон ездил в Соловки, в Москве произошло важное событие: скончался патриарх Иосиф.

Царь писал об этом Никону, величая его «наперсником Христовым, рачителем словесных овец», своим «собинным другом душевным и телесным», и приглашал его скорее вернуться для выбора нового патриарха. Затем царь прислал Никону весьма обстоятельное описание кончины патриарха, при которой сам находился. Подробно и живо описывает он все обряды, совершенные при этом. Особенно поразило Алексея Михайловича, что при соборовании умирающий, по его словам, «начал гораздо быстро смотреть на левую сторону, где масло освящают, да почал с краю того жаться к стене... и я узнал, что он видение видит. Не упомню, где я читал: пред разлучением души от тела видит человек вся своя добрые и злые дела, и молвил я отцу его духовному: видит отец наш некое видение...». Откровенно и очень живо рассказывал юный царь в своем письме о том подавляющем впечатлении, какое на него произвел разлагавшийся труп покойника патриарха. «Такой страх на меня нашел, — пишет царь, — что я едва с ног не свалился, и мне прииди такое помышление от врага: побегиде ты вон, тотчасде тебя вскоча удавит; а нас только я да священник тот, который Псалтирь говорит; и я, перекрестясь, взял за руку ето света (покойного) и стал целовать, а в уме держу то слово: от земли создан и в землю идет, чего бояться?»

В этом же послании царь между прочим повторяет Никону свою просьбу, чтобы он скорее возвращался, причем намекает, что уж у него намечен преемник покойному патриарху. «Ожидаем тебя, великого святителя, к выбору, а сего мужа три человека ведают: я да казанский митрополит да отец мой духовный... а сказывают свят-муж».

Этот «свят-муж» был, конечно, не кто иной, как «собинный друг царя», сам Никон.

2 июля мощи святого Филиппа были привезены в Москву и с великим торжеством положены в Успенском соборе.

На соборе святителей, съехавшихся в Москву для избрания патриарха, избран был в угоду царю, конечно, Никон. По совершении всех обычных при этом обрядов и молебствий царь послал «по новоизбранного патриарха» на Новгородское подворье, но Никон решительно отказался принять на себя этот сан. Несколько раз государь посылал святителей и бояр уговаривать Никона, но он оставался непреклонным. Тогда царь велел привести его против воли в церковь. Он был приведен. Государь, бояре, святители долго, но без успеха умоляли его принять патриаршество. Наконец царь и все присутствовавшие в церкви пали на землю и со слезами молили его исполнить общую просьбу. Никон был сильно тронут этим, заплакал сам и обратился к царю и всем бывшим в церкви с такими словами:

— Вы знаете, что мы от начала приняли святое Евангелие, вещания святых апостолов, правила святых отцов и царские законы из православной Греции и потому называемся христианами, но на деле не исполняем ни заповедей евангельских, ни правил святых апостолов и святых отцов, ни законов благочестивых царей греческих. Если вам угодно, чтобы я был у вас патриархом, дайте мне ваше слово и произнесите обет в этой соборной церкви пред Господом Спасителем нашим

и его Пречистою Материю, ангелами и всеми святыми, что вы будете содержать евангельские догматы и соблюдать правила святых апостолов и святых отцов и законы благочестивых царей. Если обещаетесь слушаться и меня, как вашего главного архипастыря и отца, во всем, что буду возвещать вам о догматах Божиих и о правилах, — в таком случае я, по вашему желанию и прошению, не стану более отрекаться от великого архиерейства.

Тогда царь, бояре и весь освященный собор произнесли пред святым Евангелием и пред святыми чудотворными иконами клятву исполнять все, что предложит Никон, «почитать его как архипастыря и отца, дать ему устроить церковные дела», и он изрек свое согласие быть патриархом (25 июля 1652 года).

Патриаршество Никона

Недаром Никон взял обет от царя, бояр и святителей, что они не будут ему мешать устроить церковь. Как известно, он с того времени, как стал митрополитом, ревностно заботился о церковном благолепии. В этом он вполне сходил с царем, которому по душе были пышные и величавые обряды православной церкви. Никогда еще богослужение в Москве не доходило до такого великолепия, как во время патриаршества Никона.

Кроме обычных церковных служб, в те времена почти все праздники сопровождались особенными обрядами и церемониями. Рождество Христово, Богоявление, Неделя ваий, Светлое Воскресенье, Троицын день, Успение и некоторые другие праздники были днями пышных торжеств и царских выходов. Особенно великолепно справлялись день Богоявления и Вербное воскресенье. Стечение народа в эти дни было огромное, доходило до нескольких сот тысяч; по рассказам иностранцев, даже издалека приходили толпы людей, чтобы видеть торжественный обряд освящения воды, совершавшийся патриархом на Москвереке, — водокрестие, или водокрещи, как называл это народ.

В день Богоявления царь слушал в одной из дворцовых церквей всенощную и потом выходил в Успенский собор для шествия на иордань к освящению воды. Кремлевская площадь была в это время полна народом; среди него был свободен только путь от собора к реке. Два ряда стрельцов, в цветном платье своем, ограждали этот путь от напора толпы.

И. Г. Машков Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон

В 4 часа дня, или, по-нашему, в 12-м утра, когда патриарх готовился начать службу в Успенском соборе, звон колоколов на Иване Великом возвещал народу, что начался выход царя. Государь выходил в собор обыкновенно с красного крыльца в сопровождении бояр и других сановников. Народ, увидев «пресветлые царские очи», бил челом. Государь шел величаво и тихо, опираясь на посох; царское же торжественное облачение возлагал на себя по большей части уже в

соборе. Возложив на себя царский сан, государь, при пении многолетия, молился святым иконам и святым мощам и затем уж принимал благословение от патриарха. Звон на Иване Великом продолжался до тех пор, пока царь не вступал на свое царское место в соборе. В церковь входили только высшие чины: бояре, окольничие, думные и ближние люди; прочие же, начиная от стольников, останавливались на помосте от Успенского собора до Архангельского, по обе стороны по чинам.

Торжественное шествие на иордань открывали стрельцы в числе нескольких сот человек. Они были в лучших цветных платьях, шли по четыре человека в ряд; у одних были золоченые пищали и винтовки, у других — золоченые копья, у третьих — золоченые протазаны (род алебарды), древки которых были перевиты атласом и галуном. За этим блестящим отрядом стрельцов следовал крестный ход: несли хоругви, кресты, иконы, затем шли священники (бывало до трехсот), затем игумены, епископы, архиепископы, митрополиты и наконец патриарх. Все были в богатейшем облачении — чем выше сан, тем богаче были и одежды. Потом открывалось шествие государя. Нижние чины шли впереди, по три человека в ряд. Сначала шли дьяки разных приказов в бархатных кафтанах; за ними — дворяне, стряпчие, стольники в блестящих золотых (златотканых) кафтанах, далее — ближние люди, думные дьяки и окольничие в богатейших шубах; затем шел постельничий, а пред ним стряпчие несли государево платье, которое царь обыкновенно переменял на иордани: один нес посох, другой — шапку, третий — зипун и так далее; кроме того, несли кресло, а иногда и балдахин.

Ф. Солнцев Домашнее платье патриарха Никона

Царь шествовал в большом царском наряде. Сверх зипуна и богатейшего станового кафтана на нем было царское платье из дорогой золотой материи, унизанное жемчугом и драгоценными камнями; царская шапка блистала алмазами, изумрудами, яхонтами; на плечах царя была столь же богатая диадема, или бармы; на груди на золотой цепи был крест из животворящего

древа; в правой руке — жезл, украшенный золотом и камнями; сапоги государя, бархатные или сафьянные, были также богато унизаны жемчугом. Под руки царя поддерживали обыкновенно двое стольников из ближних людей; подле шли бояре и думные люди в богатейших шубах, в горлатных высоких шапках. По обе стороны царского пути шли стрелецкие полковники в бархатных ферязях и турских кафтанах; они оберегали шествие государя от «утеснения нижних чинов людей».

Затем следовали гости в золотых кафтанах и наконец приказные и иных чинов люди и народ. Подле всего этого шествия шло с обеих сторон 150 или 200 человек стрельцов.

Самый обряд освящения воды происходил следующим образом. Сначала духовные власти подходили к государю и патриарху и кланялись; затем патриарх раздавал всем свечи, начиная с государя, и совершал богослужение по чину. В то время как он погружал в воду животворящий крест, начальные люди и знаменщики всех полков со знаменами приближались к иордани. После погружения креста патриарх черпал серебряным ведерком воду из иордани и отдавал ключарю, затем наполнял святой водой государеву стопу. (Ее относили во дворец и кропили там все комнаты и иконы.) После того патриарх трижды осенял государя крестом, кропил святой водой и поздравлял с праздником. Государь с боярами прикладывался к кресту, поздравлял патриарха, потом принимал поздравления от духовенства, бояр и ближних людей, причем один из важнейших сановников говорил поздравительную речь. Затем два архимандрита кропили святой водой знамена и войско, стоявшее на Москве-реке.

С. Милорадович Патриарх Никон

Крестный ход возвращался с иордани в том же торжественном порядке.

Государь обыкновенно ехал в больших парадных санях. Не менее торжественно совершался в Неделю ваий (Вербное воскресенье) обряд «шествовия на ослиати» в память входа Спасителя в Иерусалим.

Обряд этот во второй половине XVII столетия происходил таким образом. После ранней обедни государь выходил в Успенский собор в праздничном выходном платье, в сопровождении бояр, окольных и прочих чинов. Из собора совершался крестный ход; в нем участвовало духовенство всей Москвы и окрестных

монастырей и многие иногородние; несли хоругви, кресты, рапиды, иконы. С одной стороны патриарха несли Евангелие, с другой — крест. Вслед за патриархом открывалось царское шествие в том же порядке, как сказано выше. Шествие направлялось из Успенского собора через Спасские ворота к храму Покровского собора (церкви Василия Блаженного); здесь останавливались лицом к востоку. Государь и патриарх шли в соборный придел Входа в Иерусалим; сопровождали государя только знатнейшие сановники; прочие же становились у Лобного места по чинам. В соборе патриарх совершал молебствие и облачался; государь тоже возлагал на себя более торжественный царский наряд. В то же время на Лобном месте, убранным бархатом и сукном, ставили аналой, покрытый зеленой бархатной пеленой; на аналой клали Евангелие и иконы. Путь от Лобного места к Спасским воротам был огражден, и тут стояли кадки с вербами для народа. Стрельцы и народ наполняли площадь. На кровле одной из близких к собору лавок становился служилый человек со знаменем, чтобы давать сигналы во время церемонии.

В. Шварц Вербное воскресенье при царе Алексее Михайловиче. Шествие патриарха на осляти

Близ Лобного места стояло «осля». Это был конь, который покрывался с головой белым суконным покрывалом с длинными ушами, что придавало ему некоторое подобие осла. При коне был патриарший боярин и пять человек дьяков; тут же стояла нарядная верба — большое дерево, украшенное искусственной зеленью, плодами и цветами. Ставилась она на богато украшенных санях (обыкновенно на колесах), в которые запряжено было шесть коней в цветных бархатных пополах.

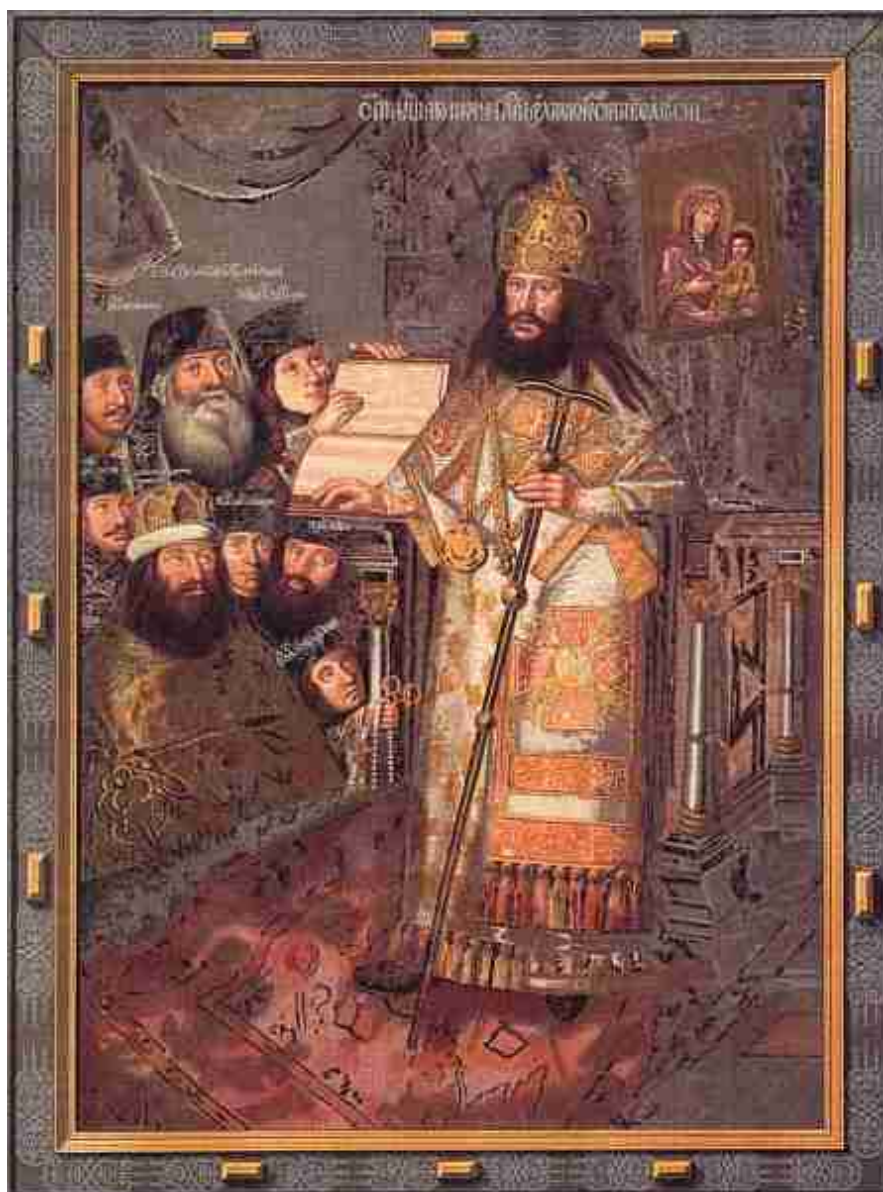
Когда государь и патриарх выходили из Покровского собора, образа и кресты направлялись к Успенскому собору. Патриарх, поднявшись на Лобное место, подавал царю сначала вайю (пальмовую ветвь), а затем вербу, ствол которой был обшит бархатом. Подобные же вайи и вербы раздавал он духовным и светским сановникам, а меньшим людям и народу митрополиты раздавали только вербу. Затем архидиакон читал Евангелие о входе Спасителя в Иерусалим, и когда доходил до слов: «и посла два от ученик», — тогда соборный протопоп с ключарем подходили к патриарху; он благословлял их «по осля итти». Они шли к лошади и отвязывали ее. При этом патриарший боярин спрашивал: «Что отрешаете осля сие?» А посланные отвечали: «Господь требует». Затем подводили лошадь, покрыв ее коврами, к патриарху, который, взяв в одну руку Евангелие, а в другую — крест, благословлял царя и садился на лошадь. Шествие открывалось младшими государевыми чинами; за ними везли нарядную вербу; на санях, под деревом, стояли и пели патриаршие певчие. За вербой следовало духовенство с иконами, за ними — ближние люди, думные дьяки и окольничие в богатых уборах,

потом государь в большом царском наряде, поддерживаемый под руки ближними людьми, вел «осля» за конец повода. Середину повода держал за государем один из важнейших бояр; кроме того, лошадь вели под уздцы два дьяка. Пред государем стольники и ближние люди несли царский жезл, государеву свечу и прочее. По обе стороны шли бояре, окольниковые и думные дворяне с вайями. Патриарх на всем пути благословлял народ крестом. За ним шло в огромном числе духовенство в блистающих ризах. Шествие заключали гости (именитые купцы).

На всем пути дети, мальчики лет 10–15, постилали пред государем и патриархом куски сукна разных цветов, суконные однорядки и кафтаны. Медленно и торжественно вступала процессия в Спасские ворота; тогда начинался звон не только в Кремле, но по всем московским церквям и не прекращался до вступления царя и патриарха в Успенский собор. Здесь архидиакон доканчивал чтение Евангелия, патриарх принимал у государя вайю; государь получал от него благословение и шел к обедне в одну из дворцовых церквей, а патриарх служил литургию в соборе и по отпусте шел к нарядной вербе и благословлял ее. Затем от вербы отсекали сук и относили его в алтарь; после того отрезали ветви и часть их посылали на серебряных блюдах наверх (то есть во дворец), а другую раздавали духовным сановникам и боярам. Остатки же вербы и убранство саней доставались на долю народа.

Обряд шествия на «осляти» справлялся и по другим большим русским городам — патриарха заменял архиерей, а царя — воевода.

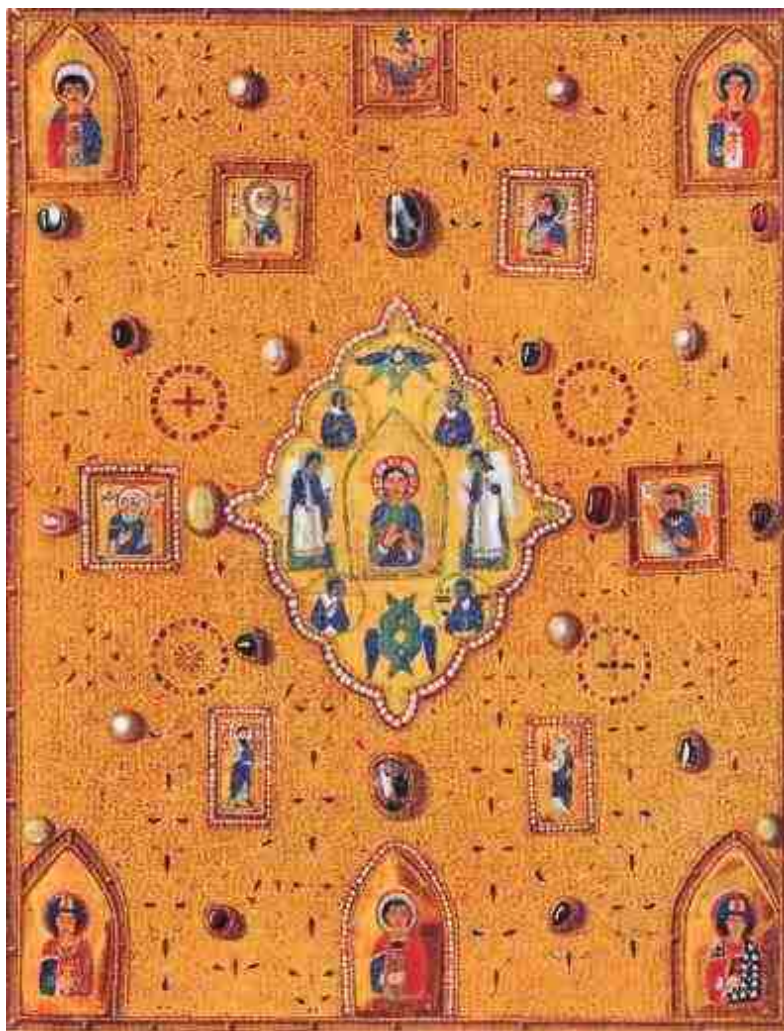
Церковное благолепие, богатство и пышность обрядов всегда были предметом особенной заботы благочестивых русских государей и святителей, но все же она не шла так далеко, как при царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне.

Ф. Солнцев Патриарх Никон со своим клиром

Первым делом Никона по избрании на патриарший престол было основание нового монастыря. Этого требовал установившийся обычай: почти все русские патриархи старались ознаменовать начало своего высшего пастырства устройством «тихого пристанища для спасения душ» и придать ему как можно больше значения. Никон избрал место для новой обители близ

Валдайского озера и назвал свой монастырь Иверским, в честь Иверской иконы Богородицы на Афоне. Оттуда был привезен список с иконы, и Никон, богато украсив икону золотом и драгоценными камнями, поставил ее в каменной церкви монастыря. С первых же дней своего управления церковью Никон ревностно занялся делами. Очистить церковь от всяких зол и беспорядков, ввести истинное благолепие — вот что поставил он себе задачей. Живой, деятельный Никон достиг патриаршего сана еще в пору полного расцвета сил душевных и телесных; он хотел быть патриархом — «строителем» и «управителем» церкви — не по имени только, а на деле. Сила воли, даже чрезмерная, увлекала Никона к деятельности. Начал он бороться с разными церковными беспорядками, «многогласием» в церковной службе, с нестройным пением, еще будучи митрополитом. Теперь он стал действовать еще смелее.

Ф. Солнцев Оклад рукописного Евангелия XII века

Невежественных и порочных священников он без всякой пощады лишал мест; за проступки сурово наказывал. Поблажки не давал никому. После слабого Иосифа сложно пришлось русскому духовенству под рукой властного и решительного Никона.

Дела ему предстояло много. Самым важным было исправление богослужебных книг. Уже давно об этом думали на Руси, но дело не ладилось: знающих людей не было; правили книги по славянским «добрым переводам» и «старым спискам», да, на беду, и в них

погрешностей было много, а заметить и исправить их не могли. Только незадолго до кончины патриарха Иосифа сознали ясно, что для исправления книг недостаточно славянских древних списков; что необходимо сверять их с греческим текстом. Сам Алексей Михайлович обратился в Киев с просьбой прислать ученых мужей, знающих греческий язык, чтобы править книги. Вот на это дело и пришлось Никону более всего обратить внимание.

Кроме того, греческие духовные лица, которые при благочестивом и щедром Алексее Михайловиче чаще, чем в былые годы, наезжали в Москву, приглядываясь к русскому богослужению, находили в нем уклонения от обрядов греческой церкви и указывали на некоторые «новины», которые вкрались в церковный обиход. Так, например, указывали, что русские неправильно творят крестное знамение двумя перстами, тогда как по старине следует креститься тремя перстами. Посланный по этому поводу на Восток старец Арсений привез известие, что на Афоне монахи всех греческих монастырей, собравшись вместе, соборно признали «двуперстие» ересью.

В это же время Никон нашел в грамоте об утверждении патриаршества в России между прочим следующее:

«Так как православная церковь получила совершенство не только в догматах, но и в священноцерковном уставе, то справедливость требует, чтобы мы истребляли всякую новину в ограде церкви, зная, что новины всегда бывают причиною церковного смятения и разделения, и чтобы следовали мы уставам святых отцов, и чему научились от них, то хранили неповрежденным, без всякого приложения или отъятия...».

Прочитав это, Никон впал в страх, не допущено ли каких отступлений от православного греческого закона.

Начал прежде всего рассматривать Символ веры и нашел, что в славянском есть несогласия с древним греческим текстом; рассмотрел Служебник (чин святой литургии), и тут заметил он некоторые различия; то же оказалось и в других книгах.

Желавший быть блюстителем истины, Никон решился исполнить свой долг — уничтожить всякие «новины» в наших книгах и в обрядах. Но уже первая попытка его в этом деле встречена была некоторыми враждебно. В 1653 году он разослал по всем московским церквам «памятную грамотку», где указывал, что по правилам в иных случаях можно поясным поклоном заменять земной и что следует креститься тремя перстами. Когда эту грамоту прочли Иван Неронов, протопоп Казанского собора, и юрьевский протопоп Аввакум, то, по словам последнего, они «задумались, увидели, яко зима хочет быти; и сердце у них озябло, и ноги задрожали...».

Н. Неврев Патриарх Никон

Власть Никона была чрезвычайно сильна: тесная дружба связывала его с царем, который в первые годы,

как говорится, души в нем не чаял. Отправляясь в польский поход (1654–1655), Алексей Михайлович на все время своего отсутствия в Москве поручил управление государством Никону, и он вполне достоин был царского доверия: выказал замечательную твердость и распорядительность. В ту пору свирепствовала моровая язва. Патриарх рассылал повсюду грамоты о мерах предосторожности против заразы, старался рассеять суеверие народа, который думал, что бороться с болезнью — значит совершать грех, идти против воли Божьей. В это время Никон сослужил лично государю большую службу: он сберег царскую семью от беды переездами в более здоровые места. Дружба и любовь к Никону еще больше усилились у царя: он стал величать своего «собинного друга» «великим государем». Титул этот, как известно, был раньше усвоен только Филаретом, и то как царским отцом и соправителем. Патриаршая власть теперь как бы приравнивалась к царской. Раньше был учрежден монастырский приказ, под ведением которого были многие церковные дела; теперь он потерял всякое значение. Никон, когда был еще новгородским митрополитом, добыл у царя так называемую «несудимую грамоту», которая делала его полновластным хозяином в церковных делах его епархии; теперь же он не знал над собой ни в чем никакой власти — царь во всем следовал его советам. На Уложение Никон не обращал никакого внимания: он никак не мог допустить мысли, чтобы мирские люди могли судить духовных лиц, и считал Уложение, допускавшее это, противным Евангелию и правилам святых апостолов и святых отцов. Вопреки Уложению, в котором запрещалось увеличивать церковные имущества, патриарший двор обогатился новыми вотчинами: вместо прежних десяти тысяч дворов в его владении было до двадцати пяти тысяч. Кроме богатого Иверского монастыря, Никон построил еще два

(Крестный и Новый Иерусалим); царь щедро наделил их землями. Доходы патриарха страшно возросли: он мог выставить в поле на свой счет десять тысяч вооруженных воинов, раздавать богатую милостыню, жертвовать большие деньги на тюрьмы, устраивать богадельни. Никон окружил себя небывалой до тех пор пышностью, не жалел средств на украшение соборов и на блеск богослужения. Целые пуды жемчуга, золота, драгоценных камней шли на облачения патриарха; митра его своим блеском не уступала царскому венцу.

Новый Иерусалим

Величие Никона, его могущество, властолюбие и особенно крутой нрав породили ему с первых же лет его

управления множество врагов; но он на них не обращал большого внимания. Не такой был человек он, чтобы идти на какие-либо сделки и уступки, вербовать себе сторонников и доброхотов. Раз он был уверен в правоте своего дела, он шел твердо к своей цели, не знал и не хотел знать никаких препятствий.

Исправление богослужебных книг и обрядов

Самым важным делом, на которое Никон направил свои силы, было исправление богослужебных книг и обрядов. Первые его попытки устранить некоторые неправильности в богослужении, как мы видели выше, вызвали большое неудовольствие со стороны духовенства, и Никон подвергся уже тогда резким укорам, и потому он решил опереться на собор.

Весной 1654 года в царских палатах происходил собор высших духовных лиц; тут присутствовали пять митрополитов, четыре архиепископа и многие другие, всех — тридцать четыре человека. Никон открыл собор речью, прочел грамоту патриархов о том, как следует блюсти церковь от всяких новин; затем указал на некоторые из них, вкравшиеся в новопечатные русские служебники, и поставил вопрос, как исправить их, — только ли по старым русским рукописям или следовать греческим и старым русским (харатейным), которые согласны с первыми. Царь и весь собор единогласно отвечали:

— Достойно и праведно исправить противу старых — харатейных и греческих.

Никон указал еще на несколько отступлений от древнего церковного устава, и собор снова постановил:

— Добро есть исправить согласно со старыми греческими книгами.

Все бывшие на соборе своими подписями утвердили это соборное уложение; только коломенский епископ Павел не во всем был согласен с другими и высказал свое особое мнение; несколько лиц разделяли его взгляды.

Таким образом, дело исправления книг было решено на этом соборе и даже указано, каким путем это исполнить.

Царь и патриарх велели собрать в Москву из всех русских книгохранилищ древние славянские книги, писанные на хартии (пергамене), и таких книг было прислано довольно много из разных монастырей. За греческими книгами на Афон и в другие старожитные места на Востоке был послан «со многою милостынею» известный уже старец Арсений Суханов. Он успешно исполнил поручение, и в Москву было доставлено с Афона и из других мест до пятисот древних богослужебных книг; некоторые из них писаны были за шестьсот, за семьсот лет, а одно Евангелие — даже за тысячу лет. Кроме того, много книг было прислано восточными патриархами.

Теперь надо было найти знающих людей, которые смогли бы извлечь пользу из этого книжного богатства. Никон нашел несколько таких лиц, хорошо знакомых с греческим языком и славянским. Главным из них был иеромонах Епифаний Славинецкий, вызванный за пять лет пред тем из киевобратского училища. Большим доверием Никона пользовался также и старец Арсений Грек, человек бывалый и знавший многие языки. Справщики принялись за работу.

Не только в служебных книгах и церковных обрядах нашел Никон новшества. Усмотрел он их и в иконописании, которое стало отступать от древних византийских образцов; иконописцы явно подражали польским и франкским (западноевропейским) живописцам. Никон, большой ревнитель православной старины, восстал против этих «новых» икон. Он посылал своих людей отбирать по домам даже у знатных сановников иконы «нового» письма. Один очевидец-грек рассказывает, будто патриарх даже велел своим служителям на этих «еретических» изображениях

выколоть глаза и в таком виде носить их по городу и объявлять всем царский указ, грозивший строгим наказанием тому, кто осмелится впредь писать подобные иконы. Москвичи увидели в этом, конечно, поругание святыни и с негодованием говорили, что патриарх тяжко грешит — является иконоборцем. Скоро после этого началось моровое поветрие; вдобавок случилось еще солнечное затмение. Заговорили, что это Божье наказание за нечестие патриарха. На него стали так зlobиться, что даже жизнь его была в опасности.

Вскоре после этого, когда царь прибыл в Москву, Никон с обычной смелостью и решительностью повел речь против икон «нового» письма. Торжественно и громогласно в церкви, в присутствии царя, Никон и патриарх Антиохийский предали анафеме тех, кто осмелится впредь писать такие иконы или держать их в доме. При этом Никону подносили «новые» иконы; он брал и каждую показывал народу, затем кидал на пол с такой силой, что иконы разбивались. Разбитые иконы он приказал сжечь. Но царь упросил его не жечь их, а зарыть в землю. Показывая иконы народу, Никон называл по имени тех лиц, у которых были отобраны они, — все это были люди знатные и сильные; понятно, как это зlobило их. Вслед за тем Никон в горячей проповеди восстал против другого новшества — двуперстного крестного знамения. Антиохийский патриарх тут же через переводчика заявил, что нигде на Востоке православные такого сложения перстов не употребляют.

Около этого времени было получено послание от византийского патриарха в ответ на вопросы Никона, которые он послал ему несколько месяцев тому назад. Это послание, касавшееся разных уклонений и новшеств в русской церкви, еще более утвердило Никона в решимости искоренить их.

В августе 1655 года был напечатан Служебник, после рассмотрения его на соборе. Это была первая новоисправленная книга; в предисловии к ней справщики довольно подробно описали, как началось и велось дело исправления. Вслед за тем была издана другая книга — Скрижаль, переведенная с греческого; она служила как бы дополнением к первой, где излагался чин богослужения. В Скрижали давалось толкование на литургию и прочие священнодействия и церковные обряды, выяснялся смысл их. Эта книга тоже была издана после просмотра ее на соборе, и при ней было помещено послание византийского патриарха, которое придавало делу Никона силу и законность, о которой он, видимо, очень заботился.

В неделю православия, 24 февраля, совершилось событие, имевшее важные последствия. Успенский собор был переполнен народом. Собралось сюда все высшее духовенство, бывшее в Москве. Явился царь, окруженный знатнейшими боярами. И вот, когда начался обряд православия и приходилось изрекать проклятие врагам церкви, Макарий — патриарх Антиохийский, Сербский — Гавриил и Григорий — митрополит Никейский — стали пред царем и народом, и Макарий, сложив три пальца, воскликнул:

— Сими тремя первыми великими персты всякому православному христианину подобает изображать на лице своем крестное знамение, а кто по ложному преданию творит, той проклят есть!

То же повторили патриарх Сербский и митрополит Никейский. Все они действовали, конечно, по желанию Никона. Проклятие двуперстного сложения было большой ошибкой с его стороны. Если уничтожение «новых» икон возбудило у многих богобоязненных людей страх и неудовольствие, несмотря на то что все могли убедиться, что эти иконы сильно отступают от старинных образов православной церкви, то проклятие

двуперстного сложения должно было поразить многих ужасом: ведь так крестились раньше многие угодники Божии, а теперь это проклинали.

В. Шварц Патриарх Никон в Новом Иерусалиме

На новом соборе (23 апреля 1656 года) рассмотрена была книга Скрижаль, где напечатано было проклятие двуперстному сложению. На этом соборе изрекли уже проклятие на не повинующихся церкви последователей

двуперстия. Между тем исправление церковных книг и печатание продолжались. В 1656 году их вышло несколько (Триодь постная, Ирмологий и Часослов) и приготовлен был Требник, важнейшая богослужебная книга после Служебника. В 1657 году напечатаны Псалтирь, Евангелие и Апостол, а в следующем году издан Требник. Вместе с этим Никон старался исправлять и некоторые церковные обряды и обычаи согласно с тем, как было в греческой церкви.

Никогда еще не вводилось в русскую церковь столько перемен. Смелый преобразователь, ободренный поддержкой соборов и восточных святителей, шел смело к своей цели — очистить русскую церковь от всяких уклонений, от всяких новшеств. Он стоял за старину, но старину настоящую, так сказать, очищенную от всяких наростов и ошибок, накопившихся с течением времени вследствие невежества и злоупотреблений. Противники же его в тупом ослеплении считали, что все вводимое в церковь есть произвольные новшества и нарушение «святой старины».

К. Лебедев Сжигание старообрядческих книг

Чем больше работал Никон и его сподвижники, тем пуще злобились их противники. Патриарх, в свою очередь, не мог спокойно выносить несправедливых нападков и жалоб и по своему крутому нраву не щадил своих врагов: Павел, епископ Коломенский, был лишен сана и сослан; Иоанн Неронов, протоиерей московского Казанского собора, отправлен в заточение в вологодский монастырь; юрьевский протопоп Аввакум, самый упорный противник патриарха, тоже был сослан; другие были заключены в тюрьму. Но таким способом волнение не только не унималось, но пуще разжигалось. Когда патриарх велел служить по новым богослужебным книгам и стал рассылать их, во многих местах поднялся сильный ропот. Некоторые из прежних справщиков,

обиженные тем, что их труд признан негодным, возбуждали народ к сопротивлению.

Почти вся братия Соловецкого монастыря отказалась служить по новым книгам. Пошли толки и споры не только о сложении перстов при крестном знамении, но стали винить новых справщиков в ереси за то, что в их книгах напечатано «Иисус», тогда как надо писать «Исус», как в старых; корили Никона за то, что он ввел трегубое (троекратное) «аллилуйя», тогда как правильнее держаться прежнего сугубого (двойного); начались препирательства о том, какой крест правильнее — восьмиконечный или четвероконечный. Смута все росла и ширилась по Русской земле. Личных врагов у Никона было довольно. Многие из недостойных священников, отрешенных им от должностей за пьянство и другие пороки, конечно, не упускали удобного случая возбуждать против него народ. Его суровость вызывала вражду к нему со стороны многих.

— Знаете ли, кто он, — говорили иные, — зверь лютый, медведь или волк!..

На патриарха подавали царю челобитные, где всячески обвиняли Никона, корили его за то, что «он возлюбил стоять высоко и ездить широко». Именитые люди сильно недолюбливали Никона, завидовали его могуществу и близости к царю. Как мы видели, патриарх, уничтожая новые иконы, не щадил самолюбия знатных людей, резко обличал их. Кроме прежних справщиков и попов, удаленных с их мест, нашлось немало сеятелей вражды. Являлись разные прорицатели и ясновидцы, которые своими рассказами о видениях и знамениях смущали людей, вооружали против Никона. Разносились всюду предсказания, что скоро появится антихрист; 1666 год считался роковым временем. По рукам грамотных людей ходили книги «О вере» и «Орел», где тогдашние мудрецы излагали свои измышления о последних временах.

Неизвестный художник Портрет патриарха Никона

Бояре, кроме очень немногих, не выносили Никона за его независимый и решительный нрав, за резкие выходки и вмешательство в мирские дела. Никон вовсе не обладал гибкостью нрава, ловкостью, способностью сходитьсь и уживаться с разными людьми; он не умел обходить препятствий, его железная воля способна была сокрушить все, что становилось поперек дороги. Он

хотел, чтобы все повиновалось и подчинялось ему; считал себя вправе требовать этого от всех, так как был уверен в том, что все задуманное им ведет к благу. Люди, подобные Никону, могут иметь небольшой круг поклонников, нескольких страстных приверженцев, но у них всегда бывает больше недоброхотов и врагов, чем друзей.

Из бояр главными врагами Никона были Стрешневы, царские родичи по матери, Милославские, сама царица Мария Ильинична, Морозов, составители Уложения и многие другие. Более образованные из бояр, вроде Морозова, Романова и других, злобились на патриарха за то, что он, внеся в церковь, как они думали, «новшества», в то же время враждовал против всех тех европейских «новин», которые являлись в житейском обиходе у некоторых бояр: приказывая жечь картины и органы, резать ливреи у боярской дворни. Эта необдуманная нетерпимость Никона возбуждала против него даже и лучших людей того времени. Вражда иных доходила порой до нелепой крайности: так, например, Семен Стрешнев из ненависти к Никону назвал собаку его именем и выучил ее подражать движению благословляющего патриарха. Сильные недоброхоты патриарха зорко следили за ним, старались уловить каждый промах, всякий ложный шаг его, всякое необдуманное, резкое слово.

Но Никон, пока находил твердую опору в царе, неуклонно следовал своим убеждениям и не придавал большого значения своим противникам.

Патриарх Никон Царский титулярник XVII века

Разлад между царем и Никоном

Сильные враги Никона, конечно, не молчали: они беспрестанно внушали царю, что патриарх превышает свои права, вмешивается в правительственные дела, ни во что не ставит царскую власть. Как сильно ни любил царь Никона, но постоянные наветы и клевета свое дело делали: в душу царя вкрадывалось мало-помалу недовольство и недоверие к Никону. Крутой нрав патриарха и резкое отношение к людям, конечно, были не по душе «тишайшему» царю. Мягкий, податливый Алексей Михайлович был в то же время ревнив к своей власти, и вмешательство в дела правления со стороны Никона, который хотел быть таким же «государственнейшим» патриархом, каким был Филарет, без сомнения, не нравилось царю.

Перемена отношения царя к патриарху стала сказываться со времени возвращения царя из похода, в 1657 году. Алексей Михайлович на войне больше освоился с властью, окреп духом, возмужал, отвык от подчинения своему «собинному другу», а Никон, в свою очередь, заправляя в отсутствие царя всеми делами, церковными и мирскими, свыкся с властью, полюбил ее. Вернулся царь в Москву и нашел здесь другого властного государя, который к тому же и на грамотах писался «государем». Враги Никона не преминули, конечно, разными ловкими намеками и внушениями навести царя на мысль, что патриарх стал могучее его, раздуть искру недовольствия в душе его.

Время тогда было очень тяжелое. Война со шведами, начатая отчасти по совету Никона, кончилась неудачно; безденежье и затем выпуск медной монеты вместо серебряной породили, как известно, смуту и мятеж. У царя на душе было, конечно, нелегко. И вот в эту

печальную пору Никон строит свои монастыри (Воскресенский и Крестный) и просит у царя для них земель. Когда же потребовались средства на нужды государства и царь пожелал хоть в малой степени воспользоваться монастырскими богатствами, патриарх решительно восстал против этого.

Это очень не понравилось царю, но он, вместо того чтобы откровенно объясниться с патриархом, как сделал бы на его месте человек более решительный, стал отдаляться от Никона, избегать встречи с ним. А Никон, заметив холодность государя и не чувствуя за собой никакой вины, тоже обиделся — делал вид, что не нуждается в царской милости. Боярам, врагам патриарха, как нельзя более было на руку это взаимное охлаждение: теперь им легче было влиять на царя, которого тоже, конечно, оскорбляло гордое отчуждение патриарха; теперь враги его подняли голову, стали гораздо смелее. Монастырский приказ, который было совсем потерял значение, опять усилился и стал вмешиваться в церковные дела. Никон, не выносивший никаких ограничений и стеснений, начал писать царю резкие письма, называя нечестием вмешательство мирских властей в церковные дела. Бояре, конечно, старались истолковывать эти послания патриарха в смысле самом оскорбительном для царя.

Рознь между царем и патриархом усиливалась.

Наконец, летом 1658 года произошел окончательный разрыв. 6 июля был при дворе большой обед по случаю приезда в Москву грузинского царя Теймураза. Высокий царский гость шествовал с большим церемониалом во дворец. Окольный Хитрово наблюдал за порядком, расчищал путь; в это время пробрался сквозь толпу патриарший боярин, посланный к царю, и подвернулся как раз под руку Хитрово, когда он отгонял палкой напившую толпу любопытных; удар достался и на долю патриаршего посланца.

— Не дерись, — сказал он. — Я неспроста пришел сюда, я от патриарха!

— Не дорожись патриархом! — ответил Хитрово и ударил его снова палкой по лбу.

Едкое чувство обиды заговорило в сердце Никона, когда посланный им боярин жаловался ему на Хитрово. Уже то было тяжело самолюбию патриарха, что государь не позвал его на торжественный обед, тогда как, по обычаю, ему следовало быть там; а тут еще окольный дерзко оскорбляет его посланца, дает ясно понять, что теперь уже можно и не обращать внимания на патриарха.

Ф. Солнцев Старинная малая карета

Ф. Солнцев Серебряная кружка, украшенная финифтью и камнями, и турий рог, правленный золотом с камнями

В досаде Никон посылает царю письмо, где просит учинить сыск и наказать виновного за обиду. Государь в ответ сам написал: «Сыщу и по времени сам с тобою видеться буду...» Но прошел день, другой... 8 июля был храмовый праздник в церкви Казанской Божьей Матери. Патриарх со всем собором торжественно совершал богослужение. В таких случаях государь с именитыми боярами обыкновенно присутствовал в церкви; но на этот раз его не было. Через два дня было в Успенском

соборе празднование Положения ризы Господней, принесенной из Персии в Москву при Михаиле Федоровиче. На этом празднике государь всегда бывал в соборе; но теперь прислал сказать, что не будет. Понял, конечно, Никон, что добродушный и набожный государь сильно гневается на него, если даже отступает от прежнего благочестивого обычая присутствовать в праздничные дни на патриаршей службе. Наконец дело вполне разъяснилось. Царский посланец князь Ромодановский сказал ему:

— Царское величество гневается на тебя и потому не пришел ко всенощной, не велел ждать его и к обедне... Ты оскорбляешь царя — пишешься «великим государем», а у нас один великий государь — царь.

— Называюсь так не по своей воле, — отвечал Никон. — Так желал и велел мне называться и писаться его царское величество. У меня есть на то грамоты, написанные собственною его рукой...

— Царское величество, — перебил Ромодановский, — тебя почтил как отца и пастыря, но ты не понял, и теперь государь приказал сказать тебе, чтобы ты впредь не писался и не звался великим государем.

Не вынесло этого удара сердце Никона: он понял, что время его прошло, что козни бояр удались. Отслужив литургию и приняв Святые Тайны, он написал царю следующее письмо:

«Се вижу, на мя гнев твой умножен без правды, и того ради и соборов святых во святых церквах лишаешься; аз же пришлец есмь на земли; и се ныне, дая место гневу, отхожу от места и града сего, и ты имаши ответ пред Господом Богом о всем дати».

Это письмо Никон отправил царю; государь, прочитав, вернул письмо без ответа с патриаршим посланцем. Тогда Никон решился исполнить свое ранее задуманное дело. При конце обедни обратился он к

народу с поучением — сначала прочел слово из Златоуста, затем заговорил о самом себе.

— Ленив я был учить вас, — сказал он между прочим, — не стало меня на это, окоростовел от лени, и вы окоростовели от меня... Называли меня еретиком, иконоборцем за то, что я новые книги завел, камнями побить меня хотели. С этих пор я вам не патриарх...

Слова эти поразили народ, поднялся говор, шум. Трудно было разобрать, что говорил дальше патриарх. Потом одни заявляли, будто он сказал: «Будь я анафема, если захочу быть патриархом», но другие отвергали это показание.

Кончивши свою речь, Никон снял патриаршее облачение, надел мантию и черный клобук. Народ, наполнявший церковь, был сильно встревожен: многие плакали, другие кричали, что не выпустят его без государева указа. Некоторые из духовных лиц спешили к царю. Никон остался среди церкви; он был в большом волнении: то садился на ступени амвона, то вставал и направлялся к выходу, но народ его удерживал.

Никон, конечно, ждал, что государь сам будет просить его остаться; ждал этого и народ. Но вышло не так. Когда царю дали знать о случившемся в Успенском соборе, он был сильно озадачен.

— Я будто сплю с открытыми глазами! — проговорил он и послал князя Трубецкого и Стрешнева узнать у патриарха, что все это значит, кто его гонит.

Никон отвечал, что уходит по своей воле, что не хочет носить на себе царский гнев. Хотя ему и было передано от царя, чтобы он не оставлял патриаршества, но Никон, конечно, не того ждал: он надеялся от самого царя услышать ласковое слово примирения, ждал, что сам государь придет к нему, своему «собинному другу», но этого не случилось. Никон снял с себя мантию, вышел из собора и пешком отправился на подворье Воскресенского монастыря. Здесь переждал еще два

дня, быть может, все еще надеясь, что царь первый сделает шаг к примирению. Царь молчал. Тогда Никон уехал в Воскресенский монастырь.

Никон сначала, казалось, искренне хотел отказаться от патриаршества, просил государя скорее избрать ему преемника, чтобы церковь не вдовствовала; снова подтвердил, что сам не хочет быть патриархом, и по желанию царя благословлял митрополита Крутицкого заменять себя.

Как враги Никона ни хлопотали охладить чувства государя к Никону, но добродушному Алексею Михайловичу, видимо, было жаль Никона, который словно хотел забыть о власти, трудился очень усердно в своем Воскресенском монастыре, занимался каменными постройками, копал пруды, разводил рыбу, расчищал лес.

Царь давал ему денежную помощь на украшение монастыря; даже, в знак особенного внимания, в большие праздники посылал ему в монастырь лакомые яства. Никон мог еще надеяться на примирение с царем, но, на его беду, случились события, которые усилили рознь.

Царь Алексей Михайлович Романов

В патриаршем жилище, конечно по совету бояр, был произведен обыск в бумагах Никона. Это страшно обидело его, и он сгоряча написал царю крайне резкое письмо, сильно укорял его. «Удивляюсь, как ты дошел до такого дерзновения», — говорится между прочим в письме, тут же припоминаются и прежние обиды. Это письмо очень оскорбило царя, и он прекратил попытки к

сближению. Никон между тем стал сожалеть о покинутой власти — слишком он уже свыкся с ней и с широкой деятельностью. Напрасно старался он подавить свою тоску и недовольство; напрасно изнурял себя трудами при постройках: патриаршие власть и почет все еще мерещились ему, все еще привлекали его. Он старался уже всячески смягчить свой поступок — писал царю, что ушел из Москвы по своей воле, что сана с него никто не снимал и благодать Святого Духа осталась при нем. С большим гневом обрушился он на митрополита Крутицкого, когда тот в Неделю ваий совершил шествие на «осляти», которое Никон считал патриаршим обрядом.

Время тянулось; конца разладу не предвиделось. Избирать нового патриарха при прежнем, который теперь не желал отказаться от этого сана, было совсем не удобно — можно было опасаться двоевластия в церкви.

В феврале 1660 года, по желанию царя, состоялся собор из высшего русского духовенства и некоторых греков. Между духовными лицами было много врагов Никона — все помнили его властный, крутой нрав. Собор обвинил Никона в гордости, в самовольном оставлении патриаршего престола и присудил его даже к лишению священного сана; только Епифаний Славинецкий и один архимандрит заявили потом о незаконности суда без допроса подсудимого. Царь, впрочем, и не думал приводить в исполнение решение собора, а Никон назвал этот собор «жидовским сонмищем». Узнав, что митрополит Крутицкий запретил помянуть его в церквах, Никон принял это за горькую обиду и предал его анафеме. Царя это сильно встревожило.

А. Кившенко Церковный Собор. Начало раскола

В это время прибыл в Москву гаазский митрополит Паисий Лигарид, человек умный и весьма образованный, но способный кривить душой. К нему, как к лицу знающему, часто обращались за советом, и ему пришлось в деле Никона принять большое участие. Лишенный своей кафедры за склонность к латинству, Паисий долго скитался по Греции и Италии; его еще раньше приглашал в Москву сам Никон, нуждавшийся при церковном исправлении в образованных людях. Теперь ловкий и угодливый грек смекнул, что ему гораздо выгоднее стать на сторону врагов патриарха: когда Стрешнев предложил Паисию на решение вопросы о поведении патриарха и об отношении его к царю,

Паисий отвечал полным осуждением действий Никона, винил его за гордость, за жестокое обращение с духовенством, за частое употребление отлучения от церкви; даже по поводу собаки Стрешнева осуждал Никона за то, что тот «за шутку» предал боярина анафеме.

Никону были доставлены эти вопросы и ответы. Он принялся горячо опровергать их, излил на бумаге весь свой гнев, смело и резко высказывал свои убеждения и взгляды на отношения церкви и государства, на власть патриарха — дошел в увлечении и запальчивости даже до того, что заговорил языком пап.

«Не от царей, — писал он, — приемлется начало священства, но от священства на царство помазуются; священство выше царства. Не давал нам царь прав, а похитил наши права: церковью обладает, святыми вещами богатится; завладел он церковным судом и пошлинами. Господь двум светилам светить повелел — солнцу и луне, и чрез них нам показал власть архиерейскую и царскую: архиерейская власть сияет днем, власть эта над душами, царская — в вещах мира сего».

Боярыня Морозова навещает протопопа Аввакума в тюрьме Миниатюра работы А. Великанова

Паисий составил целый ряд вопросов, которые были посланы восточным патриархам. Хотя речь шла здесь о действиях Никона, но имя его не упоминалось. Ответы всех патриархов были не в его пользу; один только иерусалимский в отдельном послании умолял царя помириться с Никоном без суда.

Но мириться теперь было уже трудно. Враги Никона все делали, что только было можно, чтобы раздражить его и вывести из терпения. Окольничий Боборыкин завладел неправильно землей Воскресенского монастыря; на челобитье патриарха по этому делу монастырский приказ не обратил внимания. Тогда Никон написал государю резкое письмо, где сильно восставал против мирской власти в церковных делах, даже грозил царю гневом Божиим за издание Уложения. Боборыкина он предал анафеме в своей монастырской церкви, а тот донес в Москву, будто бы Никон проклинал самого царя и семью его.

Царь был поражен этим и говорил со слезами на глазах собору архиереев:

— Пусть я грешен, но чем виноваты жена моя и любезные дети мои и весь двор мой, чтобы подвергаться клятве?

Никон был по этому делу допрошен; допрашивали и других, и обвинение оказалось совершенно ложным. Постоянные препирательства, жалобы, обвинения — все это, конечно, страшно томило впечатлительного Алексея Михайловича. Он решился пригласить в Москву восточных патриархов, чтобы окончательно решить дело Никона.

Между тем и Никон начал сильно жалеть о разладе с царем. Теперь, когда его враги, и не только могущественные, но и ничтожные, еще так недавно трепетавшие пред ним, всесильным великим «государем и патриархом», «собинным другом царя», давали ему почти на каждом шагу чувствовать его падение, старались всячески оскорбить его, — удар за ударом наносился его самолюбию, и у него не хватало больше терпения выносить все огорчения. Никогда, быть может, жажда власти и величия так не томила его, как теперь. И вот в такую-то пору один из очень немногочисленных друзей его, боярин Зюзин, задумал примирить его с

царем — написал письмо, в котором советовал Никону внезапно приехать в Москву на праздник Петра Чудотворца, к утрени, прямо в собор, и пригласить, по обычаю, государя в церковь, как будто и не бывало никакой размолвки между ними. Зюзин намекал, что такова и воля самого государя. Надо думать, что боярин, слыша часто от царя сожаление о разладе с патриархом, вообразил, что он большую услугу окажет им обоим, если как-нибудь сведет их и даст им удобный случай примириться. Два раза он писал Никону об этом, и его письма как нельзя больше совпадали с тайным желанием Никона. Он отдался весь молитве и посту — молился, чтобы Господь вразумил его, как поступить. Раз, когда он, изнуренный долгой молитвой, забылся, ему, как он сам потом рассказывал, привиделось, будто бы он стоит в Успенском соборе и видит, что все почившие святители восстали из своих гробов и подписывают рукопись о вторичном возведении его на патриаршество. После этого он решился последовать совету Зюзина.

С 17 на 18 декабря 1665 года в Успенском соборе шла заутреня. Часа в 3 утра вдруг с шумом растворилась дверь, и вошел Никон с толпой монахов, с преднесением креста, взял посох митрополита Петра и стал на патриаршем месте. Монахи пропели: «Исполла эти, деспота» и «Достойно». Все в церкви оторопели и недоумевали, как быть. Величаяя осанка Никона, его решительный, повелительный голос действовали на всех неотразимо; когда он позвал духовенство к благословению — все стали подходить к его руке.

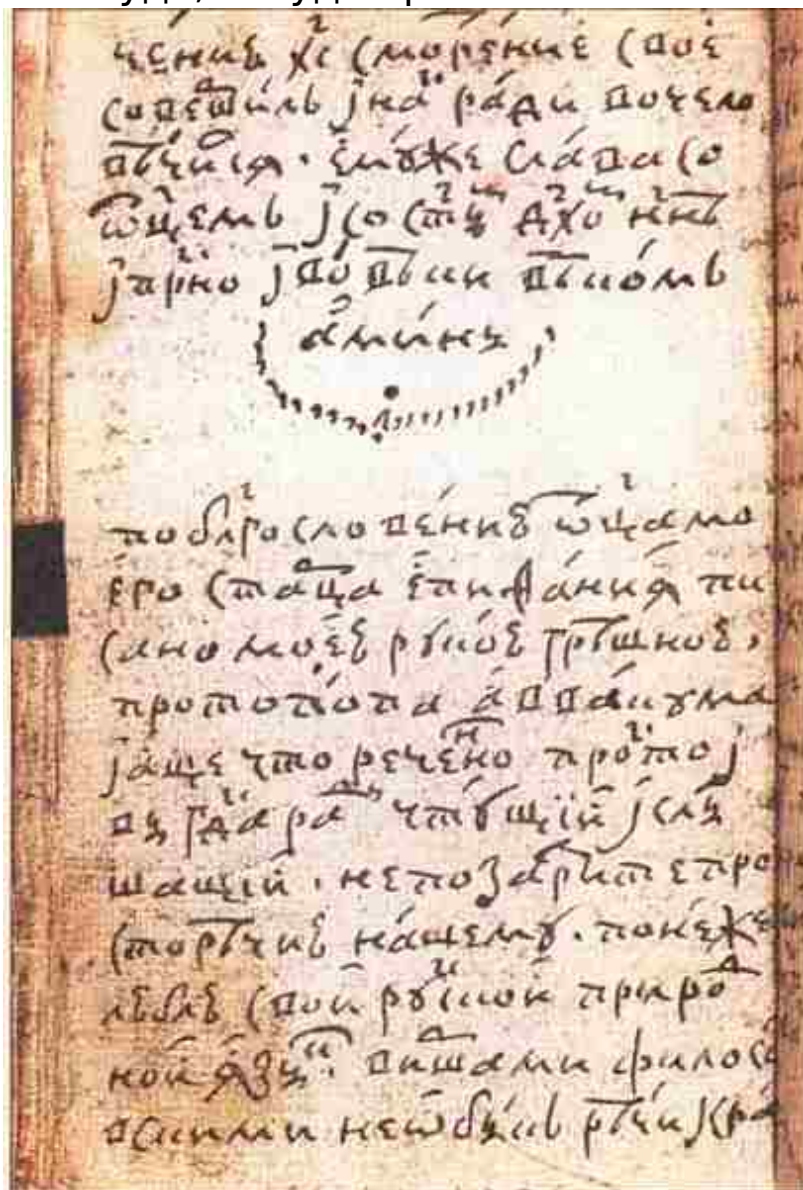
Дали знать царю. Во дворце поднялась страшная суматоха. Бояре растерялись, качали головами, не знали, что делать, и только твердили: «Ах, Господи, ах, Господи!»

Никон прислал из собора царю письмо, где рассказал о своем видении и где в конце говорил:

«Пришли мы в кротости и смирении, неся с собою мир: хотите ли самого Христа приять?»

Царь был так смущен, что врагам Никона нетрудно было направить его волю по своему желанию. От имени царя к нему явились бояре, корили его за самовольное возвращение и сказали:

— Уезжай туда, откуда приехал!

**Автограф протопопа Аввакума Пустозерский
сборник. 1675 год**

Никону ничего более не оставалось, как исполнить это. Последняя надежда его на примирение с царем горько обманула его. Он приложился к образам и, взяв с собой посох святого Петра, вышел из церкви и сказал, что отрясает прах от ног своих.

— Мы этот прах подметим! — насмешливо заметил стрелецкий полковник.

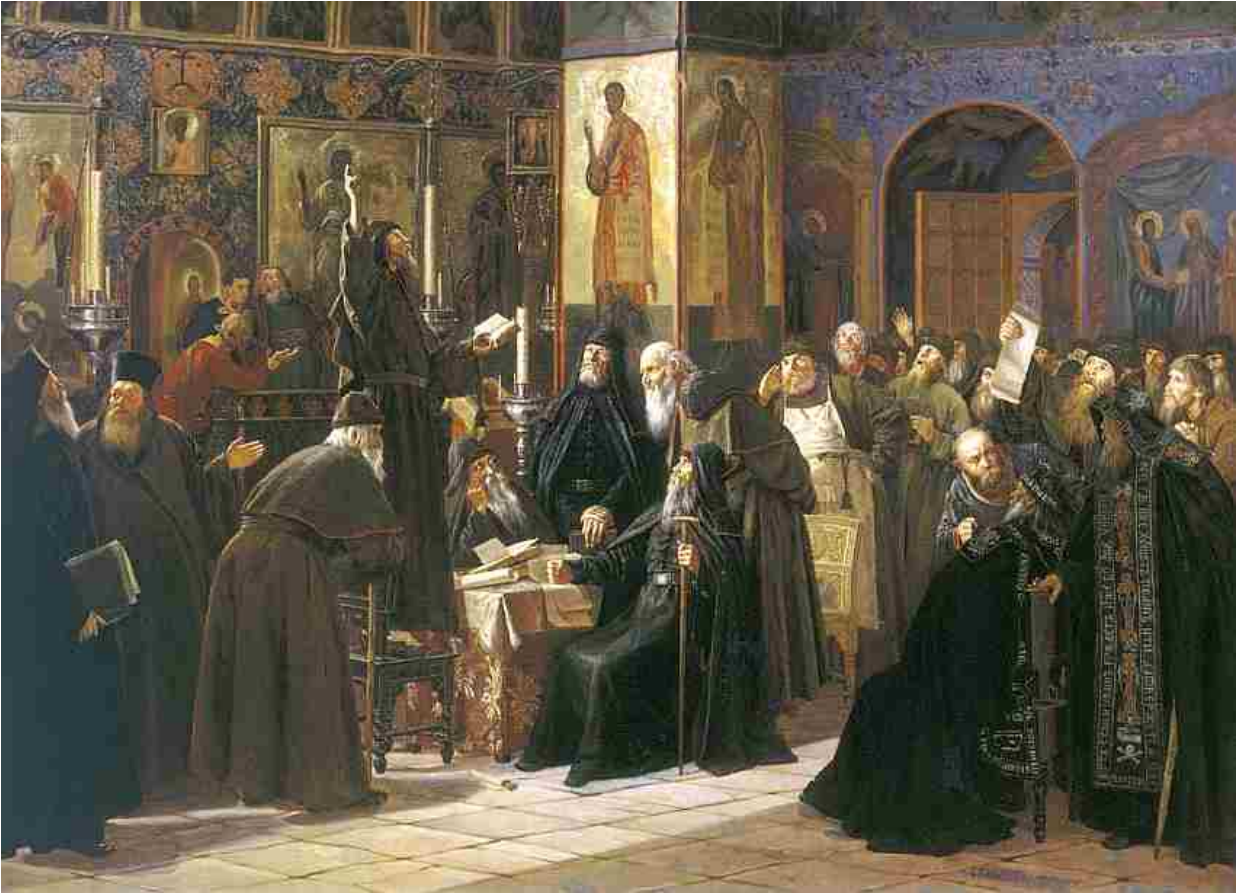
— Да разметет вас Господь оной божественной метлою! — гневно сказал Никон, указывая на комету, горевшую в это время на небе и напоминавшую видом своим метлу.

Никон уехал в свой Воскресенский монастырь. На пути у него отобрали посох святого Петра и допросили насчет приезда в Москву. Никон выдал Зюзина; его после допроса и пыток сослали в Казань.

В. Перов Никита Пустосвят. Спор о вере

Удаление патриарха и его размолвка с царем были как нельзя больше на руку врагам всяких «новшеств» в церковном деле. Они заговорили смелее, чем прежде. Самый рьяный из ревнителей старины, Аввакум, был возвращен из Сибири и явился в Москву. Сам царь ласково беседовал с ним — старался склонить его к уступкам. Сначала Аввакум, казалось, поддался увещанию, но ненадолго, а там опять принялся за свою прежнюю проповедь в защиту старины, будто бы поруганной Никоном. Горячая, искренняя и сильная проповедь Аввакума действовала на многих: ему удалось привлечь к своему учению нескольких боярынь, в том числе княгиню Урусову и боярыню Морозову, которые помогли расколу. Никита Пустосвят и Лазарь Муромский своими сочинениями тоже послужили «старой вере». Немало было и других поборников ее. Повсюду являлись разные странники, отшельники, блаженные, которые возвещали народу, что наступает кончина света, что скоро придет антихрист, грозили вечной гибелью всем, кто примет трехперстное сложение, трегубое «аллилуйя», будет произносить и писать «Иисус» вместо «Исус» и прочее.

***С. Милорадович Церковный Собор. Восстание
Соловецкою монастыря против новопечатных книг в
1666 году***

Надо было, наконец, принять какие-нибудь решительные меры против распространения раскола. Собор духовных лиц в 1666 году рассмотрел и осудил сочинения некоторых лжеучителей; призывали их и других распространителей вредных мнений против церкви, обличали, увещевали их отречься от заблуждений, грозили подвергнуть наказанию. Многие выражали раскаяние, но были и нераскаянные староверы: Никита Пустосвят хотя с виду и отрекся, но с тайным намерением снова помогать расколу; Аввакум не сдался ни на какие убеждения — его торжественно

лишили сана, предали проклятию и сослали в Пустозерский острог. Иным за их резкие выражения даже урезаны были языки.

Никон, узнав, что по поводу его удаления с патриаршего престола царь хочет собрать собор в Москве, поспешил предупредить патриарха Византийского обо всем, как было. В длинном послании Никон откровенно рассказал о причинах своего удаления, жаловался, не стесняясь в выражениях, на самого царя, бранил Паисия Лигарида.

Послание это не дошло по назначению: оно было перехвачено по дороге и послужило потом значительно к обвинению Никона.

Суд над Никоном

В ноябре 1666 года прибыли в Москву патриархи. Торжества в честь их длились целый месяц. Наконец приступили к делу. Паисий Лигарид, которому поручено было исполнять обязанность докладчика, сумел подготовить патриархов, настроить их против Никона.

В начале декабря Никон был привезен в Москву. Перед отъездом из монастыря он приобщением и елеосвящением приготовился к собору, словно к смерти, сказал поучение братии и простился с ней. Повезли его ночью с такой тайной, что он даже в сильном раздражении спросил везших его, уж не хотят ли его задавить, как митрополита Филиппа.

Никогда еще не бывало в Москве такого собора, какой состоялся теперь. Два восточных патриарха (Антиохийский — Макарий и Паисий — Александрийский), 10 митрополитов и множество других духовных лиц заседали на этом соборе.

Никон явился сюда во всем величии патриаршего сана, с преднесением креста, так что все, и сам царь, должны были встать при его входе. Царь указал ему на место наряду с архиереями. Никон огляделся и, увидев, что не было для него особенного почетного патриаршего места, сказал:

— Благочестивый царь, я не принес своего места с собой; буду говорить стоя!

Все восемь часов, пока продолжалось заседание, Никон простоял, опершись на свой посох.

На соборе дело приняло такой вид, как будто бы между царем и патриархом шла тяжба, а собор должен был совершить суд. Сам государь со слезами на глазах, взволнованным голосом начал жаловаться на самовольное удаление патриарха, на восьмилетнюю

смуту в церковных делах и заявил, что никакой вражды не питал к Никону.

Будь Никон уступчивее, смирился он хотя немного, и, кто знает, быть может, тут же, на соборе, совершилось бы примирение между прежними друзьями. Но Никон, во всем блеске своего величия, опершись на посох, гордо стоял пред царем и собором. Много горечи и обиды накопилось в его душе; не смирение и любовь, а чувство обиды говорило в сердце его. На обвинения он отвечал обвинениями, объяснил, что ушел от гнева государя, а патриаршества не оставлял. Царь предъявил собору перехваченное письмо Никона к византийскому патриарху и жаловался на обидные выражения. Никон отвечал, что послание писал он к своему собрату тайно и не виноват, что написанное тайно сделалось явным. На чтении и разборе письма собор остановился долго. Делались замечания, спорили, обвиняли патриарха в самовольстве, гордости, превышении власти. В жару спора Никон делал резкие замечания, тем более что он не мог не видеть, что к нему придираются, хотят его обвинить во что бы то ни стало.

На втором заседании, когда речь зашла о побоях, нанесенных боярином Хитрово патриаршему посланному, патриарх Антиохийский Макарий заявил, что боярин вполне прав, так как он исполнял царскую службу, и при этих словах сам встал с места и благословил его. Сильно напали на Никона за его резкий отзыв о Паисии Лигариде, за обвинение его в неправославии. Никон, крайне раздраженный спором, выразил тут же сомнение в достоинстве собора и в праве собравшихся лиц судить его и даже усомнился в православии греческого Номоканона, напечатанного в Италии.

12 декабря в патриаршей Крестовой церкви были прочтены Никону обвинения: выставлялось на вид, что он смутил Русское царство, вмешивался в гражданские

дела; что давал своему монастырю гордые названия Вифлеема, Голгофы, Иерусалима; что злоупотреблял анафемой, Номоканон называл еретической книгой; что мучил иноков мирскими наказаниями и пытками.

Его объявили лишенным патриаршества и священства, только иночество было оставлено за ним.

Затем был исполнен обряд снятия сана. При этом Никон спросил:

— Почему вы действуете здесь, в монастырской церкви, тайно, как воры? При всем народе в соборе умоляли меня принять патриаршество. Пойдем и теперь в ту же великую церковь.

Патриархи сами сняли с него клобук и панагию. Не смог снести всего этого молча бывший всесильный владыка, не сдержал своего сердца.

— Жемчуг-то с клобука поделите меж собою, — заговорил он, — придется вам по несколько золотников. Бродяги!.. Ходите повсюду за милостыней, чтобы султану заплатить дань!

Решено было отвезти Никона в заточение в Ферапонтов монастырь.

С. Милорадович Суд над патриархом Никоном

— Никон, Никон! — говорил он, садясь в сани. — Отчего все это тебе приключилось? Не говори правды, не теряй дружбы сильных. Устраивал бы ты богатые трапезы да вечерял бы с ними — не было бы тебе этого!

Тяжело жилось в первые годы «ферапонтовскому заточнику». Архимандриту, который должен был находиться при нем, был дан строгий наказ:

«Беречь, чтобы монах Никон писем никаких не писал и никуда не посылал; беречь накрепко, чтобы никто никакого оскорбления ему не делал; монастырским ему владеть ничем не позволять, а пищу и всякий келейный покой давать ему по его потребе».

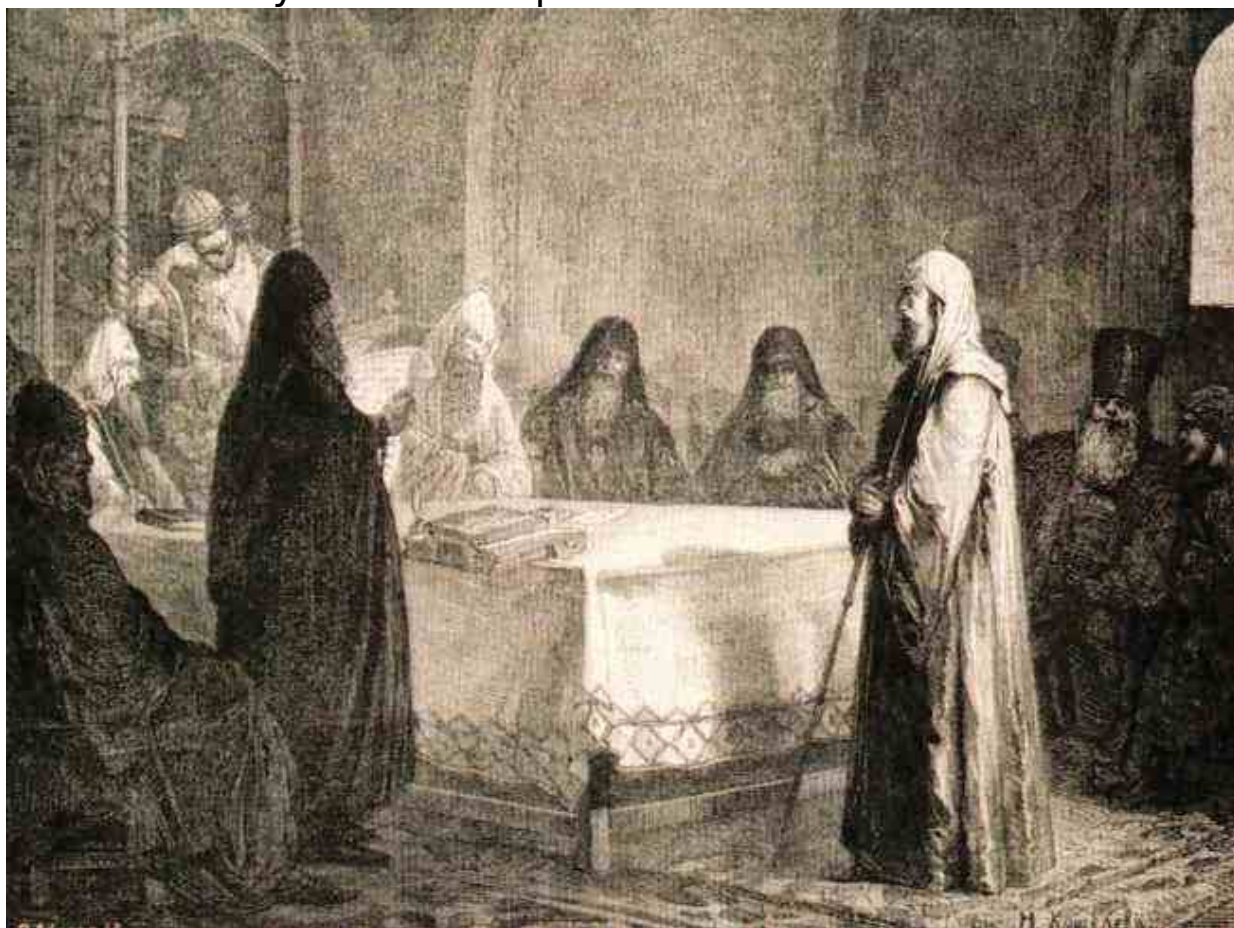
Хотя особенным лишениям Никон не подвергался в заточении и обходились с ним по царскому приказу бережно, но отсутствие власти и широкой деятельности было для него крайне тяжелым лишением. Государь, видимо, жалел Никона, быть может, в душе даже раскаивался, что поступил с ним слишком строго. Высокомерие и гордость Никона во время соборного суда должны были, конечно, сильно раздражить вспыльчивого Алексея Михайловича, но когда дело кончилось и могучий прежде и величавый патриарх обратился в злосчастного заточника отдаленной пустыни, то обычная доброта несомненно заговорила в сердце царя и ему стало жаль Никона, своего бывшего задушевного друга. Быть может, закрадывался в душу благочестивого царя и страх, и шевельнулся даже вопрос, по-христиански ли он поступил. Отменить решение собора уже нельзя было, но ослабить силу горечи в душе пострадавшего и хотя бы сколько-нибудь примириться с ним еще было возможно. И вот царь, еще пред отъездом Никона в Ферапонтов монастырь, посылает ему с боярином деньги, меха, одежды и просит прощения и благословения, но Никон отказывается принять царские дары, не дает благословения и говорит: — Будем ждать суда Божия!

С. Милорадович Суд над патриархом Никоном

Алексей Михайлович и после этого посылал ему дары, но Никон отсылал их назад; только в Пасху 1667 года он принял привезенное ему от царя вино и пил за его здоровье. После этого положение Никона улучшилось: ему позволено было выходить из монастыря, увеличено содержание, в монастыре стали оказывать ему почет, как патриарху. Он сам никак не хотел допустить мысли, чтобы собор мог лишить его сана, и постоянно употреблял патриарший титул: вырезал его на крестах, которые ставились около монастыря по дорогам; вырезал его на стульях своей работы. На Никона делали доносы, будто он хочет бежать из монастыря и вернуть себе свой сан с помощью

черни, а во время разинского восстания доносили, будто он был в сношениях с мятежниками. Но дознание не подтвердило доноса, и царь до своей смерти выказывал благосклонность бывшему патриарху — посылал ему щедрые дары, разбирал его частые жалобы. Никон под старость заметно слабел и телом, и умом. Всякие мелочи и дразги гневили его; он постоянно вздорил с монахами, особенно не ладил с инокami соседнего Кирилловского монастыря, беспрестанно докучал царю жалобами, иногда даже нелепыми, жаловался между прочим на кирилловского архимандрита, например, за то, что он насылает ему в келью чертей.

Н. Кошелев Патриарх Никон перед судом

Борьба с расколом

Тот же собор, который осудил Никона, одобрил его церковные исправления и книги, изданные им. На этом же соборе были допрошены главные противники их, «староверы», как называли они себя. Одни из них (Александр Вятский, Феокист, Никита, Ефрем и Неронов) покаяться и были прощены, нераскаянные (Аввакум, Лазарь, Федор) преданы анафеме и сосланы в ссылку. В 1667 году Великий собор, на котором были восточные патриархи, снова подтвердил эти постановления и в самых сильных выражениях произнес анафему на всех непокорных.

После этого все староверы обратились уже в раскольников и совершилось их решительное отделение от церкви. Так явился раскол — одно из самых печальных явлений русской жизни. Крайнее невежество и дух крайней нетерпимости породили его. Никон, как мы видели, вовсе не вводил чего-либо нового в церковную жизнь, напротив, он хотел восстановить в церкви настоящую старину, очистив ее от тех наростов и извращений, какие явились вследствие злоупотреблений и ошибок, которые именно и были печальными новшествами в русской церкви. Никон был «старовером» и «старообрядцем» в лучшем смысле этих слов, а противники его, называвшие себя этими именами, этого не понимали и стояли за старину, восходившую не дальше их отцов и дедов, — старину, искаженную невеждами-справщиками. В основе раскола, таким образом, лежит огромное недоразумение. Да и те «новшества», которые будто бы вводились Никоном в церковный обиход, вовсе и не касались сущности православной веры. Но в том-то и беда, что в то время вследствие невежества обрядность заслоняла сущность

веры, и потому этой сущности многие совсем понять не могли. Сложение перстов, двоеение или троеение «аллилуйя», служение на пяти или семи просфорах, восьмиконечный или четвероконечный крест на них — вот главные вопросы, которые послужили поводом к расколу.

Ревнители «древнего благочестия» твердили только одно:

— До нас положено, и лежи оно так во веки веков; православным помереть нужно за един аз!

Непонимание сущности веры и слепая нетерпимость, неизбежные спутники невежества, привели к ожесточенной борьбе. Ревнители старины всячески старались мешать Никону в деле благоустройства церкви, а он, по своему нраву не выносивший противоречия, не довольствовался духовным оружием. Да и справедливость требует сказать, что этого оружия не доставало: не было еще ни школ, ни проповедников; пошли в дело ссылки, тюрьма, телесные наказания; явились, таким образом, «гонимые за веру мученики». Ревнителей древнего благочестия, этих без вины виноватых, на соборе предали анафеме; правительство смотрело на них как на преступников; да и могло ли оно смотреть иначе на людей, которых проклинала церковь? И вот люди, заблуждающиеся в делах веры, но считающие именно себя хранителями божественной истины, обращаются невольно в государственных преступников.

В. Суриков Боярыня Морозова

Сильнее всего сказались противодействие церкви и государству на дальнем севере — в Соловецком монастыре. Когда в 1657 году были присланы новые книги, их не хотели принимать, и началось «стояние за старую веру». Сначала в Москве не обратили большого внимания на это: были заняты вопросом о Никоне. В Соловках было много приверженцев старины. Главным коноводом явился архимандрит Никанор, живший здесь на покое; он был заклятый ревнитель старины и более всех побуждал братию «постоять за старую веру».

В Соловецком монастыре смелее, чем где-либо, раздались мятежные крики:

— Не принимаем новоизданных книг; не хотим знать троеперстного сложения, имени «Иисус», трегубого «аллилуйя»! Все это латинское предание, антихристово учение; хотим оставаться в старой вере и умирать за нее!

Сюда был прислан для увещания непокорных архимандрит Сергей из Москвы. Он собрал монахов и

прочел им царский указ и грамоты собора.

— Указу великого государя мы послушны, — кричали ему в ответ, — и во всем ему повинuemся, а повеления о сложении перстов, об «аллилуйя» и новоизданных печатных книгах не приемлем!

Сожжение протопопы Аввакума в Пустозерске в 1682 году Миниатюра работы А. Великанова

При этом встал Никанор и, показывая троеперстное сложение, закричал:

— Это учение и предание латинское, предание антихристово — я готов пострадать! Да у вас теперь и главы, патриарха, нет, а без него вы некрепки!

— Выберите кого-либо, с кем можно было бы говорить без шума! — сказал Сергей монахам.

Со всех сторон раздалось: «Геронтий, Геронтий!» Выступил Геронтий и задал Сергию вопрос:

— Зачем вы в молитве «Господи Иисусе» отъемлете имя Сына Божия?

При этом все монахи завопили:

— Ох, ох! Горе нам! Отнимают у нас Сына Божия! Где вы девали имя Сына Божия?!

Говорить и убеждать тут было излишне.

Пробовал Сергей говорить с Геронтием при немногих свидетелях, но и здесь дело кончилось ничем.

Чтобы как-нибудь сломить упорство противников, Сергей стал задавать «страшные» вопросы:

— Как, по-вашему, великий государь, царь Алексей Михайлович, православен ли?

Монахи отвечали на это, конечно, утвердительно.

— А повеления его, присланные к вам, православны ли?

Застигнутые врасплох этим вопросом, монахи смолчали.

— Освященный собор православен ли? — продолжал Сергей.

— Прежде патриархи были православны, — отвечал Геронтий, — а теперь Бог весть, потому что живут в неволе, а российские архиереи православны!

— А соборное повеление, присланное с нами, православно ли? — допрашивал Сергей.

— Повеления соборного не хулим, — отвечали ему, — а новой веры и учения не приемлем, держимся предания святых чудотворцев и за их предания хотим все умереть!

В челобитной, посланной царю от соловецкой братии, находим между прочим следующее:

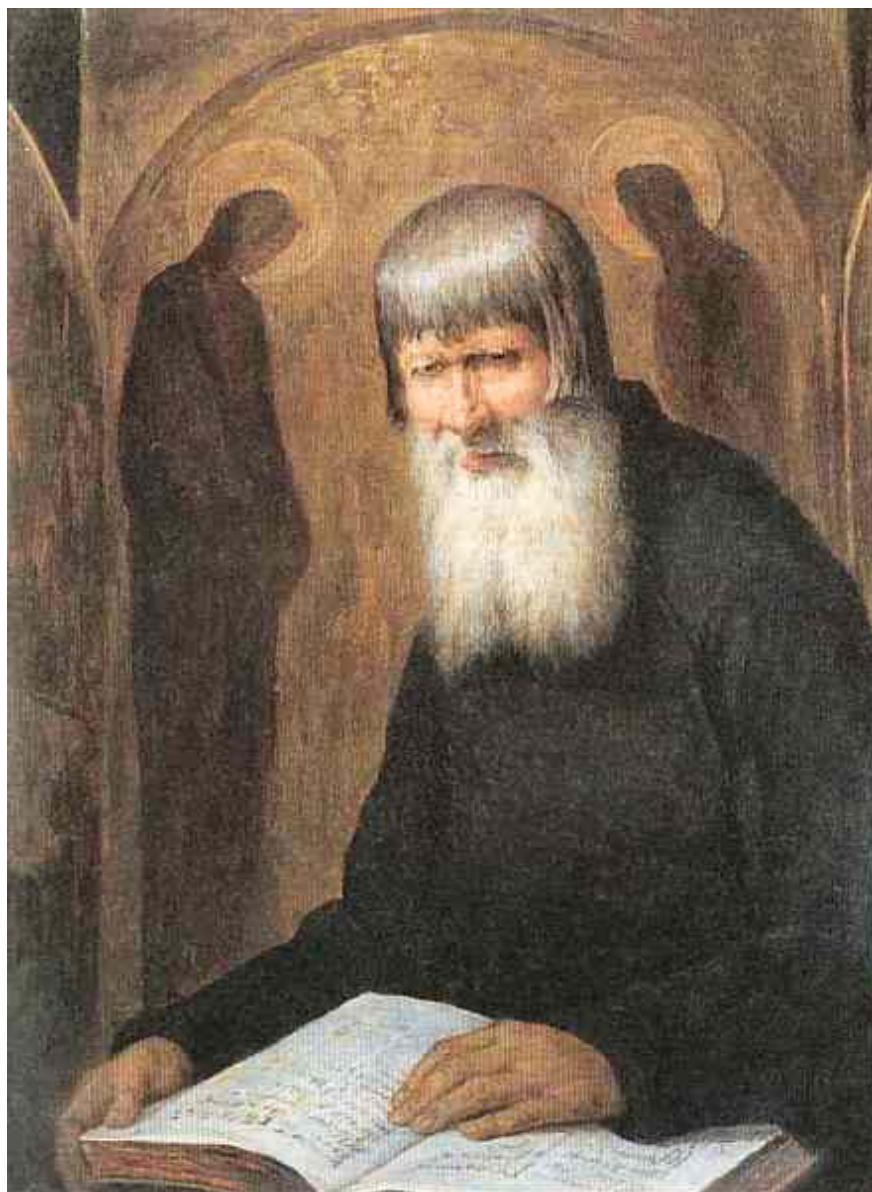
«В новых книгах Никона вместо „Исуса“ написано с приложением лишней буквы „Иисус“, что нам, грешным, страшно и помыслить. Милосердый государь! Помилуй нас, нищих своих богомольцев, не вели нарушать

предание прародителей твоих и начальников наших, соловецких чудотворцев!»

Когда же из Москвы были присланы новые увещания, то соловецкие монахи повторяют то же самое и, говоря, что они готовы умереть за старину, прибавляют:

«Вели, государь, на нас свой царский меч прислать и от сего мятежного жития переселить нас на оное безмятежное житие».

После этого действительно оставалось только обнажить меч.

В 1668 году под стенами Соловецкого монастыря явился небольшой отряд стрельцов. Со стен обители загремели пушки. Стены, построенные еще Филиппом, были крепки, на них стояло 90 пушек, запасов было много; в монастыре было человек пятьсот всякого люда, в том числе немало воровских казаков с Дона. Мятежники думали «отсидеться» и «отбиться» от царской рати.

Только через восемь лет, 22 января 1676 года, после упорной обороны, удалось уже третьему воеводе взять монастырь приступом. Главнейшие мятежники были повешены.

С этой поры идет неустанная борьба правительства с расколом. Усиливаются преследования — растет и ревность староверов; они в своем невежественном ослеплении воображают себя мучениками за истину, потом распадаются и сами на разные толки; некоторые из них доходят до изуверства.

Московские стрельцы

Восстание Разина

На Дону, как известно, обитало многочисленное казачество. Оно резко распадалось на «домовитых», настоящих казаков, и «голутвенных», или голытьбу. Последние представляли скопища всяких скитальцев и беглецов, искавших на «тихом» Доне вольного казацкого житья. Из них-то и составлялись шайки воровских казаков, ходивших на Волгу и другие торговые пути грабить купеческие караваны, «зипунов себе добывать», как выражались они. Для защиты от них приходилось посылать с купцами вооруженные отряды; для этой же цели служили построенные по Волге городки, то есть небольшие крепости, население которых в старину состояло преимущественно из служилого люда и которые впоследствии разрослись в настоящие города; таковы были Самара, Саратов, Черный Яр, Царицын.

С конца XVI века, со времени закрепощения крестьян, число воровских казаков на Дону быстро растет; толпы беглого люда постоянно прибывают сюда. Усиление крепостничества в XVII веке, обременение крестьян всякими повинностями и поборами, притеснения воевод, неправосудие — все это усиливает побеги и деревенских крестьян, и посадских людей. Деревни, села и целые посады пустеют. Служилые люди жалуются на безлюдье в своих поместьях, не могут отбывать воинской повинности, вконец разоряются. Начинается со стороны правительства усиленная ловля беглецов: они не могут даже по степной окраине осесть, им постоянно приходится скрываться, жить вне закона, переходить с места на место, пробавляться «воровским промыслом». Разбои усиливаются. Правительство то и дело посылало воинские отряды да сыщиков ловить этих «лихих людей». В самой Москве разбои, грабежи,

убийства принимают ужасающие размеры. Все это было следствием не одной только нравственной грубости, а также и крайней бедности и бесправия низшего, черного люда. Беглецы, ушедшие из государства, из-под закона, становились злейшими врагами их, тем более что должны были ожидать преследования от них.

Голытьба, собравшаяся в огромном числе по низовьям Дона, Волги и Яика (Урала), только и ждала себе смелого вождя, чтобы начать «лихие дела» в больших размерах. Такой вождь нашелся. Это был Стенька Разин.

Он был настоящим порождением буйной, разбойничьей вольницы.

Силач, могучего сложения, с мрачным, грозным видом, Стенька невольно обращал на себя внимание каждого: в его правильном, но суровом лице и диком, пронизательном взоре, в решительных движениях, в голосе сразу чувствовалась железная, непреклонная воля. На толпу его вид и речь производили подавляющее впечатление: суеверный люд видел в нем какую-то темную, неотразимую силу, считал его колдуном. В его душе гнездилась ненасытная жажда зла. Кровожадный и жестокий, он тешился муками своих жертв; ему необходимы были необычайные, сильные, страшные ощущения; сострадания он не знал. Необузданная воля не выносила ничего, что может сколько-нибудь сдерживать ее: совесть, честь, справедливость для него не существовали. Он всей силою своей души ненавидел все, что ограничивает и направляет деятельность человека: закон, государство, церковь; он был вполне представителем голутвенных казаков-разбойников, «удалых добрых молодцев», как называли они себя. В одной казацкой песне говорится:

У нас-то было, братцы, на тихом Дону,
Породился удал добрый молодец

По имени Стенька Разин Тимофеевич;
Во казачий круг Степанушка не хаживал,
Он с нами, казаками, думу не думывал —
Ходил, гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепку думушку с голытьбою!
Судари мои, братцы, голь кабацкая,
Поедем мы, братцы, на сине море гулять;
Разобьем, братцы, басурмански корабли —
Возьмем мы казны сколько надобно!

В. Суриков Голова Степана Разина

Стенька с домовитыми казаками сойтись не мог: они верно исполняли царскую службу и соблюдали законность. Атаман их Корнилий Яковлев в Черкесске, уважаемый ими, сдерживал их от каких бы то ни было незаконных действий; зато тут же нашлось немало

голытьбы, готовой идти за дерзким вожаком на какое угодно предприятие. Набрав себе шайку отчаянных казаков, Разин задумал было погулять по Азовскому морю, «пошарпать» турецкие берега, но Яковлев не допустил этого.

Тогда на нескольких стругах (легкие суда) Разин поднялся вверх по Дону и переправился на Волгу. Скоро здесь заговорили о лихих разбойниках. Ватага Стеньки была разделена на сотни и десятки и управлялась по казацкому обычаю, а сам Разин был атаманом. На берегу Волги они заложили стан и поджидали добычу — и недолго пришлось ждать. Шел по Волге целый караван судов с товаром, в сопровождении отряда стрельцов; но у Разина было уже с тысячу товарищей, готовых на все. Караван был остановлен, ограблен, хозяев Стенька приказал повесить на мачтах, других утопить, а простым стрельцам и рабочим он объявил:

— Вам всем воля; идите себе куда знаете. Силой я не стану вас неволить быть у себя, а кто хочет идти со мной — будет вольный казак...

Работники и стрельцы пристали к Разину.

Затем он пробрался на Яик, где было много воровских казаков; смелым обманом он завладел здешним городком и засел в нем на зиму. Царские отряды, высланные против него из Астрахани, были разбиты.

Из Яика Разин отправился промыслять на море, грабил персидские суда, приставал к персидским берегам, опустошал села и города. Нападали казаки по большей части невзначай, так что жители со страху разбегались и покидали свое достояние, а там, где можно было ожидать отпора, Стенька пускался на хитрости. Добычу казаки промыслили себе небывалую, многих захватили в плен, пленных персиян обменивали на христианских невольников и потом хвалились, будто сражались за свободу своих братьев по вере и племени.

Неизвестный художник Портрет Стеньки Разина

Персидский шах выслал против Разина семьдесят боевых судов. Казаки вступили с ними в бой, потопили большую часть их, а некоторыми завладели. Эта победа доставила Стеньке Разину громкую славу в казацком мире.

Велика была добыча «лихих удальцов», много награбили они золота, дорогих тканей и всякого

узорочья, но хлеба было у них мало, пресной водой трудно было раздобыться, и болезни стали одолевать их. Пришлось подумать о возвращении домой: довольно себе добыл каждый добра, было чем похвалиться и на что весело пожить.

В конце лета 1669 года Разин вернулся в устье Волги; навстречу ему вышел на судах отряд царской рати, но не для битвы. Воевода велел объявить Разину, что государь простит ему лихие дела его и позволит ему вернуться на Дон, если казаки отдадут свои морские суда (струги), пушки, захваченные из царских городов и судов, отпустят служилых людей, приставших к ватаге их, и персидских пленных.

Разин согласился, приехал в Астрахань, принес повинную, но всех требований не исполнил: не выдал всех пленных и пушек. Воеводы не решились настаивать: они, как по всему видно, сами сильно уже побаивались дерзкого атамана. Силы у них было немного; стрельцы и черный народ сочувствовали разинцам.

Казаки стали под Астраханью станом. Десять дней провели они тут; каждый день ходили по городу; сбывали за бесценок награбленное добро: шелк, бархат, золотые изделия и пр. Ловкие астраханские торгаши, русские, армяне и персы, в несколько дней обогатились. Сподвижники Разина щеголяли в богатых персидских нарядах, рядились в шелковые и бархатные одежды; драгоценные камни и жемчуг сияли на их шапках. Атаман от других отличался лишь своим повелительным видом. Разин внушал всем какой-то страх и подобострастие; пред ним не только снимали шапки, но кланялись ему в ноги и величали его «батюшка Степан Тимофеевич».

Расхаживая среди народа, Разин со всеми встречными приветливо разговаривал, оказывал нуждающимся помощь, щедро, полными горстями,

сыпал серебро и золото. Понятно, какое обаяние производила его личность на «темный» народ. С жадным любопытством сбегались толпы поглазеть на казачьи суда, полюбоваться атаманским стругом «Сокол», как называет его народная песня. (Веревки на нем были шелковые, паруса — из дорогих персидских тканей.)

Невежественный народ мало задумывался над тем, что «рабочники Стеньки Разина», как называли себя разбойники, промышляли себе богатство разбоем и душегубством. Они грабили и губили басурман да своих разбогатевших людей, а бедняков и простого народа не трогали, даже сулили им всякие блага, — этого было довольно для многих темных людей. Вот чем надо объяснить, что в иных народных песнях воспеваются не только удаль и сила воровских казаков, но даже величаются они «удалыми, добрыми молодцами» и сравниваются с прежними богатырями могучими. Этим же объясняется, почему и Стеньку величали «батюшкой».

Дикий разгул казацкий и зверская, необузданная натура самого Стеньки Разина не знали удержа. Один иностранец-очевидец рассказывает о таком ужасном случае. Стенька с ватагой своей катался по широкому раздолью Волги на струге; вино хмельное, по обычаю, лилось рекой и туманило казацкие головы. Подле Стеньки сидела пленница — персидская княжна. Роскошный наряд, вышитый золотом и серебром, бриллианты и жемчуг увеличивали блеск ее замечательной красоты. Пленница эта сильно нравилась суровому атаману.

Вдруг он вскакивает с места и, обращаясь к Волге, говорит:

— Ах ты, Волга-матушка, река великая! Много ты дала мне и злата, и серебра, и всякого добра, славой и честью меня наделила, а я тебя еще ничем не поблагодарил! На ж тебе, возьми!

При этом Стенька схватил княжну одной рукой за горло, а другой за ноги и кинул в реку.

По народному поверью, после удачного плавания по морю или реке следовало бросить в воду что-либо ценное в знак благодарности. Поверье это возникло, конечно, из древнего языческого обычая приносить жертвы водным божествам. Стенька в зверском порыве принес человеческую жертву Волге-матушке.

Разин, несмотря на свое обещание оставить лихие дела, отправляясь на Дон со своей шайкой, продолжал по-прежнему буйствовать и чинить повсюду дикое самоуправство. Когда же от него потребовали, чтоб он вернул от себя приставших к нему нескольких стрельцов, он с гневом ответил:

— У нас, у вольных казаков, этого не водится, чтобы беглых выдавать. Кто к нам придет, тот волен. Мы никого не силуем, а хочет — пусть уходит!

Когда Стенька прибыл в Царицын и толпа донских казаков явилась к нему жаловаться на притеснения и лихоимство воеводы, суровый атаман потребовал, чтобы все обиженные были удовлетворены, — воевода исполнил это требование.

— Смотри мне, — пригрозил ему Стенька. — Если я услышу, что ты будешь притеснять казаков... я тебя живого не оставлю!..

Воеводе пришлось молча выслушать эту угрозу воровского атамана, который, очевидно, своим заступничеством хотел расположить к себе простой люд и казаков.

Перешедши на Дон, Разин устроил на небольшом острове городок Кагальник (между станицами Кагальницкою и Ведерниковскою) — наподобие Запорожской Сечи, велел обнести его земляным валом; казаки устроили себе здесь землянки.

Молва об удаче Разина, о его «казне несметной» широко разносилась по степной Украине. Со всех сторон

сбегалась к нему голытьба; гулящие и лихие люди находили у него пристанище, даже с Украины, из Сечи, приходили к нему казаки. Домовитые, зажиточные казаки, понятно, чуждались голутвенных, воровских казаков, а Разин действовал совершенно иначе: он брался с ними, ловко выставлял на вид, что он заботится об их выгодах, держался с ними на равной, товарищеской ноге. Это, конечно, очень было по душе всяким беглецам, бежавшим от тяжелой нужды или от наказаний. Толпы всякого сброду собирались около него и готовы были идти за ним всюду, куда он их поведет. Зато домовитые донские казаки, бывшие под начальством Корнилия Яковлева, враждебно смотрели на Разина и его шайку, быстро растущую; но Стеньке бояться домовитых было нечего: у него силы было больше, чем у них. Простой народ видел в нем необыкновенного человека. Ходила молва, что он чародей, что его не берет ни вода, ни огонь, что он может заговаривать всякое оружие. «Ваши пушки, — говорит Стенька в одной песне, — меня не возьмут, легки ружьеца не проймают». Не только народ, но и царские служилые люди признавали в нем какую-то чудодейственную силу; воеводы даже в своих донесениях царю писали об этом. По народным преданиям, нельзя было и поймать его: случалось, ловили его, но он тряхнет кандалами, и они летят у него с рук и ног; выстрелят в него из ружья — пуля отскакивает. Эти слухи, суровый, мрачный вид Стеньки, проницательный взгляд — все это усиливало его обаяние, его влияние на простой народ, его товарищей.

В. Суриков Степан Разин

Толпы всякой голи, собравшиеся в Кагальнике, только и ждали знака своего атамана, чтобы начать «свою работу», да и Разин уже скучал в бездействии. Он дал казацкое устройство своей ватаге и, прикидываясь верным слугой царя, на сходках постоянно кричал, что пора идти против бояр.

В мае 1670 года Стенька с воровской своей ватагой поднялся по Дону вверх, переправился на Волгу. Жители Царицына сдали ему город; воевода был утоплен мятежниками. В городе Разин ввел казацкий строй: разделил жителей на десятки и сотни, назначил атамана. Отсюда Стенька разослал по всему Поволжью своих посланцев подбивать народ и служивых людей к мятежу.

Под Черным Яром Разин встретил ратный отряд, плывший по Волге на стругах против него. Как только стрельцы увидели Стеньку — закричали:

— Здравствуй, наш батюшка, смиритель всех наших лиходеев!

Затем перевязали своих начальников и выдали их казакам.

— Будут ли в Астрахани драться против меня? — спрашивал Разин у них.

— В Астрахани — свои люди, — отвечали ему. — Только ты придешь, тут же тебе город и сдадут.

В половине июня Разин расположил свое полчище станом под Астраханью. Воевода князь Прозоровский приготовился к обороне, осмотрел укрепления, распределил боевые силы. Митрополит совершил крестный ход по укреплениям и молебствия. Но угрюмые лица стрельцов не предвещали ничего доброго.

Вечером 21 июня раздался всполошный набат, зазвонили на астраханских башнях: казаки с лестницами шли на приступ. Воевода выехал со своего двора в панцире, на боевом коне; ударили в тулунбасы (литавры), затрубили в трубы. Это был знак к сражению. Около воеводы собрались стрелецкие головы, дворяне.

Он обратился к ратным людям с ободрительной речью. Ночная тень уже спускалась на землю. Казаки Разина делали вид, будто хотят ударить на главные городские ворота. Здесь и сосредоточили свои силы осажденные; но в то же время с другой стороны разинцы лезли по лестницам на стену, а астраханцы-изменники подавали им руки, помогали взбираться. Воевода и опомниться не успел, как раздался за ним крик казаков и толпы их с астраханскими союзниками с яростным воплем кинулись на служилых людей и стали избивать их; сам князь Прозоровский, раненный копьем, упал с коня. Верному слуге князя удалось снести раненого господина своего в собор. Здесь многие искали спасения, но разбойники не остановились и перед святыней храма: выломали дверь, бросились на

беззащитных людей, били, вытаскивали их из церкви и вязали.

На следующее утро Стенька явился «суд править». Он начал с князя Прозоровского, повел его на башню. Все видели, что атаман сказал князю что-то на ухо, но тот покачал отрицательно головой. Тогда Стенька толкнул его с высоты головой вниз. За гибелью воеводы последовала смерть других. Суд Разина был короток: он приказал всех побить. Стрельцы, казаки и чернь одних рубили мечами, других — бердышами, иных били кольями. По выражению летописца, «кровь человеческая текла, яко река». Всех убитых насчитали четыреста сорок человек.

Затем Стенька велел вытащить из приказной палаты все дела и всенародно сжечь их на площади.

— Вот так, — хвалился он, — я сожгу все дела и наверху (то есть в Москве)!

Три недели Стенька после того пробыл в Астрахани и предавался разгулу и пьянству. В угоду черни он обрекал на смерть всех, кто хоть чем-нибудь был неприятен ей: одних резали, других топили, третьих калечили, рубили ноги и руки.

В Астрахани Разин также установил казацкий строй: жители разделены были на тысячи, сотни и десятки, дела должны были решаться кругом, то есть общей сходкой; для управления избирались атаманы, есаулы, сотники идесятники.

Оставив в Астрахани атаманом Ваську Уса, Разин с ватагой своей поплыл вверх по Волге на двухстах стругах; по берегу шла конница. Саратов сдался без обороны. Стенька велел утопить саратовского воеводу, перебить всех дворян и приказных людей, а в городе введено было казацкое управление, как в Астрахани. Самара занята была после непродолжительной борьбы сторонников Разина в городе с противниками. И здесь

воевода был утоплен, дворяне и приказные беспощадно истреблены и водворен казацкий строй.

В первых числах сентября Разин дошел уже до Симбирска. Чем дальше шел он, тем больше росли его силы: к полчищу его присоединялись ратные люди попутных городов и шайки беглых холопов и воров, охочих, по казацкому выражению, «дуван дуванить» (добычу делить) с удачливым атаманом. Разин рассылал своих посланцев во все стороны по Московской земле возмущать народ. Особенно успешно действовали воровские посланцы в Приволжье, в нынешних губерниях Нижегородской, Тамбовской и Пензенской, проникали даже до Новгородской земли, до берегов Белого моря, пробирались и в саму Москву. В своих воззваниях Стенька извещал, что «идет уничтожить бояр, дворян и приказных людей». Зная, как глубоко предан русский народ своему государю и как высоко чтит церковь, Разин заявлял, что он идет главным образом против бояр и приказных; даже распространял слух, что с ним — царевич Алексей (умерший в том году), бежавший будто бы от суровости отца и злобы бояр, и патриарх Никон. Для многих крестьян, обратившихся после Уложения в совсем подневольных людей и терпевших насилия и неправды, и для закабаленных холопов воровские воззвания Стеньки были сильной приманкой: «вольное казацкое житье», о котором давно уже шла молва и песни пелись, слишком уж было привлекательно для многих, и толпы народа шли к Разину. Посланцы его поднимали православных за низверженного патриарха, староверов возбуждали против новшеств, инородцев (мордву, черемису) — против русских, магометан вооружали на христиан и, наоборот, служилых людей — на начальников, холопов — на господ. Все было пущено в ход, лишь бы как-нибудь замутить Русскую землю... Недовольных было тогда очень много, и агенты Разина да «прелестные»

письма его имели большой успех. Подымался всюду недовольный и невежественный люд в чаянии всяких благ и казацких вольностей. Стенька Разин искал помощи и на стороне, сносился даже с крымским ханом, пытался и его орды поднять на Москву, заводил переговоры и с Персией.

***Б. Щербаков Суд народный. Восстание Стенала
Разина***

Полчище Разина 5 сентября явилось под Симбирском. Посадские жители и тут охотно впустили его, но взять самый город, или кремль, оказалось очень трудно: он был хорошо укреплен, и воевода Иван Милославский решился защищаться до последней крайности. Около месяца простоял Разин под стенами города; с каждым днем силы его росли; к нему валом валили со всех сторон повстанцы, а все-таки взять город с бою ему не удавалось. Но и осажденным становилось уже не под силу держаться дольше. К счастью, на выручку им пришел князь Юрий Барятинский; он вел хотя и небольшое, но правильно устроенное войско, были даже у него отряды, обученные на европейский

лад, а противники представляли собой громадное, но нестройное полчище всякого сброду. Произошло несколько жарких схваток. Сам Стенька бился отчаянно; целый день длился бой, наконец, с наступлением ночи, Разин, обессиленный и израненный, отступил. Приступом взять город тоже не удалось. Разин понял, что дела его совсем плохи, и ночью тайком со своими донцами бежал, покинув толпы своих приверженцев на произвол судьбы. Утром, когда мятежники узнали о бегстве атамана и казаков, думали и они бежать вниз по Волге, но Бярятинский напал на них. Нестройное полчище было разбито; более шестисот человек было захвачено и казнено; по берегу Волги на далекое протяжение были поставлены виселицы.

STEPHANVS RAZINVS, PERDVELLIS
MOSCOVICVS.

Степан Разин

Жители окрестных сел и деревень, приставшие к Разину, стали являться к воеводе с повинной.

Победа Барятинского спасла государство от страшного потрясения. Уже со всех сторон направлялись к Разину толпы повстанцев. Мятеж грозил принять огромные размеры. На всем пространстве между Окой и Волгой к югу до Саратова и на запад до Рязани и Воронежа, по всей полосе земли, где ныне губернии Симбирская, Пензенская и Тамбовская, заколыхался

темный люд. Крестьяне, помещичьи, монастырские, дворцовые, нападали на своих господ и начальных людей, беспощадно мучили их, избивали.

Мятежное волнение становилось все сильнее и сильнее, воровские письма Стеньки вводили темный люд в соблазн: многие воображали, что и в самом деле все заживут счастливо, если повсюду водворятся казацкие обычаи.

Поход Разина вверх по Волге получал значение дикой борьбы необузданной казацкой вольницы с установившимся на севере строем жизни.

Упорная защита Симбирска дала время правительству хоть сколько-нибудь собраться с силами для борьбы, а поражение, нанесенное Стеньке, и затем бегство были смертельным ударом делу его.

Обаяние его как чудодея, которого ни пуля, ни сабля не берет, с которым никто справиться не может, сразу исчезло, а предательское бегство совсем уронило его в глазах народа.

Шайки мятежников, поднятых Разиным, еще свирепствовали в разных местах: завладели монастырем Макария Желтоводского, попытались было осадить Нижний, но были рассеяны. Мятежники повсюду, где могли, подобно Разину, избивали воевод и приказных людей, жгли приказные бумаги и водворяли казацкие порядки. Но недолго продолжалось торжество повстанцев. Нестройные ватаги их не могли нигде устоять против ратных сил. Показавшиеся жители городов и поселяне каялись, являлись к воеводам с повинной, выдавали главных зачинщиков. Мало-помалу на севере восстание улеглось.

Когда Стенька бежал из-под Симбирска, его уже не впустили к себе ни самарцы, ни саратовцы. Пробыв несколько времени в Царицыне, он проехал на Дон, рассчитывая поднять донцов; но как он ни старался, все было напрасно. Тогда он водворился в Кагальнике и стал

звать народ. Наконец весной напали на него донские казаки (домовитые) и схватили его вместе с братом его Фролкой. Чтобы Стеньке не удалось бежать, его приковали цепями в церковном притворе в Черкасске, — считали, что святыня храма уничтожит его чары. В конце апреля Корнилий Яковлев повез обоих преступников в Москву. Фролка сильно затосковал и винил брата в беде.

— Никакой беды нет, — шутил в ответ Стенька. — Нас примут почетно: самые большие господа выйдут навстречу, посмотреть на нас!

Толпы народа действительно вышли за город поглазеть на Разина, когда его везли в Москву. На большой телеге была поставлена виселица, к перекладине был привязан Стенька за шею; руки и ноги были прикреплены цепями к телеге. За ней должен был бежать Фролка, привязанный к краю ее цепью за шею.

Степана Разина везут на казнь

Железная воля Стеньки, к несчастью направленная на зло, сказала во всей своей поразительной силе во время жестоких пыток и казни. Чего только не делали над ним: били нещадно кнутом, вздымали на дыбу, выворачивали руки, и никто не слышал от него ни одного стога, ни одного слова. Его положили на пылающие уголья — он молчал.

Принялись за Фролку, тот завопил от боли.

— Экая ты баба! — сказал ему Стенька. — Вспомни наше прежнее житье: пожил мы на славу, повелевали тысячами людей; надо бодро стерпеть и несчастье. Разве это больно? Словно баба иглой уколола!

Стали Стеньке лить на обритую голову по капле холодную воду. Никто не мог стерпеть этого мучения, но Стенька и тут не проронил ни одного звука, ни одного вздоха.

6 июня 1670 года совершилась лютая казнь. Площадь полна была народу. Стеньку с братом вывели на Лобное место. Прочли приговор, где были подробно перечислены все вины осужденных. Стенька выслушал спокойно. Когда палач хотел его класть на плаху, он обратился к церкви, перекрестился, поклонился народу на все четыре стороны и сказал: «Простите!»

Его положили между двух досок. Палач сначала отрубил ему правую руку по локоть, потом левую ногу по колено — он не показал ни малейшего знака страдания. Не вынес этого зрелища Фролка, упал духом при виде казни, какая и его должна была постигнуть.

— Я знаю «слово и дело государево»! — закричал он.

— Молчи, собака! — сказал ему Стенька. Это были его последние слова. Палач отрубил ему голову. Тело его рассекли на несколько кусков и воткнули на колья; воткнули и голову на кол. Смерть Фролки была отсрочена; он стал говорить о каком-то кладе, место которого он будто бы знает. Хотя никакого клада не

нашли, но Фролку не казнили, а оставили в вечном заключении.

Г. Сотсков Солнечный день на Волге

Астрахань несколько времени оставалась еще в руках мятежников; атаманом был сначала Васька Ус. Митрополит Астраханский Иосиф, несмотря на угрозы мятежников, изобличал их, уговаривал жителей отстать от них и принести повинную царю. Самоотверженный пастырь погиб мученической смертью; его сначала подвергли пыткам, жгли на огне, а затем сбросили с колокольни.

Вскоре после этого пришло к Астрахани войско под начальством Милославского. Мятежники долго

оборонялись; наконец голод принудил их сдаться. 27 ноября 1670 года боярин торжественно вступил в город, поставил в соборе икону Богородицы на память «грядущим родам» о событии. Он никого не казнил, не произвел даже никакого сыска, так как обещал пощаду осажденным, если они сдадутся. Но летом на следующий год прибыл в Астрахань кн. Одоевский, посланный царем для сыска и расправы. Все главные мятежники кончили жизнь на виселице; остальные разосланы по северным городам на службу. Немало пришлось потрудиться царским ратным людям, чтобы смирить всех восставших, очистить землю от разбойничьих шаяк повстанцев, поднятых Разиным. Около ста тысяч народа погибло в эту пору.

Надолго остался страшный Стенька в народной памяти. Жители Поволжья до сих пор еще помнят о нем, указывают холмы по Волге и называют один «Столом Стеньки Разина» — там когда-то, по преданию, удалой атаман пировал с товарищами; другой зовут «Тюрьмой Стеньки» — там он томил в подземельях господ, захваченных в плен; третий считают местом, где были погреба с несметным богатством Разина; оно и теперь там лежит, да никому не взять его — заклято. Много баснословных преданий можно до сих пор услышать от приволжских жителей о злой силе, о чародействе Стеньки. Говорится в этих преданиях и о том, как он и летал и плавал на своей кошме, самолетке-самоплавке (кошма — войлок), переносился с места на место: пограбит на Дону и полетит на Волгу, а потом обратно. Поймают его, закуют, а он только посмеивается. Дотронется разрыв-травой до кандалов — они и рассыплются. Возьмет уголек, нарисует на стенке лодку, сядет в нее, запоет: «Вниз по матушке-Волге», глядь — уж и плывет по ней. Ничего ему и сделать нельзя: известно — колдун! Столько тяжких грехов на душе его, что он жив до сих пор. Сама смерть бежит от него: ни

Волга-матушка, ни мать сыра-земля не принимают его. Одни говорят, что он вечно бродит по горам и лесам и помогает лихим людям; другие рассказывают, что он сидит где-то в горе и мучится.

Е. Ромашко Тихий Дон

Новые люди в Москве

Церковный раскол и мятеж Разина — два самых печальных события на Руси во второй половине XVII столетия: одно сильно потрясло церковь, другое чуть было не нанесло тяжких ударов государству. Оба эти события вытекали из застарелых недугов, глубоко вкоренившихся в русскую жизнь. Какие же эти недуги? На этот вопрос отчасти отвечает, и отвечает разумно, тот самый Паисий Лигарид, который сыграл такую некрасивую роль в деле Никона.

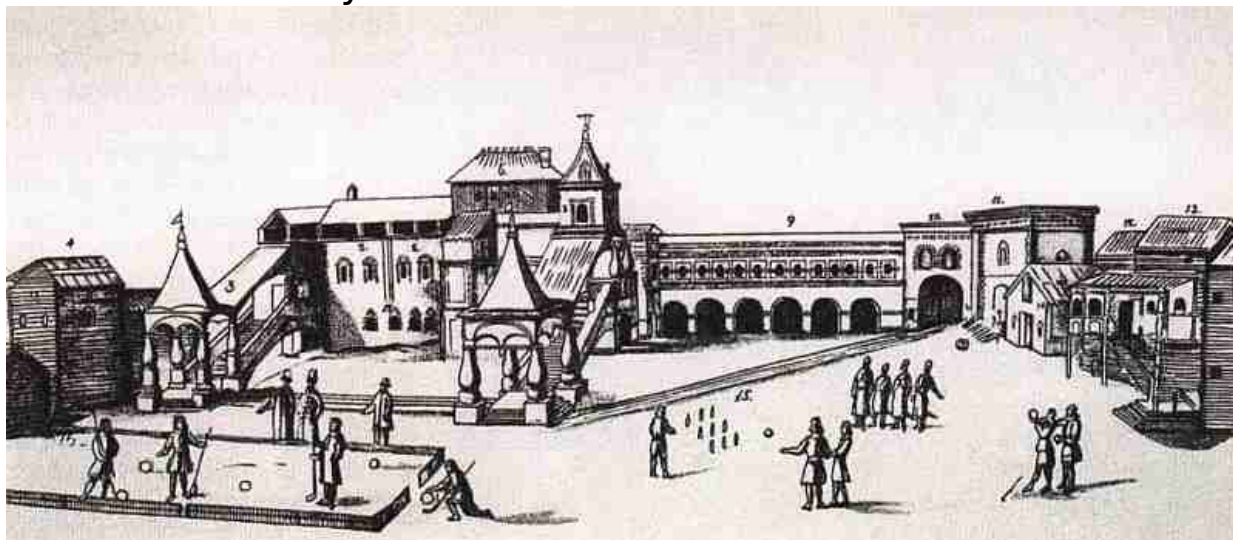

А. Васнецов Москва в середине XVII века

— Искал я, — говорит Паисий, — корня этого духовного недуга (раскола), поразившего ныне царство Русское, и старался открыть, откуда могло бы произойти такое наводнение ересей на общую нашу пагубу, и наконец нашел, что все зло произошло от того, что нет народных училищ и библиотек. Если бы меня спросили: какие столпы церкви и государства? Я бы отвечал: во-первых — училища, во-вторых — училища и в-третьих — училища.

Действительно, вековое невежество и мирян и духовенства породило раскол со всеми его дикими последствиями. Другой недуг, тесно связанный с невежеством, был крайне низкий уровень нравственности, даже у людей, стоявших на виду, занимавших правительственные места. К концу XVII столетия все управление страной сосредоточивалось в московских приказах; они дошли до небывалой еще силы, а между тем бояре и дьяки, стоявшие во главе приказов, по большей части даже и не понимали, что значит заботиться об общем благе, — только и думали о своих личных выгодах, о наживе. Алчность, лихоимство, насилия и неправды доходили до крайней степени. Воеводы теснят да обируют в области; дьяки да приказные — в Москве. Управу найти трудно, особенно простому человеку. Верит народ в один только правый суд, в суд царев. «Где царь, тут и правда», — говорит он, да беда в том, что до царя далеко, — мимо приказных да бояр ни одно дело, даже и важное, до него не дойдет. Есть на все закон, да и тут беда: для иного приказного или воеводы «закон что дышло, куда хочет, туда и воротит». Трудно ли от такого печального взгляда на представителей закона, сказавшегося в пословицах, прийти к безотрадному выводу, что обращать внимание бедняку нечего на закон, а приходится следовать пословице: «Нужда закона не знает, а через него шагает». Недовольство народа всякими неправдами

воевод и приказных крайне усиливается. Вот почему воровские воззвания Разина во многих местах могли иметь большой успех.

Посольский двор в Москве в 1660-е годы

Лучшие люди на Руси давно уже сознавали весь вред невежества и грубых нравов. На Стоглавом соборе ясно высказывается это; еще раньше заявляется о необходимости училищ, но постоянные войны, невзгоды царствования Грозного, смуты и бедствия во времена самозванцев и междоусобицы, крайняя бедность правительства и народа мешали правильному ходу просвещения. И вот на долю Алексея Михайловича, самого добродушного и благожелательного государя из всех московских царей, выпало видеть тяжкие последствия тех недугов, которыми русская жизнь страдала издавна. Во второй половине XVII столетия дело правления значительно усложнилось: присоединилась к Москве Малороссия, где были совсем иные порядки и склад жизни, чем в Великой России; возникли торговые и денежные затруднения; сношения с Западной Европой усилились; наконец, поднялись церковные смуты. На каждом шагу нужны были и

настоящие государственные деятели с широким взглядом, с просвещенным умом, и сколько-нибудь образованные чиновники-исполнители, но ни тех, ни других не было. Сознание недостатков во всем строе жизни и в управлении становилось сильнее и сильнее; возникали вопросы, настоятельно требующие разрешения. Наплыв иноземцев в Москву, довольно частые поездки русских послов на Запад невольно приводили к сравнению своего с чужим. Одна уже внешняя сторона западноевропейской жизни поражала русских своим превосходством. Эта жизнь все сильнее и сильнее вторгалась в Россию; в сердце ее, в Москве, уже выросла обширная Немецкая слобода. Тут жили всевозможные «хитрые мастера», «мушкетеры», «рейтары» — все это иноверцы, пожалуй, даже «нехристи» в глазах тогдашних ревнителей православной веры. Приходится с опаской сторониться их, но, с другой стороны, без них нельзя уже обойтись — приходится дорожить ими, платить им хорошие деньги. Среди русских людей находятся уже горячие сторонники иноземцев, являются и заклятые враги, боящиеся иноземной «прелести»; все староверы, все слепые приверженцы старины примыкали к последним. Нетерпимость к иноверцам была так велика, что, например, патриарх Никон, как известно, отбирал у бояр иностранные картины, органы, ливреи и уничтожал их. Раз случилось ему невзначай благословить немцев, одетых в русскую одежду, и он так возмутился этим, что выхлопотал у царя приказ всем иноземцам ходить не иначе, как в своей одежде, а не в русской, чтобы вперед ошибкой не давать «святости благословения псам». Но, несмотря на сильное противодействие духовных лиц, опасавшихся, как бы русские люди, ездившие за границу, «узнав тамошних государств веру и обычаи, не начали свою веру отменять и приставать к иным», несмотря на то, что в иных случаях опасения эти

оправдывались, все-таки сила знания на Западе, которая сказывалась в разных мастерствах, диковинах и удобствах жизни, была в глаза русским, и число сторонников сближения с Западом все росло и росло, а необходимость просвещения ясно сознавалась уже многими. Где же было искать образования? Боязнь иноверия и ересей, конечно, побуждала обратиться в православные страны, в Грецию и Малороссию, хотя русские ревнители старины смотрели подозрительно на ту и на другую: думали, что и сюда проникло латинство. Но все же духовные лица, приходившие из Греции, по своему внешнему облику, по одежде, по обрядам были ближе к русским, чем западные европейцы, а малороссы были и единоплеменники — естественно было обратиться прежде всего к ним.

С. Иванов Царское богомолье зимой

Несмотря на все бедствия и невзгоды, на крайнюю бедность и разорение во время войн Хмельницкого, южная Русь по образованности стояла во время присоединения ее к Москве гораздо выше последней. Братские школы и затем Киевская коллегия Петра Могилы свое дело сделали: не одна грамотность, но образование становилось уже потребностью не только именитых и богатых людей, но и простых горожан, а среди духовенства являлись такие ученые, которые успешно и проповедью, и пером могли бороться с иезуитами и западными учеными-богословами. Во второй половине XVII столетия особенно замечательны были два представителя киевской учености: Лазарь Баранович и Иоанникий Голятовский. Оба они успешно состязались с иезуитами и униатами и были замечательными проповедниками. Первый оставил по себе два сборника поучений под вычурными названиями «Меч духовный» и «Трубы словес»; второй — сборник под заглавием «Ключ разумения» и книгу, в которой изложил на основании древних писателей правила, как составлять проповеди. Хотя киевская наука была проникнута схоластикой, обращалось больше внимания не на открытие истины, не на внутреннюю силу доказательств, а на внешнюю правильность рассуждения, а в деле проповеди преобладала риторика — погоня за внешними украшениями речи, страсть к вычурам, но все же и при этих значительных недостатках богословская киевская наука развивала ум, а проповедническое искусство — способность говорить и убеждать. Киевские ученые с большим успехом занимались не одними только богословскими трудами — было сделано ими несколько попыток и в историческом роде: так, ученик Петра Могилы, Иннокентий Гизель,

составил первый учебник по русской истории под названием «Синописис».

Из Киева и являются в Москву просветители.

В 1649 году боярин Ртищев вызвал нескольких киевских ученых-монахов для училища, заведенного им при Андреевском монастыре близ Москвы.

Б. Кустодиев Земская школа в Московской Руси

Федор Михайлович Ртищев, любимец царя, был замечательным лицом того времени. Он был вполне русским человеком. Набожный, благочестивый, ревнитель родной старины и священных преданий, он в то же время не довольствовался, как большинство его современников, только внешней обрядностью. Его большой и пытливый ум доискивался внутренней

стороны, смысла религии. Он увлекался учением Христа о любви к ближним, о самоотречении: не жалел денег на выкуп пленных из мусульманских земель, не отказывал в помощи нуждающимся, устроил больницу и приют для убогих. Во время войны с Польшей он взял на себя попечение о раненых и больных воинах, на свой счет содержал, лечил их, а по выздоровлении давал им помощь. Большой был охотник Ртищев до церковного богослужения и до священных книг. Но и там и здесь его поражали разные неисправности и противоречия, и понял он, как необходим пересмотр книг и новые переводы их с греческого, а для этого нужны были знающие переводчики, притом из чисто русских людей, которым можно было бы вполне довериться. И вот благочестивый боярин выражает желание за свой счет пригласить и содержать нескольких киевских ученых, «ради обучения словенороссийского народа детей еллинскому названию». Мысль эта полюбилась и благочестивому царю. Главным из приехавших ученых был Епифаний Славинецкий, иеромонах братского монастыря. Это был весьма ученый по тому времени человек: он знал вполне греческий язык и латинский, понимал и еврейский, изучил основательно писания святых отцов, греческую и латинскую духовную литературу и прочее. Скромный, сосредоточенный Епифаний предпочитал уединенную жизнь ученого всяким санам и почестям.

Недолго пробыл он в монастырской школе; царь назначил его справщиком типографии и перевел в Чудов монастырь, где также было училище. Исправление богослужебных книг, задуманное Никоном, было поручено Епифанию. Помощниками его в этом важном деле были его земляки, приехавшие с ним, — Арсений Сатановский и Даниил Птицкий, а затем Арсений Грек и несколько великороссиян. Обдуманно, с большой осторожностью принялся Епифаний за дело, и под его

надзором были напечатаны все богослужебные книги. Кроме того, он переводил много сочинений Отцов Церкви с латинского языка, перевел несколько мирских книг по истории, географии и других, составлял словари: один — где объяснял значение слов, встречаемых в церковных книгах и в богослужении, а другой — греко-славяно-латинский. Особенно хотелось ему сделать новый, более исправный перевод Библии, но успел он перевести только Новый Завет и Пятикнижие. Смерть (1675 год) прекратила его 26-летнюю, в высшей степени полезную деятельность на пользу книжного дела и просвещения. Он оставил после себя нескольких учеников, хорошо знавших греческий язык.

Симеон Полоцкий

Епифаний писал также проповеди и поучения. Проповедь была новостью в Великой Руси. Давно она здесь замолкла, ее даже опасались: думали, что она может повести к вольнодумству и ереси. В иных проповедях Епифаний касается и больной стороны тогдашней русской жизни — невежества и боязни просвещения.

«В нынешние времена, — говорит он, — мы видим много ослепленных людей, которые возлюбили мрак неведения, ненавидят свет учения, завидуют тем, которые хотят озарять им других, вредят им клеветами, лицемерием, обманом; подобно тому как совы, по своей природе, любят мрак и скрываются, когда засияет солнечная заря, так и эти мысленные совы, ненавистники науки, скроются в любимый ими мрак, когда ясная благодать пресветлого царского величества захочет разрушить тьму, прогнать темный обман и благоизволит воссиять свету науки и просвещать природный человеческий разум».

В поучении священникам Епифаний говорит между прочим: «Пекись и промыслий всем сердцем и душою, сколько твоей силы станет, увещевай царя и всех могучих людей везде устраивать училища для малых детей, и за это, паче всех добродетелей, ты получишь прощение грехов своих!..»

Другим выдающимся западнорусским просветителем в Москве был Симеон Полоцкий, прибывший сюда в 1664 году. Он уступал Славинецкому в познаниях и в глубокомыслии; это был не келейный ученый-труженик, а скорее общественный деятель и ловкий придворный человек, приятный собеседник и неутомимый писатель, готовый во всякое время писать проповедь, рассуждение, драматические произведения (мистерии), даже стихи на разные случаи.

Вскоре по приезде в Москву Симеон был призван к важному делу: ему поручено было образование царских детей. С этого времени он становится видным лицом, живет во дворце; к нему обращаются за советами по разным вопросам, дают важные поручения. Он занимается опровержением раскола в сочинении «Жезл правления», затем составляет полное изложение веры «Венец веры», пишет проповеди и поучения, изданные в двух книгах: «Обед душевный» и «Вечеря духовная». В

проповедях он старается быть по возможности проще, понятнее для слушателей и касается жизненных явлений — в этом главное их достоинство: обличает невежество, суеверия и прочее, обращается к царю с мольбой завести школы, умножить учителей.

«Многие еретики, — говорит он, — потонули в глубине Священного писания от неискусного плавания; и наши нынешние лжемудрецы, неискусные в плавании, дерзко ворвались в пучину писаний, думая добывать оттуда жемчуг премудрости... Лучше было бы им стоять на берегу и помалу утолять жажду этой животворной водой».

Лист из рукописи Симеона Полоцкого

Хотя сочинения Симеона не отличаются большой глубиной мысли и ученостью, а его вирши (стихи) крайне тяжеловесны и лишены всякой поэзии, но тем не менее значение его в Москве в деле просвещения немаловажно: как наставник царских детей, как проповедник, наконец просто как советник и собеседник высокопоставленных лиц он мог послужить не менее ученого Славинецкого на пользу дела; в эту пору при дворе заговорили гораздо настоятельнее, чем прежде, о необходимости школ и церковной проповеди.

В это же время среди пришедших в Москву «новых людей» выделялся еще один замечательный человек, серб (хорват) Юрий Крижанич. Это был высокообразованный католический священник, пламенный патриот-славянин. Невыносимо было для него видеть, как западное славянство гибло, теряло свою самобытность под игом немцев, как греческое духовенство высокомерно относилось к православным славянам, как стремилось господствовать над ними, и заветной мечтой Крижанича стало потрудиться над освобождением славян. Он думал, что Россия, единственное сильное славянское государство, управляемое могучим самодержцем, может освободить и объединить все славянские племена. Главным несчастьем для них было то, что церковные распри западно-римской церкви и восточной разделили их; но Крижанич думал, что эта распря Рима с Византией не должна иметь для славян никакого значения и они могут, не обращая внимания на различия католической и православной церкви, соединиться в одно целое. Но пылкому мечтателю не посчастливилось в Москве. Взгляды ли его на церковные вопросы здесь не понравились, или его заподозрили в каких-либо опасных

замыслах — неизвестно; но в 1661 году отправили его в Тобольск. Четырнадцать лет провел Крижанич в ссылке и здесь написал свои замечательные сочинения. Наиболее любопытные из них — грамматика и политические его думы «Разговоры о владетельстве». В первом труде он пытается провести свою мысль о едином всеславянском языке; во втором — в виде разговоров и отдельных рассуждений он излагает свой взгляд на устройство государства, на состояние России сравнительно с другими славянскими и европейскими государствами, рассматривает подробно правительственный строй и частный быт, указывает недостатки и средства к их исправлению. Вопрос о необходимости просвещения и науки для России его сильно беспокоил.

«Высший дар человека есть разум, — говорит он, — деятельность разума выражается в мудрости, мудрость же приобретается учением и книгами. Мудрость столько же нужна для государей, как и для обыкновенных людей; при живых советниках нужны еще лучшие мертвые советники — книги: книги не увлекаются ни алчностью, ни враждою, ни любовью, книги не ласкательствуют, не боятся поведать истину. Скажут: между мудрыми рождаются ереси, и потому мы не должны учиться мудрости. На это отвечают: Магомет не был мудр и никаких мудрых бесед и хитростей не выдумал; крайнюю глупость написал в своих книгах, а между тем наплодил ересь, более всех распространившуюся по свету. А на Руси ересь (то есть раскол) встала разве не от глупых, некнижных мужиков? От мудрости ереси искореняются, а от невежества пребывают вовеки... Святые отцы были мудры, а не зачинали ереси, но ратовали против них... От огня, воды, железа умирают многие, а между тем люди не могут жить без них; так же точно и мудрость потребна людям».

Славяно-греко-латинский букварь XVII век

Любопытно, что Крижанич, советуя заимствовать у иноземцев то, что есть у них лучшего, в то же время особенно предостерегает от излишнего доверия к ним или пристрастия, которое он называет ксеноманией, или чужебесием, — этот недостаток он признает слабостью всех славян вообще и считает его «смертоносною болезнью». Особенную вражду питает он, понятно, к немцам, так как самое близкое, родное ему племя — хорваты — было подавлено ими.

Указывая на злоупотребления должностных лиц, он находит, что лучшее средство против этого зла — известные права. «Пусть царь, — говорит он, — даст людям всех сословий пристойную, умеренную, сообразную со всякой правдой свободу, чтобы царские чиновники не могли исполнять своих худых намерений и раздражать людей до отчаяния». С просьбой о том, чтобы всем сословиям были даны слободины, то есть известные права, Крижанич обращается к царю и говорит:

«В твоих руках, царь, чудодейственный жезл Моисеев, посредством которого ты можешь творить дивные чудеса, в твоих руках самодержавие — совершенная покорность и послушание подданных. Уже

давно на свете не было такого царя или владетеля, который имел бы силу творить такие чудные дела, какие ты легко можешь делать, и приобрести за них у всего славянского народа нескончаемое благословение, у других народов — бессмертную славу, а у Бога, после сего земного царства, — царство небесное!»

Сочинение Крижанича, как известно, было «наверху», то есть во дворце; знакомы были с ним, вероятно, и некоторые из бояр. Мечты Крижанича о славянском единстве, а также мысли о широких государственных преобразованиях, конечно, не были понятны, но указание на различные недостатки русского государственного строя и жизни и отдельные соображения могли быть приняты к сведению.

Были в это время уже и русские люди, которые вполне ясно понимали недостатки строя русской жизни. Лучшим доказательством этого может служить замечательная книга — о России в царствование Алексея Михайловича, написанная дьяком посольского приказа Котошихиным, бежавшим около 1664 года из России вследствие неприятностей по службе. Он рассказывает об обиходе царской жизни, о правительственном строе, о нравах и обычаях бояр, о недостатках русской жизни и, подобно всем заезжим ревнителям просвещения, считает одной из главных причин ее неприглядности то, что на Руси нет науки и образования.

Н. Богданов-Вельский Ученицы

Ордин-Нащокин и Матвеев

Никогда раньше не сознавалась так необходимость просвещения и преобразований, как при царе Алексее, никогда и потребность сближения с Западом не сказывалась так сильно, как в это время.

Наряду с пришлыми «новыми людьми» являются в Москве и свои «новые люди», притом даже в среде ближайших к царю сановников. Особенно замечательными были двое: Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин и Артамон Сергеевич Матвеев.

Сын небогатого псковского помещика, Афанасий Лаврентьевич благодаря заботам отца получил возможность ознакомиться с латинским языком, немецким и математикой. Уже эти крайне редкие в те времена знания должны были выдвинуть молодого Нащокина: в людях, знающих иностранные языки, особенно нуждались при сношениях с иноземцами, и потому Нащокину пришлось быть при посольском деле. Скоро он выказал по этой части большие способности; о нем даже заговорили в Москве, что он-де знает «немецкое дело и немецкие нравы». Царь стал ему поручать важные дипломатические дела — самым крупным было заключение Андрусовского перемирия. Здесь выказались во всем блеске его дарования, которые признавали за ним даже его враги. Царь очень высоко ценил заслуги Нащокина и нередко оказывал ему особенное внимание. Раз большое несчастье случилось в семье Нащокина: единственный его сын бежал за границу. Отец дал ему по тому времени прекрасное образование, но юноша от своих учителей, пленных поляков, наслушался занимательных рассказов о Европе, соблазнился «иноземной прелестью» и, несмотря на то что пользовался милостью государя и

шел хорошо по службе, бежал. Весть о бегстве сына, да еще с разными указами о делах, поразила Нащокина-отца как громом, и горе и страх овладели им: он уже думал, что навеки лишится милости государя. Пристрастие к иноземному считалось тогда большим грехом; но опасения Нащокина были напрасны. Царь пишет ему письмо, старается прежде всего успокоить, утешить и его, и жену его, отзывается о беглеце добродушно.

Неизвестный художник Боярин А. Л. Ордин-Нащокин

«Он человек еще молодой, — говорится в письме государя, — хочет создания Владыки и творения рук Его видеть на этом свете, как птица, которая летает туда и сюда и, полетав довольно, опять к своему гнезду возвращается...»

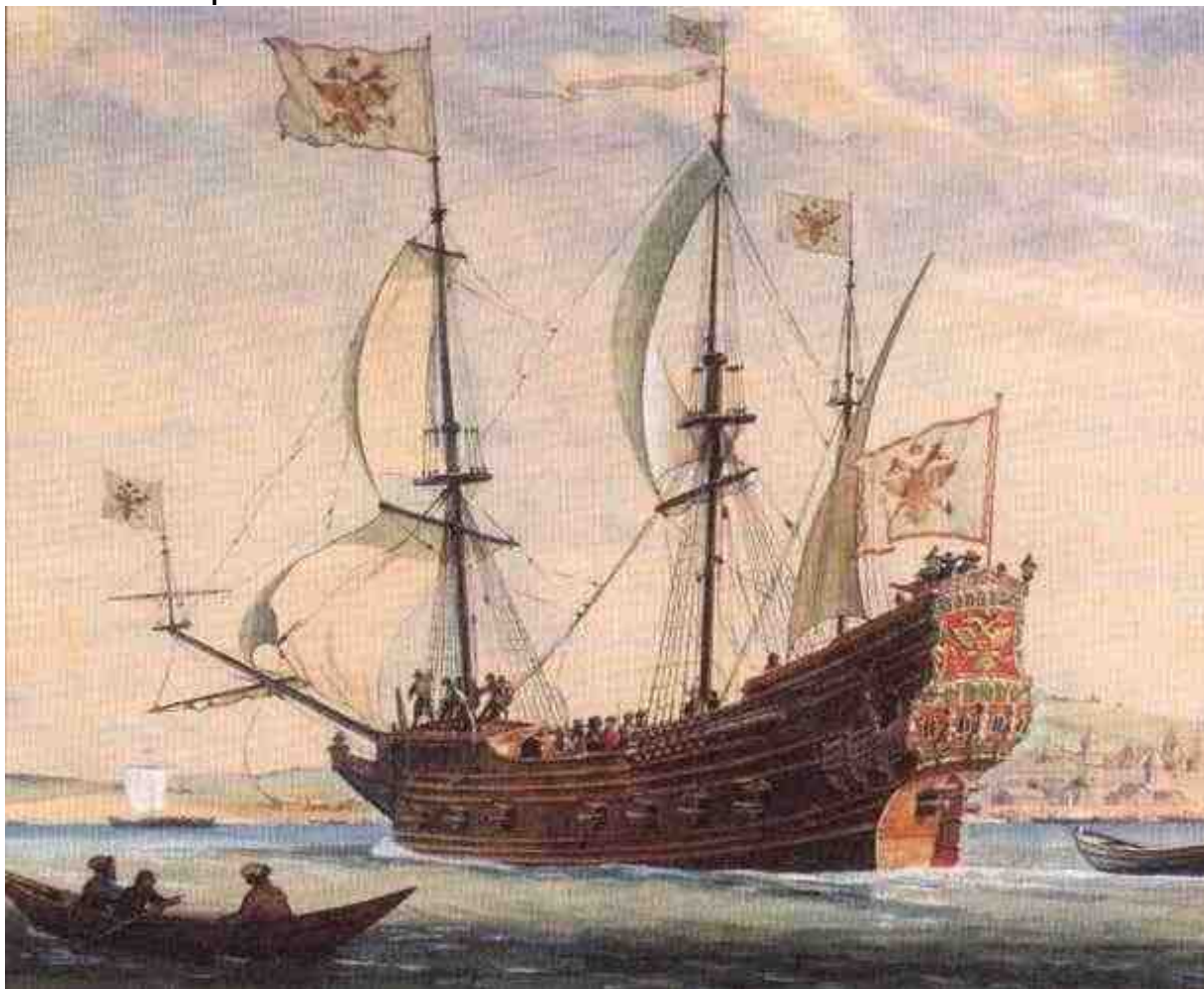
Так и случилось: молодой Нащокин вернулся, раскаялся в своем увлечении и был прощен.

После заключения Андрусовского перемирия Ордин-Нащокин был пожалован высоким саном ближнего боярина и дворецкого, а затем получил в управление посольский приказ (1667) с титулом «царственные большие печати и государственных посольских дел сберегателя». Высокое положение Нащокина, человека вовсе не родовитого, и доверие к нему государя, конечно, вызывали вражду к нему со стороны знатных, именитых бояр, которые видели в нем выскочку, хотя не могли не признавать за ним больших заслуг и дарований; но большинство бояр того времени родовитость ставили выше всего. Сам царь нередко уступал этому взгляду и, поручая Нащокину важные посольские дела, во главе посольства ставил для вида знатных бояр. Много помехи и докуки вынес Нащокин от них. Были у него и другие враги, тоже немаловажные, — это дьяки посольского приказа. Дьяки в приказах, при несведущих начальниках-боярах, были по большей части главными дельцами и хозяйничали по-своему. При деятельном Нащокине это время миновало для них: он их прибрал к рукам, преследовал всякие злоупотребления, указывал царю на важность преобразования посольского приказа, на необходимость в нем людей чистых, которые могли бы с честью поддержать достоинство России в глазах иностранцев.

Понятно, сколько недоброжелателей у Нащокина было среди всяких своекорыстных дельцов и как они готовы были тормозить все его начинания.

А замыслы были у него широкие. Он думал о сближении с Западом, помышлял, подобно Крижаничу, о возможности славянского союза, силы которого думал направить на двух главных врагов России: на Турцию, тогда еще могущественную, поработившую южных славян, и на Швецию, которая очень усилилась после Тридцатилетней войны и закрыла русским более удобные морские пути в Европу. Мечтал Нащокин сделать Россию средоточием в торговле Европы с Азией. Англичане и голландцы давно уже наперебой старались захватить русские речные пути для торговли с Востоком; уже это одно могло заставить дальновидного Нащокина подумать о том, какие выгоды может извлечь Россия из своего географического положения и водных путей. Он старается поднять русскую торговлю, оградить ее от опасного соперничества и злоупотреблений иноземцев: в новом торговом уставе (22 апреля 1667 года) отменяет множество мелких пошлин, которые стесняли на каждом шагу торговлю; заботится об устройстве торговых обществ (купеческих компаний), хочет дать им больше свободы и самоуправления, поднять обороты. Чтобы обезопасить торговое движение по Волге и на Каспийском море, решено было завести военные суда. В 1668 году там построено было несколько мелких судов и первый большой мореходный корабль «Орел», сожженный Разиным у Астрахани. Нащокин очень заботился об усилении не только торговых, но и политических сношений с Западом. Учреждена была впервые заграничная почта, чтобы вовремя получались известия о событиях на Западе, откуда до тех пор доходили в Москву случайные и не вполне верные вести от иностранных да от своих посольских людей. Почте Нащокин придавал большое значение. «Это великое

государственное дело, — пишет он государю, — вперед к умножению всякого добра царству Московскому будет». В это же время, по его предложению, появляются так называемые «куранты», первые русские газеты (рукописные); сюда вносились в переводе сообщения иностранных газет о европейских событиях. Иностранцы, имевшие дело с Нащокиным, отзываются о нем восторженно.

В. Голицын Военный 22-пушечный корабль «Орел»

«Нащокин, — говорит один из них, — человек неподкупный, строго воздержный, неутомимый в делах... великий политик, очень важный и мудрый

государственный министр и, может быть, не уступит ни одному из европейских министров».

И. Воллевенс-старший Боярин А. С. Матвеев

Нащокин действительно обладал большим государственным умом: у него была та дальновидность, которая является отличительной особенностью настоящих государственных людей, было то умение сообразить все средства, пользоваться

обстоятельствами, которое отличает лучших дипломатов. Но немногое из задуманного удалось Нащокину привести в исполнение; некоторые из его замыслов были осуществлены впоследствии при Петре Великом. Нащокина, конечно, сильно томила неспособность многих понять его цели, томила и мелкая личная вражда людей, не выносивших его превосходства, тем более что он был не из тех людей, которые способны скрывать свои преимущества. Тяжело было ему видеть, как дорогое для него дело, полезное для отечества, гибло от личной злобы к нему.

— У нас, — горько жалуется он царю, — любят дело или ненавидят, смотря не по делу, а по человеку, который его сделал; меня не любят и делом моим пренебрегают!

Недоброжелатели Нащокина, конечно, не раз пытались охладить к нему царя. После многих житейских огорчений и неудач Нащокин, на закате дней своих (1762 год), удалился в Крыпецкий монастырь близ Пскова и постригся там под именем Антония. Но к инок Антонию не раз Алексей Михайлович, а потом и сын его Федор обращались письменно за советами по разным политическим делам — так ценились ум и дарования его.

Другим выдающимся «новым человеком» при дворе царя Алексея был Артамон Сергеевич Матвеев; он был сын дьяка, стало быть, принадлежал к людям «худородным», как говорилось тогда. Еще в молодости Матвееву как-то удалось попасть на службу при дворе и обратить на себя внимание царя. Умный и скромный, Артамон Сергеевич умел нравиться всем, с кем ему приходилось встречаться. Он был из тех людей, о которых говорят, что они «знают свое место»: не в свое дело он не мешался, в дружбу никому не напрашивался, но и не сторонился ни от кого, не превозносился ни перед кем, к боярам и сановникам был всегда

почтителен. Таким образом он достиг того, что все при дворе к нему привыкли и даже полюбили, забывая его «худородство». Царю же он пришелся очень по душе. Милославские, которые были особенно в силе при дворе благодаря царице, и не спохватились, как у них явился придворный соперник. И кто бы мог раньше подумать, что станет им такой скромный и тихий человек, как Артамон Сергеевич?

1669 год был несчастным годом для царской семьи. 2 марта скончалась нежно любимая супруга царя Мария Ильинична, и Алексей Михайлович был в страшном горе. Устроены были великолепные похороны; богатые пожертвования разосланы по церквам и монастырям; повсюду велено поминать усопшую. Не успел еще царь опомниться от горя, как через три месяца скончался царевич Симеон; затем через несколько месяцев новая тяжкая утрата — умер царевич Алексей. Тяжелыми ударами были эти бедствия для впечатлительного царя — сильно затосковал он в своем одиночестве; сердце его нуждалось в привязанности, в утехе. В эту пору государь особенно сблизился с Матвеевым; дошло до того, что без него не мог уже обходиться, с ним, что называется, отводил душу. Когда Матвеев отлучался из Москвы, царь писал к нему самые дружеские письма, называл его «мой друг Сергеич».

«Приезжай к нам поскорее, — говорится в одном письме царя к нему, — дети мои и я осиротели без тебя! За ними присмотреть некому, а мне посоветоваться без тебя не с кем».

Царь, случалось, запросто захаживал к своему любимцу, который жил сначала очень уж незатейливо, в небольшом деревянном домике, так что сам Алексей Михайлович посмеивался над ним, но Матвеев скромно отговаривался:

— Я человек маленький, незнатный. Негоже мне в богатых хоромах жить!

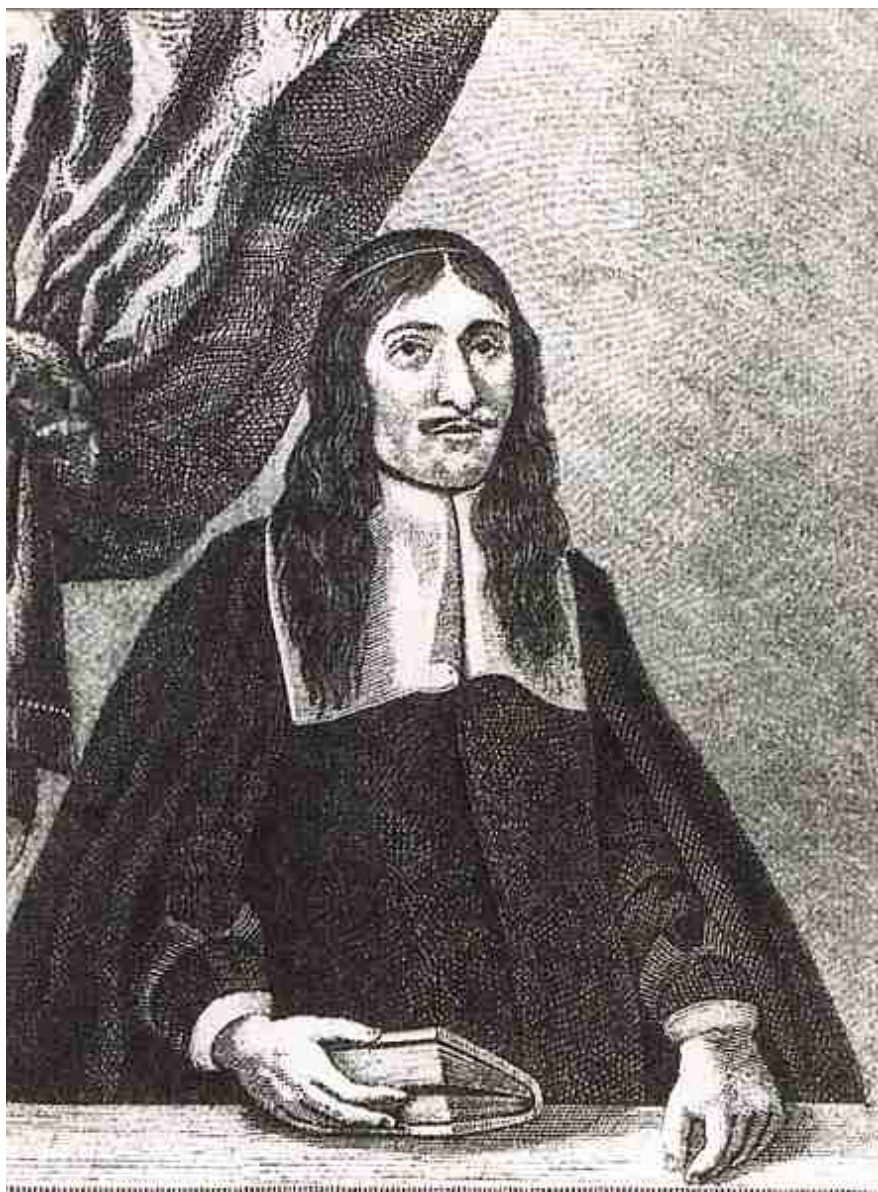
***Неизвестный художник Царица Наталья
Кирилловна, вторая жена царя***

Но настояния царя заставили наконец Матвеева соорудить себе дом получше. Занимая после Нащокина высокую должность начальника посольского приказа, Матвеев должен был принимать у себя иноземных послов и разных знатных людей, и тесниться в

небольшом домике да бедниться ему было неудобно. И построил он себе палаты на славу.

Рассказывают, будто простой народ в Москве, прослышав о том, что Артамон Сергеевич задумал строиться, да камня для закладки дома не может достать, изъявил готовность сообща снести ему даром камни с могил своих отцов — такой любовью у народа пользовался приветливый и тороватый царский любимец.

И устройство дома, и весь жизненный обиход у Матвеева отличались новым, европейским складом. Кроме образов, в комнатах были и картины; совершенной новинкой являлись зеркала и часы; вместо обычных в русских боярских домах скамей, покрытых коврами, в комнатах у Матвеева была европейская мебель. Жена его выходила свободно к гостям не для того только, чтобы чинно, потупив глаза, попотчевать их водкой перед обедом, как это водилось в Москве, а чтобы принять участие в общей беседе, занимать гостей, которые в дом Матвеева приезжали не для сытых обедов, а для того, чтобы приятно провести время в разговоре с умным, приветливым хозяином и радушной хозяйкой. Жена Артамона Сергеевича, Авдотья Григорьевна, была родом шотландка и приняла это имя при переходе в православие; взял он ее из Немецкой слободы, и потому новые порядки в доме водворились легко, сами собой. Матвеев, сохраняя вполне русское благочестие и добрые нравы, был уже открытым сторонником европейских порядков жизни. Многие косо поглядывали на него за это, но любимцу царя можно было уже не обращать на это внимания. Артамон Сергеевич вполне сознавал необходимость просвещения, ценил западное искусство, даже завел в своем доме иконы итальянского письма, страстно любил читать книги и сам писал.

Иоганн Готфрид Грегори

Посольский приказ под его начальством работал и над книжным делом. Здесь под его руководством переводились и составлялись книги. Написана была «Государственная большая книга» — русская история с портретами государей и патриархов.

В доме Матвеева воспитывалась дочь небогатого помещика Кирилла Полукетовича Нарышкина, звали ее

Натальей; она сызмала освоилась с новыми порядками жизни. В 1670 году царь как-то навестил Матвеева и увидел Наталью Кирилловну, которая была уже в возрасте невесты. Сильно приглянулась она государю, и некоторое время спустя он объявил Матвееву, что желает жениться на ней; впрочем, обычай выбора невесты и на этот раз был соблюден. В конце 1669 года были собраны девицы в Москву на смотр и невестой царя объявлена Наталья Кирилловна; Матвеев, и без того уже очень близкий к царю, теперь становился во дворце вполне своим человеком. Хотя было сделано несколько попыток расстроить этот брак — с этой целью подкидывались подметные письма к царю, — но все было напрасно. 22 января 1671 года совершилось бракосочетание Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной.

Новым духом повеяло во дворце, когда вступила туда молодая супруга царя, воспитанная в доме Матвеева. С ужасом глядели ревнители старины, когда стала показываться на улице в открытой карете государыня, которая, вопреки прежнему обычаю, не скрывалась от народа. Мало того, у царя завелась новая, небывалая до тех пор потеха — устроен был театр, где лицедеи (актеры) разыгрывали разные истории в лицах. В Москве появились странствующие немецкие актеры и музыканты под управлением Иогана Готфрида Грегори. В Преображенском селе была устроена «комедийная хоромина», а затем в Кремлевском дворце — «комедийная палата». Здесь были приспособлены щиты с декорациями, место для музыкантов, царское место и боковые места для прочих зрителей — лиц, приближенных к государю. Сначала разыгрывались «История Олоферна и Юдифи», «Комедия о Навуходоносоре», «Комедия о блудном сыне» и другие. Последние две пьесы были составлены Симеоном Полоцким; написаны они были тяжелыми виршами, и

настоящего таланта в них не видно было, но для того времени и эти вещи казались очень занимательными. Алексею Михайловичу, очень склонному к изяществу и удовольствию, понравилась сильно эта новая потеха — больше пришлась она по душе, чем шуты да дураки. Сначала благочестивого царя тревожила мысль, не грешно ли тешиться лицедейством, но духовник успокоил его тем, что и византийские цари забавлялись подобными зрелищами. В 1672 году на Масленицу давался даже балет, где главным действующим лицом был мифологический Орфей. Веселая музыка, а особенно пляска сначала смущали царя, но потом он успокоился, когда узнал, что такие увеселения в ходу при европейских дворах.

Все эти новинки в придворной жизни, за которые винили особенно Матвеева, были очень не по нутру большинству русских людей; в этих затеях многие видели отступление от святой старины, склонность к иноземщине, а иные из ослепленных ревнителей древнего строя жизни даже негодовали — заявляли, что приближаются времена антихриста, с враждой указывали на Немецкую слободу, которая тут же, бок о бок с благочестивой Москвой, разрослась в целый город и где все было не так, как у православных. Дома, одежда, нравы, обычаи — все было своеобразно и ново для русского человека. Здесь «иноземная прелесть» свила себе уже прочное гнездо.

И вот в ту пору, когда так пугали еще всех русских людей старого покроя европейские новинки, когда так еще мало было «новых людей», в Москве явился на свет Божий «новый человек»: 30 мая 1672 года родился царевич Петр.

***Царица Наталья Кирилловна Нарышкина, супруга
царя Алексея Михайловича Романова***

Последние годы царствования Алексея Михайловича

Последние годы царствования царя Алексея были так же тяжелы, как и первые. Еще не кончилось усмирение мятежа, поднятого Разиным, а уж начались смуты в Малороссии. Разорванная на две части, лишенная правильного, определенного устройства, не успокоенная еще от недавних войн и бедствий, она вдобавок ко всему обуревалась внутренними распрями: посполитые крестьяне и мещане добивались одного, знатные казаки стремились к другому. Этим несогласием пользовались различные мелкие честолюбцы, думавшие менее о благе родины, чем о своих личных выгодах. Брюховецкий, добившийся гетманства, искал опоры в Москве. В 1665 году он прибыл в Москву с другими старшинами, бил челом государю, просил принять Малороссию в полное подданство, собирать доходы прямо в государеву казну, послать воевод и ратные отряды во все малорусские города, поставить в Киеве митрополита, чтобы он был в зависимости от московского патриарха, а не константинопольского, как это было прежде. В Москве были, конечно, довольны таким полным слиянием Малой России с Великой: государь милостиво хвалил Брюховецкого за его преданность, пожаловал его боярским саном, а старшин, приехавших в Москву с гетманом, — дворянским званием; наделил всех щедрыми подарками. Желания Брюховецкого были исполнены, кроме просьбы о митрополите: государь затруднялся решить это без согласия константинопольского патриарха. Казалось, все были довольны. На деле вышло не то. Крестьяне и мещане в Малороссии были рады новому порядку, переходу под

власть царских воевод, даже говорили казацким старшинам:

— Теперь нас Бог избавил от вас — не станете вперед грабить и разорять нас!

Ф. Солнцев Кубок, присланный царю Алексею Михайловичу от датской королевы Христины

Ф. Солнцев Серебряный глобус царя Алексея Михайловича

Но совсем не рады были казаки, и особенно старшие из них: никак не могли они помириться с тем, что лишались своих вольностей и прав; опасались, что московское правительство приберет их к своим рукам. Недовольно было и высшее киевское духовенство: оно желало по-прежнему избирать из своей среды

митрополита под властью слабого константинопольского патриарха. Когда московские воеводы стали слишком властно распоряжаться на Украине, и даже круто, особенно после того, как в Запорожье убили московского посла, ехавшего в Крым, недовольство в Малороссии стало принимать большие размеры. Гетмана пугали слухи, что московское войско идет на Малороссию, что царь хочет отдать ее Польше. Брюховецкий вовсе не такой был человек, чтобы найтись в трудные минуты: жестокий в счастье, малодушный в беде, он задумал поправить дело изменой Москве. Он надеялся присоединить к своим владениям и западную часть Малороссии, где в то время гетманом был Дорошенко; для этого надо было сбыть с рук московских воевод и подчиниться Турции. В начале 1668 года была собрана рада в Гадяче, и здесь было решено отступить от Москвы, поддаться султану, призвать на помощь крымцев и выживать московских воевод из городов. Эта измена повела к злодейству: сто двадцать великорусов пало под ножами убийц; некоторые воеводы погибли, обороняясь в городах, другие были захвачены в плен, а иные успели спастись. Вероломство не пошло впрок Брюховецкому. Его жестокость и несправедливость вывели из терпения казаков: он погиб, растерзанный ими, когда шел навстречу Дорошенко. Теперь вся Малороссия попала под власть последнего. Он собрал всенародную раду и спросил, что делать: мириться ли с Москвой, отдаваться ли Польше или султану. О Польше народ и слышать не хотел, «москалей» боялся, а изъявил желание покориться Турции. После непродолжительных удачных действий против московских войск Дорошенко ушел в западную часть Малороссии, а на востоке оставил наказным атаманом Многогрешного. Последний завел сношения с Москвой, настаивал, чтобы московские воеводы удалились из Украины и водворено было по-прежнему самоуправление. В 1669 году Многогрешный

на раде в Глухове был избран гетманом. Постановлено было по согласию московского правительства, чтобы только в пяти городах были московские воеводы и ратные отряды (в Киеве, Переяславле, Нежине, Чернигове и Остре), а сбор доходов и управление производились бы так, как при Богдане Хмельницком; казакам быть в числе тридцати тысяч, а жить гетману в Батурине. Недолго и Многогрешный пользовался гетманством: через два года старшины схватили его и в оковах отправили в Москву, обвиняя его в замысле поддаться султану. Свергнутого гетмана отправили в ссылку в Сибирь, а вместо него выбрали Ивана Самойловича.

А. Рябушкин Выезд на соколиную охоту в царствование Алексея Михайловича

В это время Дорошенко истощил все усилия, чтобы спасти Малороссию от раздробления; он сносился с Москвой, хлопотал, просил принять под свое покровительство и западную, правобережную Украину на тех условиях, на каких была принята Малороссия при Богдане Хмельницком, но эти старания не привели ни к

чему. Москве было тогда не до новых дел и хлопот, да и с Польшей разрывать не хотели. Тогда Дорошенко обратился к султану с просьбой принять Украину в подданство на тех условиях, на каких подчинились ему Молдавия и Валахия. Султан, конечно, был рад такому случайному приросту своих владений, но хотел подчинить себе всех казаков и обе половины Украины, а этим нарушались права и Польши и Москвы.

***Н. Сверчков Царь Алексей Михайлович с боярами
на соколиной охоте близ Москвы***

В 1672 году турецкие войска вступили в пределы Украины с целью завоевать ее. Дорошенко и крымский хан соединились с султаном. Турки завладели польским городом Каменцом и предали здесь православные святыни поруганию: иконами мостили улицы, церкви обратили в мечети. В Москве были в тревоге. Царь созвал собор, куда пригласил, кроме думных людей, и

духовных лиц. Назначены были большие сборы. Уже государь готовился сам принять начальство над войском, но дело так далеко не пошло: польский король Михаил поспешил заключить мир, по которому отдавал под власть султана всех казаков, город Каменец и обязался платить ежегодную дань.

Сейм не утвердил позорного договора, и война продолжалась. В этой войне отличился особенно Ян Собеский, коронный гетман. Когда в 1673 году умер польский король Михаил (из рода Вишневецких), избран был на престол этот Ян Собеский. Противники его предлагали царю Алексею избрать сына его Федора на польский престол, но царь желал для себя королевского венца, а поляки и помыслить не могли избрать королем нектолика.

Между тем в конце 1673 года и в 1674 году московская рать счастливо вела борьбу с Дорошенко и татарами — часть южной Руси на правом берегу Днепра переходила под власть Москвы. Но Дорошенко, опасавшийся за свою жизнь в случае, если сдастся Самойловичу, призвал снова на помощь турок. В августе 1674 года турецкое войско с татарами прошло по Украине, страшно опустошая ее, беспощадно истребляя жителей, заливая кровью несчастную страну. Эта «турецкая помощь» уронила Дорошенко в глазах народа: остатки населения правобережной Украины толпами переселялись на левую сторону Днепра. Дорошенко стал усиленно добиваться, чтобы его с западной частью Малороссии московский государь принял в свое подданство. Смуты в южной Руси продолжались до смерти царя Алексея, и его преемнику пришлось еще ведаться с ними.

***А. Архипов Сокольниче Алексея Михайловича
Копия с картины А. Литовченко***

К. Лебедев «Отведывание» соколов под селом Коломенским

Царствование Алексея Михайловича — очень важное время в нашей истории. Присоединение Малороссии привело русских к столкновению с новым врагом — Турцией. Усилившиеся сношения с Западной Европой все больше и больше осваивали московских людей с европейскими порядками. Царю уже, видимо, очень были по душе приемы иноземных послов: то и дело совершался въезд их в Москву и торжественные приемы у царя, и сам он довольно часто посылал посольства в разные страны, между прочим — в Италию, Францию, Испанию, искал дружбы и союза с этими государствами.

Грузинские дела, торговые предприятия, широкие замыслы Нащокина и казацкие набеги побудили вести постоянные сношения с Персией, обмениваться с ней посольствами. В 1675 году были отправлены послы даже в далекую Индию — искать дружбы одного из тамошних государей. В тот же год отправлен был посланник в Китай. В отдаленной Сибири русские подвигались далее и далее на восток и добрались до границ Китая; здесь возникли столкновения из-за берегов Амура. С целью предупредить их на будущее время и заключить договор послано было посольство; оно, впрочем, кончилось неудачно, и посланник привез о китайцах самые невыгодные вести.

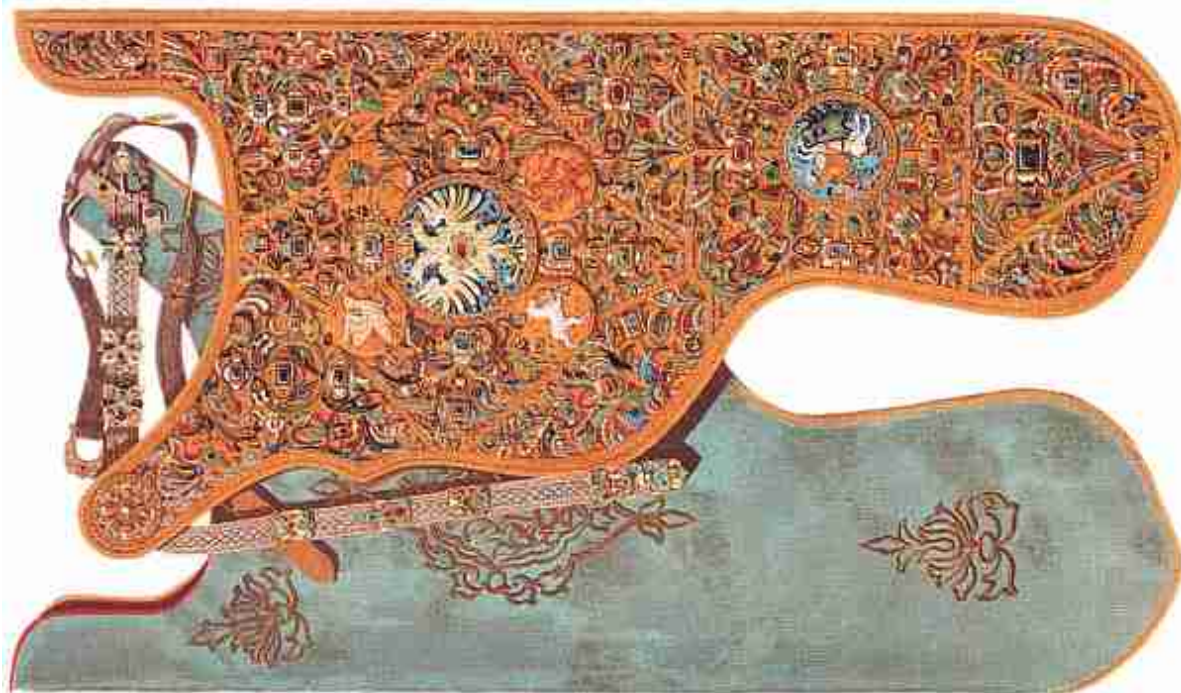

***К. Лебедев Пожалование из рядовых сокольников в
начальные***

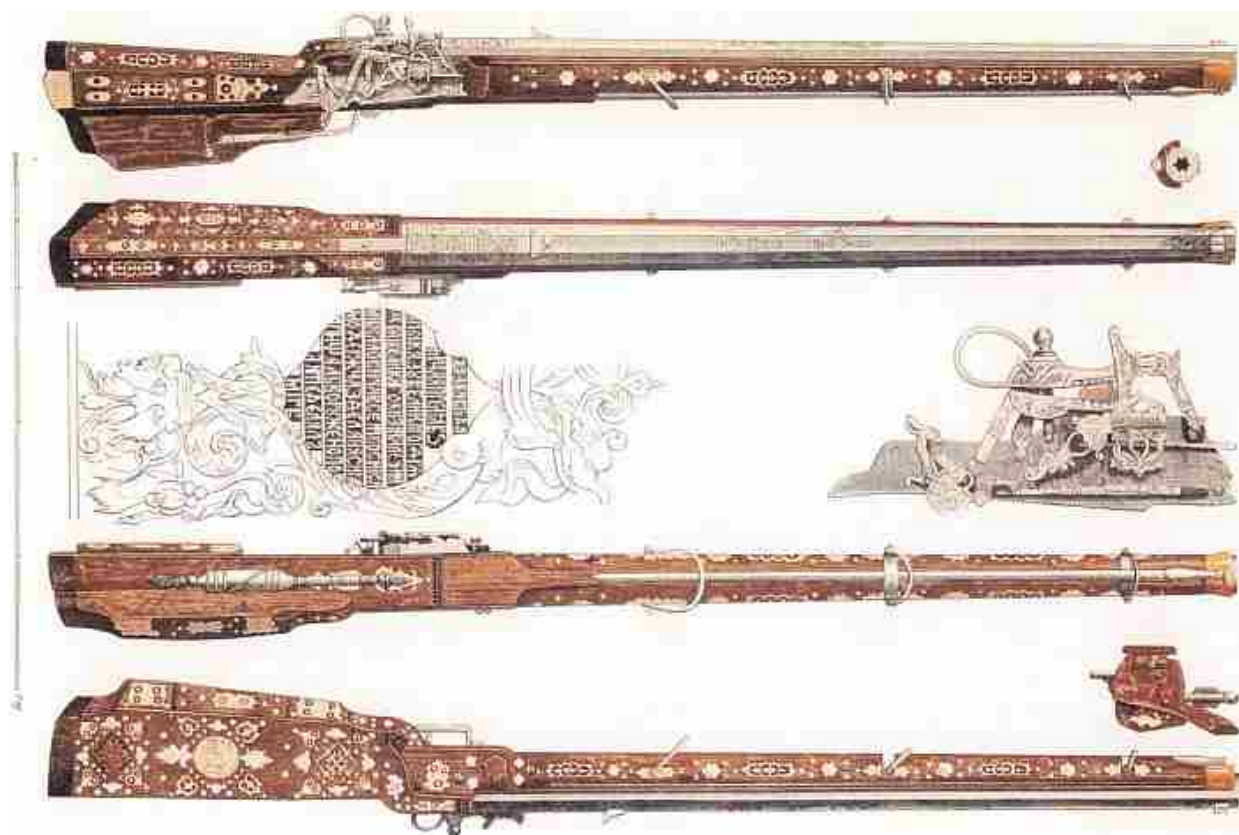
«Таких лукавых людей, — по его заявлению, — на всем свете нет, и нигде не найдешь таких воров; если не побережься, то и пуговицы у платья обрежут».

Китайцы, вероятно, опасались уже своих новых соседей, этих русских «искателей землицы», которые с ружьями в руках подвигались все далее и далее на восток, на юг и север Сибири. Небольшими шайками шли русские удальцы, последователи Ермака, проводывать новые землицы, добывать их под власть русского царя, заставляя полудиких жителей платить ему ясак (подать) драгоценными мехами. Где находили казаки удобное место, там строили острог, небольшую крепость, куда являлся отряд служилых людей с боевыми запасами и держал в повиновении ясачных туземцев. Таким образом возникали один за другим сибирские города. Подвиги русских удальцов часто были изумительны. В страшную стужу пробирались они небольшими шайками — в сотню, даже в несколько десятков человек — по неведомым снежным пустыням, таща на себе оружие и разные тяжести, иногда даже лодки, подвергаясь опасности погибнуть от холода или голода. Шли да шли они вперед, проводывая о землях и реках, откуда они текут, куда впадают, живут ли там люди и как живут, чем питаются, какие звери и рыбы у них водятся. Конечно, не любознательность, а корысть манила этих удальцов: прослышат, что есть вдалеке такая земля, где соболей и черно-бурых лисиц видимо-невидимо, а туземцы не знают им цены, почти даром отдают, или проведывают, что в далеких горах находят много серебра, и идут добывать эти благодатные землицы. Движение этих землеискателей было непрерывно в царствование Михаила Федоровича и

Алексея Михайловича; проникли они наконец до северных берегов Сибири, до Охотского моря, а на юге — до озера Байкал и до китайских границ. Как ни малочисленны были отряды русских удальцов, но они все-таки брали верх над полудикими туземцами, жившими вразброску, небольшими поселками, или кочевавшими маленькими шайками. Огнестрельное оружие давало всегда перевес русским над сибиряками.

***Ф. Солнцев Царский саадак большого наряда.
Налучие***

Ф. Солнцев Пищаль царя Алексея Михайловича

К. Лебедев Выезд царя Алексея Михайловича на соколиную охоту из Спасских ворот,

Большой прирост владений, столкновения с соседями, сношения с разными отдаленными странами, внутренние смуты, церковные и народные, — все это крайне усложняло правительственное дело, какое выпало на долю царя Алексея. Он, добродушный, податливый, близко принимал все к сердцу, от всей

души хотел блага своему народу, но по своей мягкости и уступчивости легко поддавался под влияние близких лиц, а между ними далеко не всегда были люди, подобные Нащокину или Матвееву. Это было несчастьем Алексея Михайловича. Немало пришлось ему вынести огорчений именно потому, что он был слишком впечатлителен, податлив и доверчив: стоит вспомнить хотя бы дело Никона. А между тем царь Алексей по своей природе был человек веселый и благодушный. Иностранцы, которые знали его, не могут нахвалиться его мягкой, человеческой природой. Ему было тяжело видеть подле себя грустное лицо; во многих письмах сказываются сильно его сердечность, доброта и теплое участие ко всем приближенным к нему боярам. Наружность царя, по описанию его современников, вполне соответствовала его нраву. Белолицый, румяный, темно-русый, с красивой бородой, он имел приветливый, добродушный вид. Телосложения он был крепкого, но стал преждевременно тучнеть, несмотря на очень деятельную жизнь. Вставал он всегда, как известно, очень рано — к заутрене; случалось, что и ночи проводил в молитве; ревностно занимался делами, не пропускал церковных и монастырских праздников, часто предпринимал «благочестивые походы», то есть богомольные поездки по монастырям. Ревностно исполняя все церковные обряды, набожный царь не чужд был и склонности к веселью. Как мы видели уже, он любил смотреть на представления лицедеев; был страстный охотник, особенно любил птичьи, соколиные или ястребиные охоты. Чувство красоты, любовь к изящному у него были очень развиты: пышность церковных обрядов, блеск праздничных и придворных церемоний, живописная местность, красивые постройки доставляли ему большое удовольствие. Любимым его летним местопребыванием было подмосковное село Коломенское. Здесь, среди живописной природы,

Алексей Михайлович выстроил себе большой деревянный дворец, замечательный образчик древнего русского зодчества со всей его затейливостью и своеобразностью.

В. Васнецов Выезд царя Алексея Михайловича на охоту

Его современники-иностранцы говорят также о прекрасных дарованиях царя Алексея и жалеют, что он не был научно образован. Однако он прочел все, что только можно было прочесть на славянском и русском языках, и даже у него у самого явилась охота писать: он любил писать длинные письма, где высказывалась его способность живо подмечать и картинно выражать свои мысли и чувства. Немало осталось от него записок и заметок, даже несколько описаний — выступления в

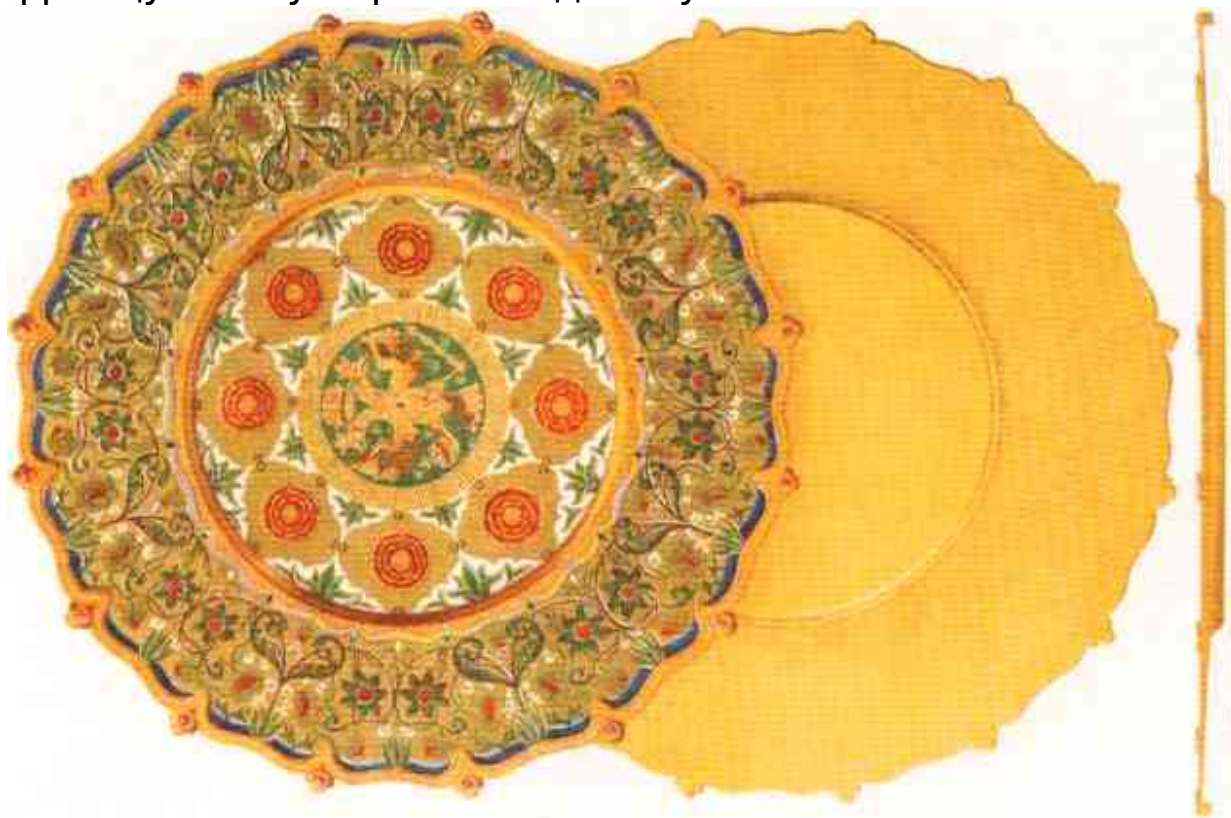
поход войска, отпуска воевод из Москвы, речей, которые говорились при этом, и прочего.

В. Тимм Вид загородною дворца Алексея Михайловича

Добродушие и мягкость Алексея Михайловича не мешали ему иметь такое же высокое понятие о своей власти, какое имел Иван Грозный, но замечательно, что при этом, даже несмотря на свою вспыльчивость, царь Алексей ни разу не совершил никакой жестокости. Бывали случаи, что в сердцах он собственноручно расправлялся с кем-либо. Так, однажды его тесть, боярин Милославский, вывел его из терпения своим хвастовством в боярской думе, и царь, не выносивший пустой похвалы, сгоряча надрал ему бороду и

вытолкнул за двери. Но дальнейших последствий это для Милославского не имело. (Не следует также забывать, что нравы русских в XVII веке были так еще грубы, что в побоях бояре не видели большой личной обиды для себя.) Иностранцы с удивлением замечают, что царя Алексея, несмотря на его неограниченное могущество и на раболепство и угодливость окружающих, нельзя упрекнуть даже в какой-либо крупной несправедливости. Простое, так сказать, отеческое обхождение всемогущего царя с подданными поражало иностранцев, которым не приходилось видеть ничего подобного на Западе, где значительные государи в конце XVII столетия начинали держаться на недостижимой высоте для подданных, подобно французскому королю Людовику XIV.

Ф. Солнцев Тарелка царя Алексея Михайловича

Ф. Солнцев Тарелка царя Алексея Михайловича

Царь Алексей умер, далеко не дожив до старости: ему было всего 47 лет, когда постигла его смерть. Чрезмерная тучность ускорила ее; в январе 1676 года почувствовал он упадок сил и благословил сына Федора на царство, а малолетнего царевича Петра поручил деду его, Кириллу Нарышкину, и еще нескольким боярам; велел выпустить из тюрем заключенных, вернуть из ссылки сосланных, простил все казенные долги, затем причастился, соборовался и спокойно ожидал кончины.

На другой день, 29 января, в 9 часов вечера раздался протяжный, унылый звон колокола в Успенском соборе, и народ узнал о кончине своего «тишайшего» царя, самого добродушного из всех московских государей.

Царствование Федора Алексеевича

***Придворные дела и падение А. С. Матвеева.
Внешние события. Уничтожение местничества.
Церковные дела и просвещение***

Придворные дела и падение А. С. Матвеева

Большую семью оставил царь Алексей: от первой супруги двух сыновей и шесть дочерей да от второй — сына и двух дочерей. На беду, старшему сыну Федору было всего четырнадцать лет, притом это был болезненный мальчик. Понятно, что дела правления должны были попасть в руки царских родичей. Уже в конце царствования покойного государя во дворце начались нелады: царские родичи Милославские и их приближенные никак не могли примириться с новыми, сильными при дворе людьми, Матвеевым и Нарышкиными. Брак с Натальей Кирилловной Нарышкиной был очень не по душе Милославским, и царские дочери, почти ровесницы своей молодой мачехи, сильно невзлюбили ее. Неожиданная смерть царя сразу переменяла положение придворных людей: Милославские подняли голову, а людям, близким к вдовствующей царице, пришлось плохо. Прежде всего беда постигла знаменитого А. С. Матвеева, который пока еще оставался в прежнем высоком сане «великих государственных посольских дел сберегателя», но падение его было уже решено. За поводом дело не стало: придрались к жалобе, что Матвеев не доплатил еще за доставленное ко двору вино.

Когда Матвеев, по обычаю, приехал во дворец на поклон царю, боярин Стрешнев из государевой палаты вынес в переднюю указ ему:

«Указал великий государь тебе быть на службе в Верхотурье воеводою».

Опальный боярин с сыном и племянниками отправился в почетную ссылку. Поднялся он, как говорится, всем домом: с боярином отправлялись

священник, польский шляхтич, учивший сына, и большая дворня; взяты были не только пожитки, но также оружие и даже две пушки для безопасности. Но врагам Матвеева было мало почетной ссылки всемогущего прежде боярина. Когда он доехал до Лаишева, сюда прибыл из Москвы гонец и потребовал, чтобы Матвеев отдал «книгу „Лечебник“, где многие статьи писаны цифирью», и выдал двух людей своих. Боярин отвечал, что требуемой книги у него нет, а людей выдал. Месяц спустя явились новые посланцы, и ночью был произведен осмотр имущества и писем боярина; после того сделан был на съезде двора допрос людям Матвеева и ему самому. С него взяли показание о том, как составлялись и подносились лекарства покойному царю во время последней его болезни. Матвеев показал, что лекарства составлялись докторами, а рецепты хранятся в аптекарской палате; что перед тем, как давать больному государю лекарства, отведывал всякий раз прежде доктор, потом он, Матвеев, а затем государевы дядьки, а после приема все, что оставалось лекарства, допивал опять он же, Матвеев, на глазах государя.

После этого явился новый указ из Москвы — перевести Матвеева из Лаишева в Казань. Здесь его стали держать под стражей, дворню от него взяли; наконец потребовали выдачи имущества.

— В пожитках моих, — сказал Матвеев, — ни краденого, ни разбойного, ни воровского, ни изменного, ни заповедного нет; пожитки отца моего и родителей его, жены моей и родителей ее и мои, нажитые милостию Божиею и великих государей жалованием за посольские службы и за свои работы ратные, за крови и за всякие великие работы в 69 лет нажиты, а когда час пришел невинному нашему разорению, что великий государь изволил пожитки все взять без вины моей, в том воля Божия и его, государская!

Потребовали от Матвеева и выдачи всякого оружия, какое было при нем.

— К унятию всякого воровства был я починщик, — промолвил он, — а не к начинанию.

В. Верещагин Царь Федор Алексеевич

Наконец, после многих обид и унижений, Матвееву были объявлена его вина: он показывал, что остаток лекарств после государя выпивал, но близкие люди, ходившие за государем, объявили, что не выпивал. А один лекарь донес, что лечил у Матвеева его карлика, который жаловался ему, лекарю, что болен от господских побоев, что раз он заснул за печью в палате, в которой Матвеев с одним доктором читали «черную книгу», и во время чтения в палату пришло множество злых духов, и они указали боярину, что у них в покое есть третий человек; тогда боярин вскочил и, найдя его за печью, сорвал с него шубу, ударил его оземь, топтал ногами и выкинул за двери замертво. Доктор,

доносивший об этом, прибавил от себя, что и сам он видел, как Матвеев читал «черную книгу», и что грек-переводчик по этой книге учил самого Матвеева и сына его Андрея.

Таким образом, конечно, простая любознательность Матвеева и лживые показания дали повод к обвинению его в «чернокнижье» — деле очень тяжелом, на взгляд наших предков. Когда дьяк читал обвинение Матвееву, он хотел возразить, но дьяк прикрикнул на него: «Слушай, молчи и не говори!»

Матвеева лишили богатства, всего имущества и сослали на житье в Пустозерск вместе с сыном. Вслед за тем отправлены были в ссылку по лживым обвинениям и двое Нарышкиных — Иван и Афанасий, братья царицы, которая поселилась с маленьким Петром в удалении от дел, в селе Преображенском.

Старик Матвеев не мог смириться со всеми лишениями, каким подвергался в ссылке; не раз он писал царю челобитные — жаловался, что ему не дали настоящего суда, писал патриарху, к ближним боярам просьбы о ходатайстве. Все было напрасно. Самая нелепость обвинения, навлекшего на него ссылку, могла бы показать ему, что враги его вовсе не заботились о справедливости. Пока царь был окружен Милославскими, участь Матвеева не могла измениться к лучшему; только в конце царствования положение его облегчилось.

Царь Федор Алексеевич Романов

Милославские были, впрочем, недолго в силе; в 1679 году царь сблизился с Иваном Языковым и Алексеем Лихачевым. Это были люди еще молодые, способные и доброжелательные: первый был постельничим, а второй — стольником. О Языкове сохранились сведения как о весьма ловком придворном: его называют «человеком великой остроты», а Лихачева — «человеком доброй

совести, исполненным великого разума и самого благочестивого состояния».

Значение этих двух лиц особенно усилилось, когда юный царь женился. Говорят, что он, идя в крестном ходу, заметил девушку, которая ему очень понравилась. Оказалось, что это была Агафья Семеновна Грушецкая, племянница думного дьяка; ему велено было не выдавать ее замуж впредь до указа. Следуя дедовскому обычаю, царь велел собрать для вида многих девиц на смотрины и избрал Агафью. Боярин Милославский пытался расстроить этот брак, клеветал на царскую невесту и ее мать, но Языков и Лихачев обнаружили его козни. Царь женился на Грушецкой, царские любимцы еще более усилились при дворе, а Милославский потерял всякое значение. В это время выдвигается все более и более на вид даровитый, еще молодой по летам князь Василий Васильевич Голицын.

Юный царь, воспитанный Симеоном Полоцким, под влиянием этих близких людей немало сделал хороших распоряжений, устранивших злоупотребления и путаницу в делах по владению вотчинами и поместьями. В 1679 году был издан указ о прекращении противных христианскому духу, диких по жестокости казней — отсечения рук и ног. Казни были заменены ссылкой в Сибирь. В челобитных, подаваемых царю, запрещалось сравнивать его с Богом; запрещалось простым людям при встрече с боярами слезать с лошадей и кланяться в землю; от татарских мурз, если они не принимали христианства, велено было отбирать православных крестьян. Затем издали закон об отнятии спорных земель у тех владельцев, которые провинятся самоуправством и станут посылать своих крестьян на драку. Все это показывало новое направление — заботы о человеческом достоинстве и справедливости.

Царица Марфа Матвеевна Апраксина, супруга царя Федора Алексеевича Романова

Внешние события

Смуты в Малороссии, как известно, еще не кончились при царе Алексее; он не успел еще утвердиться в заднепровской части Украины. Дорошенко укрепился в Чигирине и звал к себе на помощь турок и татар; в то же время польский король, на основании Андрусовского мира, требовал возврата Киева и грозил Москве войной за стремление ее захватить западную часть Малороссии. Но более опасным врагом был турецкий султан: он считал, на основании договора с Польшей, заднепровскую часть Малороссии своей. Царь никак не хотел допустить, чтобы православные, да притом единоплеменники его, были в турецком подданстве. Сильная московская рать, под начальством Ромодановского, соединилась с казаками Самойловича и осадила Чигирин. Дорошенко, не видя ниоткуда помощи, ни от султана, ни от Польши, наконец сдался (сентябрь 1676 года), положил оружие, отдал Самойловичу все знаки гетманского достоинства и присягнул со своими подданными в преданности и верности московскому царю.

Напрасно польский король требовал, чтобы Москва не вмешивалась в дела заднепровской Украины, — из Москвы отвечали, что Польша, уступив султану Малороссию, лишилась права спорить об этой земле. Между тем султан выслал в Украину сильное войско; оно напало на Чигирин, но Ромодановский и Самойлович подоспели на помощь осажденным и разбили турок наголову (1677 год). В следующем году султан выслал еще большее войско. Хотя туркам и удалось разорить Чигирин, но они снова были разбиты. Западная часть Малороссии в это время была страшно опустошена турками и обратилась в пустыню.

***Ф. Солнцев Напрестольный крест царя Федора
Алексеевича***

Польское правительство думало воспользоваться затруднительным положением Москвы во время турецких нашествий на Украину: грозило само войной, вопреки договору требовало возвращения городов, завоеванных еще царем Алексеем.

В мае 1678 года прибыло в Москву польское посольство. При посольстве одних слуг было до 300 и отряд телохранителей.

Прием отличался необычайной пышностью. Москва, как известно, умела встречать иноземных гостей, и царь являлся пред ними во всем блеске своего величия и богатства. Блестящие ряды бояр в их роскошных нарядах, красивые рынды, стрельцы в их разноцветных кафтанах — все это производило сильное впечатление

на иностранцев. На этот раз особенно поразили их своим видом конные жильцы. Это были царские телохранители на белых прекрасных конях, одетые в красное платье, с крыльями, приделанными назади.

Переговоры длились 23 заседания; наконец был заключен договор (3 августа 1678 года): 1) перемирие заключалось на 13 лет; 2) полякам возвращались Невель, Себеж и Велиж; 3) уплачивалось 200 000 рублей — никаких уступок не жалело московское правительство, лишь бы сохранить Киев.

После двух неудачных походов в Малороссию султан ограничился тем, что стал подстрекать крымского хана делать опустошительные набеги на Украину. Татары подходили к самому Киеву, но были отбиты, а затем храбрый казацкий вождь Сирко нанес им поражение и даже вторгся в их владения. Эти неудачи побудили султана искать мира. Начались переговоры, и 3 января 1681 года в Бахчисарае было заключено с турками и татарами перемирие: султан отказался от своих притязаний на заднепровскую, то есть восточную, Украину; за Россией осталось и Запорожье. Туркам досталась западная Украина, прежние владения Дорошенко, представлявшие раньше богатейшую, цветущую местность, которую поляки называли «раем», а теперь обращенные в пустыню.

Так кончилась война за Малороссию.

Война с Турцией заставила русское правительство искать союза на Западе: в Австрию было послано посольство, чтобы возбудить и ее к войне с Турцией. Война эта заставляла Москву ладить со Швецией, с которой было немало пограничных счетов, и с Польшей.

Польша сильно опасалась Турции и добивалась всячески не только оборонительного, но также и наступательного союза с Москвой против турок. В бесконечных переговорах польские сановники пускали в ход все красноречие свое, приводили всевозможные

доводы, чтобы убедить русских помочь Польше и войском и деньгами в случае войны с Турцией. Выставляли на вид, что турки являются даже более естественными врагами русских, чем поляков, потому что «Русь греческой веры, а они (турки) владеют греческими государствами, а греки всегда чают себе от царского величества обороны и от руки басурманской освобождения; а с римлянами (католиками) неприязни турки не имеют и легко их почитают». Указывали поляки и на то, что турки будут добиваться всей Украины, которую будто бы еще Хмельницкий предложил им в подданство; что даже и религия мусульман не позволяет им никому уступать своего. Стращали тем, будто турки подбивали казанцев и астраханцев восстать на Москву. При другом случае поляки старались затронуть религиозное чувство русских и соблазнить их тем, что при наступательной войне с Турцией они найдут сильную поддержку даже в турецких владениях. «Вере христианской и церквам благочестивым, — говорили поляки, — от басурман, конечно, утеснение. И опасение турки великое имеют от царского величества, потому что христиане, под турком живущие, все того ожидают, чтобы царского величества войска в их землю вступили и христиане все от турок отступили и приключились (присоединились) к войскам царского величества».

Ф. Солнцев Золотое кадило, сделанное по заказу Федора Алексеевича

Русские сановники и послы все это внимательно выслушивали и признавали, конечно, что есть доля правды в этих словах, но умели они хорошо блюсти и выгоды своего отечества и не очень-то поддавались на польские уловки и приманки. Как видно, русские послы и дьяки посольского приказа ясно понимали, что одна Польша, слабая и внутренним расстройством, и внешним положением, — плохой союзник; что она, подобно Турции, — естественный враг России и не прочь всегда, как показал горький опыт, попользоваться при случае

русскими землями. И потому русские послы по большей части отвечали уклончиво, ловко тянули переговоры, не отнимая у поляков надежды на союз и в то же время не связывая себя никакими обещаниями. Ссориться с Польшей было тогда не время, и потому русским послам из Москвы предписывалось вести с польскими сенаторами «пространные и пристойные любовные разговоры», «чтобы и впредь множилась дружба и любовь», только запрещалось письменно излагать полякам эти «любовные разговоры».

По восточным и юго-восточным окраинам России по-прежнему было беспокойно — постоянно волновались кочевники: калмыки, башкиры; донские казаки своевольничали, задирали калмыков, особенно же яицкие казаки, проявлявшие буйные наклонности, — среди них еще силен был разинский дух. Царским воеводам приходилось силой смирять их. В южной Сибири шла борьба с киргизами; на востоке поднимались то якуты, то тунгусы — старались отбиться от платежа ясака, от притеснений собиравших его служилых людей. На севере самоеды тоже попытались избавиться от сборщиков дани, напали на них, так что те едва успели спастись от гибели. Эти беспорядки и волнения возникали больше всего от своеволия казаков, которых правительство никак не могло обуздать, да от притеснений и неправд своекорыстных воевод и сборщиков дани.

Уничтожение местничества

Среди разных военных предприятий и сношений с другими государствами московское правительство не упускало из виду и внутренних дел. Особенное внимание было обращено на служебные беспорядки, на просвещение и на борьбу с расколом.

Служебные беспорядки в делах военных и гражданских вызывались нередко местничеством.

Это своеобразное явление древней русской жизни произошло из родовых понятий, по которым каждый отдельный человек был тесно связан в одно целое со своими родичами. Можно сказать, что в те времена даже и не понимали человека как отдельное лицо, вполне самостоятельное, независимое, ответственное только за самого себя, как понимают теперь; в каждом лице видели только часть целого, а этим целым был род. Единство рода, как бы он ни разрастался, по большей части строго сохранялось. Особенно это надо сказать о знатных людях, которых связывали и поземельные владения. В старину крепость родового союза проявлялась во всем: один из членов рода должен был, например, заплатить большую сумму денег — все родичи обязаны были помочь ему. Старшие члены в роде, которых величали господами, должны были смотреть за поведением младших родичей, хотя бы и взрослых, служащих. Даже правительство считало себя вправе взыскивать со старших членов рода за проступки младших. Такой родовой, или патриархальный, склад жизни в первобытные времена приносил немало пользы. Когда еще слабо у людей чувство законности, не существует понятий об общественных обязанностях, тогда родовая связь удерживает человека от дурных поступков, которые могут навлечь позор, а не то и беду

не только на него, виновника, но и на весь его род, а с другой стороны — дает человеку уверенность, что в случае беды он всегда найдет в родичах поддержку. Но эта же родовая связь и рознит людей — заставляет их нередко выгоды своего рода ставить выше пользы всего общества или народа. Родовые счета побуждали удельных князей к усобицам; родовые же счета привели потом бояр к местничеству.

***А. Рябушкин Едут (Народ московский во время
въезда иностранного посольства в Москву в конце
XVII века)***

***Ф. Солнцев Стоянец и четвертина царя Федора
Алексеевича***

Если одно лицо немыслимо отделить от рода и оно составляет с ним одно нераздельное целое, то понятно, что с повышением по службе каждого лица возвышается и целый род его, а с понижением — понижается и весь род. Теперь, в наше время, почти всякий волен себе

выбирать какую хочет службу, взяться за любой труд, потому что отвечает сам за себя; в старину же человек должен был прежде всего подумать о роде, так как обязан был беречь родовую честь во что бы то ни стало: она была для него выше всего. Назначает царь боярина на какую-нибудь должность, приходится ему служить под началом другого сановника; если этот последний более знатного рода, то первый служит без всякой опаски, порухи своему роду он тем не причиняет. Но беда, если начальник, хотя бы заслуженный и способный сановник, невысок родом своим: более родовитому человеку подчиняться такому начальнику значило, по тогдашним понятиям, уронить честь своего рода, поставить его ниже рода своего начальника и дать право всем родичам и потомкам последнего, ссылаясь на этот случай, считать себя выше, знатнее родичей и потомков первого. Такая поруха родовой чести, по родовым понятиям, считалась непростительным преступлением. Вот почему в старину русский знатный человек, беспрекословно повиновавшийся государю, считавший себя холопом его, выказывал полное неповиновение, когда речь шла о том, чтобы унижить свой род, занять место ниже человека менее родовитого, готов был скорее пойти в тюрьму, подвергнуться батогам, кнуту, лишиться имений, чем причинить бесчестье всему своему роду. Уронить достоинство своего рода значило навеки опозорить себя не только в глазах всех своих родичей, но и в глазах всех порядочных людей. Московские государи, конечно, и сами сообразовывались при различных назначениях мест со степенью родовитости, но не всегда можно было соблюсти все тонкости родословия. Иногда приходилось давать предпочтение таланту пред породой, и вот тогда и возникал вопрос для человека, стоявшего за свою родовитость, как быть: подчиниться воле государя — значит уронить весь свой род, не подчиниться — значит

навлечь на себя гнев государя, лично пострадать. Понятие о родовой чести так высоко ставилось, что почти все избирали последнее. Раньше, пока еще существовали уделы, для служилого боярина был исход, если казалось ему, что государь жаловал его не по роду, — тогда можно было отъехать на службу к другому князю. Вот почему бояре так дорожили в старину правом свободного отъезда. Но времена эти миновали, уделов не стало, Русская земля сплотилась вокруг Москвы, а здесь, в Москве, около государя столпились многочисленные бояре. Среди них были и князья Рюриковой крови, и заезжие потомки татарских князьков, и разные выходцы из Западной Европы — все они изо всех сил стараются обратить на себя внимание государя, стать к нему ближе, подняться выше других. Тут уж родовой гордости пришлось выносить частые и тяжкие удары. Русских родовитых бояр не оскорбляло возвышение разных заезжих иноземных бояр: с ними нельзя было считаться родовитостью. Как проверить их происхождение? — быть может, они и очень родовитые. Иное дело — свои боярские роды: и они сильно разрослись и разветвились, но все-таки можно, хоть и с большим трудом, разобраться, какой из них старше. И вот тут в среде русских бояр и начинаются бесконечные споры из-за старшинства при назначении на разные места. Приходится, например, царю послать кого-либо послом, или на войну, или назначить в приказ, и надо дать ему в товарищи или в помощники другого, а этот последний по роду своему считает себя равным или знатнее первого, и начинается дело. Один не хочет быть под началом другого и ставит себе это в позор и бесчестье, а тот, в свою очередь, считает себя обиженным этим заявлением и подает челобитье царю, жалуется на обиду, указывает, что отец обидчика, дед или прадед служил в подчинении у его деда или прадеда. Царь по челобитью приказывает сыскать в

разрядных книгах, какой род честнее. Если окажется, что назначенный в подчиненные равен или выше родом того, с кем приходится служить, то назначают другого, менее родовитого, а если ниже, то приказывают служить без упорства. Если же и после справки он будет упрямяться, то за ослушание его сажают в тюрьму или подвергают другому наказанию. Местнические счеты особенно усилились с того времени, когда среди родовитых русских бояр стали появляться «худородные» люди, жалованные бояре, получившие сан благодаря своим дарованиям да царской милости, такие, как Ордин-Нащокин или Матвеев. Назначает, например, государь Афанасия Лаврентьевича Нащокина вести переговоры с польскими послами, а в товарищах у него велит быть стольнику Матвею Пушкину, а тот бьет челом, что ему, Пушкину, меньше Афанасия быть невместно. Нащокин, в свою очередь, жалуется царю, что Пушкин бьет челом не делом. Государь приказывает Пушкину служить, как велено, но тот упорствует. Дело кончается тем, что государь посылает ослушника в тюрьму и велит ему сказать, что от него отпишут вотчины и поместья, если он не покорится, но Пушкин стоит на своем:

— Отнюдь тому не бывать!.. Хотя вели, государь, казнить меня смертью, Нащокин передо мною человек молодой и неродословный.

На этот раз ослушник, по родовым понятиям, был прав, и потому ослушание не имело для него особенно печальных последствий. Если же случалось, что упрямец, оказавшись по сыску неправым, продолжал упорствовать, то он подвергался, по усмотрению государя, суровому наказанию: долгому заключению в тюрьму, битью батогами, лишению поместий и ссылке в Сибирь.

Сверх того, совершался любопытный обряд «выдачи головою» виновного его противнику за бесчестье. Обряд

этот, по рассказу Котошихина, производился таким образом. Тот, кому выдавали головой виновного, в назначенный день должен был быть дома и ждать своего обидчика. Отсылался же он с дьяком или подьячим; пристава, взяв его за руки, вели по городу, а на лошадь садиться не давали. (Пешком идти для боярина считалось уже унижением.) Когда же приводили во двор к обиженному боярину, то ставили приведенного у нижнего крыльца, и дьяк или подьячий приказывал известить о своем приходе хозяина. Когда тот выходил на крыльцо, дьяк говорил ему:

— Великий государь указал и бояре приговорили того человека, который с тобой быти не хотел, за его боярское бесчестие отвести к тебе головой!

В ответ на это боярин, которому государь оказывал такую честь, кланялся и приказывал отпустить противника своего домой, причем ему не позволялось сесть во дворе на коня.

***Неизвестный художник Вид на Москву от
Серпуховской заставы***

Нередко случалось, по замечанию Котошихина, что выдаваемый головой, идучи от царского двора до двора своего противника и даже стоя перед ним, «лает и бесчестит его всякою бранью, а тот за его злые, лайчивые слова ничего не чинит и не смеет, потому что того человека присылает царь за его бесчестье, желая почтить оскорбленного боярина, а не для того, чтобы посланный подвергся побоям или увечью». Если бы это случилось, то виновный в насилии понес бы двойное наказание, потому что он своим поступком оскорбляет не своего противника, а как бы самого царя.

Дьяка или подьячего, производившего выдачу головой, боярин, почтенный царской милостью, щедро одаривал подарками, а на другой день ехал благодарить самого государя.

Местничество сказывалось не только при получении служебных мест, но во всех возможных случаях: в заседании думы, за царским столом, в процессиях. В думе, по словам Котошихина, думные люди «садутся по роду своему и по чести, кто кого честнее породой, а не по тому, кто кого старше в чине; так что пожалует царь, например, какого-нибудь родовитого человека, хотя бы и молодого, в думные бояре, он в тот же день „по своей породе“ займет в думе место выше, то есть ближе к царю, чем многие бояре, престарелые и заслуженные, но менее родовитые. Так же садятся и за царским столом. Царские родичи по жене часто у царя за обедом не бывают, потому что им ниже других бояр сидеть стыдно, а выше не могут, потому что породой невысоки».

Забавные случаи происходили иногда за царским столом. Станут рассаживаться приглашенные по местам, и случится кому-нибудь сидеть ниже лица, с которым он породой равен или даже честнее. Тут уж и царская милость не в милость! И вот опасющийся учинить поруху своему роду под разными предлогами старается уклониться от стола, просит царя отпустить его домой или в гости, и царь отпускает. А если как-нибудь проведает, что кто-либо просится обманом, не желая сидеть ниже другого, такому велит остаться и сидеть за столом под кем придется; но тот не садится, бьет челом царю, чтоб он не бесчестил его, что «род его с тем родом, под которым велят сидеть, не бывал». Царь приказывает насильно посадить ослушника, а он посадить себя не дает и того, ниже которого приходится сидеть, «бесчестит и лает». Когда же его посадят силой, он не сидит, выбивается из-за стола вон; его не пускают и уговаривают не гневить царя, а он кричит:

— Хотя царь велит мне голову отсечь, мне под тем не сидеть!

И спустится под стол. Тогда царь прикажет его вывести вон, послать в тюрьму или до указу «к себе на очи пускать не велит»; а после того за то ослушание отнимается у ослушника честь, боярство или окольниковство и думное дворянство.

Неизвестный художник Князь В. В. Голицын с наградной медалью

Постоянные местнические споры очень тяготили правительство: приходилось для решения их разбираться в запутанных родословных, наводить справки в разрядных книгах, рассматривать местнические дела в боярской думе. Местничество начало уже проявляться и среди близких родичей; так, в 1652 году князь Григорий Ромодановский бил челом на племянника своего князя Юрия, что ему с ним быть неместно. «Он мне в роду и в равенстве», — заявлял он; а князь Юрий жаловался на дядю: «Хотя он мне по родству дядя, но можно ему со мною быть, потому что у отца своего он осьмой сын, а я у своего отца первый сын, и дед мой отцу его большой брат». Дело дошло до того, что и дьяки стали местничаться: дьяк одного приказа не хотел сидеть ниже другого дьяка, так как считал свой приказ выше того, где служил второй. Много неурядиц в делах проистекало от местничества, но нигде так не вредило оно, как в военном деле. Приходилось назначать военачальников не по уму, а по роду. Случалось, что начальствующие лица не ладили между собой из-за места и больше думали о своих родовых счетах, чем о пользе дела, а на войне более, чем где-либо, требуется единодушие. Правда, у государей было средство обходить родовую спесь: они объявляли в известных случаях, что «боярам быть без мест». Это значило, что высшей властью устранялись на этот раз какие бы то ни было родовые счета и что подчинение начальникам никакого бесчестья роду подчиненных не наносило, и первые даже не имели права в будущем ссылаться на свое преимущество над последними в этом случае.

Со времени Грозного объявление службы без «мест» встречается все чаще и чаще. В последние годы царствования Алексея Михайловича это уже вошло в обычай; теперь оставалось только обратить обычай в закон. Это и сделано было при Федоре Алексеевиче. Из

именитых бояр в то время самым видным по уму и образованным был молодой князь Василий Васильевич Голицын. Ему указал государь ведать ратными делами и поручено было с несколькими лицами, выборными из военного люда, обсудить, какие перемены надо сделать в военном строе, чтобы поднять его, а то «неприятели показали новые в ратных делах вымыслы», и потому «надобно сделать в государских ратях рассмотрение и лучшее устройство, чтобы иметь им в воинские времена против неприятелей пристойную осторожность и охранение и чтобы прежде бывшее воинское устройство, которое показалось на боях неприбыльно, переменить на лучшее».

Князь Василий Голицын

Выборные нашли, что служилых людей надо расписать по ротам (как в иноземных отрядах); в ротмистры и поручики назначить из стольников, дворян и прочих, чтоб были между собой без мест и без подбора, в каком чине великий государь укажет, и затем просили государя:

«Для совершенной в ратных, посольских и всяких делах прибыли и лучшего устройства указал бы великий государь всем боярам, окольничим, думным и ближним людям и всем чинам быть на Москве в приказах и полках у ратных, посольских и всяких дел и в городах между собою без мест, где кому великий государь укажет, и вперед никому ни с кем разрядом и местами не считаться, разрядные случаи и места оставить и искоренить, чтобы вперед от тех случаев в ратных и всяких делах помешки не было».

Это челобитье выборных людей Голицын доложил государю. 12 января 1682 года назначено было «чрезвычайное сидение» с боярами; были приглашены патриарх, архиереи и некоторые игумены монастырей. Когда было прочтено челобитье, начал говорить царь и между прочим так выразился о местничестве:

— Злокозненный плевосеятель и супостат общий — дьявол, видя от такого славного ратоборства христианским народам тишину и мирное устройство, а неприятелям христианским озлобление и искоренение, всеял в незлобивые сердца славных ратоборцев «местные» случаи, от которых в прежние времена в ратных, посольских и всяких делах происходила великая пагуба, а ратным людям от неприятелей — великое умаление.

Далее, указав еще на вред местничества, государь, выражая намерение уничтожить его, привел примеры деда своего и отца, которые уже тяготились им, и заключил вопросом:

— По нынешнему ли выборных людей челобитию всем разрядам и чинам быть без места или по-прежнему быть с местами?

В ответ на это патриарх с большим укором отнесся к местничеству, от которого, по его словам, «аки от источника горчайшего, вся злая и Богу зело мерзкая и

всем нашим царственным делам ко вредительству происходило». В заключение патриарх сказал:

— Аз же и со всем освященным собором не имеем никоея же достойные похвалы принести великому царскому намерению за премудрое ваше царское благоволение.

Бояре, окольные и все бывшие в думе согласились с патриархом и просили государя уничтожить местничество, от которого чинились «великие нестроения, разрушения, неприятелям радования, а между ними (русскими ратными людьми) богопротивное дело — великие продолжительные вражды».

После этого государь велел принести разрядные книги и сказал:

— Для совершенного искоренения и вечного забвения все эти просьбы о случаях и записки о местах изволяем предать огню, чтоб злоба эта совершенно погибла и вперед не поминалась и соблазна бы и претыкания никто никакого не имел.

Затем царь потребовал, чтобы все, у кого есть разрядные книги и записи, прислали бы их для сожжения, «и с этих пор быть всем между собою без мест, и впредь никому ни с кем никакими прежними случаями не считаться и никого не укорять, и никому ни над кем не возноситься».

Все присутствовавшие в ответ на это воскликнули:

— Да погибнет в огне оное богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее местничество и вперед да не воспомянется вовеки!

В дворцовых передних сенях развели огонь, и разрядные книги запылали. Когда дали знать государю, что они сожжены, патриарх обратился к членам думы и сказал:

— Начатое и совершенное дело впредь соблюдайте крепко и нерушимо, а если кто впредь оному делу

воспрекословит, тот бойся тяжкого церковного запрещения и государского гнева как преобидник царского повеления и презиратель нашего благословения.

В ответ все воскликнули: «Да будет так!»

Никто из бояр и не подумал отстаивать местничество. Это и понятно. Все понимали нелепость укоренившегося обычая, тяготились им. Боярские роды так разрослись-напутались, что часто очень трудно было с точностью разобраться, кто кого родовитее. Конечно, нередко и лица, спорившие о старшинстве, сознавали, что они подвергаются опасности ошибиться и понести за то всю тяжесть государевой опалы. Но при всем том никто из бояр в отдельности, дорожа своей родовой честью, не хотел отступить от нелепого обычая. Теперь же, когда уничтожение этого обычая, тягостного для всех, исходило от высшей власти, всем оставалось только порадоваться.

Царь, довольный тем, что так легко, без всякого отпора удалось уничтожить застарелое зло, объявил, что в разрядном приказе вместо прежних разрядных местнических книг будет заведена родословная книга, где будут записаны на память боярские роды и службы служилых людей. Всем дозволялось держать у себя такие родословные книги, но с этих пор при назначении на разные должности они не принимались в расчет.

Хотя местничество было уничтожено, но все-таки знатные лица пользовались особенными отличиями: бояре, окольничие и думные люди могли, например, ездить в каретах и санях на двух лошадях, в праздничные дни — на четырех, а на свадьбах — даже на шести; другие же, ниже стоящие лица (спальники, стольники, дворяне) зимой имели право ездить в санях на одной лошади, а летом — верхом. Также при дворе давались некоторые преимущества знатым; но все это

нисколько не мешало давать ход и возвышать по службе людей вовсе не родовитых, но способных.

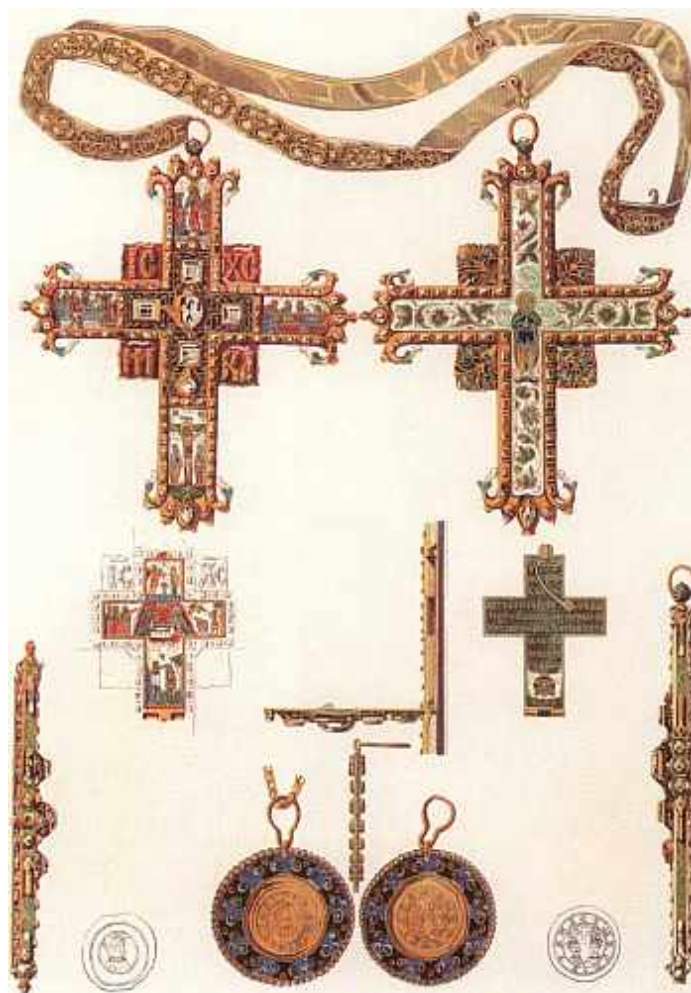
Церковные дела и просвещение

Раскол быстро разрастался. Расколоучители, убежденные в правоте своей, увлекали за собой темный люд. Скрываясь от преследований правительства, ревнители старой веры устраивали тайные скиты: леса внутренних русских областей, костромские, брянские, керженские, наполнялись раскольниками; северное Поморье тоже сделалось раскольничьим приютом; отсюда раскол расходился по Новгородской и Псковской областям и начинал уже распадаться на разные толки. На юге раскол распространялся среди донских казаков, на севере — в отдаленной Сибири. Суровые меры правительства усиливались: главные зачинщики раскола — Аввакум, Федор, Лазарь и Епифаний — погибли на кострах. Но это еще более воспламеняло ревнителей старины: они видели в пострадавших святых мучеников за правую веру, а в гонителях — ненавистных, жестоких слуг антихриста, попиравших святую старину. Пострадать за веру, погибнуть за нее огненной смертью стало заветной целью для многих — явились самосжигатели.

Московский собор 1681 года постановил усилить розыски раскольников, запретил продажу раскольничьих сочинений и старых книг, учредил строгий надзор над домовыми церквами, молельнями, скитами и часовнями, где часто раскольники совершали богослужение по-своему. Стали закрывать подобные часовни и молельни; это в глазах темного народа казалось прямым гонением на веру. Как ни сильно было правительство, но оно оказывалось бессильным в борьбе с расколом: с этим нравственным недугом нельзя было бороться обыкновенной силой, необходимо было духовное оружие, а его-то и недоставало правительству.

При Федоре Алексеевиче утихла церковная смута в Малороссии, где со времени присоединения ее к Москве поднялась была большая неурядица в церковном управлении.

Киевские митрополиты (Сильвестр Коссов и Дионисий Болобан) вовсе не желали подчиниться московскому патриарху; им хотелось сохранить полную независимость, считаясь только по имени под властью византийского патриарха. Даже мстиславский епископ Мефодий, на которого было возложено управление западнорусской церковью, перешел на сторону польско-шляхетской партии, несмотря на то что своим положением обязан был Москве. У него нашлись единомышленники из черного духовенства, которые решительно объявили, что они не подчинятся митрополиту, посвященному в Москве. Мефодий кончил тем, что попал в заключение за свою измену. Церковное управление в Малороссии на некоторое время распалось: западной частью управлял Иосиф, приверженец польско-шляхетской стороны, а восточной, не желавшей ему подчиниться, — епископ Черниговский Лазарь Баранович.

**Ф. Солнцев Царский наперстный крест и «золотой»,
пожалованный князю В. В. Голицыну за Крымский
поход**

И. Безмин Портрет царя Федора Алексеевича

Только после смерти Иосифа (1676 год) церковное управление на обеих сторонах Днепра перешло в руки епископа Лазаря. Пять лет спустя по смерти Федора Алексеевича, когда константинопольский патриарх, после соборного совещания с другими патриархами, в 1687 году согласился признать зависимость Киевской митрополии от московского патриарха, кончилось

разделение русской церкви, длившееся со времени Витовта — два с половиной века.

Давно уже созрела мысль о необходимости училищ, но дело двигалось крайне медленно вперед. Легко сказать — завести школу, но где было взять учителей? Своих не было, на приезжих из юго-западной Руси смотрели в Москве недоверчиво, считали их зараженными латинством. Патриарх Иоаким сильно недолюбливал Симеона Полоцкого за некоторые его не совсем православные толкования. Но Полоцкий был силен своим положением при царском дворе, другим же, менее видным людям, конечно, приходилось труднее в Москве.

Говорят, что один монах, Тимофей, возвратившись с Востока, красноречиво описал царю бедствия греческой церкви, недостаток просвещенных пастырей и плачевное положение церковной науки. Царь был сильно тронут рассказом и велел устроить при типографии небольшое училище на 30 учеников. Тимофей был назначен начальником его; в Москве нашли двух греков для обучения учеников греческому языку. Но царь не остановился на этом: он задумал завести в Москве академию вроде киевской. Говорят, что разработка вопроса об этой школе была последним делом Симеона Полоцкого (умер в 1682 году). В академии предполагалось читать все предметы, какие читались в киевской, и преподавать языки: славянский, греческий, польский и латинский — для людей всяких возрастов и чинов. Начальником и учителями могли быть только русские и греки; притом никого из Литвы и Малороссии в учителя академии без свидетельств достоверных людей принимать не велено. Этой академии намеревались предоставить высший надзор за чистотой православия в России. Никому не позволялось наблюдать, чтобы иностранцы не распространяли в России своих

верований. Виновных в порицании православия положено было сжигать на кострах.

В 1682 году царь отправил к патриархам грамоту с просьбой прислать из Греции православных и искусных учителей. Но академия была открыта уже по смерти Федора Алексеевича.

В конце его царствования обращено было внимание и на печальное положение Никона. Уже дряхлый и больной заточник наконец получил разрешение вернуться из ссылки. Это было в 1681 году; Никон от слабости едва передвигал ноги; на пути он и скончался. Тогда царь велел перевезти тело его в Воскресенский монастырь. Патриарх Иоаким не пожелал приехать на погребение осужденного собором архипастыря, и погребальный обряд совершен был новгородским митрополитом, причем Никона, по желанию царя, поминали «патриархом». После того царь написал вселенским патриархам, чтобы они разрешили помянуть Никона патриархом. Ответ был получен, уже по смерти царя, утвердительный, и русская церковь так и поминает.

А. Рябушкин В праздничный день

В 1682 году царь, по смерти первой супруги, вступил в брак с Марфой Матвеевной Апраксиной, родственницей Языкова, крестницей Матвеева. Первым делом после бракосочетания было возвращение из ссылки этого боярина; ему были возвращены его имения как человеку, ни в чем не виновному и оклеветанному. Молодая царица примирила также царя с Натальей

Кирилловной и царевичем Петром, с которым он не ладил.

Но недолго пришлось пожить царю после свадьбы. Хилый и болезненный с детских лет, он постоянно хворал и 27 апреля умер на двадцать первом году от рождения.

Состояние Русской земли к исходу XVII столетия

Страна, деревни, села и города. Москва. Состав населения и государственный строй. Войско. Государственные доходы, промышленность и торговля.

Домашний быт (Жилище. Внутреннее убранство его. Утварь. Одежда. Пища).

Распорядок повседневной жизни (Дневные занятия. Выезды. Прием гостей. Пирьы и братчины).

Семейный быт (Взгляд на женщину. Жена. Положение женщины. Семейные обычаи: родиньы и крестиньы, имениньы, сватовство и свадьба, новоселье, похороны).

Состояние образованности (Народная поэзия. Книжная словесность. Обучение грамоте.

Искусства. Умственное развитие).

***Удовольствия и развлечения (Взгляд на
удовольствия. Скоморохи. Кулачные бои.
Корыстные игры: зернь, тавлеи, карты и прочее).
Табак. Качели и прочее***

Страна, деревни, села и города

На исходе XVII столетия Московское государство уже превосходило по своим размерам любую западноевропейскую страну: широко раздвинуло оно свои пределы на восток после завоевания Поволжья и Сибири и на юг с присоединением Малороссии. Но громадная Восточно-Европейская равнина, пересекаемая по всем направлениям полноводными реками и множеством речек, покрытая на севере бесконечными дремучими лесами, озерами и болотами, а на юге расстилавшаяся необозримой степью, по-прежнему поражала иноземцев-путешественников непривычным для них малолюдием: она казалась им пустыней сравнительно с Западной Европой. Русский народ раскидался на громадном просторе своей земли мелкими поселками, редко сбиваясь в большие поселения, в города. Можно было проехать десятки верст, не встретив ни одного поселка; на сотни верст тянулись непроглядные леса; встречавшиеся изредка деревушки по большей части были очень незначительны, в три-четыре избы; более многолюдные деревни и села попадались лишь по торговым путям, рекам, при монастырях да близ больших городов.

Неприглядна была великорусская деревня и летом, но еще печальнее глядела она поздней осенью и зимой, когда зелень лугов не веселила глаз и крестьянские избы уныло чернели на снежной равнине. А между тем именно зимой по большей части и приходилось путешествовать: в санях, обитых овчиной, закутавшись в хорошую шубу, — словом, вооружившись как можно лучше против лютого мороза. По гладкому зимнему пути удобнее было ехать, чем в другую пору, когда на каждом шагу приходилось переправляться через реки,

пробираться по болотам и трясинам: хороших дорог на Руси еще не было.

И. Шишкин Рубка леса

Неказисты были и на вид великорусские поселки. Несколько маленьких курных изб на лесной просеке или на берегу реки — вот и деревня; побольше изб и между ними деревянная церковь — вот и село. В деревнях редко встречались не только сады, но даже деревья: лесу кругом было в таком изобилии, что великорус не придавал большой цены дереву; темный дремучий лес, где ютился лютый зверь да лихой человек, был в глазах великоруса скорее врагом, чем другом; сады были только при помещичьих усадьбах и состояли больше из плодовых деревьев. Те деревни, где проживали помещики, были понаряднее: барская усадьба с разными службами и садом скрашивала их. По наружному виду своему великорусская деревня сильно отличалась от

малорусской. В южной Руси чаще встречались большие села, чем на севере: благодатная почва могла здесь и на малом пространстве прокормить многих. Выбеленная мазанка, или хата, глядела веселее великорусской избы, тенистое дерево было желанным другом для степняка-малоруса, обдаваемого палящим зноем южного солнца.

В. Маковский Деревня в Малороссии

Широкий простор Русской земли, которому завидовали иноземцы, имел и свои невыгодные стороны: население — особенно крестьянский и промышленный люд — расходилось все больше и больше в разные стороны, на поиски лучшей земли. Хотя крестьяне в конце XVI века были прикреплены к земле, но у каждого богатого вотчинника и даже помещика было столько земли, что легко можно было и тут выбирать любой участок (а сверх того, побеги крестьян были заурядным явлением). Из какого-либо села выделится крестьянская

семья, поставит себе неподалеку на новом месте, где-нибудь у леса, на просеке или на выжженном участке, в лесу, крестьянский двор — и начало новому поселку положено. Такой самый маленький поселок на дикой земле назывался обыкновенно займищем. Поселок, состоящий из нескольких изб, образующий незначительную деревушку, назывался починком; он мало-помалу разрастался в деревню, которая, в свою очередь, обращалась в село, когда сооружалась в ней церковь, а отсюда могли таким же путем пойти новые починки и деревни, составлявшие со своим селом как бы одну семью.

П. Брюллов Весна

Слово «город» все еще, как и раньше, означало ограду, а не то, что находилось в ней, как понимаем мы теперь. Говорили: «каменный город», «деревянный», «земляной» — смотря по тому, как была устроена ограда. Потребность в укреплениях — городах, городках, острогах, засеках — была еще очень сильна. Городовое дело (сооружение городских стен) считалось

одной из главных повинностей народа, и города да остроги заводились по окраинам государства на новых местах прежде поселений, чтобы дать оборону желающим здесь поселиться. Города по большей части были деревянные, соединенные с земляными: обыкновенно насыпался вал, или осып, а на нем устраивался тын или прямо на землю ставилась деревянная стена, и к ней уже присыпался вал. Небольшие укрепления, остроги, часто состояли из деревянных стен, окруженных рвом. При Алексее Михайловиче насчитывают уже до двадцати каменных или кирпичных городов, не считая монастырей, которые тоже, как известно, представляли хорошие укрепления.

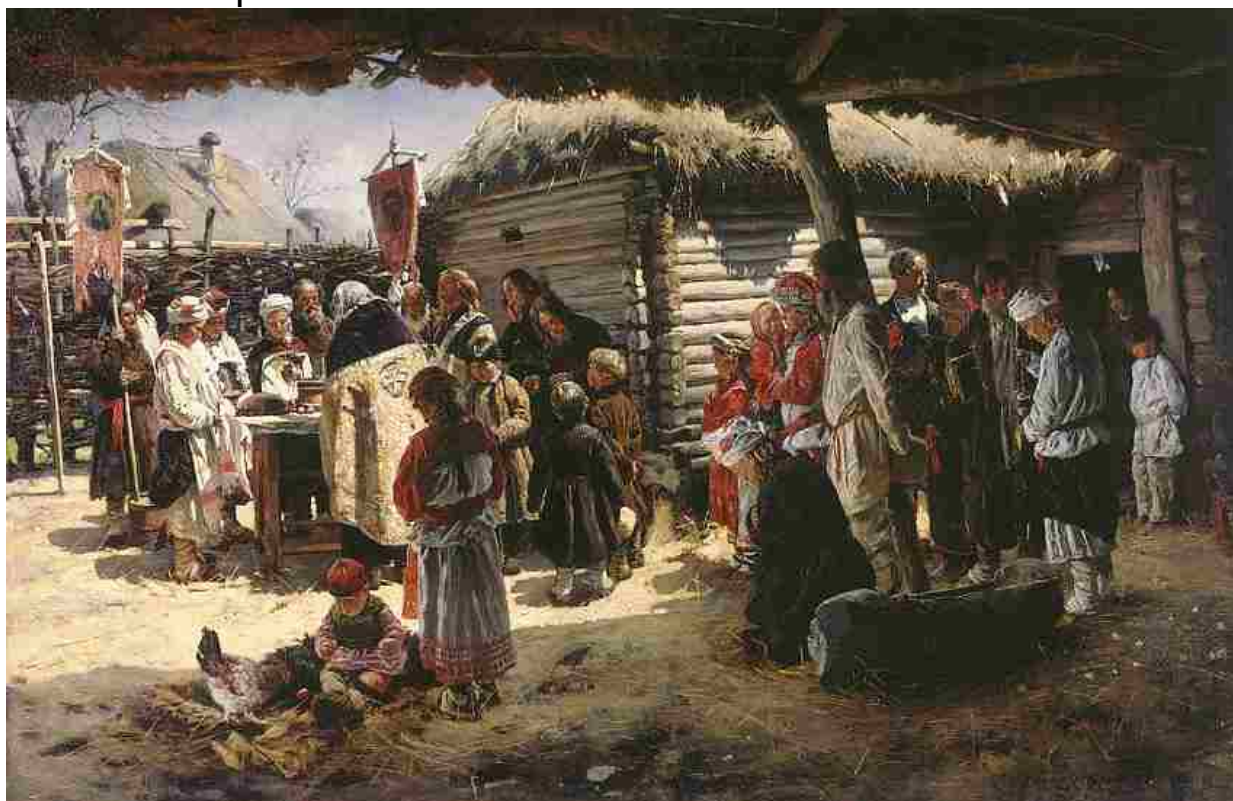
Наверху каменных стен устраивались зубцы, за которыми могли скрываться защитники города от выстрелов неприятеля. Над стеной в некоторых местах возвышались башни различного вида и высоты; в каменных городах они были каменные, в деревянных и земляных — деревянные, а иногда тоже каменные. Кроме больших башен, устраивались в стене небольшие башенки и различные выступы, чтобы удобнее было действовать против нападающих врагов. В башнях и стенах делали окна, у которых лежали груды припасенных камней и кольев, чтобы метать в осаждающих. Делали и бои, то есть узкие отверстия, откуда стреляли из пушек и пищалей. Бои устраивались в больших городах обыкновенно в три ряда: нижние, или подошвенные, служили для пушек, а верхние — для пищалей и мушкетов. Толщина и вышина стен были в разных городах различны: в Астрахани, например, каменная стена в 1649 году была толщиной в полторы сажени, а вышиной — в четыре. Города окружались глубокими и широкими рвами.

К. Мирошник Август

По окраинам государства от города до города делались земляные насыпи, вдоль которых устраивались на известном расстоянии друг от друга острожки, жилые и стоялые. Они занимались только временно военными отрядами. В лесных местах устраивались засеки, состоявшие из кучи наваленного лесу, огражденные рвом. Случалось, что и тут устраивались башни — и тогда такие засеки получали вид наскоро устроенных городов. Таким образом, довольно было только приглядеться к русским городам, особенно близким к границам, чтобы понять, что населению постоянно приходилось жить под страхом нападения.

В городе, то есть внутри ограды, были важнейшие здания: тут была главная церковь, или собор, приказная изба, где судил и рядил воевода, управлявший городом и его уездом, тут находился воеводский двор со всякими службами, казенный двор для хранения зеленой казны (то есть пороху), государева житница, двор священников, избы служилых стрельцов и пушкарей, тюрьма, наконец «осадные дворы» окрестных помещиков — они в случае опасности уходили сюда со своими пожитками. Сверх этих дворов, были еще казенные осадные дворы для простонародья на случай военного времени.

В. Маковский Молебен на Святой неделе

Ф. Васильев Деревня

При городах располагались обыкновенно посады; тут жили торговцы, ремесленники, промышленники. Главное место — торговая площадь: сюда в известные дни свозили всякие нужные жителям товары. На площади находилась земская изба, где сидели земские старосты с посадскими людьми; тут же были гостиный двор, таможня, кружечный двор и прочее. Посады нередко также обводились оградой, острогом или валом; но вдали от границ, где опасаться нападения было нечего, посады были без городов, то есть не опоясывались оградой.

Постройки в посадах и городах были очень просты: это были по большей части те же избы, что и в деревне, только почище да пошире. Зажиточные люди соединяли несколько срубов в одно целое, украшали резными деревянными украшениями, раскрашивали кровли. Каменные постройки все еще были редкостью и встречались только в больших городах. Главным украшением городов были церкви. Набожные предки наши сооружали их очень много и не скупилась на украшение их. Эти церкви по большей части были тоже деревянные и маленькие; но все-таки они строились изящнее, чем жилища. Их высокие купола, покрытые светлым листовым железом, с золочеными крестами, сверкая на солнце, скрашивали город. Даже в маленьких городках встречались уже нередко и каменные церкви: в Белозерске, например, в 1674 году считалось только 960 жителей, а между тем было девятнадцать церквей, из них соборная — каменная. К городам кроме посадов примыкали еще слободы, поселения разных служилых или ремесленных людей, которые пользовались особыми правами и особым управлением. К Москве, например, прилежали слободы: Стрелецкая, Немецкая, седельников, гончаров и многие другие. Все великорусские города походили один на другой в главных чертах: основную часть города, сердцевину его, составлял собственно город (кремль, детинец), который мало-помалу, так сказать, обрастал посадом и слободами. В опасных местах, по границам, город долго оставался только городом, то есть укреплением, населенным преимущественно служилым людом, без посадов и слобод (например, Черный Яр, Царицын и другие); а в местах более безопасных, особенно там, где сходились торговые пути, посады и слободы быстро разрастались, и собственно город, или кремль, представлял хотя главную, но очень небольшую часть среди обширного посада и слобод. Самые значительные

города, например Новгород, Псков, Нижний Новгород и другие, представляли именно такое явление, но более всего сказалось это на Москве.

Вид Кремля

Москва

Сильное впечатление производила Москва своим видом на заезжих иностранцев, когда они глядели на нее издали, с высоты, например, Воробьевых гор. На огромном пространстве чернела громада нескольких десятков тысяч деревянных домов, над которыми высились бесчисленные колокольни и церкви с их разноцветными или сверкавшими на солнце металлическими куполами. Темная масса домов прорывалась во многих местах пестреющими кровлями боярских хором, зеленеющими садами, огородами, и над всем этим возвышался Кремль с его белокаменной зубчатой стеной и стройными башнями, а над белыми башнями и стенами поднимались многочисленные кремлевские церкви и, словно свечи, горели на небесной синеве своими золотыми маковками. Трудно было наблюдателю оторваться от чудной картины, и понятно становилось, почему русский народ так любил свою «белокаменную» и «златоглавую» Москву.

***И. Г. Машков У проездной башни Белого города.
XVI век***

С высоты нетрудно было заметить главные составные части столицы. В середине города, составляя как бы сердце его, по выражению одного иностранца, находился Кремль с примыкавшим к нему Китай-городом, окруженным толстой каменной стеной, Красной, как звали ее (она была кирпичная, небеленая). С юга эту часть города, то есть Кремль с Китай-городом, омывала Москва-река, с севера — Неглинная, а кругом шел посад, который окружала белая стена, Белый город,

упираясь своими концами в берега реки Москвы; затем эту часть опоясывал другой посад, Земляной город. Напротив Кремля была расположена Стрелецкая слобода (Замоскворечье). С одной стороны ее огибала река Москва, с другой — земляной вал, который подходил своими концами к стенам Земляного города. Неподалеку от Земляного города, к востоку, отделенная небольшим полем, находилась Немецкая слобода, или Кокуй, населенная иноземцами всевозможных племен и исповеданий. Кроме того, в разных местах виднелись монастыри: Новодевичий, Симонов и другие; они, окруженные стенами, служили хорошими укреплениями. Вдали от города, там и сям среди зеленеющих полей, разбросаны были подгородные боярские усадьбы.

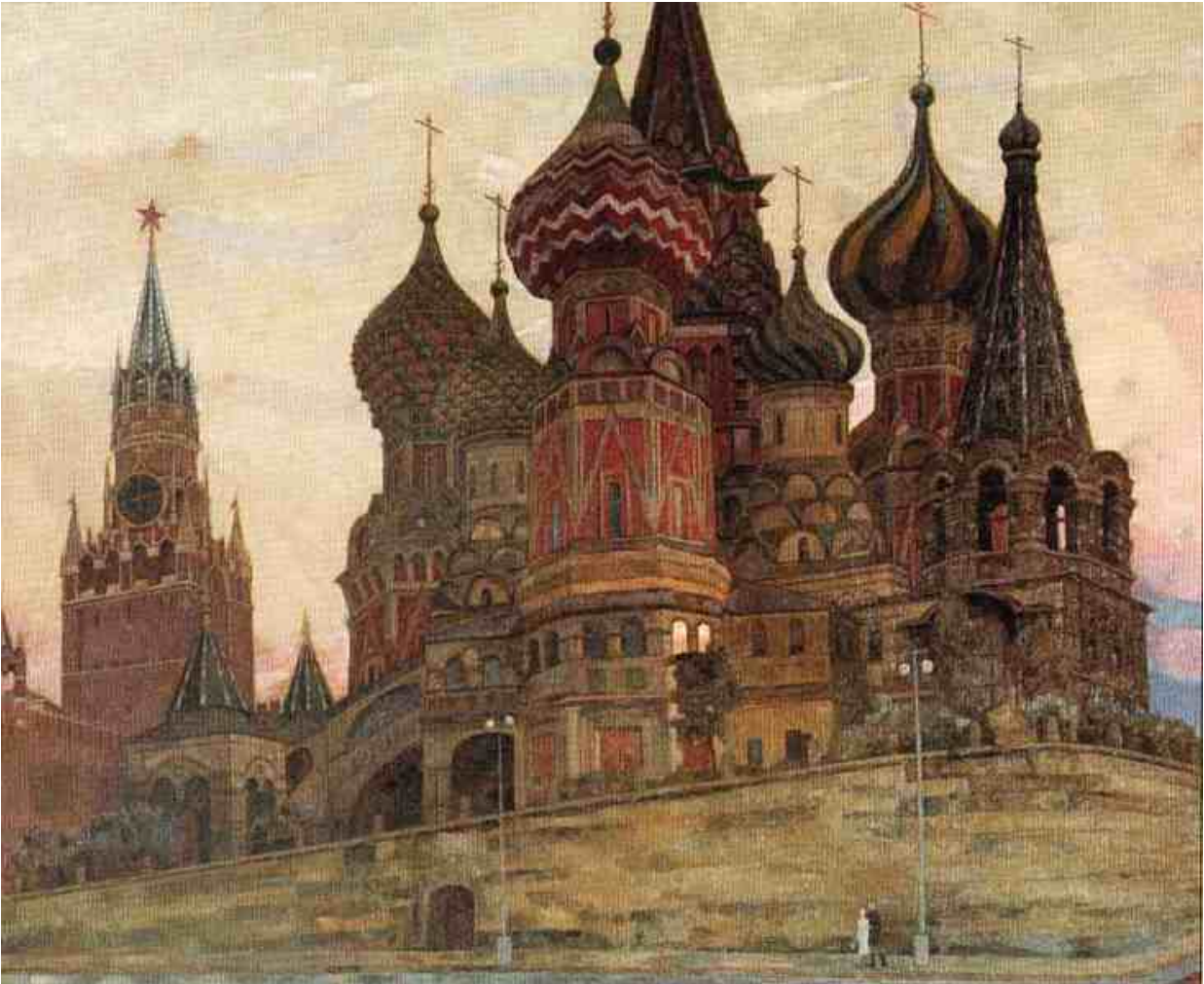

Г. Лебедев Симонов монастырь

Необычайно красива была Москва издали, но обаяние исчезало, когда путешественник вступал в самый город. Маленькие деревянные домики, грязные или пыльные улицы прежде всего бросались в глаза. Самая значительная часть Москвы — Земляной город, где жили большей частью мелкие ремесленники, — отличалась особенной бедностью и неприглядностью построек. Здесь были рынки, загроможденные бревнами, досками, срубами, даже целыми деревянными домами (избами), которые стоило только разобрать и перенести на то место, куда желал покупатель. Белый город глядел уже наряднее: здесь тоже жили ремесленники и торговцы. Каждый ремесленник вывешивал вещи, указывавшие на его занятие: сапожник — сапог, портной — лоскутки тканей. Торговцы мясом выкладывали на прилавки куски мяса, которое портилось на солнце и распространяло тяжелый запах. Тут же были скотный рынок и много кружал с водкой, пивом и медом, два завода: один — пороховой, другой — литейный, где лили пушки и колокола, две тюрьмы, аптеки, царские конюшни и прочее. Но тут же, ближе к Китай-городу, находились дворы более зажиточных посадских людей, купцов, даже бояр.

А. Васнецов Новодевичий монастырь. Башни

А. Горский Московский храм Василия Блаженного

Встречались уже и красивые постройки с большими садами, даже попадались и каменные дома; тут красовались и изящные каменные палаты Артамона Сергеевича Матвеева, построенные им по желанию царя. В Китай-городе внимание приезжих привлекала церковь Святой Троицы (Василия Блаженного) своей необычайно затейливой архитектурой. Подле церкви находились две громадные пушки, обращенные на плавучий Москворецкий мост, в сторону, откуда обыкновенно нападали на Москву татары. Здесь на большой площади, которая расстилалась перед церковью Святой Троицы и

Кремлем, находился главный рынок города. Число лавок, расположенных рядами на самой площади и на смежных улицах, доходило, по словам иноземных писателей, до сорока тысяч. Были ряды: шелковый, суконный, серебряный, сапожный, холстинный, ряд, где продавалось готовое платье, овощной, рыбный, птичий и другие. Перед самым Кремлем, на обширной четырехугольной площади, не позволялось ставить лавки; зато здесь образовался толкучий рынок и кипела разносная, ручная торговля. За церковью Святой Троицы к Москве-реке тянулся обширный гостиный двор, называвшийся Персидским. Тут армяне, персияне и татары торговали дорогими восточными товарами: золотыми и серебряными изделиями, драгоценными камнями, коврами и прочим.

Кроме того, в Китай-городе находилось еще два гостиных двора для иноземных торговцев. В другой части Китай-города, подле речки Неглинной, было до 200 погребов с медами и заморскими винами. Близ посольского двора находился ряд лавочек, где происходила стрижка волос, которые тут же по улице валялись грудями, так что когда проходишь здесь, говорит один очевидец, то ступаешь точно по подушкам. В конце XVII века в Китай-городе почти все здания были уже каменные. Между ними особенно выделялись красотой и величиной посольский дом, печатный двор, греческий двор и многие боярские палаты; но красивее всего были и здесь, как в других частях Москвы, церкви. Улицы в Китай-городе были вымощены круглыми бревнами, только две главные из них были выложены обтесанными брусьями: одна — ведущая в Кремль к Спасским воротам, по которой обыкновенно царь выезжал из города, а другая — у посольского двора. Главные и самые красивые ворота, ведущие из Китай-города в Кремль, были Фроловские, или Спасские, над которыми возвышалась очень красивая башня с часами.

В Кремле внимание заезжего наблюдателя привлекается прежде всего самой высокой колокольней в Москве, Иваном Великим, с множеством разноголосых колоколов, и другой — поменьше, с громадным колоколом (царь-колокол), отлитым при Борисе Годунове. Звонили в этот колокол только по большим праздникам; язык его был так тяжел, что раскачивали его двадцать четыре человека. В Кремле было два монастыря, мужской и женский, и до 30 церквей (иные из иностранцев насчитывали их даже до 50); все они были златоглавые. В Кремле находился царский двор со всеми службами. Хотя уже при Михаиле Федоровиче был построен в итальянском вкусе великолепный каменный дворец (Теремный), но государь жил в деревянных хоромах, считая их более здоровыми. Подле царского двора помещались прекрасные палаты патриарха; кроме того, здесь были палаты некоторых бояр, и, наконец, тут же находились приказы. Вся крепость была застроена церквями, царскими дворцами, боярскими хоромами и другими, так что почти не оставалось свободного места.

Вид Спасской башни

Ничто так не поражало иноземца в Москве и других русских городах, как многочисленные церкви. В Москве они встречались на каждом шагу — большие и маленькие, деревянные и каменные. Не только благочестивые государи, не жалея издержек, воздвигали их в большом числе и в память побед, и по разным случаям семейной жизни, но и знатные бояре

беспреданно сооруджали и церкви, и часовни, украшали их; не отставали от них именитые богачи-купцы. Иностранцы, насчитывая в Москве в конце XVII века до двух тысяч церквей, конечно, имели в виду и часовни, и домовые церкви бояр. Довольно было одного взгляда на тысячи пестреющих и блистающих церковных глав, высоко поднимавшихся над людскими жилищами, чтобы заключить, что набожность — одна из главных особенностей русского человека. Как неказисто было по большей части жилье, так, напротив, были красивы и величественны церкви. Правда, большинство их были маленькие и деревянные, но и они своим изяществом и вышиной резко отличались от обыкновенных домов. Некоторые же из церквей поражали своим замечательным великолепием и своеобразностью, величием и красотой. Надо сказать по всей справедливости, что русское церковное зодчество XVI и XVII веков оставило по себе немало замечательных памятников. С половины XVI столетия, со времени постройки знаменитой церкви Василия Блаженного (Покрова), московское зодчество обнаружило большую силу и самобытность. Кажется, будто при сооружении каждой новой церкви зодчий напрягает все силы своего таланта и вкуса, чтобы создать что-нибудь особенное, небывалое, придумать какое-нибудь новое украшение церковной кровли, куполов, окон, входа, — и потому старинные церкви Москвы и ее окрестностей поражают до сих пор своим разнообразием и красотой, несмотря на позднейшие искажения и пристройки.

Из старинных церквей в Москве и ее окрестностях некоторые, сооруженные в XVII столетии, хорошо сохранились и удивляют до сих пор своей красотой и оригинальностью. К таким надо отнести церковь Грузинской Божией Матери, церковь Святителя Николая в Столпах, Владимирской Богородицы, церковь Покрова при Шелепихе и церковь Святого Николая на Ильинке.

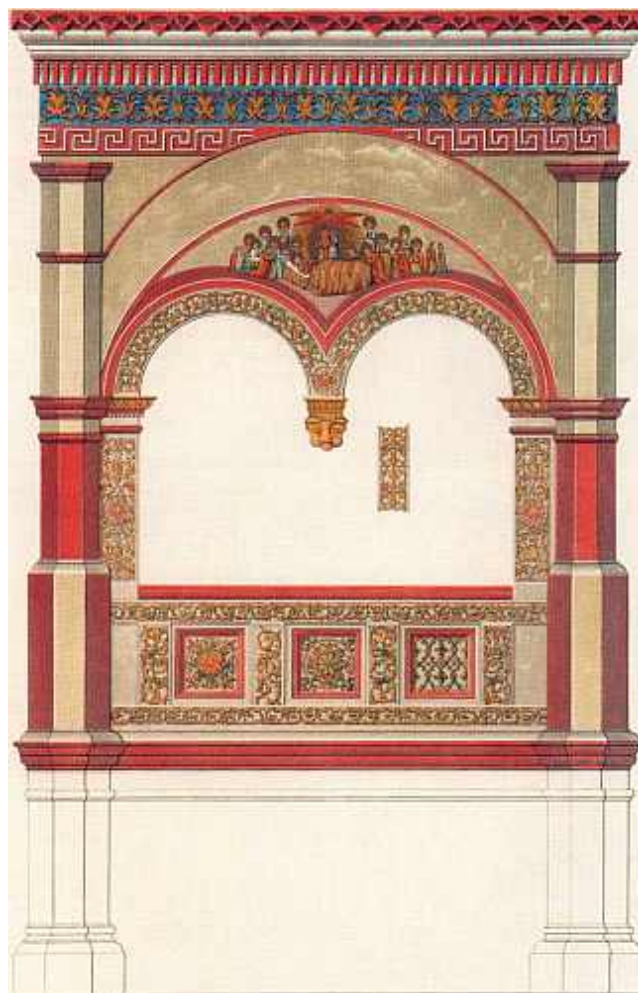
Не менее любопытные церкви в Останкине близ Москвы, в селе Тайнинском и в селе Медведкове. Все эти образцы древнего нашего зодчества показывают, сколько воображения и самобытного таланта было у русских строителей, очевидно стеснявшихся одним общепринятым видом церкви.

Вид колокольни Ивана Великою

***Ф. Солнцев Окно Теремною дворца со стороны
Оружейной палаты***

***Ф. Солнцев Окно Теремною дворца с золотой
решеткой***

Церковь Грузинской Божией Матери в Москве

Москва днем представляла весьма оживленный вид. День начинался очень рано: летом с восходом солнца, а зимой еще до света все уже приходило в движение. Раздавался тысячеголосый благовест в церквях. Отворялись лавки; рынки наполнялись покупателями; рабочие шли на работу. Среди толпы раздавался порой боярский набат (род небольшого барабана, висевшего у седла), ударяя в который боярин, ехавший верхом, давал

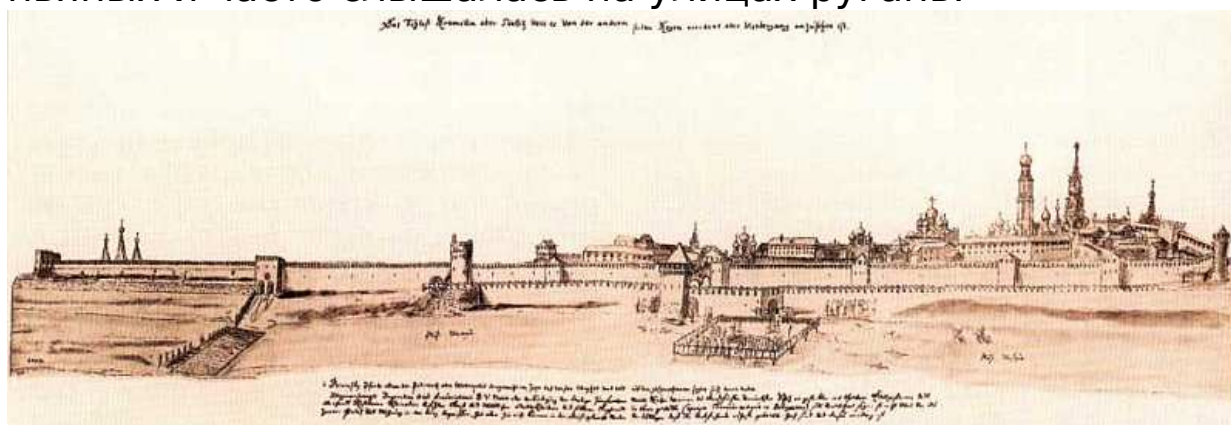
знак, чтобы толпа расступилась и пропустила его. Боярин направлялся в Кремль ударить челом государю. А не то проезжала и боярская колымага; в ней ехал к царю престарелый сановник, которому уже трудно было ездить верхом.

Особенно оживленный вид представляли, конечно, рынки. Здесь с утра до вечера толпился народ и стоял гул от тысячи голосов. Более всего шума и движения было на толкучем рынке, где торговки продавали нитки, холсты, серьги, кольца и тому подобные товары. Продавщицы и покупательницы, говорит Олеарий, поднимали здесь такой шум, что можно было подумать, будто случился пожар или произошло что-либо необычайное.

Л. Арну Вид соборов Московского Кремля

Тут же стояли сотни извозчиков с маленькими тележками или санями в одну лошадь. За ничтожную плату, за одну деньгу, извозчик готов был скакать сломя голову с одного конца города на другой, беспрестанно крича во все горло всем встречным: «Гись! Гись!» (берегись). В полдень, в обеденную пору, все стихало, лавки запирались, улицы заметно пустели. После обеда обыкновенно все засыпало; трудно было найти москвитянина, который не спал бы после обеда. Часа через два город снова понемногу оживал. Неприятно поражало иностранцев то, что встречалось множество пьяных и часто слышалась на улицах ругань.

Вид Кремля при царе Алексее Михайловиче

День кончался рано — скоро после захода солнца. Длинные ночи были опасным временем в Москве: лихие люди пользовались темнотой для своего промысла. Редкая ночь проходила в Москве, говорят иностранцы, без кражи или грабежа. Лихим делом промышляли не только бездомные воры и грабители, но и господские слуги. В каждом богатом боярском доме были сотни человек всякой челяди; случалось, что их худо содержали, и вот они ночью выходили на лихой промысел. Против ночных грабителей принимались меры: ночью на перекрестках и площадях стояли

сильные стрелецкие караулы. Всех ехавших или шедших без фонаря, как приказано было, они хватали как злонамеренных людей и отправляли в стрелецкий приказ для розыска. Стражники время от времени, когда били часы на Спасских воротах, ударяли в доски столько раз, сколько пробило часов, и другие караульщики должны были делать то же и этим свидетельствовать, что не спали. Но, несмотря на все это, грабежи и убийства все-таки случались нередко; особенно много лихих дел и всяких несчастий случалось в праздничные дни, и более всего — на Масленицу. Грабители нередко поджигали дома богатых людей и, пользуясь суматохой во время пожара, расхищали пожитки.

Пожары в Москве случались очень часто: не проходило почти ни одной недели, чтобы не сгорали сотни домов. К этому в Москве уже привыкли, и только такие пожары были памятными, когда выгорало по несколько тысяч домов. Два пожара особенно были губительны для Москвы: это в 1571 году, при нашествии крымского хана, и в 1611 году, когда поляки выжгли весь город. До 1611 года в нем насчитывали до миллиона жителей, но после этого времени убыло почти наполовину.

Познакомившись в общих чертах с видом страны, деревень, городов и столицы России, теперь обратим внимание на состав населения, на государственный строй и на житье-бытье наших предков.

Общий вид Кремля

Состав населения и государственный строй

Главой и властелином всего русского народа был царь-самодержец.

К концу XVII века значение государя вполне уже определилось: он был всесильным домовладыкой Русской земли, и люди всех званий и чинов признавали над собой его безграничную власть, искали его защиты и милости и ставили его неизмеримо выше себя. Все, обращаясь к царю в челобитных, называли себя уменьшительными именами: боярин и вообще служилый человек прибавлял к своему имени слова «холоп твой», купец — «мужик твой», менее значительные люди — «сирота твой» и тому подобное.

В челобитных стали даже писать государю: «умилосердися, яко Бог» или «работаю я, холоп ваш, вам, великим государям, яко Богу». Чувство христианского смирения побудило царя Федора Алексеевича запретить под страхом великой опалы употреблять такие выражения. Из них видно, на какой высоте стоял государь в глазах народа, как высоко чтили русские люди царя, а из обычного народного выражения «царь-батюшка» видно, что, несмотря на эту высоту царской власти, народ чувствовал и сердечную связь с государем.

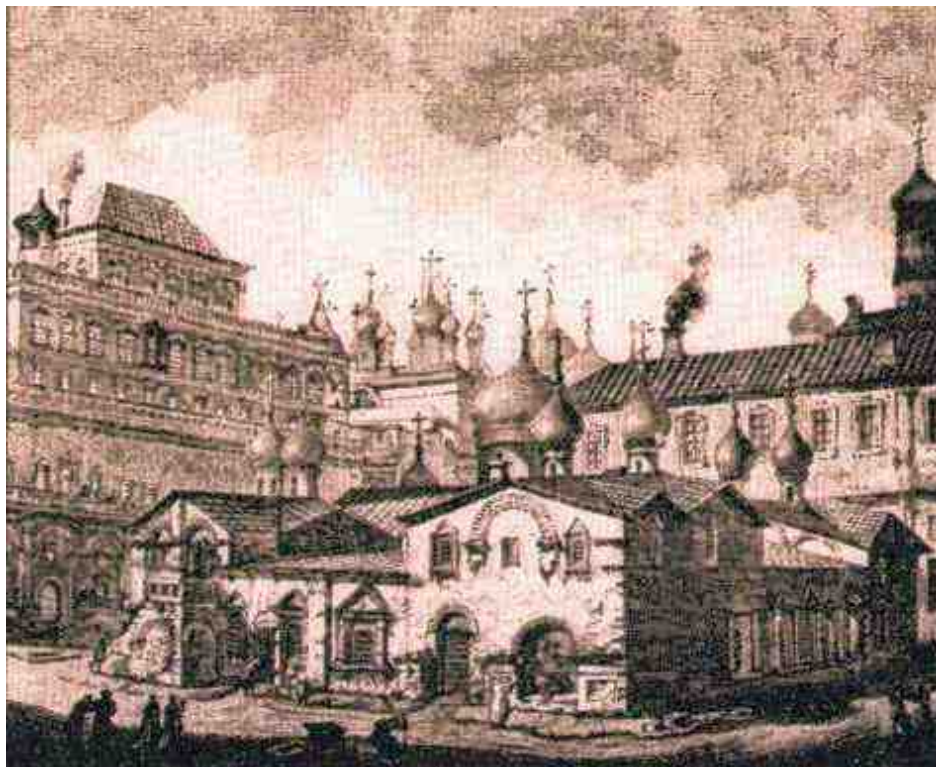
Московское самодержавие, как известно, сослужило великую службу Русской земле: оно сплотило раздробленный народ в одно целое; оно дало ему силу отбиться от соседей-врагов, напиравших с востока и запада, даже сломить их. Эту заслугу самодержавия народ если и не понимал вполне ясно, то чувствовал и, несмотря на многие невзгоды и тяготы, готов был всеми силами стоять за него. Безначалие и боярское

самоуправство в Смутную пору дали себя знать и стали для народа, по крайней мере для лучшей части его, ненавистны.

Господствующим сословием в государстве было служилое; оно разрослось отчасти из прежней княжеской дружины и делилось на несколько разрядов. Самым главным было родовое боярство, состоявшее из потомков удельных князей и носившее княжеские титулы (например, князья Долгорукие, Воротынские, Волконские, Барятинские, Дашковы и другие); из лиц, ведших свое начало от выходцев польско-литовских (например, Вельские, Милославские, Трубецкие и другие); от других западноевропейских выходцев (Голенищевы-Кутузовы, Орловы, Нащокины, Толстые, Шереметевы, Шейны и другие); от татарских (князья Мещерские, князья Юсуповы, Ртищевы, князья Урусовы и многие другие). Эти именитые бояре очень гордились своим происхождением, и породниться с ними человеку незнатному путем брака было очень трудно. Из их среды избирались лица, составлявшие многочисленный двор царя.

Второй разряд служилых людей составляли дворяне, делившиеся тоже на несколько степеней, а третий разряд — многочисленный класс боярских детей. Все служилые люди за свою службу получали имения: вотчины, то есть земли, в наследственное владение и поместья — во временное, обыкновенно в пожизненное владение. Но мало-помалу и поместья обратились в наследственную собственность, сравнялись с вотчинами. Боярским детям раздавались участки небольшие, десятин в сто, так что они были мелкопоместными владельцами сравнительно не только с родовыми боярами, владевшими огромными землями и тысячами крестьян, но и с большинством дворян. За службу свою, кроме поместий, служилые люди в XVII столетии получали жалованье и хлебом, и деньгами; служить

обязаны были всю жизнь на всей воле государя, где укажет.

Терема в Москве

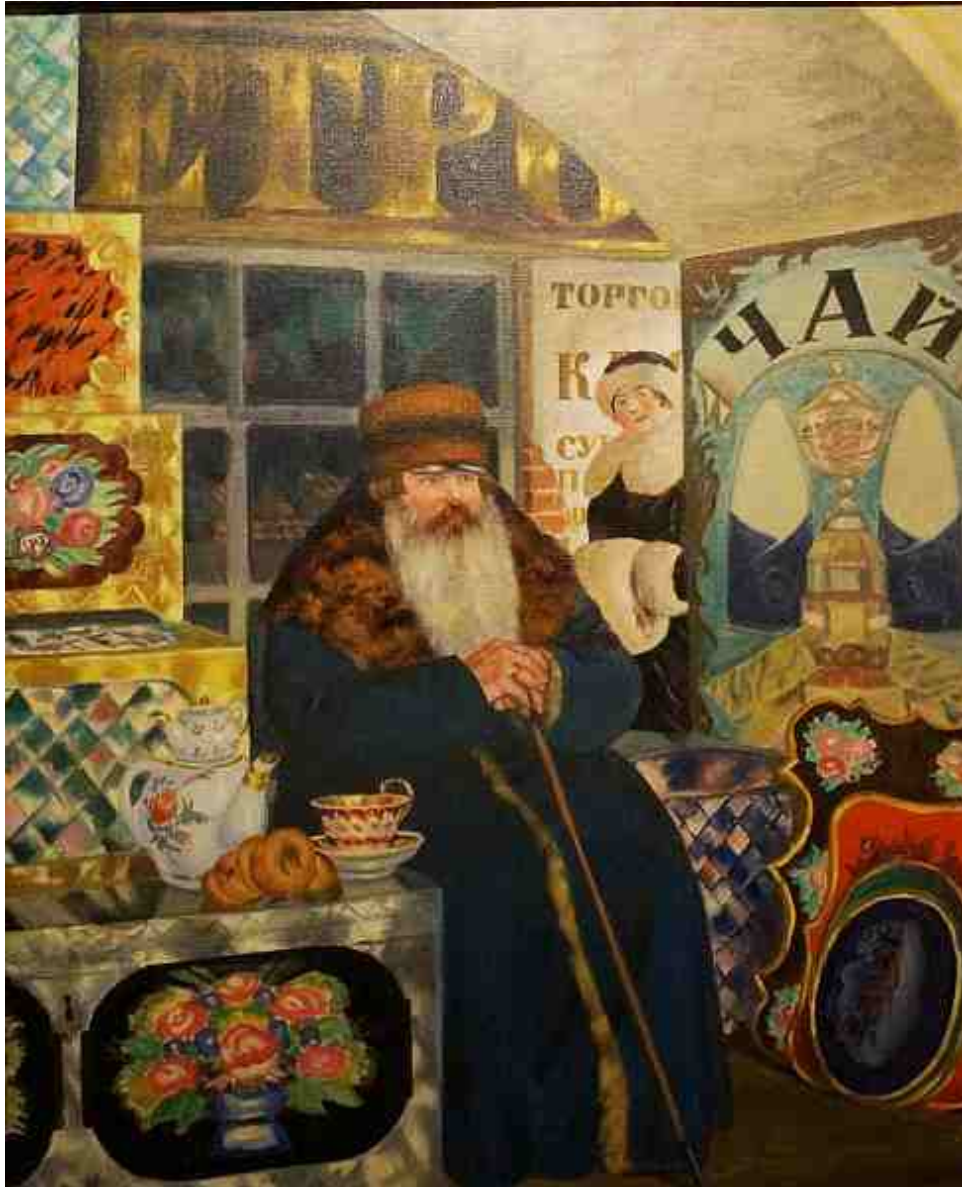
Все неслужилые составляли класс «тягловых», или податных, земских людей: все они несли «тягло» государственное, обязаны были, уплачивая подати и пошлины, давать средства государю содержать разные правительственные места, платить жалованье служилым людям и делать расходы на другие потребности.

Тягловые люди состояли из посадских и крестьян. И те и другие были приписаны (прикреплены) к своим посадам и землям. Самые зажиточные из посадских назывались «лучшими людьми», остальные — «меньшими». В Москве высший разряд купцов назывался «гостями», «гостиной сотней» и «суконной сотней». Кроме платы податей и пошлин, посадские люди

обязаны были отбывать выборные должности, главным образом по разным денежным сборам в казну.

Низший и, разумеется, несравненно более многочисленный разряд тягловых людей представляли крестьяне. Они делились на три главных разряда, смотря по тому, на чьей земле жили — на государевой, то есть принадлежавшей лично царю, на монастырской или помещичьей.

Правительство, нуждаясь в деньгах, старалось обеспечить себе верные доходы, состоявшие из разных пошлин и податей, и прикрепило посадских людей к их посадам, а чтобы служилые люди имели возможность отбывать как следует свою служебную повинность, прикрепило крестьян к земле. Все эти тяжелые меры вызывались необходимостью — крайней бедностью государства: торговля и промышленность шли очень вяло; земля по большей части пустовала; в рабочих руках был большой недостаток; крестьянское население было слишком скудно сравнительно с громадными размерами русских владений, притом оно все больше и больше расселялось по стране или уходило в казачество. Надо было как-нибудь остановить это опасное явление, и лучшего средства, как силой закона прикрепить посадского, вольного прежде человека к посаду, а свободного крестьянина — к земле, правительство не могло придумать. Как сказано уже раньше, оно постепенно увеличивало срок, в течение которого помещик имел право разыскивать своего беглого крестьянина. Уже при Михаиле Федоровиче был назначен для этого вместо прежнего пятилетнего десятилетний срок, а по Уложению царя Алексея срок был вовсе уничтожен и помещик мог искать бежавшего крестьянина до его смерти.

Б. Кустодиев Купец-сундучник

Хотя этими постановлениями правительство имело в виду привязать крестьянина к известному, определенному месту, помешать бродяжничеству, а не отдавать крестьянина в полную власть помещику, но землевладельцы мало-помалу стали распоряжаться крестьянами, жившими на их землях, как своими холопами или рабами. Жаловаться на помещика, искать

на него управы крестьянину было очень трудно. В конце XVII столетия бывали случаи, что помещики продавали крестьян без земли, и они уже почти вовсе не отличаются от холопов. Случалось, что крестьяне и сами добровольно шли в кабалу, обращались в холопов, желая отделаться от платежа казенных податей, очень тяжелых в те бедственные времена. Еще чаще бывало, как уже раньше говорилось, что крестьяне бежали в леса и, собираясь разбойничьими ватагами, занимались лихим промыслом или уходили для того же на «тихий» Дон. Правительство принуждено было делать большие усилия, чтобы сдерживать крестьян от побегов, сыскивать бежавших, водворять их на прежних местах. С этой целью приходилось беспрестанно рассылать военные отряды в разные стороны.

Духовенство, черное и белое, составляло особенный класс, не входивший в состав «тягловых» людей. Духовные лица при обращении к царю называли себя «богомольцами его» — их служба состояла в заботе о душах, о хранении православной веры во всей ее чистоте, в молитвах Богу. Благодаря благочестию и щедрости жертвователей и разным льготам и преимуществам некоторые церкви, и особенно монастыри, владели огромными богатствами. По словам Котошихина, во владении церкви было более ста тысяч крестьянских дворов. Как известно, уже давно возник вопрос о том, удобно ли монастырям владеть вотчинами. Государство тяготилось увеличением церковных вотчин, которые не несли сначала никаких тягловых повинностей. Денежные затруднения побудили правительство ограничить и даже уничтожить некоторые преимущества и льготы церковных вотчинников, — например, по Уложению отнимается у них право беспошлинных промыслов и торгов, запрещается увеличивать церковные вотчины и прочее. Кроме того, в 1676 году увеличены патриаршие

богадельни, и все русские церкви обязываются доставлять на содержание их по гривне в год. Устройство приютов и больниц для нищих вменялось также в обязанность церквей и монастырей; правительство начало даже посылать своих раненых или престарелых служилых людей, их сирот и вдов в монастыри для прокормления. При Федоре Алексеевиче положено было сделать подробную опись церковных имений, чтобы правильно определить, какие сборы производить с них.

Таким образом, правительство стремилось всех владельцев и промышленников, не исключая и духовных лиц, привлечь к отбыванию разных повинностей.

С. Иванов Крестьянин

Кроме русских людей всех званий и чинов, в состав населения входило много всяких инородцев, и царский титул, в котором старались обозначить все владения и племена, подвластные государю, принял очень большие размеры.

Вот полный титул царя Алексея в первой половине его царствования: «Великий Государь, Царь и Великий князь, Алексей Михайлович, всея Великие и Малые России Самодержец, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковской и Великий князь Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий князь Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и всея Северные страны Повелитель и Государь Иверские земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинские земли, Черкесских и Горских князей, и иных многих Восточных, и Западных, и Северных владений и земель Отчич и Дедич и Наследник, Государь и Обладатель».

Власть в Московском государстве была всецело в руках государя-самодержца. Ближайшими помощниками его были бояре, которые должны были жить в Москве, около царя, каждый день рано утром являться к государю «бить ему челом», «видеть очи его». В другой раз приезжали они после обеда. Самый высокий сан был сан думного боярина, вторым был сан окольничего; высокое значение имели думные дворяне, то есть самые знатные из дворян, допускаемые в царскую думу, и думные дьяки, главные делопроизводители.

Родовитый человек обыкновенно начинал службу очень рано: десяти лет он мог попасть во дворец и стольничал (то есть прислуживал за столом) у царицы. Когда ему исполнялось пятнадцать лет, его определяли в стольники или спальники к государю: стольники

прислуживали за столом, а спальники по очереди спали в комнате государя и прислуживали ему, раздевали его, разували и прочее. И те и другие носили почетное звание ближних, или комнатных, людей. Вслед за тем, случалось, жаловались — сначала в дворян московских. Стольникам, или дворянам московским, поручались иногда довольно значительные обязанности — в военное время они занимали начальственные должности (равнявшиеся штаб-офицерским нашего времени). Приходилось им порой исправлять обязанность рынды. При этом бывали и местнические случаи: заупрямится кто-нибудь из назначенных — стоит на том, что ему «быть неуместно» с другими рындами, которые ниже его родом. Его все-таки силой облекут в торжественный наряд рынды и заставят стоять подле царя с другими рындами, а затем по окончании торжества разденут и высекут в разрядном приказе или пред царским окном, «при всех людях», да при этом промолвят: «Не ослушивайся царского приказа». Лет через 30, а иногда и более от начала службы родовитому стольнику, или спальнику, или дворянину московскому «думу сказывали», то есть жаловали в сан думного человека, окольничего или прямо боярина, смотря по родовитости.

С. Лапуцкий Портрет царя Алексея Михайловича

Таким образом, в думу попадал человек уже зрелых лет, испытавший все виды дворцовой службы и ратной, человек, уже привычный во всех делах, которому «московские обычаи староведомы».

«Служня» государя была очень многочисленная: стольников, например, было до 500 человек. Ниже их стояли стряпчие, до 800 человек. Обязанность их

состояла в том, чтобы нести пред царем скипетр во время торжественных выходов, держать шапку и платок в церкви и тому подобное. В походах они возили царское вооружение: панцирь, саблю, колчан с луком и стрелами и исполняли всякие мелкие поручения. Затем идут жильцы, всех — 2000 человек. Это были царские телохранители; они должны были находиться на царском дворе, человек по сорок ежедневно, и служили для разных посылок. Они были из детей дворян и дьяков и могли перейти в стряпчие, в стольники и так далее.

Боярская дума была высшим правительственным учреждением. Если было у государя важное дело и он находил нужным посоветоваться с опытными людьми, он созывал к себе наверх, в Золотую или Переднюю палату, думных людей. Подобное собрание называлось «сиденьем великого государя с боярами о делах». В думу могли быть внесены всякие дела: и законодательные, и правительственные (административные), и судебные, но преимущественно законодательные. Царь приказывал своим советникам, «помысля, дать к делу способ». Думные люди высказывали свои мнения — кто имел что сказать. Составлялся приговор, дьяки записывали, прибавляя слова «государь указал и бояре приговорили».

Вот как Котошихин описывает заседание думы: «Когда случится царю сидеть с боярами и думными людьми в думе об иноземных и о своих государственных делах, бояре и окольные и думные дворяне садятся по чинам, от царя поодаль, на лавках, — бояре под боярами, кто кого породой ниже, а думные дьяки стоят, а иным временем царь велит им сидеть... А когда царь им свою мысль объявит и приказывает, чтобы они, бояре и думные люди, помысля, к тому делу дали способ, — и кто из бояр поважнее и разумнее, или кто из меньших, мысль свою объявляют. А иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвечают, потому что царь жалуется

многих в бояре не по разуму их, но по великой породе, и многие из них грамоте не ученые и нестудерованные (то есть необразованные); однако сыщется кроме них, кому отвечать из бояр, больших и меньших статей. А на чем которое дело приговорят, приказывает царь и бояре думным дьякам пометить и тот приговор записать. А случится писать о чем грамоты в окрестные государства, и те грамоты прикажут приготовить посольскому думному дьяку, а дьяк приказывает подьячему, а сам не готовит, только чернит и прибавляет, что надобно. А как изготовят — и те грамоты слушают наперед бояре, а потом они же слушают в другой раз с царем все вместе... А на всяких делах закрепляют и помечают думные дьяки, а царь и бояре ни к каким делам руки своей не прикладывают...»; только послы собственноручно подписывают договоры.

Одежда боярская XVII века

Случалось, что царь обсуждал какое-нибудь дело тайно, в небольшом кругу самых близких окольных и комнатных бояр.

Дума ведет начало, как известно, от стародавнего обычая русских князей совещаться о важных делах с главными дружинниками своими, или «думцами», как их звали; но раньше такие совещания были укоренившимся обычаем, обязательным для князя, а со времени усиления московских государей дума утрачивает свою обязательность. Она не представляла какого-либо определенного учреждения; царь мог созвать ее, а мог без нее решить любое дело, мог призвать в думу кого желал. Особенное значение боярская дума приобретала лишь во время отсутствия государя или в малолетство его. Нередко призывался патриарх и весь «освященный собор», то есть высшие духовные сановники, которые составляли как бы думу патриарха. Но тем не менее звание думного боярина было очень почетно, и получить этот сан могли по большей части лишь представители боярских родов, достигнув почти старческого возраста.

Случались и такие важные дела, что государь считал нужным созвать всенародную думу, или Земский собор. В первый раз такой собор созван Иоанном Грозным. Особенно часто созывались выборные люди при Михаиле Федоровиче, когда государство было в полном расстройстве и без всяких средств. Земские соборы вели свое начало от старого обычая князей призывать на совет всех обычных своих думцев-дружинников да еще лучших из горожан, «старцев городских».

К. Лебедев К боярину с наветом

В состав соборов входили выборные лица из всех свободных сословий государства (дворяне, дети боярские, гости, торговые и посадские люди) и, кроме того, боярская дума и «освященный собор».

Открывал Земский собор обыкновенно сам царь, и дело велось, как рассказано уже о соборе по Азовскому делу, таким образом: выборным предъявлялись записанные вопросы, на которые требовались ответы, тоже письменные, не поголовно, а по сословиям. Могли, впрочем, и отдельные лица представить, если считали нужным, свои особые мнения. Вопросы не подвергались вовсе обсуждению в общем собрании; стало быть, дело не разъяснялось всесторонне, и никакого решения на

соборе обыкновенно не принималось. Ответы выборных лиц подвергались обсуждению в боярской думе, и тут уже по желанию царя делались постановления, имевшие силу закона. Конечно, земские соборы, где происходило избрание царя (Бориса Годунова, Михаила Федоровича), имели больше силы и значения, чем те, которые созывались государем лишь для опроса сведущих людей по разным делам, особенно денежным. Земские соборы, за исключением собора 1613 года, не имели значения общенародной думы. Хотя и говорилось, что собирались представители «всех чинов людей государства», но на деле оказывалось не совсем так — крестьян, например, обыкновенно не было; притом выборные были по большей части не из всех городов. Случалось, что собор состоял из москвичей да представителей мест, близких к столице. Выборные из каждого сословия, подавая свое мнение, имели в виду только пользу своего сословия, а не всего народа. Редко на соборах, насколько известно, высказывались какие-либо дельные соображения, которыми правительство могло бы воспользоваться; чаще выборные скромно уклонялись от прямого ответа на вопрос, предоставляя решить его самому «государю и государевым боярам», выражая готовность нести всякую службу государю обыкновенно в таких словах: «Мы же, где государь укажет, на его, государеву, службу готовы, кому вмочь».

Земские соборы мало-помалу совсем выходят из обычая. При Михаиле Федоровиче их насчитывают двенадцать, при Алексее Михайловиче — всего четыре, а при его преемнике уже соборов вовсе не было. Более удобными оказались не общие, а частные соборы. Нужно, например, решить вопрос о преобразованиях войска — поручается это выборным из служилых людей; надо обсудить вопрос о налогах и недоимках — созывались представители только тягловых посадских людей и т. д.

Все правительственные и судебные дела сосредоточивались в так называемых приказах. Происхождение и устройство их было довольно просто. Надлежало заправлять каким-либо делом в государстве — вот государь и приказывал кому-либо из приближенных к нему людей, боярину или окольничему, ведать это дело, назначал помощников — дьяков; для письма набирались подьячие — и таким образом возникал приказ. На содержание его отдавались в его ведение города и разные сборы с них или какие-либо иные доходы. Главнейшими из приказов были следующие: посольский приказ — ведал все иностранные дела, переговоры, прием и отпуск послов и прочее; разрядный — заведовал воинскими делами, распределением служебных обязанностей, жалованья и прочего; поместный — распределял поместья; приказ большого дворца — ведал различные доходы, которые шли на всякие дворцовые нужды; стрелецкий — заправлял стрелецкими делами, вооружением, жалованьем и прочим; приказ большой казны — ведал гостей, гостиную и суконную сотни, серебряного дела мастеров и денежный двор, изготавливавший деньги; приказ большой приход — ведал государственные доходы, различные пошлины, таможенные сборы и прочее. По счету Котошихина, всех приказов было в его время сорок два.

Приказы возникали один за другим, без всякого определенного плана, по мере надобности; поэтому иногда одна отрасль управления дробилась между несколькими приказами. Например, военное дело ведалось, кроме упомянутого стрелецкого приказа, еще в приказах пушкарском, оружейном, рейтарском и иноземном, ведавшем служилых иноземцев. С усложнением правительственного дела возникали и новые приказы: присоединена была Малороссия — является приказ Малой России; понадобилось проверять

приходы и расходы всего государства — учреждается счетный приказ; нашел государь необходимым тайный надзор за всеми учреждениями и сановниками — заводится приказ тайных дел, который прямо, непосредственно сносится с самим государем. Наряду с приказами, которые ведали ту или другую часть управления, были приказы, которые заправляли отдельными областями — сбором с них доходов и прочим. Таковы были приказы Новгородская четверть, Устюжская четверть, Костромская четверть, Галицкая четверть. Такие приказы ведали все доходы и все правительственные и судебные дела в их областях. А между тем были еще отдельные приказы: судный и разбойный, разбиравшие разные судебные дела по воровству, разбоям и прочему; кроме того, был челобитенный приказ, куда подавались жалобы и просьбы всякого рода на имя царя.

Одни приказы отличались весьма большим кругом деятельности, а другие — очень ограниченным. Например, аптекарский приказ ведал только аптеку и лекарей-иноземцев, а было их всего до 30 человек да 20 русских людей, отданных им в науку; панихидный приказ заведовал поминанием по умершим великим князьям, царям, царицам, царевичам и царевнам. Из этого приказа рассылались указы, в какой день по ком «творить память» в Москве и других городах по церквям и монастырям. Бывало, что иные дела совершенно случайно предоставлялось ведать тому или другому приказу. Под ведение, например, приказа тайных дел была дана «царская летняя потеха», кречеты, соколы, ястребы и прочее.

Начальствовали в приказах бояре, окольные, а иногда дьяки; впрочем, и в тех приказах, где были бояре, главными дельцами были все-таки дьяки.

А. Янов Приказ в Москве

Это были люди сравнительно более образованные, или, вернее, более сведущие в делах, способные разобраться в них, изложить сущность их, тогда как бояре нередко бывали еще малограмотные. Дьяки были обыкновенно из духовного звания или из торговых людей: знатные лица только военную службу считали подходящей для себя. Служить государю не мечом, а пером они считали для себя делом унижительным, несмотря на то что сан думного дьяка (государственного секретаря), до которого мог дослужиться дьяк, считался очень высоким. Под ведением дьяков в приказах были подьячие, которые занимались письмом; они могли дослужиться до звания дьяков.

Неопределенность и неправильность в распределении дел по приказам порождали большую

путаницу. Даже человеку, сведущему в приказных делах, нелегко было иногда сообразить, с каким делом в какой приказ надо обратиться. Дела иногда страшно затягивались, переходили из одного приказа в другой, «волочились», как говорили тогда, — отсюда и выражение «приказная, или московская, волокита». Всякому лицу, имевшему какое-либо судное или тяжёлое дело в приказах, приходилось обыкновенно для письма и ведения дела обращаться к ходокам-грамотеям, более опытным по этой части, приходилось давать взятки подьячим и дьякам. Все это заставляло нередко, если дело было не особенно крупное, отказываться от ведения его, так как протори и убытки при этом иногда превышали самый иск. Жалобы на притеснения и неправды приказов побуждали правительство принимать суровые меры: дьяки за промедление или волокиту в делах подвергались, кроме взыскания в пользу челобитчика, битью батогами. Подьячие наказывались за неправильную запись отсечением руки. Но и эти ужасные меры не могли искоренить зла: оно было прямым следствием невежества, низкого уровня нравственности и скудного содержания служащих.

А. Горский Приказные палаты XVII века

Областное управление во второй половине XVII века было в руках воевод, заменивших прежних наместников и волостелей. Воеводы, как видно из названия, имели военное значение, и раньше они встречались преимущественно в пограничных городах, где нужна была ратная служба. Но мало-помалу воеводы стали назначаться и во внутренние города, — быть может, потому, что при частых войнах больше всего приходилось заботиться об устройстве и сборе ратных сил.

При Грозном земля Московского государства делилась на большие части — четверти (откуда и

название иных приказов — Новгородская четверть, Костромская и прочие); затем является деление на уезды, с подразделением на волости, погосты, губы. В XVII веке видим деление на города с их округами. В округ значительного города входили не только многие села и деревни, но и второстепенные приписные города. Воеводы этих, последних городов подчинялись воеводам главных.

В обязанности воеводы прежде всего входили ратные и денежные дела. Он должен был заботиться о верном счете ратных сил в своем округе, об исправности их, а также и самого города, то есть укрепления, о снабжении его всем нужным на случай осады — военными и продовольственными запасами. Что касается денежной части, то воевода обязан был смотреть, чтобы всякие платежи и пошлины в царскую казну шли исправно, и радеть об усилении доходов.

Дела, подведомственные воеводе, велись в приказной, или съезжей, избе, которой заправлял дьяк, а в менее значительных городах — подьячий.

Кроме воевод, делу управления помогали некоторые выборные должностные лица, которых посадские и крестьяне выбирали из местных жителей. Губные старосты и целовальники (присяжные) обязаны были преследовать лихих людей, творить над ними суд (сыск), заведовать тюрьмами и прочее, а земские старосты и земские целовальники должны были производить раскладку податей и повинностей, производить сборы их и представлять их воеводам.

Главным местом, где велось делопроизводство по этим делам, была земская изба, которой заведовал земский дьяк, избранный местными жителями.

Выборы в эти должности производились ежегодно; но людей, охочих занять их, было очень мало. Силу и значение, какие хотело правительство при Грозном придать этим должностным лицам, они утратили с

усилением воеводского управления; они стали как бы слугами воеводы, причем за убытки и недоимки в казенных доходах должны были отвечать своим собственным имуществом.

С. Иванов Приезд воеводы

При избах были еще низшие должностные лица: пристава, недельщики и прочие.

Звание воеводы не считалось особенно почетным, и для знатных лиц удаление из Москвы на воеводство в какой-нибудь отдаленный город было как бы почетной ссылкой; зато для захудалых бояр или небогатых дворян воеводские места были находкой. Охотнее всего правительство давало их служилым людям, потерпевшим на войне увечья и мало уже способным к

боевой службе. Жалованья воевода за свою службу не получал, а кормился за счет жителей вверенного ему края. Как известно, они обязаны были приносить ему в праздники всякие приносы, нередко настолько обильные, что их не только хватало воеводе с домочадцами на прожиток, но он мог, продавая лишнее, поправить свое состояние, если оно порасстроилось во время ратной службы. Известен, например, такой случай: у царя Алексея один дворянин просился на воеводство, чтобы «покормиться». Царь назначил его в Кострому, где по справке в разрядном приказе, под ведением которого были воеводские места, можно было нажить до шестисот рублей, и велел ему на эти деньги купить себе деревню. Воевода, прослужив свой срок (он не продолжался более трех лет), довел до сведения царя, что приобрел всего четыреста рублей. Государь велел навести справки, как воевода служил: оказалось, что он поступал вполне добросовестно, лихвы не брал, а получал только то, что ему приносили. Государь приказал добросовестному воеводе дать в управление другой, более выгодный город. Но таких воевод встречалось мало. Большинство их было падко на легкую и скорую наживу; недаром сложилась пословица у народа: «Воеводой быть — без меду не жить». Да и то надо сказать: «кормление» за счет подчиненных, приносы начальству, хотя бы и законные, все были неблагоприятны и могли казаться взятками. Другой источник законного воеводского дохода — пошлины с разных дел — был не лучше. Нечестный воевода легко мог под видом законного сбора брать лишнее, да если и получал только законное со всякого челобитчика, со всякой тяжбы, то и тогда могло казаться, что чужое несчастье ему на радость. «На мир беда, а воеводе нажиток», «В суд ногой, а в карман рукой», — говаривал народ, враждебно настроенный и к воеводе, и к суду. Кроме воеводы в съезжей избе есть и другие — дьяк и

подьячие. Этим тоже дай: «Подьячий любит принос горячий». Таким образом, неблагоприятный способ вознаграждения за службу воевод и их помощников — дьяков и подьячих — порождал для них сильный соблазн к лихоимству, а в народе — недовольство и враждебное отношение к ним.

К. Лебедев Воевода

Воевода недолго оставался на месте: срок его службы продолжался от одного года до трех, не более; многим надо было «покормиться», поправить свои дела.

Новый воевода въезжает в город — старый воевода должен сдать ему по описям крепостное строение, казенные здания, запасы оружия, деньги и все дела. При этом проверяются списки служилых и посадских людей:

новому воеводе надо точно знать, сколько ратных сил должно подняться в случае надобности с его округа, сколько царевой казны должно быть собрано. Ему дан царский наказ, где подробно сказано, как он должен промышлять государевым делом, смотреть, чтобы все было цело и безубыточно, чтобы везде были сторожа, беречь накрепко, чтобы в городе и уезде не было разбоя, воровства, убийства.

Несмотря на подробные указы, обязанности воеводы все-таки точно не были определены.

На первое место ставились его военные обязанности: блюсти в исправности город (укрепление) и смотреть, чтобы все ратные люди были в исправности; затем он ведал и гражданские и судебные дела. В этих-то делах он и должен был нередко сталкиваться с выборными старостами — губным и земским. Но последние, как сказано уже, скоро обратились в его подчиненных.

Недовольные действиями воеводы могли жаловаться на него в приказ, от которого он зависел, или подавать челобитную самому государю. Челобитные в старину имели очень важное значение; их могли подавать и отдельные лица, и целые области; как известно, в числе приказов был челобитный, в котором разбирались всякие челобитья. Из них правительство могло узнавать не только о злоупотреблениях служащих лиц, но и о нуждах жителей той или иной местности и принимать надлежащие меры.

Из этих челобитных легко можно видеть, до какой степени многие алчные воеводы, дьяки и всякие приказные люди порой злоупотребляли властью. Лихоимство, взяточничество, насилие — следствия крайне низкого умственного и нравственного уровня — были настоящей язвой Русской земли в то время, несмотря на очень суровые наказания, какие постигали виновных. Дьяка, например, уличенного в лихоимстве, нещадно били кнутом, привязав на шею взятую вещь —

кошелек с деньгами, мех, даже соленую рыбу, затем отправляли в ссылку. Но суровость наказания не искореняла зла, потому что надежда скрыть незаконные проступки, выйти сухим из воды была слишком сильна. Какой-нибудь пройдоха-дьяк или воевода лучше челобитчика знал ходы в приказы, умел ускользнуть от наказания, поделившись с нужными людьми, и выходил чист. Совесть, стыд на нравственно грубого человека тоже мало действовали. «Стыд не дым — глаза не выест», «Хоть стыдно, да сытно», — рассуждал он. Порой только под старость страх смерти и наказания в будущей жизни заставлял иного старого греховодника, разжившегося приказного замаливать свои грехи — ходить на богомолья, жертвовать на монастыри, раздавать милостыню и таким образом хоть часть дурно нажитого возвращать нищей братии.

В. Харлов Приказная изба

Умение давать и брать взятки дошло даже до некоторой тонкости: иной воевода или приказный ни под каким видом не брал взятки, но зато жена его, или брат, или сын брали, а сам он про это будто не ведал. А не то набожный проситель придет к судье хлопотать о деле да к образу и положит — Богу на свечку.

В судебном деле, конечно, сильнее всего сказывался вред от лихоимства: правда и корысть плохо уживаются меж собой. О ходе судопроизводства мы уже говорили. От прежних выборных людей оно перешло в руки воевод и дьяков.

При иске требовались свидетели, присяга, поличное, письменные доказательства. Письменная часть вообще усилилась, что очень затрудняло большинство неграмотных или малограмотных людей; требовалась помощь подьячих, а стало быть, и новые убытки кроме судебных пошлин и всяких приношений. В делах уголовных прибегали к повальному обыску, то есть допрашивали местных жителей обо всем, что они знали о личности подсудимого и о преступлении. Нелепый и жестокий способ пыткой добиваться у заподозренного человека признания был во всей силе. Держался по-прежнему не менее дикий обычай ставить несостоятельных должников на правеж: несчастных, пока они не уплачивали свой долг, ежедневно били палками по икрам. Помещики имели право вместо себя ставить на правеж своих холопов, и многие не совестились пользоваться этим бесчеловечным правом; притом они имели право сами судить своих крестьян, за исключением уголовных дел.

М. Зощенко Волостной суд

Судебные дела вследствие того, что требовали теперь довольно сложной переписки, усложнились и тянулись еще дольше, чем прежде. Дела могли переноситься из низших в высшие судебные места — от младшего воеводы к воеводе главного города, затем — в приказ; наконец, могли быть доложены государю, а он поручал разобрать доклад боярской думе или сам решал дело.

Наказания преступников отличались чрезмерной суровостью: кнут и батоги были весьма употребительными наказаниями — от них не избавлялись и бояре. Казни были жестоки до крайности. Четвертование и колесование, сажание на кол,

сожжение (еретиков), заливание горла расплавленным оловом (делателям фальшивых денег) показывают, до какой суровости и грубости доходили нравы того времени. При Федоре Алексеевиче видим в этом отношении уже больше человеколюбия: мучительные казни отменяются.

Войско

И в наше время все главные европейские государства очень заботятся о своих военных силах, а два столетия назад войны были чаще и продолжительнее, чем в наш век, и потому военное дело стояло на первом месте в ряду государственных обязанностей. Наше отечество особенно должно было позаботиться о военных силах: чрезвычайно длинные, открытые границы, вековая борьба с Польшей, войны со Швецией, непрерывные нападения татар с юга, наконец начинающаяся борьба с Турцией заставляли московское правительство напрягать все усилия, чтобы создать многочисленное и хорошее войско. Многие явления нашей истории объясняются этим стремлением: усиление помещичьего класса, прикрепление крестьян к земле, различные повинности и налоги, образование казачества, воеводское управление и прочее.

Бояре, окольные, спальники, стольники и прочие придворные чины, с виду вовсе не воинственные, в сущности были воинами и в случае войны переменили свои блестящие боярские уборы на военные доспехи, садились на коней и сопровождали государя в поход или отправлялись туда, куда царь указывал, занимали разные начальственные места. Так называемые московские дворяне, стряпчие и жильцы составляли лучшее, отборное войско (гвардию) при государе. Помещики, мирно занимавшиеся хозяйством по своим поместьям, были на самом деле воинами, обязанными явиться по первому призыву «конно, людно и оружно» к местному воеводе; они только временно проживали в поместье, кормились по милости государя, наделившего их и землей и крестьянами, чтобы могли править ратную службу.

При царе Федоре Алексеевиче войска, готового к бою, было до двухсот тысяч. Большая часть была иноземного строя, то есть устроенная по-европейски; остальная ратная сила состояла из отрядов русского строя да из казаков малороссийских (черкас), донских, яицких и других; присоединялись порой и орды служилых кочевников, татар, калмыков и других.

В прежние времена почти все русское войско состояло из конницы, что объяснялось постоянной борьбой со степняками-татарами; теперь же пехота начинает понемногу брать перевес, а вместе с тем огнестрельное оружие начинает преобладать над холодным.

Пехоту русского строя представляли стрельцы, явившиеся впервые, как известно, при Грозном. Их было 22 полка, около тысячи человек в каждом; ими начальствовали русские полковники (головы), имевшие звание стольников. Часть стрельцов стояла в Москве, а несколько полков — по другим городам. Жили они отдельными слободами, получали от казны жалованье, землю, могли заниматься промыслами и торговлей, причем им давались различные льготы — освобождались они от всех городских повинностей, платежа торговых пошлин, если занимались мелочной торговлей. Полное походное вооружение их состояло из мушкетов, бердышей и сабель, а некоторые, сверх того, имели копья; такие отряды или роты назывались копейными. При каждом полку был наряд (артиллерия): 7 или 8 пищалей (длинных пушек) на станках и отряды пушкарей.

К пехоте русского строя отчасти принадлежали и так называемые городовые казаки и даточные люди, которых обыкновенно набирали на случай войны по одному человеку с известного числа дворов. Они должны были иметь исправное оружие и продовольствие за счет землевладельцев; во время

походов они оберегали обоз, сооружали мосты, окопы и прочее.

Боевая конница русского строя состояла из бояр-вотчинников, дворян-помещиков и боярских детей. Как известно, к каждому городу причислялись служилые люди — вотчинники и помещики. Воеводы вели разборные книги, то есть подробные списки, где значилась прежняя служба каждого служилого человека, величина поместья, сколько вооруженных людей должен был каждый привести, сколько было у каждого сыновей, будущих воинов. Все вотчинники и помещики обязаны были лично служить; избавляли их от ратной службы лишь старость, увечья или какая-нибудь другая служба, например воеводой или выборным старостой, целовальником и прочее. Все помещики делились на три статьи: на служащих по выбору, по дворовому списку и с городом. Последний разряд был низший, а из первого лучшие служилые люди принимались в жильцы и становились царскими телохранителями, могли получить звание дворян московских, поместные надель в Московском уезде и дослужиться до высшего сана.

Разборные книги ежегодно отправлялись в Москву, в разрядный приказ, который заведовал служебным делом. Отсюда посылались обыкновенно перед началом войны разборщики и окладчики: первые производили осмотр служилых людей, кто из них годен к службе, кто — нет, а вторые верстали новиков, то есть заносили недорослей, достигших 18 лет, в число служилых людей и назначали им поместные оклады.

Содержание служилых людей за счет поместий было невыгодно для военного дела. Помещик привыкал у себя в деревне к мирной, спокойной жизни, жил настоящим хозяином-домовладыкой, пред которым все преклонялось, начиная от жены и кончая последним холопом. Он о службе ратной и не думал. Но вот

нежданно-негаданно скачет от воеводы посильный с царским указом: «Строиться к службе, запасы готовить и лошадей кормить». Приказ этот для многих помещиков был тяжелым ударом. Прощай, мирная, спокойная жизнь, прощай, семья! Приходится ехать за тридевять земель, притом идти на смертный бой. Бог весть, вернешься ли еще: если не уложит вражья пуля или сабля, то лихая болезнь сломит. Одна беспутница чего стоит! Да и какой еще начальник попадется. Иной службой вконец доймет. А не поехать, сказаться больным — тоже беда: запишут в нетях, проведуют, что обманом от службы уклонился, и отберут поместье. Хоть бы Бог на время послал какую-нибудь болезнь! Подобные чувства и мысли легко могли являться у зажившегося в деревне помещика, отвыкшего от ратной службы.

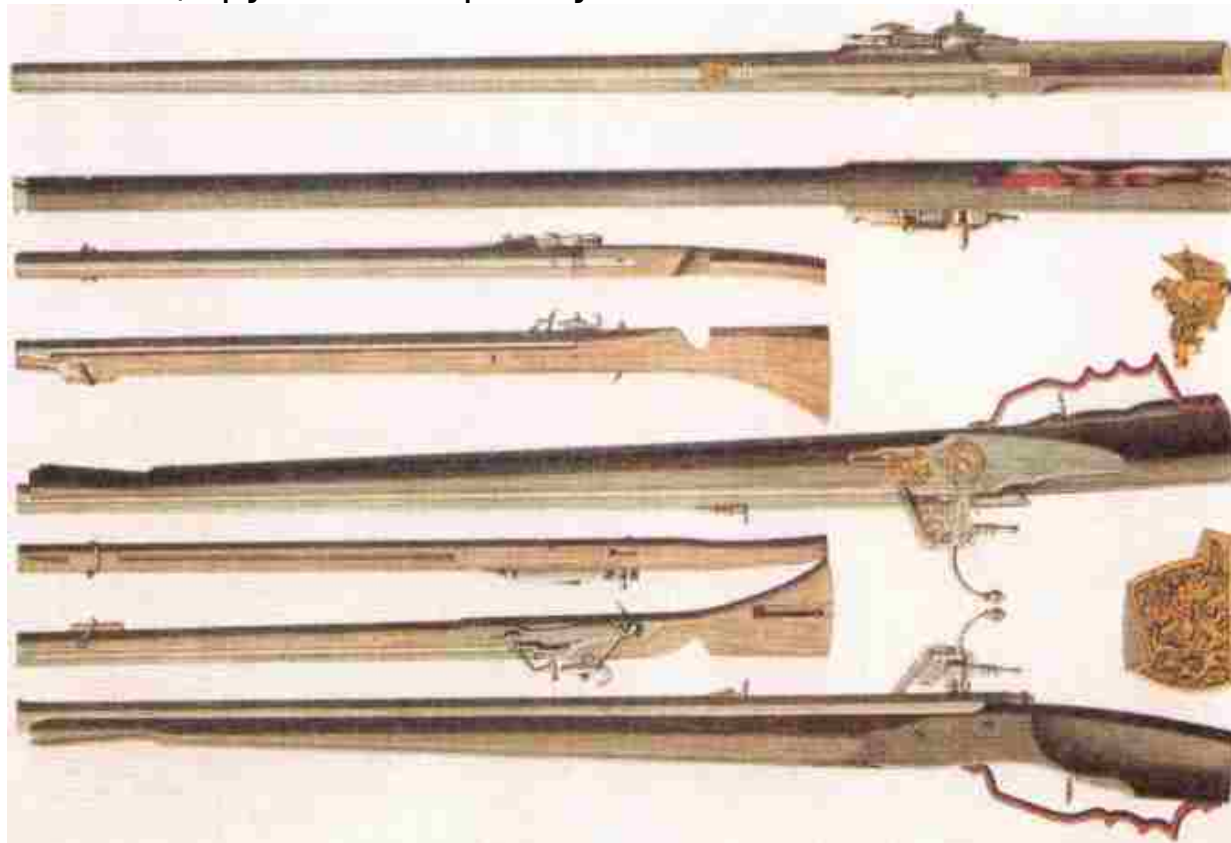

И. Г. Машков Стрелецкий караул

Сборы на войну служилых людей во многом напоминали позднейшие рекрутские наборы: человека чуть не насильно отрывали от семьи, иногда на очень долгое время, от мирной жизни к делу, совсем для него непривычному. Но делать нечего, уклониться никак нельзя, и собирается помещик на войну: достаются из каморы заржавленные отцовские или дедовские доспехи; грузятся возы по мере достатка всяким продовольствием (вяленным и соленым мясом, рыбой, гречей, толокном, хлебом); снаряжаются кое-как люди, снабжаются оружием какое Бог послал, и медленно, целым обозом, помещик и люди его, наряженные воинами, едут к месту назначения.

Конечно, не всегда так бывало, как рассказано. Встречались и ретивые служаки, которые в исправных доспехах, с отрядом хорошо вооруженных людей, «конно, людно и оружно», как говорилось тогда, являлись своевременно в сборное место. Но все-таки пеструю и вместе с тем печальную картину представляло сорище русских ратных сил. Тут красовались богачи-вотчинники на лихих конях, в блестящих шлемах, панцирях да зеркалах, с булатными саблями в роскошной оправе, с мушкетами, карабинами. Эти богачи соперничали друг перед другом исправностью и роскошью своего боевого наряда. При них были многочисленные боевые их слуги и целые обозы продовольствия. Но сравнительно с такими бойцами еще печальнее смотрелся бедняк, на плохой лошаденке, без доспехов, с одной саблей, парой плохих пистолей да с одним челядинцем, вооруженным рогатиной, несшим мешок сухарей. Бедняков было больше, и потому общий вид сборной русской конницы был неприглядный. Понятно, что боевые качества этой

ратной силы, состоявшей из людей, не привыкших к воинскому делу или отвыкших от него, по большей части плохо вооруженных, не могли быть высоки. Эта «конница русского строя» уже отживала свой век.

Ф. Солнцев Пищали

Московское правительство еще в XVI веке начинает сознавать все превосходство европейского войска. При Борисе Годунове была уже в русской службе иноземная дружина в 2500 человек. При Михаиле Федоровиче было составлено даже целых пять полков из иноземных наемников разных народностей, но пользы эта сбродная рать принесла немного, и после печального дела под Смоленском московское правительство более уже не нанимает в таком большом числе иноземных солдат. Зато еще ревностнее оно призывает из-за границы через

послов и торговых людей начальных лиц, то есть всякого рода иноземных офицеров: полковников, капитанов, ротмистров, поручиков и прочих — для обучения русских войск европейскому строю. Алексей Михайлович постоянно вызывал для этого иноземцев. После Тридцатилетней войны множество вольных ратных людей, для которых война обратилась в ремесло, скиталось в Европе без дела и хлеба, и потому они целыми сотнями охотно шли в Россию на службу — в расчете на хорошее жалованье и военную добычу.

При Федоре Алексеевиче в русском войске было уже 63 полка иноземного строя; в том числе 25 конных, рейтарских и копейных и 38 полков пеших солдат. В рейтарскую службу, кроме иноземцев, набирались мелкопоместные дворяне, боярские дети и всякие охочие люди, свободные от тягла. Недостаточным из них давалось во время похода жалованье (от 15 до 20 рублей); вооружение (карабины, сабли, пистолеты и пр.) тоже шло им от казны. Рейтары делились на полки и на роты. Полковники были иноземцы, равно как и другие начальные люди. Хотя в мирное время рейтары, начальные и рядовые люди проживали по своим поместьям, но тем не менее должны были ежегодно собираться и в течение месяца, обыкновенно осенью, после уборки хлеба, заниматься ратным ученьем. При Михаиле Федоровиче заведены были еще драгуны. Им давалось жалованье по 3 рубля в год и поденный корм. Они несли службу конную и пешую. Лошади и доспехи были казенные. Вооружение их состояло из панцирей и лат, мушкетов, пик, шпаг и бердышей.

Солдатские пехотные полки вербовались таким же способом, как драгунские, — из малоземельных помещиков, из беспоместных служилых людей, из крестьян — от трех братьев по одному, от четырех — по два. Эти полки, подобно стрельцам, жили при городах особыми слободами, во время войны получали кормовые

деньги и жалованье, подобно драгунским, а в мирное — кормились с отведенных им земель. Оружие — мушкеты, пики, шпаги и бердыши — шло им от казны. Драгуны делились, подобно стрельцам, на полки, при которых были пушкари и наряд; но отличались от стрельцов тем, что не имели тех льгот, подчинялись более опытным начальникам и чаще упражнялись в воинском деле, стало быть, гораздо лучше были подготовлены к боевой службе. Еще при Михаиле Федоровиче в 1648 году издан был воинский устав «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей».

А. Орловский Всадник

Таким образом, мы видим, сколько правительство прилагало забот и средств, чтобы поднять ратную силу. Стоило это больших расходов: приходилось платить хорошее жалованье иноземным начальным людям, да и своим служилым людям, кроме поместий, надо было давать и жалованье, а нижним чинам — корм и нередко вооружение. Но, несмотря на все это, ратное дело улучшалось очень туго. Прежняя дворянская конница все-таки занимала главное место. Служить в рейтарах, драгунах или солдатских полках сколько-нибудь значительные дворяне считали для себя унижительным. Особенно не нравилась им дисциплина в солдатских полках, и по-прежнему на призыв к войне являлись ратные люди нестройными толпами, не в надлежащем числе, по большей части на плохих лошадях, с дурным оружием: одни являлись с «огненным боем», то есть огнестрельным оружием, а другие по старине приезжали даже с «лучным боем», то есть с луком и стрелами.

Когда ратная сила собиралась, воеводы и военачальники производили смотр: они садились в избах у окон или в шатрах и вызывали к себе один полк за другим. Дьяк со списком в руках называл по имени каждого ратника, и тот должен был выступить вперед и показаться воеводам. При смотре мало обращалось внимания на оружие и коней, требовалось только, чтобы каждый служилый человек, отмеченный в списке, явился лично на службу. Неявка без законной причины, как известно, вела к лишению поместья.

Наконец после разных проволочек войско выступает в поход.

Вот как описывает один иностранец (Петрей) порядок выступления. Впереди идет передовой полк,

пред которым шествуют пять тысяч стрельцов, по пяти в ряд, в зеленых кафтанах, с длинными пищалями. За ними ведут несколько воеводских коней, богато убранных. Далее едет воевода передового полка — один. У него при седле небольшой набат в виде котла; позади его нестройной толпой едут ратные люди его полка. Если кто поравняется с воеводой или обгонит его, он ударяет плетью по набату, чтобы обогнавший его отошел назад. За передовым полком идет большой полк с множеством трубачей, литаврщиков; те и другие трубят в трубы и бьют в литавры. Эта нестройная музыка наводила на иностранцев уныние. За музыкантами идут опять несколько тысяч стрельцов, одетых в красные кафтаны, по пяти в ряд, а за ними ведут коней большого воеводы, в богатом убранстве, и едет сам он в сопровождении военных советников и иностранцев. Затем следует большой полк нестройной толпой. Направо от него идет правый, налево — левый полк. Позади всех идет огромный обоз.

Во время походов сохранялось то же деление на пять главных частей: большой полк, правая и левая руки (крыло), передовой и сторожевой полк. Кроме того, из отборных всадников составлялся легкий, летучий отряд (яртаул) для разведок. На войне с татарами, бившимися лучным боем, были в ходу «гуляй-городки», то есть подвижные деревянные укрепления.

Неизвестный художник Проводы новобранца

По отзывам иностранцев, русское войско брало больше численностью, чем искусством, рассчитывало, подобно восточным полчищам, состоящим главным образом из конницы, на силу первого натиска. Бросаясь в бой, оно несло нестройной толпой. Музыканты, которых было множество, поднимали невыносимые, дикие звуки, с которыми сливались в страшный шум оглушительные крики, которые выпускали при нападении все ратные люди разом. Так действовала конница. Лучше сражалась пехота. Под управлением хорошего вождя она дралась, по отзывам иноземцев, очень мужественно. Вообще те свойства, какими славится русский солдат: необычайная выносливость в походе, стойкость в бою и мужество, — сказывались и в старину, но ратное искусство и вооружение стояли очень низко, и потому в открытом поле западные соседи

брали часто перевес над русскими. Но зато при обороне городов русские иногда бывали, при всей отсталости своей в ратном деле, непобедимы.

Западноевропейское оружие и военное искусство более всего принудили русских обратить внимание на Запад и проложили путь европейским знаниям в Россию.

М. Самсонов Проводы войска

Государственные доходы, промышленность и торговля

Постоянные войны и содержание больших ратных сил поглощали все средства казны. Часто их не хватало, и правительство должно было стараться всеми мерами увеличить свои доходы; можно сказать, что на собирание их преимущественно и направлены были усилия почти всех правительственных учреждений. Главнейшие приказы, ведавшие государевы доходы, были: приказ большого дворца, четверти и приказ большого прихода. В первый шли доходы с городов и приписанных к ним сел и волостей, составлявших собственную вотчину государя. Доходы эти доставлялись и деньгами (подати), и натурой (оброки), то есть зерновым хлебом, овсом, быками, овцами, рыбой, медом и прочим. Все это шло на содержание двора, а излишек продавался. В приказ четверти (всех было четыре) шли тягло, то есть годовой доход, взимаемый с каждой выти, или с определенной меры хлеба, присяжными сборщиками (целовальниками), и подать, сбор деньгами с каждой сохи, то есть известного участка земли. В начале XVII столетия с каждой выти — участка в 7 или 8 теперешних десятин — казенным крестьянам приходилось платить от 10 до 15 рублей, смотря по качеству почвы. По тогдашней ценности денег это было очень много. Подать уплачивалась общинами, которые сами уже раскладывали платеж между своими членами. Посадские люди платили подать по числу тяглых дворов в посаде, сколько значилось их в писцовых книгах. Все эти сборы вносились ежегодно в казну 1 сентября, которое считалось тогда первым днем года.

И. Шишкин Мельница в поле

В приказ большого прихода принимались разные пошлины и всякие налоги и сборы. Самые значительные пошлины были торговые. В конце XVI века в Москве торговой пошлины брали по 8 денег с рубля, и эта пошлина считалась малой. Большие доходы собирались с торговых бань и кабаков, принадлежавших казне; сверх того, были пошлины судебные с гражданских дел — по 20 денег с каждого рубля. Брались они с виновного. Разбойный приказ, ведавший уголовные дела, доставлял в казну половину имущества осужденных преступников.

Все эти сборы упомянутые приказы сдавали в главное казначейство (приказ большой казны), где хранились все царские деньги, драгоценные камни, короны, скипетры, утварь и прочее.

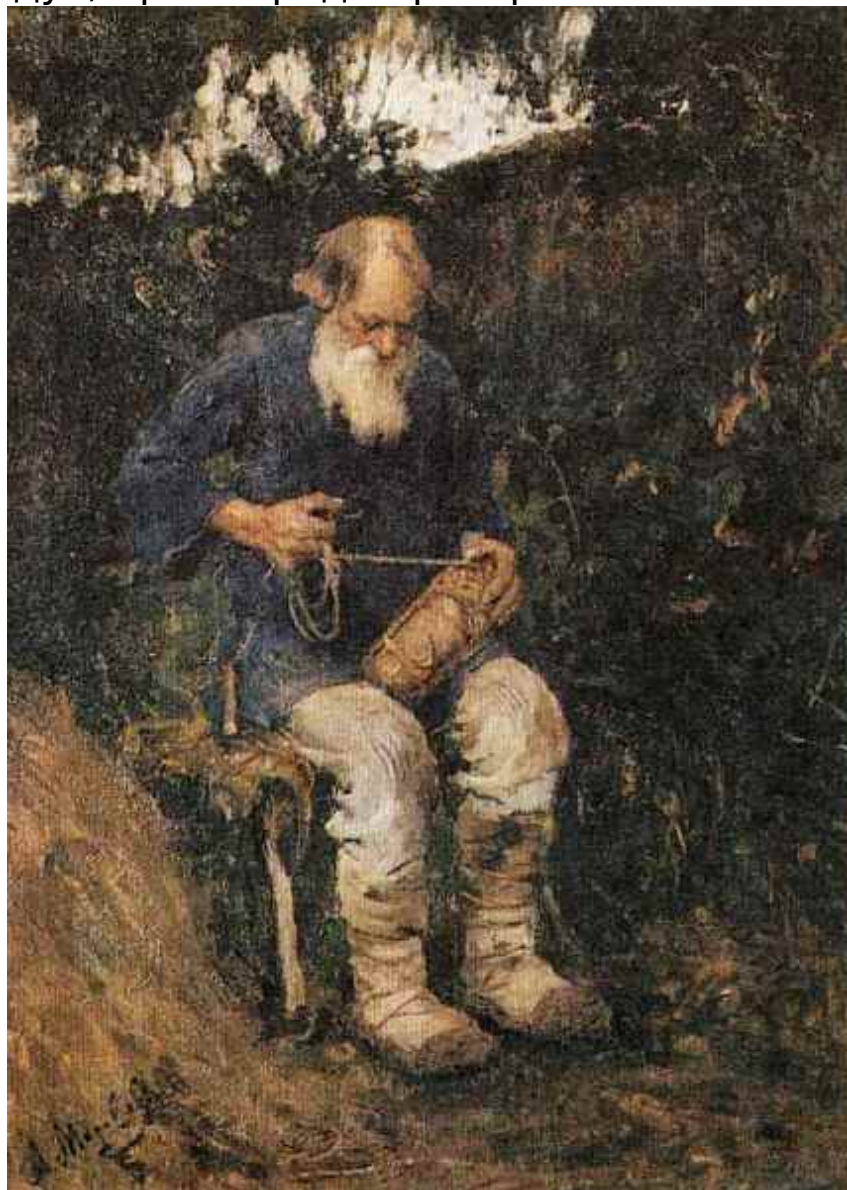

Г. Мясоедов Страдная пора. Косцы

Таковы были главные виды доходов в конце XVI столетия, по описанию англичанина Флетчера, в общей сложности составлявшие 1 430 000 рублей, не включая сюда средств на дворцовые расходы, на правительственные места и служилых людей, которые содержатся иными способами, и не считая доходов сибирских. Около столетия спустя доходы были почти те же: по исчислению Котошихина, они равнялись 1 311 000 рублей, кроме сибирской казны (она доставляла разных дорогих мехов более чем на 500 000 рублей). В течение XVII столетия доходы и не могли увеличиться: стоит вспомнить только бедствия Смутного времени, общее оскудение Русской земли в царствование Михаила, внутренние смуты и продолжительные войны второй половины XVII века. И эти скудные доходы получались с большим трудом, и народу было очень трудно нести тягло, всякие оброки и налоги. Не только торговля, но

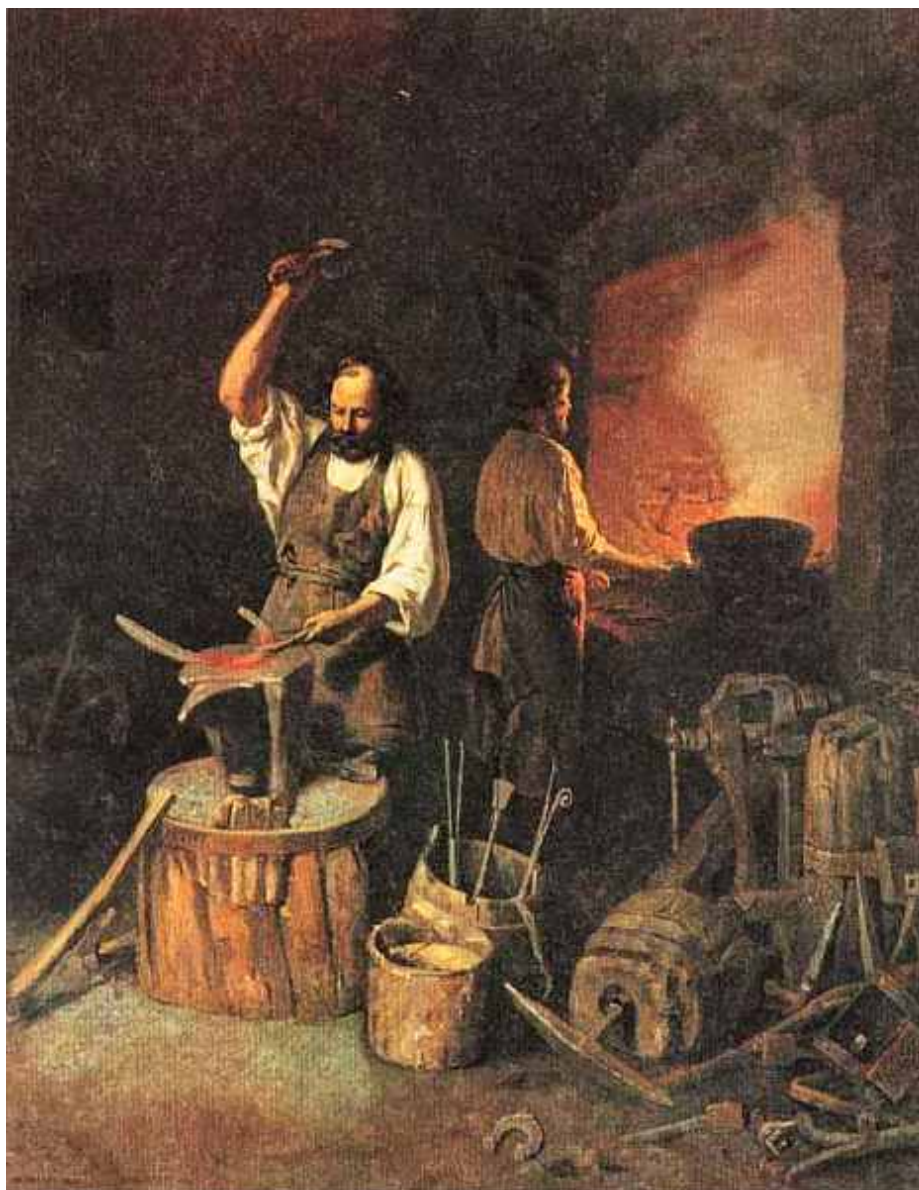
почти все промыслы и занятия были обложены пошлиной. Налоги тоже были многочисленные. Собирались, например, деньги стрелецкие на содержание стрельцов, ямские — на содержание ямов, то есть почтовых станов; брались поборы на строение воеводских дворов, губных изб, тюрем; брали пошлину за право зимой в прорубях черпать воду, поить скот, белье мыть и пр. Всякие надобности государства порождали новые налоги: взимались, например, полоняничные деньги на выкуп пленных, пищальные деньги — на вооружение войска, ямчужные деньги — на порох и так далее. Во время войны, когда не хватало у правительства средств, являлись чрезвычайные, то есть временные, налоги: с посадских людей брали тогда двадцатую, десятую или даже пятую деньгу (в 1662 и 1663 годах), то есть пятую часть всего дохода. Кроме денег, брали на корм ратным людям ржаную муку, сухари, крупу, толокно; требовалась поставка подвод для обоза и прочее. Мало того, на тягловых людях лежало много и других повинностей: ратная — снаряжение воинов и содержание их во время войны, ямская — поставка лошадей для проезда должностных лиц, городовая — поправка и постройка городских стен, мостов и прочего, корм воеводам и приказным людям да всякие безвозмездные службы и работы. Трудно было бы даже и перечесть все налоги и повинности, какие падали в конце XVII века на тягловых людей. Притом все это распределялось неравномерно на сословия и области и представляло большую путаницу, которая давала возможность нечестным и корыстным должностным лицам наживаться за счет темного люда. Тяжелые подати, налоги и всякие повинности, воеводы и алчные подьячие да свои лихие люди, или разбойники, выживали крестьянина с места. Невмоготу становилось ему жить, и вот бредут черные люди розно, пустеют села и деревни. Одни уходят на восток, прослышав, что

и за Камнем (за Уральским хребтом) жить можно, — не скоро там найдут да на тягло посадят; другие пробираются к Дону, на казацкое вольное житье; третьи и поближе где-нибудь в лесах дремучих пристанут к лихим людям, а те, что постарее да похилее, — те по миру пойдут, Христа ради прокормятся.

А. Моравов Старик, плетущий лапти

Заботы правительства долго направлялись на то, чтобы рабочую и промышленную силу как-нибудь надежнее прикрепить к месту и заставить нести тягло, а тягловые люди нередко только и думают о том, как бы выбиться из-под него. Кроме обычного укрывательства, побегов, то есть незаконных способов, были для этого и некоторые более благовидные пути: грамотные посадские люди могли поступать в подьячие — и таким образом из человека, несшего известное тягло, обязанного кормить других, посадский обращался в лицо, имеющее право кормиться за чужой счет. Другим способом уйти из тягла было закладничество. Уже раньше было в обычае, что бобыли — одинокие люди из крестьян — примыкали к чужим семьям, составляли с ними как бы одно целое, могли работать, промыслять и не несли сами никаких повинностей; таких людей называли подсоседниками, или захребетниками. Правительство сначала допускало это. Чем тяжелее становились всякие налоги и повинности, а также насилия воевод и приказных людей, тем выгоднее делалось выходить из прямой зависимости от правительства и поступать в зависимость к частным сильным людям, которые могли защитить своих подчиненных. Это называлось закладываться за кого-либо.

Л. Плахов В кузнице

Такие закладчики из промышленного люда, заложившись, например, за какого-нибудь богатого вотчинника-боярина, могли под его покровом с большим успехом заниматься разными промыслами, чем промышленники, обремененные тяжелыми налогами и повинностями. Эти последние постоянно жаловались, что закладчики отбивают промыслы от них и потому им

невмоготу нести тягло. При Алексее Михайловиче закладничество было уничтожено, и городское население все обязано было прямо подчиняться государству и нести все повинности и налоги.

М. Клодт На пашне

Трудно было правительству собрать необходимые доходы, тяжело было и населению нести многочисленные налоги и повинности. Вся беда была в том, что земля велика, а народу было мало, и раскидался он на ней во все стороны мелкими поселками. И теперь наше отечество можно назвать деревенским государством: гораздо большая часть народа у нас живет по маленьким деревням, а не по городам и большим селам, как на Западе, а в старину даже и многие наши города мало чем отличались от деревни, и городские жители тогда нередко занимались земледелием. Не могло быть ни сильной промышленности, ни богатой торговли там, где большая

часть населения жила мелкими поселками, да еще разбросанными на далеком расстоянии один от другого. Немногим бывает доволен простолюдин, живущий в глухой деревушке. «Хлеба край да угол теплый — вот и живы», — зачастую говорит наш нетребовательный крестьянин и до сих пор. Потребностей у него мало, прихотей — никаких, живет, лишь бы не умереть. В глухом месте приходится все самому делать: и избу срубить, и соху наладить, и землю пахать, и зипун снарядить, и лапти сплести, и многое другое. На все дела крестьянин горазд, да ни в одном из них не мастер: все кое-как сделано, да и требовать нельзя лучшего — самоделщина. Если бы не нужда все самому делать, он к одному делу бы приспособился, понаторел бы в нем, и промыслять бы им можно. Мало было потребностей у жителей, слабо было и разделение труда, стало быть, не могли процветать ни торговля, ни промыслы. Особенно слаба была обрабатывающая промышленность: она требует и знания, и мастерства, а их-то было еще очень мало в нашем отечестве за два века. Гораздо сильнее были добывающие промыслы: страна, обильная всякими естественными произведениями, невольно направляла труд на добывание их. «Едва ли есть в мире земля, — говорит один иностранец, бывший в России в XVII столетии, — которой Московия могла бы позавидовать как в здоровом воздухе, так и в плодородии полей». Тут много было прекрасных, еще не тронутых земель, на которых росла одна трава, да и ту не косили, потому что скот и без того имел достаточно корма. Земля нашего отечества легко может прокормить население в десять раз большее, чем теперешнее, лишь бы приложить к ней больше знания и рук, а за два века их было на Руси, как сказано, очень мало. Пахали даже в начале XVII века во многих местах деревянными сохами без железных сошников, боронили боронами, кое-как сколоченными из сучковых ветвей. Таким же первобытным способом

производилась и дальнейшая работа земледельца. Даже водяных и ветряных мельниц встречалось немного, а были в ходу домашние ручные, состоявшие из двух круглых жерновов. Посредством такой самодельной мельницы каждая крестьянская семья молола себе муки сколько требовалось. Так мало было еще в труде земледельца тех приспособлений, которые облегчают и ускоряют труд; а между тем земледельческий труд был одним из самых главных промыслов, каким испокон веку занимался русский народ. То же надо сказать и о других промыслах: всюду преобладают самые первобытные приемы — народ, разбившийся на мелкие поселки, медленно, почти незаметно подвигался вперед и в жизни своей, и в промыслах. Как проста, незатейлива была эта жизнь, мало чем отличавшаяся от жизни предков лет за пятьсот, так просты и первобытны были и промыслы по своим приемам.

И. Шишкин Лесные дали

Главные хлебные растения, которые возделывались в нашем отечестве, были пшеница, рожь, ячмень, овес, греча, горох. Они росли в таком изобилии, что четверть пшеницы, по свидетельству Флетчера, продавалась иногда по два алтына. Не везде земля была достаточно плодородна, но были благодатные участки, которые приносили богатейшие урожаи. Плодородием отличалась юго-восточная часть Владимирской области по реке Клязьме; но самой плодородной в Московском государстве (в Великороссии) считалась Рязанская область. По рассказам иноземцев, каждое посеянное зерно давало там по два колоса и больше, и нивы летом так бывали густы, что лошадь с большим трудом могла пробраться сквозь них, а перепела не могли вылетать из чащи колосьев. Таким же плодородием славилась поля, лежавшие по течению Оки. Но чем дальше путешественник ехал к северу от этих земель, тем более нивы уступали место лесам и болотам.

Е. Тихменев Охота на медведя

Обилие лесов вызывало лесные промыслы. Леса доставляли богатый строевой материал. Славилась необыкновенно высокие и толстые сосны, превосходные дубы и клены. Лес, от которого усиливалась влажность и суровость климата нашего отечества, давал и средства борьбы с ними: огромное количество деревьев шло на топливо; почти все постройки в нашем отечестве строились из дерева, не только жилье, но и городские стены; по болотам гати делались из бревен, мосты через реки и прочее. Что для западного европейца был

камень, то для русского человека — дерево. Мало того, домашняя утварь — не только столы, скамьи, поставцы, лари, но даже и посуда — у простого люда была преимущественно деревянная. Из сосны он смолу или деготь гнал, лучину колол, которая светила ему, с липы лыко драл, из которого рогожки да лапти себе плел. Сверх того, лес ему давал меха, мед и воск; добыванием их занимались почти во всех областях Московского государства.

Более всего звероловством промышляли на дальнем севере. Лучшие меха — соболя, лисьи, куньи — шли из областей Печерской, Югорской, Пермской и Сибири; беличьи, рысьи и горностаевые — шли особенно из Галича и Углича, а также из Новгородской области; лучшие бобры водились на Мурманском побережье; из приморских мест Двинской области доставлялись в Москву меха белых медведей. Сибирь особенно промышляла куньими мехами; они были главным предметом торговли сибирских жителей. Сибиряки недель на 6 или 7 толпами отправлялись на охоту, на санях, запряженных в 30 или 40 собак. Звериный промысел возлагался также на преступников, которые ссылались в Сибирь; потом это заменено было работой в рудниках.

После мехов главными произведениями, которые доставлял русский лес, были мед и воск. Как известно, в старину почти не занимались искусственным пчеловодством, как теперь, а по большей части просто собирали в лесах, в дуплах старых деревьев, огромные залежи меду. В большом количестве шел он из Мордвы, а также из областей Северной, Рязанской, Муромской, Казанской и Смоленской.

И. Левитан Пчельник

Реки Московии удивляли иноземцев обилием рыбы. Можно предположить, что русские повсюду занимались рыболовством; но оно особенно процветало на севере и по Волге. Более всего ценилась рыба, пойманная в реке Оке близ Муром, а также в Шексне. Чем дальше в этих реках оставалась рыба, зашедшая из Волги, тем вкуснее становилась она. Рыбным промыслом особенно славилась города Ярославль, Нижний, Астрахань, Казань, Белоозеро. Близ Астрахани рыболовство велось в больших размерах; ловилось здесь огромное количество карпов, белуг, осетров и стерлядей. Ловлю, или, вернее, бой белуг, по описанию одного путешественника-иностранца, производили таким

способом: в дно реки вбивались колья рядами, образующими треугольники с узкими входами. Белуга, попав в них, не могла выйти, и тогда рыбаки били ее дротиками. Из убитой рыбы — белуги и осетра — вынимали икру, клали ее в огромные мешки с солью и держали ее таким образом некоторое время, затем сжимали ее и набивали в бочки. Астраханская икра славилась уже в те времена в Европе и вывозилась в большом количестве, особенно в Италию; рыбу солили и отправляли в Москву и другие города.

М. Шаньков Зимняя охота

Занимались русские и добыванием соли, или солеварением. Этот промысел в больших размерах производился на севере, в Новгородской области, Двинской и других. Лучшая соль добывалась в Старой Русе. Делалось это следующим образом: промышленники-солевары запруживали соляную речку и проводили из нее воду каналами в свои солеварни и здесь занимались вываркой соли. Ниже Казани по Волге была Соляная гора, из которой промышленники, жившие

у подошвы ее, добывали соль. К западу от Астрахани в степях было много соляных озер, дававших превосходную соль даже без особенного труда. Здесь она выплывает на поверхность воды слоями в палец толщиной, подобно льдинам, и от солнечных лучей становится чистой и прозрачной. Всякий, кто хотел, мог здесь собирать ее; за это надо было платить в казну пошлину по полкопейки с пуда.

В Ярославле, Устюге и Угличе добывали селитру, на Волге в небольшом количестве — серу. Железо особенно разрабатывалось в Карелии, Каргополе и Устюге, а потом — неподалеку от Тулы. Слюда добывалась на Северной Двине, у Архангельска, а также в Карельской области. В XVII веке рудокopное дело усилилось в нашем отечестве; нередко делались попытки найти серебро и золото, но обыкновенно попытки эти кончались неудачно. Только во второй половине XVII века удалось иноземцам открыть прииски золотой и серебряной руды в городах за Казанью, по направлению к Сибири.

Все указанные промыслы, если не попадали в руки иноземцев, производились, как сказано, по большей части самыми первобытными способами и далеко не стояли на надлежащей высоте. При лучших условиях они могли бы обогатить жителей и доставить государству огромные доходы. Много добра всякого было под руками у русского человека, да руки были еще неумелые — немного могли взять.

Еще слабее были промыслы обрабатывающие. В стране, где мало больших городов и где слабо еще разделение труда, а каждый сам старается удовлетворить своим небольшим нуждам, не могут особенно процветать ремесла и разные мастерства. Только в Москве можно было найти опытных ремесленников, да и то по большей части из немцев, в других же городах редко встречались какие-либо мастера, кроме портных и сапожников. Конечно,

искусных работников было довольно по столярному делу и плотничьему, потому что на них был уже очень большой спрос. Славилась псковские каменщики, новгородские резчики и прочие, но все же людей ремесленных, которые были бы очень искусны в своем деле, между русскими встречалось очень мало.

Если ремесленное дело было слабо и спрос на него был невелик, то не могла, понятно, процветать заводская и фабричная промышленность. Хотя на Руси были уже железоплавильные заводы, но их устраивали иностранцы. Работали эти заводы на казну — она требовала в большом количестве разные изделия: пушки, ядра и прочее. Упоминаются в XVII столетии суконные и полотняные фабрики, но и они работали главным образом для царского двора.

Столярная мастерская

Где слабо производство, нет излишка в изделиях и мал спрос на разные вещи, там трудно и большой торговле развиваться. Русская земля богаче была предметами добывающей промышленности, чем обрабатывающей, и потому, понятно, она в торговле с иноземцами должна была ставить на рынок так называемые сырые (то есть необработанные) произведения, а требовать изделий мануфактурных. Самой важной статьей отпуска за границу были меха, затем мед, воск, пенька, сало, лен, а также и хлеб. Все это закупали сами иностранцы на русских рынках и везли за границу. Попробовал было один ярославский купец сам отвезти в Амстердам пушной товар, но голландские купцы, чтобы не поводить русских к этому и чтобы они не отбили тех выгод, какие доставались за перевоз товара, сговорились между собой и ничего не покупали у русского купца. Когда же он вернулся в Архангельск со всем товаром своим, здесь его раскупили они по хорошей цене. Да и правительство московское смотрело очень неблагоприятно на поездки русских за границу. Из Западной Европы в Россию привозились преимущественно фабричные изделия: оружие, металлические вещи, тонкие сукна, полотна, бумага, сахар; сверх того разные пряности, вино, золото, серебро в деле (то есть в разных вещах), в слитках, в монете и прочее.

Главным местом отпускной торговли был город Архангельск. Сюда русские купцы привозили свои товары и тут покупали иностранные; но иноземцы часто заезжали внутрь России, чтобы на главных рынках закупать нужные им товары, как говорится, из первых рук. Другим важным местом заграничной торговли была Астрахань. Русские купцы отправляли сюда хлеб, шерстяные и полотняные одежды, ножи, топоры, стрелы. (Оружие и железо вывозились или с особого разрешения начальства, или тайком.) Любопытно, что в

Азию шли и русские изделия. Взамен этого с Востока получали шелковые и хлопчатобумажные материи, ковры, парчу, шелк-сырец, драгоценные камни в большом количестве. Астрахань благодаря своей торговле была одним из богатейших городов в Русском государстве; она своим видом и обилием каменных построек мало походила на другие русские города.

Средоточием внутренней торговли была Москва: рынки, гостиные дворы, лавки и, сверх того, оживленная ручная торговля — все это встречалось на каждом шагу и показывало, что Москва — торговый город. Она являлась сердцем внутренней торговли: сюда съезжались торговцы с разных концов государства. Тут встречалось множество иноземцев-купцов — и западноевропейских, и восточных разных племен; отсюда же торговля шла в разные концы государства. Главные пути были к Белому морю — через Ярославль и Вологду на Устюг по реке Сухоне, а затем по Северной Двине к Архангельску. По Оке и Волге шел путь на Астрахань; на Волге были два важных торговых города — Нижний и Казань. От Волги по Каме шел торговый путь в Сибирь; на Сибирском пути более важными местами считались Верхотурье и Тобольск. Движение промышленников-завоевателей в Сибири раздвинуло пределы русских владений до нижнего течения Амура и до Восточного океана. С тех пор начинаются торговые сношения с Китаем, и Нерчинск становится здесь важным городом. На северо-запад из Москвы шла торговая дорога к Пскову и Новгороду. Хотя оба эти города были по своему торговому значению далеко не то, что прежде, но все-таки они были еще довольно богатыми и промышленными городами; от них шли пути к Нарве и Риге. В Литву и Польшу дорога шла на Смоленск.

Торговля замороженным мясом. Рождественский рынок

Сильной помехой для торговли был недостаток удобных путей сообщения. Летом торговое движение можно было совершать только по рекам; важнейшими речными путями были Волга, а затем — Северная Двина. Тут товары возились на стругах, дощаниках и насадах (род нынешних барок). Шли эти незатейливые суда или на парусах, когда был попутный ветер, или тянулись бечевой, или посредством якоря, то есть завозился вперед якорь и кидался в реку; затем с насада люди тянулись за веревку к нему; затем якорь опять завозился и т. д. Таким образом двигались вперед против течения,

хотя и медленно. Так как речной путь не всегда был «чист», «пошаливали» лихие люди, особенно на Волге, то обыкновенно плыло по нескольку насадов вместе под охраной вооруженных людей. В Москву товары свозились по большей части зимними путями. Иностранцы пишут, что им приходилось насчитывать в обозах, шедших в Москву с хлебом и соленой рыбой, по 700 и 800 возов. В течение всей зимы в столицу привозили из окрестных мест дрова, сено, хлеб и прочее, а перед Рождеством — говядину, свинину, рыбу в замороженном виде. Цены этих товаров поражали иноземцев своей дешевизной: говядину, по словам их, продавали не на вес, а по глазомеру, за бесценок; за червонец, равнявшийся тогдашнему рублю, можно было купить 70 кур, и так далее.

И. Куликов Ярмарка

Пути сообщения так были еще плохи, что не только трудно было провозить из города в город товары, но даже и налегке проехать летом было очень затруднительно. До Новгорода из Москвы летом надо было ехать целую неделю, а зимой — четыре дня. Здесь путь вследствие частых сношений был, конечно, лучше, чем в других, более глухих местах. Часто приходилось ехать по дурной лесной дороге, по недавно срубленным пням; но больше всего мешали многочисленные болота и топи, на которых не всегда встречались даже и плохие гати да мосты. Путешественникам приходилось иногда самим рубить лес и кое-как настилать плотины и устраивать переправы. Постоялые дворы встречались очень редко; в деревнях случалось, что трудно было и хлеба достать, даже за деньги. Один иностранец советовал всякому, кому предстояла поездка по России, непременно иметь при себе топор, огниво с трутом, съестные припасы на всю дорогу и котел — всем этим разжиться на пути было иногда невозможно. Притом путешественнику грозили на пути хищные звери и лихие люди, промышлявшие разбоем по большим дорогам да по темным лесам. По дорогам нередко встречались кресты на могилах путников, убитых разбойниками. Понятно, как все это отбивало охоту к поездкам по стране, как мешало торговле.

Несмотря на все помехи, русские, по отзыву иноземцев, были очень склонны к торговому делу. Во всяком городе, в посаде всегда была рыночная площадь — самая оживленная часть. Сюда из окрестных мест свозились на продажу разные припасы; кроме того, тут же были и постоянные лавки, гостиные дворы. В некоторых городах, где сходились торговые пути, в известное время года бывали съезды торговцев, и торги принимали большие размеры. Таким образом явились ярмарки. Они ввиду трудности сообщений приносили торговле большую пользу: купцы здесь производили

обмен товара, запасались новым, и обыватели могли купить нужные вещи дешевле, чем обыкновенно. Чаще всего такие ярмарки совпадали с храмовыми праздниками, когда город наполнялся множеством пришедшего люда из окрестных мест. Нередко устраивались подобные торговые съезды в монастырских владениях, где крестьяне были обыкновенно зажиточнее, чем в других местах, и менее было всяких стеснений и обид от таможенных сборщиков. Самой знаменитой ярмаркой была Макарьевская, близ монастыря святого Макария Желтоводского.

Д. Севагин Ярмарка

Русская торговля, кроме дурных путей сообщения, встречала в старину много всяких помех — тяжелых пошлин, притеснений разных должностных лиц. Долгое время вредило ей соперничество иноземных купцов, мешала и царская торговля: ни один купец не имел права покупать привезенных в Россию иностранных товаров до тех пор, пока не отбирали лучшие из них царские люди, и так же не мог продавать, пока не будут

распроданы царские товары. Иные отрасли торговли были исключительно достоянием казны, например продажа водки, дорогих мехов и другого. Все эти стеснения и помехи, конечно, должны были наряду с невежеством и низким уровнем нравственности породить многие темные стороны в русской торговле. Удивляя иноземцев своей сметливостью, сноровкой, изворотливостью, вообще торговыми способностями, русские купцы нередко неприятно поражали своей нечестностью. Они старались купить товар за бесценок, а продать — втридорога, запрашивали у покупателя вдвое-втрое против настоящей цены, и, когда он предлагал что должно, они нередко клялись и божились, что товар «себе дороже стоит». Показать товар лицом, обмерить покупателя, подсунуть ему вместо выбранной вещи худшую — все это было, к сожалению, не особенно редким явлением. И что особенно любопытно, торговцы и не считали это мошенничеством. Это было в их глазах только торговой умелостью, сноровкой: на их взгляд, плох был тот продавец, который не умел заманить в лавку покупателя, выпускал его из лавки без покупки, не умел «сорвать» с него побольше, сбыть ему плохой товар. Как на войне ратные люди всячески пользуются оплошностью врага и допускают против него всякую хитрость и обман, так опытный торговец, на взгляд русского купца, мог поступать с покупщиком. Вот почему случалось, что честный и хороший в домашнем и в общественном быту купец в своей лавке способен был к самым неблагоприятным проделкам.

Ходячей монетой в XVII столетии были по-прежнему серебряные копейки, а более мелкой монетой — «московки» (деньга, полкопейки) и полушки (полуденьги). Последние были так малы, что, по словам иностранцев, русские продавцы горстями клали их в рот, чтобы не потерять, и это не мешало говорить. Чеканили монету также по-прежнему в Москве, Новгороде, Пскове

и Твери из привозных иностранных денег; причем, как известно, правительство имело известный доход. Из копеек составлялись алтын, гривна, полтина, рубль, но монеты, соответствовавшей всем этим названиям, кроме полтины, не было. В XVII веке из полфунта серебра чеканилось денег на три рубля; стало быть, рубль заключал 16 золотников. Прежде рубль был больше, но еще во второй половине XVI века, судя по иностранным известиям, он был уменьшен, так что считалось в нем уже не двести денег, как прежде, а сто. На деньгах («московках») было изображение великого князя на коне с мечом в руках, а на копейках — с копьем, оттого и стали звать «деньги копейные», а потом просто — копейки. При Алексее Михайловиче, как известно, были пущены в оборот медные копейки по одинаковой цене с серебряными, но попытка эта кончилась неудачно, и медные деньги были изъяты из употребления, так что в торговом обращении было только серебро. Пулы, мелкая медная монета (их давалось 18 за полденьгу), шли на раздачу нищим и на самые мелкие покупки.

Золотую монету русские покупали и продавали наряду с другими товарами. За червонец обыкновенно давали от 18 до 21 алтына, но иногда цена его возвышалась даже до 2 рублей. Это случалось во время венчания государя на царство, бракосочетания и прочее, так как принято было подносить червонцы в подарок. Очень дорого ценились они также за несколько дней до Пасхи, потому что было в обычае, христосуясь с боярами и сановниками, подносить им с красными яйцами и червонцы. Ввиду частых колебаний в цене денег иноземцы предпочитали вести с русскими меновую торговлю, то есть за русские товары расплачиваться своими товарами, а не деньгами.

Б. Кустодиев Купец (Старик с деньгами)

Домашний быт

***Жилище. Внутреннее убранство. Утварь. Одежда.
Пища***

Домашний быт русского народа был очень устойчив. Русский человек в конце XVII столетия по своему житью-бытью почти ничем не отличался от своих предков, живших на два, на три века раньше; только верхний слой общества стал понемногу поддаваться под напором иноземных новшеств.

Внешний облик жизни сказывается в жилище, одежде и пище.

В старину жилье обыкновенно ставилось во дворе. Дворы по большей части были довольно просторные, а у зажиточных и богатых людей даже и весьма обширные; они обносились тыном или забором (заметом). Домовитый хозяин старался огородить свое жилье так, чтобы через ограду никакое животное не пролезло, не пробрался бы никакой человек. Во двор вело двое, трое и больше ворот. Главные из них устраивались у богатых людей обыкновенно очень красиво, под небольшой кровлей, иногда с красивыми башенками. Над воротами у зажиточных хозяев ставились часто образа в киотах, подобно тому как над воротами городов, над которыми, как известно, иногда устраивались часовни и даже небольшие церкви.

Жилье строилось не рядом с воротами, как теперь, а поодаль от них, во дворе. К дому из ворот вела дорога, иногда мощеная (мостки). Дом был обыкновенно небольшой, а по мере надобности сооружались и другие жилые строения — все они вместе назывались общим именем «хоромы». Кроме того, двор зажиточного человека был полон различных служб: людских, сараев,

кладовых, погребов. Баня, или мыльня, была необходимостью двора всякого порядочного хозяина. Жилища простолюдинов отличались от хором знатных людей размерами и убранством, а по существу были сходны. Основной частью старинного дома была клеть, из которой с прибавкой печи образовалась изба (истопка). Более всего у крестьян того времени встречалась черная, или курная, изба. В такой избе устраивались почти под потолком так называемые волоковые окна от 6 до 8 вершков в длину и ширину; их задвигали, или заволакивали, особенной доской. У многосемейных и зажиточных людей против избы ставилась клеть — летний покой, тоже с волоковыми окнами. Она соединялась с избой общей кровлей, причем оставлялось место между ними — сени. Под клетью был подклет, предназначенный для кладовой или для домашнего скота.

Таково было жилище зажиточного простолюдина, а бедные довольствовались, как и теперь, избушкой, состоявшей из одного сруба.

Богатые купцы, дворяне, бояре устраивались шире, но в основе их жилья были те же клеть и изба. Вместо черной избы ставилась белая; дым из нее выходил не волоковыми окнами, а через дымницы (деревянные трубы). Такая изба строилась обыкновенно на подклете, потому и называлась горницей (то есть верхней, горней частью). Окна здесь были косячатые (то есть с косяками), красные (то есть красивые); они были побольше волоковых, которые тоже иногда встречались и здесь наряду с косячатыми. Сверх того, важным отличием горницы от простой избы была обыкновенно большая, красивая печь — изразцовая, муравленая, круглая или четырехугольная. (В избах устраивались обычные до сих пор русские печи.) Случалось, что горница и даже изба делились перегородками на несколько комнат. Нередко две, три и более клетки

связывались в одно целое, и таким образом получалось довольно вместительное жилье (называлось оно «двойни», «тройни» и так далее), или «хоромы». Слово это, употребляемое всегда во множественном числе, указывает этим на сложность самой постройки, состоявшей из нескольких частей, из которых каждая могла бы стоять и отдельно.

Подклеты в больших хорах были жилые, с окнами и печами — для прислуги, и глухие, без окон и дверей, с ходом из верхнего помещения, предназначенные для кладовых, для хранения дорогих вещей, то есть казны, потому эти подклеты назывались казенками.

В больших хорах просторные сени соединяли горницу или комнаты с повалушей, которая, составляя отдельное помещение, ставилась тоже на подклете и представляла обширный летний покой — то же, что клеть в крестьянском жилье. Сверх горницы и повалуши в старинных хорах были еще светлица и сенник. Первая, хорошо освещенная косячатыми окнами, которых было больше, чем в горнице, так как они прорубались со всех трех, а не то даже и четырех сторон, служила обыкновенно рабочей женской комнатой, а сенник был холодным покоем, служившим в летнее время спальней. Верхний ярус старинных хором представляли светлые чердаки, носившие название теремов, вышек, светелок. Они устраивались под самой кровлей здания, со всех сторон были открыты, с большими окнами, иногда двойными, на все четыре стороны. Порой пристраивались к вышкам небольшие башенки (смотрильни), с которых можно было видеть окрестности. Вокруг теремов или чердаков устраивались гульбища, то есть балконы, огороженные перилами или решетками.

Е. Ознобишин Деревня

Таким образом, старинные хоромы представляли три яруса (жилья): в нижнем были подклеты, в среднем — горницы, повалуши и светлицы, в третьем, наверху, — чердаки, вышки, терема.

Старинные деревянные хоромы государей заключали в себе те же основные части. Жилые хоромы были обыкновенно очень невелики — в три-четыре покая. Один, самый дальний, служил опочивальней (постельной, ложницей), подле устраивалась крестовая, или моленная, затем собственно комната (кабинет) и наконец — передняя (приемная), первая по входе из сеней, которые в государевых хоромах всегда были теплые. Если комнат было больше, что случалось очень редко, то называли их — средняя, сторонняя и задняя, и особенного назначения они не имели. В подклете

устраивались иногда мыльни. Верхний ярус таких хором состоял из красных светлых чердаков, или теремов, с частыми окнами, с гульбищами кругом всего здания, украшенными башенками с изящной кровлей. Такие же точно хоромы с незначительными отличиями ставились отдельно для государыни, для государевых детей и соединялись между собой лишь крытыми переходами.

Кроме жилых покоев, устраивались еще особые хоромы для торжественных собраний и государевых столов, то есть званых обедов и пиров. Ставились они впереди жилых хором, назывались обыкновенно столовой избой (в древности — гридницей). Сверх того, надо припомнить, что к государевым хоромам относятся многочисленные службы, которые располагались обыкновенно особыми дворами, или дворцами (например, житный, кормовой, хлебный, сытный, конюшенный и другие).

Е. Поленова Боярский двор

Плотничье дело в старину, конечно, стояло выше, чем теперь: плотникам было прежде несравненно больше работы. Они составляли артели, старосты которых были доморощенными зодчими того времени. Навык да сноровка заменяли им строительную науку, и, надо сказать по правде, они достигали в своем деле высокого искусства; о них можно сказать, что они были настоящими мастерами своего дела. Дворец в селе Коломенском служит лучшим доказательством этого. Этот дворец представлял несколько особых хором, соединенных между собой сенями и переходами. Впереди были государевы хоромы; за ними стояли

хоромы царевича, далее — государева мыленка. Отсюда лестница вела в царицны хоромы; далее были четыре отделения хором царевен, соединенные крытыми переходами с покоями царицы и церковью. Такими же переходами соединялись другие отделения хором — оружейной, стряпущих изб и прочих. Нижний ярус всех хором состоял из подклетов для дворовых людей, для кладовых и стрелецких караулов. Довольно беглого взгляда на дворец, чтобы видеть, что строители не руководствовались одним определенным планом, что некоторые части пристраивались потом, по мере надобности. Но, несмотря на это, несмотря и на то, что строители вовсе не гнались за соразмерностью и соответствием (симметрией) отдельных частей, все-таки все сооружение очень красиво и своеобразно. Особенно любопытны кровли: одна четырехугольная, устроенная кубом, украшена наверху глобусом с изображением орла; другая выведена бочкой с резным гребнем наверху и шестью с прапорцами (флюгарками), третья — двухскатная, четвертая — шатровая, придававшая строению вид башни, с двуглавым орлом наверху. Над крыльцом опять бочкообразная кровля, над сенями и переходами стройные шатровые кровли разного вида. Все эти кровли крыты гонтом в чешую, раскрашенную в яркие краски. Не менее красоты зданию придают бесчисленные и разнообразные столбики и балясы у крылец и у гульбищ, а также резные украшения окон и дверей. Эти украшения, яркая окраска кровель, цветные стекла в окнах, затейливый и разнообразный вид составных частей здания — все это, вместе взятое, было очень красиво.

В. Лобов Плотник

Русское деревянное зодчество обнаружило много вкуса и своеобразия. Боярские усадьбы и хоромы, а также дома зажиточных людей более или менее походили на дворец в селе Коломенском, конечно, уступая ему в величине и красоте. Царские и боярские

хоромы, отличаясь внешним нарядом от простого крестьянского жилья, в основе своей имели ту же простую клеть, которая складывалась из бревен, а у богатых людей — из брусьев, то есть бревен, отесанных со всех четырех сторон. Четыре бревна, соединенные в один четырехугольник посредством врубов по углам, назывались венцом, или рядом. Несколько таких венцов, наложенных один на другой, составляли клеть. Между рядами бревен, или венцами, плотно пригнанными один к другому врубами, прокладывался иногда сухой мох; тогда говорили, что «изба рубилась во мху». Этот способ постройки изб сохранился и доныне у наших крестьян. В Москве, как сказано раньше, продавались на рынках готовые срубы, или клетки. Рублей за двадцать можно было купить порядочный сруб на рынке, разобрать, перевезти куда надо было и сложить настоящую избу. Затем оставалось по своему вкусу «нарядить нутро», как говорили в старину, то есть отделать клеть начисто, — вырубить и околотить окна красные и волоковые, приладить к стенкам лавки, обшить стены тесом, подшить подволок (потолок), наместить мост (пол), а затем устроить кровлю и покожушить ее, то есть покрыть гонтом или дранью. Если жилище устраивалось позатейливее, то сверху выводились, как сказано выше, чердаки, или терема с гульбищами, которые решетились балясами или перилами; налаживались разнообразные кровли, смотря по вкусу хозяина, покрывались гонтом в чешую и так далее. Обряжали получше красное крыльцо и ворота. По всему этому можно было судить о достатке хозяина. На этом и кончалась работа плотников, или «рублеников», как их звали иначе в старину. Двор, по мнению наших предков, красился воротами, хоромы — теремом, а изба — углами, то есть внутренним нарядом.

Каменные дворцы и дома, которые стали входить мало-помалу в обычай, строились уже более на

иноземный лад; русское зодчество преимущественно выразилось в деревянных хоромах да в церквах.

М. Гермашев Снег выпал

Внутренность крестьянской избы была так же проста, как и теперь. Бревенчатые стены, не обшитые тесом, лавки и стол, большая русская печь и полати — вот все, что можно было разглядеть при тусклом свете из небольших оконцев, которые в старину обтягивались полупрозрачным бычьим пузырем или холстиной, пропитанной жиром. Слюда и стекло слишком были еще дороги и встречались только в зажиточных домах. Здесь оконницы представляли по большей части мелкую железную сетку, обыкновенно в виде различных узоров, в которую и вставлялись кусочки слюды. Стекло вошло в употребление раньше в Новгороде благодаря его частым сношениям с Западом, а потом мало-помалу и в других

городах. В XVII столетии в России были уже стеклянные заводы, устроенные иноземцами.

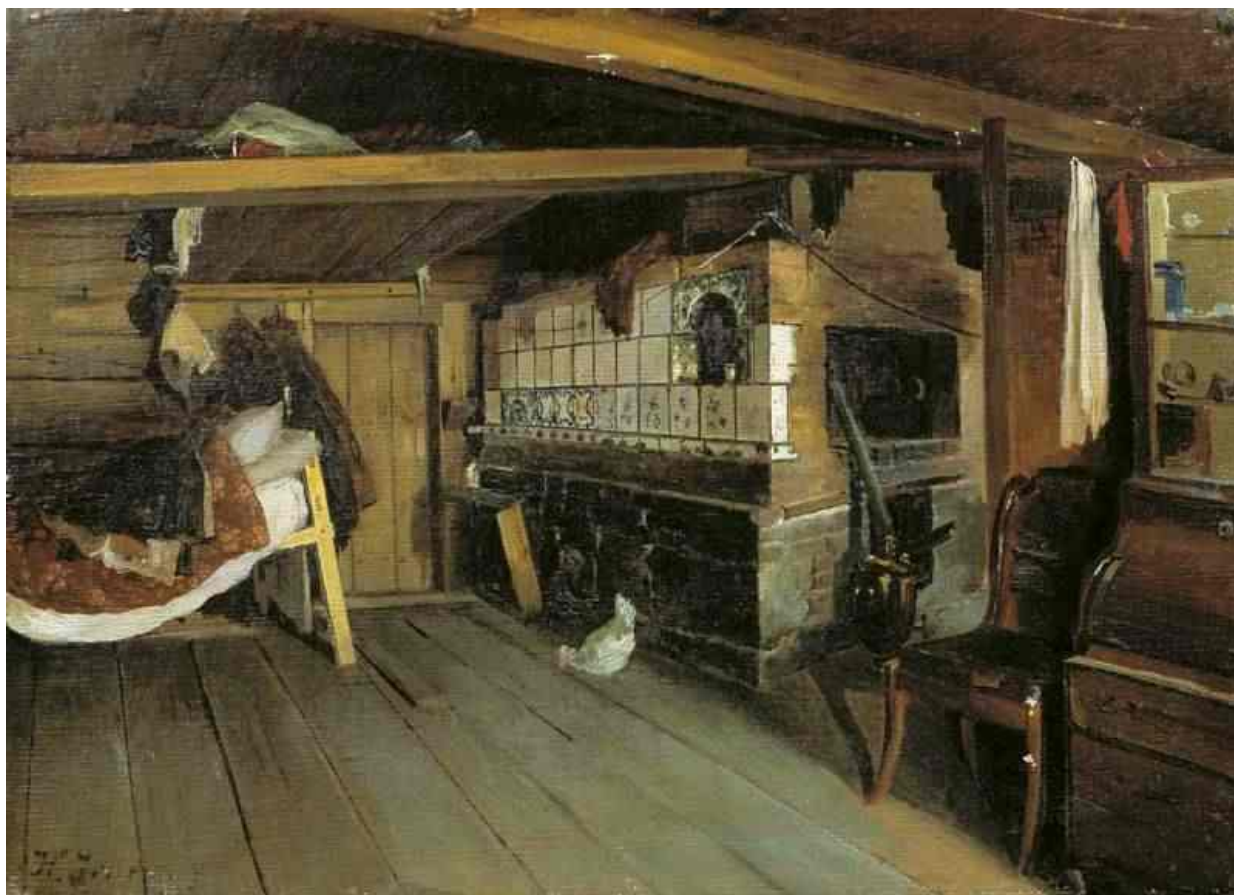
Чем богаче был дом в старину, тем изысканнее было и внутреннее убранство его. Наши предки очень любили одевать хоромы: полы покрывались коврами (у менее богатых — войлоком или рогожей). В сенях у дверей всегда была положена рогожа для обтирки ног — калош тогда еще не употреблялось. Стены обивались по большей части сукном, обыкновенно красных цветов (червлёное, багрец и прочие), иногда в два цвета, в шахмат и прочее. Покои цариц (например, Натальи Кирилловны) наряжались иногда атласом. Со времен Алексея Михайловича стали обивать стены басменной кожей, то есть с вытисненными изображениями растений, птиц, зверей. В конце XVII столетия появились у некоторых бояр заграничные тканые обои, или шпалеры. Затем в дворцовых покаях, особенно в каменных зданиях, стали расписывать стены и своды картинами, конечно, религиозного содержания; изображались события из Священного Писания, притчи в лицах и прочее. Потолки иногда украшались резной работой, иногда — слюдой, но чаще убивались сукном, как и стены, и двери, и вставни (ставни).

И. Горохов В избе

Необходимой принадлежностью всех жилых хором были, конечно, печи — преимущественно изразцовые. Они были весьма разнообразны: четырехугольные, круглые, с колонками, карнизами и так далее. Изразцы по большей части были разных цветов или с изображениями растений, животных, людей и прочего. Печи обыкновенно делались большие и занимали значительную часть покоев, которые почти всегда были невелики: сажени две-три в длину да в ширину столько же или несколько меньше. Просторнее устраивались столовые у богатых людей: сажен в пять-шесть длины и почти такой же ширины.

Кроме лавок, которые прикреплялись к стене, да подвижных скамей и стольцев (табуреток), никаких других приспособлений для сидения наши предки не знали. Кресла и стулья были роскошью дворца да богатых боярских хором, впрочем, и там встречались в небольшом числе. Скамьи служили и для сна; особенных кроватей не было. Столы делались по большей части дубовые, узкие и длинные; у богатых людей они иногда разрисовывались изображениями из Священного Писания, а ножки и бока украшались резьбой. Были и маленькие столы, украшенные разными камнями.

Н. Эллерт В избе

Лавки, скамьи и столыцы покрывались полавочниками — обыкновенно из той же материи, какой покрывались стены. Иногда полавочники обшивались по краям позументами, вышивались узорами и прочим. Большие столы, стоявшие пред лавками, обыкновенно покрывались подскатертниками, атласными, бархатными, с золотошвейными украшениями. Во время обеда стол покрывался еще скатертью. В богатом доме всего этого было несколько перемен, и по праздникам хоромы убирались богаче, чем в будни.

Благодаря убранству старинные покои были весьма нарядны; но наряднее всего был так называемый красный угол. Здесь на полке ставились образа в богатых серебряных и даже золотых окладах, в киотах. Чтились иконы преимущественно старого письма, притом работы православных иконописцев. Кроме рисованных образов, были резные на камне, на слоновой кости, металлические, в виде больших медалей, с изображениями на обеих сторонах, а также и складни, то есть створчатые образа, на каждой створке которых были вырезаны изображения. Золотые, серебряные и медные кресты с изображением распятия были тоже обычны у наших предков. Они не жалели издержек на украшение священных изображений, которые сияли золотом и драгоценными камнями. Убрусцы, пелены и занавесы, которыми закрывались образа, у богатых людей были тоже унизаны жемчугом, драгоценными камнями и дробницами (блестками). Пред иконами теплились лампы и горели восковые свечи. В домах богатых людей, кроме множества образов во всех покоях, была, как сказано, особая комната — крестовая, или моленная, где целая стена была увешана образами наподобие церковного иконостаса. Здесь стоял аналой с книгами, подсвечники с восковыми свечами и отправлялись ежедневно церковные службы: заутреня,

часы, вечерня. У знатнейших бояр нередко были свои, домашние церкви. Обилие образов в богатых хоромах объясняется, конечно, прежде всего набожностью наших предков, а затем — обычаем дарить иконы по большим праздникам.

И. Горохов В избе

Л. Каменев Зимний пейзаж

Зеркала и картины долго считались в старину запретными вещами, но в XVII веке мало-помалу по примеру царя бояре стали украшать свои покои картинами (эстампами) — исключительно священного содержания.

Для хранения разных вещей наши предки употребляли скрини (род небольших комодов с выдвижными ящиками), сундуки, погребцы, ларцы (для женских украшений), поставцы для посуды, которые представляли собой полки, приделанные к столбам, внизу шире, а кверху уже. На нижних ставилась серебряная крупная посуда, на верхних — мелкая. Она служила больше для украшения столовой, чем для употребления, и шла в дело разве только по большим праздникам или при различных семейных торжествах. В обыкновенное же время серебряная и позолоченная посуда красовалась на поставцах, свидетельствуя о зажиточности и заслугах хозяина: тут находились и

жалованные царем чарки или кубки. На поставце обыкновенно стояли разного вида и объема блюда и торели (тарелки), иногда изящной резной или чеканной работы, сулеи, братины, ковши, кубки, мисы, лохани, рассольники и так далее. На сосудах делались различные надписи. Иногда обозначалось, кем подарена вещь, — например, «ударил челом» такой-то; иногда вырезывались целые изречения, например: «Чарка добра человеку, пить из нее на здоровье» и тому подобное.

Н. Соломин Бабушкин сундук

Дорогие сосуды переходили по наследству и составляли иногда важную часть имущества. Кроме металлической посуды, в XVI и XVII веках встречаются у богатых людей сосуды из камня: агатовые, сердоликовые, из горного хрусталя. Входила в обычай понемногу и стеклянная посуда, преимущественно цветного стекла, которая привозилась из-за границы.

Простой народ довольствовался деревянной посудой; особенно славились хорошей работой калужские, гороховецкие и карельские изделия. Иногда деревянная посуда украшалась очень недурной резьбой.

Золотая и серебряная утварь переходила от отца к сыну по наследству как дорогая память предков. Цари в знак милости жаловали своих приближенных кубками, чарками; бояре тоже считали своей обязанностью приносить царям в дар дорогие сосуды по случаю каких-либо торжеств или семейных радостей, например бракосочетания, рождения детей и так далее. В частном быту было тоже в обычае дарить друг друга в именины и прочее. Чем знатнее и влиятельнее был человек, тем больше у него скапливалось и царских подарков, и приношений от подчиненных, — и нередко встречались дома, где поставцы ломились под тяжестью всякого рода серебряных и даже золотых вещей, нередко очень тонкой, даже художественной работы, с узорами, с изображениями цветов, плодов, зверей, птиц, людей и прочее. Все эти драгоценности были показательные, служили украшением боярских покоев и разве только в самых исключительных случаях употреблялись в дело. Встречались даже вещи, вовсе не удобные для этого: в Москве, в Оружейной палате, например, и теперь хранится серебряный кубок Ивана Грозного с сажень вышиной и в пуд и восемь фунтов весом. Для украшения же покоев клались на поставцы и разные драгоценные безделушки: серебряные яблоки, костяной город с

башнями, сосуды в виде лошади, петуха, челнока и прочее.

Ф. Солнцев Тарелка и яшмовый кубок

Для повседневного обихода даже в достаточных домах пользовались не всегда серебряной посудой, а довольствовались медной луженой или оловянной. Для жидкой пищи употреблялись кастрюли и мисы, для твердой — блюда разного вида, смотря по кушанью (блюдо гусиное, блюдо лебяжье и так далее). Блюда поменьше, или блюдца, ставились на стол, чтобы могли с них есть человека два или более. Тарелки (торели) долго не были в употреблении, а потом, когда стали

входить в обычай, то в течение всего обеда не переменялись и служили лишь для того, чтобы класть обглоданные кости. Ложки большей частью были серебряные, а у бедных людей — деревянные. Ножи и вилки долгое время не считались необходимой принадлежностью стола: твердые кушанья подавались обыкновенно разрезанными на куски, их брали прямо руками с блюд. Если и подавались ножи и двузубые вилки на стол, то в очень небольшом числе — по одному ножу и одной вилке на нескольких человек. Салфеток не было вовсе до времен Петра Великого, а руки вытирали полотенцами или краем скатерти. Солонки, перечницы и горчицницы считались необходимыми. Напитки приносились в ведерках, кувшинах, ендовах, сулеях, братинах — все это в богатых домах было из серебра. Пили кружками, чашами, ковшами, чарками, достаканами (стаканами). Серебряный кубок для питья за здоровье считался необходимой вещью даже и в небогатом доме.

Еще более, чем на убранстве дома, богатство в старину сказывалось на одежде наших предков. Простолюдин одевался за два, за три столетия до нашего времени так же, как и теперь в деревнях, отдаленных от больших городов. Рубаха из грубого холста, или полотна, деревенской работы, такие же исподние составляли главную часть одежды простолюдина. В летнее рабочее время этим она и ограничивалась. Поверх рубахи в более холодную пору надевался азам, или сермяга, — род кафтана до колен длиной, с узкими рукавами. Сермяги делались из грубого серого сукна.

Сверх этого надевалась иногда суконная одежда, пошире, с большим отложным воротником (ферязь), а зимой — шуба, по большей части овчинный тулуп. Голову простолюдин покрывал меховой шапкой или колпаком, летом — войлочным, или поярковым. Обувью

служили первобытные плетеные лапти или у более зажиточных — кожаные сапоги с высокими голенищами, в которые вкладывались исподние.

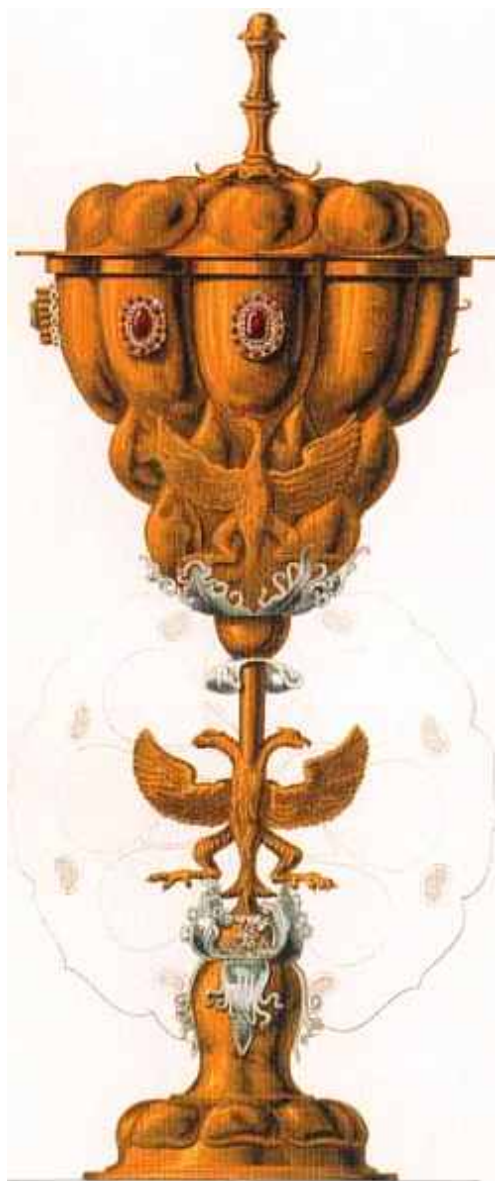
Ф. Солнцев Ложки

Одежда богатых людей и бояр состояла из тех же частей, но делалась из более тонких, дорогих материй и более всего отличалась дорогими украшениями. Воротник и края рубахи, по большей части красного цвета, вышивались разными узорами, а у богатых — серебром и золотом, притом унизывались жемчугом и драгоценными камнями. Кафтан, по большей части из легкой шелковой материи или из тонкого сукна, у богатых и знатных людей устраивался с длинными сбористыми рукавами, иногда с высоким стоячим воротником позади, так называемым козырем. Он был предметом щегольства, с наружной стороны покрывался атласом или бархатом, вышивался серебряными или золотыми узорами, а иногда украшался, как и ворот рубахи, драгоценными камнями и жемчугом. Подобные козыри носили лишь богатые и знатные лица. Хотя это украшение давно вышло из употребления, но до сих пор еще в народе об осанистом человеке, выступающем самоуверенной, решительной походкой, говорят, что он «ходит козырем». Были еще в ходу длинные и широкие

запашные кафтаны, так называемые становые, и турецкие кафтаны, тоже широкие и длинные, из турецкой шелковой узорчатой материи или даже златотканой. Турский кафтан носился обыкновенно с опояской.

Кафтан был домашней одеждой. Принять в нем почетного гостя или явиться в гости наши предки сочли бы большим невежеством. Приличие требовало поверх кафтана надеть ферязь — род длинного, почти до ступней, кафтана без перехвата, с длинными рукавами. Застегивалась ферязь спереди петлицами и пуговицами; она делалась из шелковых материй, из бархата, из парчи, а попроще — из сукна да из бумажных материй. Ферязь соответствовала нашему сюртуку, так что сверх нее, выходя из дому, всякий надевал летом опашень, или охабень, а осенью и вообще в ненастье — однорядку: они имели такое же значение, как теперь плащи. В опашнях под длинными рукавами делались прорехи, куда просовывались руки, а свободные рукава откидывались назад и там завязывались; сзади опашни украшались нередко откидным воротником, богато убранным, подобно козырю. Опашни делались из шелковых дорогих материй, иногда златотканых, узорчатых, а однорядки по большей части были из сукна. Для дороги служили суконные охабни с капюшонами; к дорожным же плащам надо отнести ферезеи и епанчи, обыкновенно из грубого сукна или из верблюжьей шерсти. Были епанчи и нарядные, из драгоценной материи, подбитые дорогим мехом, без рукавов, — надевали их внакидку. Они считались щегольскими плащами во время верховой езды и употреблялись боярами в торжественных случаях. К числу парадных одежд надо отнести особый вид ферязи — платно; оно делалось из дорогой золотой ткани и богато украшалось по разрезу и по краям. Щегольским нарядом, особенно для молодых людей, считался терлик — ферязь с легким перехватом (талъей); но самым нарядным платьем

считались шубы. Ничем русские люди не могли похвалиться так перед иноземцами, как превосходными мехами. Они-то и составляли самую ценную часть шубы, которая покроем походила на охабень или однорядку. Бывали даже у бояр нагольные шубы, то есть ничем не покрытые; но обыкновенно они покрывались сукном или дорогими шелковыми узорчатыми материями, нередко золотными (род парчи). Шубы носили не только на улицах в холодную пору, но иногда и в теплое время. Случалось, в комнатах сидели при гостях в шубах, чтобы выставить напоказ свое богатство. Обыкновенные, так называемые русские, шубы застегивались спереди пуговицами или завязывались длинными шнурами. Из высшего сословия многие носили шубы турецкие, с широкими рукавами до кистей рук или с двойными рукавами; из них одни были для рук и оканчивались выше локтя, а другие, весьма длинные, висели сзади для украшения.

Ф. Солнцев Серебряный позолоченный кубок

С конца XVII столетия стали входить в употребление широкие польские шубы, без воротника и без пуговиц. У богатых людей на шубы шли дорогие собольи и лисьи меха, у лиц среднего состояния — куньи и беличьи, у бедных — заячьи да овчинные. Простой народ носил, как и теперь, овчинные нагольные тулупы. Множество дорогих мехов в доме было лучшим признаком

богатства: их давали в подарки, в приданое за дочерьми. Кроме шуб нарядных, у богатых людей были шубы попроще, санные, — для дороги.

Необходимой принадлежностью одежды были пояса. Кроме опоясок на рубахах, пояса или кушаки носились на кафтанах. Ходить неопоясанным считалось неприличным. У богачей пояса делались из дорогих материй и украшались драгоценными камнями.

К. Маковский Боярин

Подражая восточным обычаям, зажиточные люди в старину обыкновенно очень коротко стриглись и носили род фесок, так называемые тафьи, небольшие шапочки, закрывающие только макушку. Они вышивались шелком, золотом, а иногда унизывались жемчугом; носили их только в комнате. Обыкновенной шапкой служил остроконечный колпак, у богатых — из атласа, по большей части белого, с околышком, унизанным золотыми пуговками и жемчугом. Зимой колпаки подбивались мехом, который выворачивался частью наружу, образуя широкую опушку. Простой народ летом носил невысокие колпаки из белого войлока, а зимой — из толстого сукна и на меху. Самым важным головным убором были высокие меховые шапки, так называемые горлатные (мех на них шел с горла животных); их носили только князья да бояре.

Если в покрое одежды в старину не было почти никакого различия между сословиями, то нельзя сказать того же о шапках: по ним можно было отличить положение человека в обществе. Высокие шапки означали высокий сан боярина. Простые люди не только не могли надеть горлатной шапки, но даже колпаки должны были делать с небольшим верхом. «По Сеньке и шапка» — до сих пор говорит наш народ. В торжественных случаях боярин надевал на тафью колпак, а на него — горлатную шапку. Случалось, что бояре сидели во всех этих шапках и за столом. Кроме этих уборов, употреблялись иногда еще низкие четырехугольные шапки с меховым околышком. Шапка повыше этой, с плоской тульей, книзу расширявшейся, опушенная мехом, иногда с различными украшениями, называлась мурмолкой и считалась предметом щегольства. Все головные уборы обыкновенно разнообразились украшениями из драгоценных камней и жемчуга, кистями, запонами и прочим.

Обувь тоже была у богатых людей щегольская. Остроносые чеботы (полусапожки), к каблукам которых подбивались скобы, иногда серебряные, сапоги с высокими голенищами и башмаки делались у богатых из юфти и сафьяна разных цветов, чаще всего красного и желтого, и по большей части богато украшались серебряным или золотым шитьем, унизывались жемчугом. При башмаках, которые носили не только женщины, но и мужчины, употреблялись так называемые чetyги (иначе ичеготы, или ноговицы): это были сафьяновые чулки, тоже богато украшенные шитьем и жемчугом.

Ф. Солнцев Боярский кафтан XVII века

Мужская старинная одежда, благодаря своей длине и украшениям, во многом напоминала женскую. Женщины поверх длинной рубахи белого и красного цвета, с пристегнутыми к рукавам запястьями, вышитыми золотом и унизанными жемчугом, надевали летник — довольно длинную одежду, не доходившую, впрочем, до пят, с очень длинными рукавами, которые

вышивались золотом и по краям унизывались жемчугом. Летники по подолу обшивались иной материей, с золотой тесьмой и бахромой, и застегивались спереди до самого горла. Зимние, подобные летним одеяния (картели) подбивались мехом. У богатых летники делались из очень дорогих шелковых материй с вошвами из других тканей. К вороту летников пристегивалось ожерелье, как к мужским кафтанам. Верхней женской одеждой был длинный опашень, с частыми пуговицами от верху до низу. Делался он обыкновенно из сукна красных цветов с рукавами до пят, но у плеч были прорезы, в которые просовывались руки, а рукава висели; таким образом выставлялись наружу украшенные рукава летника, а из-под них запястья рубахи. По краям подола и разреза опашни окаймлялись кусками другой материи, вышитой шелками и золотом.

К женской одежде относятся ферязи, сарафаны и так называемые душегреи; они по виду своему походили на употребляемые и до сих пор.

К. Маковский Боярыня у окна

Меховые женские шубы делались на соболях, куницах, лисицах, горностаях, белках, зайцах, смотря по достатку, и покрывались сукном и шелковыми тканями разных цветов, в том числе и белого. С XVII века шубы часто покрывались цветными материями с золотыми узорами. Края шубы спереди застегивались пуговицами и окаймлялись золотым кружевом, которое шло и по

нижнему краю. Богато украшались и края рукавов у шубы. Кроме опашней и шуб, в числе верхней женской одежды упоминаются охабни, однорядки, телогреи, которые женщины носили обыкновенно с поясом. При больших торжествах богатые женщины на свое платье еще набрасывали род богатой мантии (приволюки) без рукавов; она делалась обыкновенно из дорогих материй и по краям роскошно украшалась.

И. Куликов В русском наряде

Женской обувью были башмаки и чеботы такого же вида, как у мужчин, но обыкновенно еще более украшенные узорами и жемчугом. Чеботы были на очень высоких каблуках. Простолюдинки носили иногда и сапоги. Таким образом, женская обувь мало чем отличалась от мужской.

Более всего отличалась женщина от мужчины головным убором. Замужние женщины носили на головах волосники, или подубрусники (повойники), род шапочек из шелковой материи; по краю их делались обшивки, которые унизывались жемчугом и драгоценными камнями. Для замужней женщины, по старинным понятиям, считалось большим позором и грехом открыть волосы, «опростоволоситься» (до сих пор это выражение в переносном смысле означает «попасть впросак, в неловкое положение»), — и потому женщины старательно скрывали свои волосы под волосники, стягивая их по краям иногда очень туго. В Новгородской области у замужних женщин вошло было в обычай брить себе головы, но церковь не одобрила его, и он мало-помалу был оставлен. Волосник покрывался платком (убрусом), обыкновенно белым, концы которого густо унизывались жемчугом. Таков был обычный, домашний убор. Отправляясь в церковь или в гости, женщины надевали кик, род шапки с возвышенной плоскостью спереди (кичным челом), которая у богатых людей украшалась золотом, жемчугом и драгоценными камнями. Задняя часть этого убора делалась обыкновенно из шелковой плотной материи, из соболиного или бобрового меха. По краям кики спадали жемчужные нити или жемчужная бахрома (ряски или поднизь). Видоизменением кики являются кокошники; они были весьма разнообразны и по виду и по украшениям. Многие из древних головных уборов уцелели до сих пор в разных местностях России у богатых крестьянок и мещанок.

При выездах женщины надевали обыкновенно белые шляпы с полями, тоже украшенные жемчугом и камнями, а также нередко носили шапки из черного бархата или другой материи, отороченные дорогим мехом. Девицы носили венцы самого разнообразного вида: в виде городской зубчатой стены, в виде теремов и прочего. На венцах тоже были всевозможные дорогие украшения, а с краю — поднизи из жемчуга. Девичий венец был всегда без верха; в противоположность замужним женщинам девицы не должны были закрывать свои волосы. Часто венцы состояли из широкой повязки, вышитой золотом и усаженной жемчугом; она суживалась на затылке и связывалась лентами, спадавшими на спину. Зимой девицы покрывали голову меховыми шапками разного вида, между прочим высокой шапкой, собольей или бобровой, с верхом из шелковых тканей: она называлась столбунцом. Из-под нее выпадали на спину волосы, заплетенные в одну или в две косы, а некоторые носили волосы, распущенные по плечам. Девушки простого звания надевали простенькие повязки, которые к затылку суживались и кончались длинными концами. В знак печали женщины и девицы стригли себе волосы, а мужчины, наоборот, отращивали их.

Ф. Солнцев Сапоги

В руках у женщин был обыкновенно платок (ширинка); у богатых — шелковый, с золотыми каймами и кистями. Мужчины по большей части обходились без платков, подобно простолюдинам нашего времени.

Рукавицы и рукавицы перчатые (то есть с перстами — перчатки) менее были в ходу в старину, чем в наше время: длинные рукава ферязей и опашней достаточно закрывали руки от холода.

Летом женщины и девушки носили солнешники (зонтики); мужчины же обыкновенно имели в руках посохи и трости.

Из всего сказанного видно, как своеобразна и роскошна была праздничная одежда богатых русских людей в старину. По своему покрою она была очень проста и близко подходила к народной одежде, но в различных украшениях и частях, а также и в головных уборах сказалось сильно влияние византийской и азиатской роскоши. Шелк, атлас, бархат, златотканые (золотные) материи, тяжелые парчи — вот что служило материалом для одежды; золотые и серебряные тесьмы (позумент), бахрома, кружева (аграманты), жемчуг, драгоценные камни — правда, большей частью не очень высокого достоинства — шли на отделку ее.

Необычайным великолепием отличался, конечно, так называемый большой царский наряд, в который государь облачался во время торжественных приемов и выходов в большие праздники. Шапка, оплечие (бармы), платно и даже сапоги у царя сияли золотом и жемчугом, играли изумрудами и яхонтами.

Сверх блистающей одежды носили в старину еще множество украшений: различные ожерелья, меховые, жемчужные, из драгоценных камней, шейные золотые цепи, перстни, кольца считались необходимой принадлежностью мужского и женского наряда. Женщины прибавляли к этому еще обручи (браслеты) и серьги. На одежды обыкновенно брались ткани ярких цветов: красного, желтого, зеленого, особенно любимым был червчатый (фиолетовый). Все это, на наш взгляд, покажется пестро и безвкусно, но вкусы бывают разные, а наш народ и до сих пор в одежде предпочитает яркие цвета неопределенным и тусклым, любит пестроту и блеск, так что древняя боярская одежда, мужская и женская, была вполне в народном вкусе. По большей части одежды кроились и шились дома; хорошие хозяйки даже стыдились отдавать работу на сторону. Покрой был незамысловатый: платье вообще было длинно, широко, без перехватов, с длинными рукавами,

стало быть, примерять да пригонять его долго не приходилось. Русский человек в старину мало обращал внимания на то, чтоб платье хорошо сидело, и доволен был, если материал был хорош да работа прочна: было бы «хоть неладно скроено, да крепко сшито».

К. Маковский У околицы

К. Маковский Боярышня

Дорогая одежда была, как сказано, главным предметом домашнего богатства. У зажиточных, домовитых хозяев стояли в кладовых сундуки и скрины, полные всяким добром: шубами, опашнями, кафтанами и прочим. Все это хранилось бережно, употреблялось только в большие праздники; в обычное время даже и богатые люди одевались довольно просто. Благодаря

этому дорогая одежда сохранялась долго, переходила по наследству от одного поколения к другому, доходила до внуков и правнуков. Покрой одежды в те времена целыми столетиями оставался один и тот же, так что внук мог носить одежду деда; а если и ветшали ткани, то все же самое ценное на старинной одежде не старело. Дорогие меха, золотые кружева, жемчуг, драгоценные камни — все это сохраняло свою красоту и ценность. Если принять во внимание крайнюю бережливость наших предков и устойчивость в покрое одежды, то, кто знает, быть может, необычайная роскошь нашей старины не вызывала такой расточительности, как нынешняя, с каждым годом меняющаяся одежда, особенно женская. Иметь богатое платье считалось в старину обязательным для всякого сколько-нибудь достаточного человека, если он хотел, чтобы с ним знались хорошие люди. «По платью принимают, а по уму провожают», говорит пословица. Даже бедные люди иногда брали напрокат за деньги хорошее платье у соседей, когда являлась надобность поддержать свое достоинство. Из царской казны, как известно, во время приезда иноземных послов и приема их выдавались нарядные одежды дьякам и разным мелким придворным, чтобы иностранцы получили выгодное понятие о русских. В числе царских подарков приближенным очень часто упоминается ценная одежда всякого рода или материя на нее.

Богатство и своеобразная красота русской старинной одежды удивляли иных иноземцев, но вместе с тем очевидно было и неудобство ее: большая тяжесть, непомерная ширина и длина ее и рукавов, конечно, сильно стесняли движения. Что-нибудь делать «спустя рукава» было совсем неловко (отсюда и до сих пор это выражение означает небрежную работу). Чтобы высвободить руки, если не было прорехи под рукавом, надо было собрать его в складки, но тогда трудно было

согнуть руку — словом, для работающего или деятельного человека русские охабни и шубы были совсем неудобны. Простолюдин носил одежду полегче, покороче, с короткими рукавами, а при работе сбрасывал обыкновенно верхнее платье, если оно было, и оставался в одном зипуне, а летом — в одной рубахе. Тяжеловесная, широкополая одежда, рукава, висящие до пят, да высокая горлатная шапка были под стать только боярам, когда они медленно и важно выступали в каком-нибудь торжественном шествии или чинно сидели на лавках вдоль стен царской палаты при пышном приеме иноземных послов.

К самому концу XVII века замечается уже некоторое иноземное влияние на русскую одежду, особенно мужскую: она становится короче, проще и удобнее. Такое новшество вводить в одежду позволяли себе, конечно, так называемые передовые люди.

И. Криков С праздником

Дородство, полное белое лицо, длинная окладистая борода считались признаками настоящей боярской красоты: они свидетельствовали о довольстве, сытой, спокойной жизни, неге и холе. Красивая женщина, на взгляд наших предков, тоже должна была отличаться дородством, белизной лица и рук и алым румянцем щек. Установился даже обычай у женщин белиться и румяниться, притом так, чтобы «лицо было как снег бело, а румянец ал как маков цвет», по выражению народной песни; подкрашивались также брови и ресницы. Все это делалось даже и теми, которых ни в чем природа не обидела, которым никакой надобности не было ни в белилах, ни в румянах. Все должны были краситься — так требовал укоренившийся неизменный обычай. Это стало необходимой принадлежностью наряда, и не сделать этого было, по старинным понятиям, так же неприлично, как в наше время идти в гости, например, нечесаным. Тут вовсе не имелось в виду ввести кого-либо в заблуждение — все знали, что женщины обязательно красятся. Притом делалось это так неискусно, что всякий мог ясно видеть на лице белила и румяна. Обычай был так силен, что и церковь, которая сильно вооружалась против него, ничего не могла сделать. Одна красавица, боярыня Черкасская, попробовала обойтись без румян, но подверглась сильным насмешкам и принуждена была подчиниться нелепому обычаю.

«Красна изба не углами, а пирогами», — говорит хлебосольный русский человек, любящий угостить гостя на славу. «Гости пришли! — кричит гостеприимный хозяин своей хозяйке. — Все на стол мечи, что есть в печи!» Понятно, что при таких наклонностях предки наши не могли оставить без внимания такую важную

статью в хозяйстве, как питье и кушанья. Званные обеды всегда отличались огромным количеством блюд: за царским столом их подавались целые сотни, за боярским — до пятидесяти и более. Русский человек умел поститься, но зато умел и покушать в скоромные дни. Конечно, все это касается зажиточных и богатых людей: бедняки были неразборчивы в пище, как и простонародье в наше время. У богатых составлялись росписи кушаньям вперед на целый год, сообразно с церковными праздниками, мясоедами и постами. Посты обыкновенно свято соблюдались.

Ф. Солнцев Крестьянское семейство за обедом

Все кушанья, как постные, так и скоромные, можно разделить на печеные, вареные и жареные. Хлеб русские ели более всего ржаной, предпочитая его пшеничному. Последний считался как бы лакомством, особенно пшеничные калачи (отсюда и пословица: «И калачом не заманишь»). В народе было в большом ходу толокно (овсяная мука), употребляемое с водой. Любимым кушаньем были пригори разных видов и сортов, большинство которых и до сих пор у нас в ходу. Из теста готовили сдобные хлебы — так называемые караваи, блины, оладьи. Иногда оладьи пеклись громадных размеров и назывались приказными, потому что их приносили приказным людям в подарок. Блины в старину не были такой принадлежностью Масленицы, как теперь, а необходимым кушаньем в эту пору считались пироги с сыром и хворост — тесто, жаренное в масле тонкими пластинками.

Разного рода мясо или варилось, или жарилось. Вареное давалось в щах, или штях, со свежей или кислой капустой. Ко щам подавалась обыкновенно гречневая каша. К жидким кушаньям относились также уха, рассол и взвар. Ухой назывался суп или похлебка, обыкновенно приправленная разными пряностями — гвоздикой, перцем и прочим. Рассол походил на теперешнюю солянку; говядина варилась в огуречном рассоле, который тоже приправлялся пряностями. Соусы всякого рода назывались взварами.

Из мясных жареных кушаний чаще всего упоминается баранина. Свежей говядины русские в старину ели мало, предпочитали солонину; свиное мясо солилось и коптилось; ветчина шла в щи, а голову и ноги ели под студнем с чесноком и хреном; из кишок делали колбасы. Любили русские зайцев под разными взварами, особенно сладкими. Но были люди, которые считали зайцев нечистыми; также чуждались оленины и лосины, хотя за царскими и боярскими обедами они подавались.

Птица всякого рода, и домашняя и дикая, потреблялась в разных видах. Куры, гуси, утки, журавли, лебеди, цапли, тетерева, рябчики, куропатки, перепела, жаворонки подавались и просто жареные, и под разными приправами. Всякой дичи в старину при обилии лесов было пропасть, но русские не особенно любили ее. Из мясных кушаний было любопытное блюдо, называемое «похмелье»: это ломтики холодной баранины с мелко искрошенными огурцами, огуречным рассолом, уксусом и перцем. Кушанье это так названо потому, что ели его обыкновенно на похмелье.

А. Коняшин Пироги с калиной

Русские реки и озера доставляли громадное количество всякой рыбы: судаков, щук, окуней, карасей, ершей и прочего. С севера привозили в Москву лососей, с Волги — белужину, стерлядей. Рыбу ели в разных видах: свежую, затем соленую, сушеную, повесную, копченую. В Москву по большей части привозилась уже копченая рыба. Свежую рыбу привозить при дурных дорогах было трудно, и употреблялась она за царским столом да у богатых бояр. Из рыбы готовились щи, уха и рассольное. В щи иногда клали сушеную рыбу, истертую в порошок. Из тертой же рыбы разного рода, смешанной с крупами или пшеном, готовилась так называемая рыбная каша. Рубленую мелкую рыбу смешивали с мукой, обливали ореховым маслом, клали пряности и пекли — это называли рыбным караваем. Икра паюсная осетриная и из белорыбицы была любимым кушаньем, свежая зернистая считалась роскошью.

Неизвестный художник Натюрморт с лукошком

В те постные дни, когда и рыбу есть считалось грехом, ели капусту, свеклу с постным маслом и уксусом, пироги с горохом, с грибами и прочим, разные каши, оладьи, овощи, горох в разных видах: вареный, тертый и прочий. Ко всяким кушаньям русские любили примешивать в изобилии пряные приправы, особенно лук, чеснок и шафран, что очень не нравилось иноземцам.

Лакомствами служили всякие плоды: свежие, или же приготовленные в патоке, или моченые — так

приготовляли яблоки и груши. Из яблок и ягод делали пастилу. Варили редьку в патоке, а также разные привозные плоды, изюм, смоквы и прочее. Обычное лакомство был взвар из винных ягод, фиников, изюма, вишен и прочего, с прибавкой в большом количестве гвоздики, кардамона, имбиря и прочего. Все это варилось или на меду, или на патоке. Всякие пряники, коврижки были домашним русским изделием. Сахар и леденцы привозились из-за границы, были дороги и служили роскошью царских и боярских столов. На царских пирах ставились на стол сделанные из сахара изображения орлов, голубей, башен, городов, теремов и прочего.

Необходимой принадлежностью обедов были, конечно, разные напитки: квас, мед, пиво, водка и виноградные вина. Квас пили все, от царя до простолюдина. Всюду в посадах встречались квасоварные заведения, квасники и квасные лавочки; в монастырях квас тоже был обычным питьем братии. Кроме простого житного кваса, были квасы медвяные и ягодные. Самым лучшим русским напитком считался мед. Заезжавшие в Россию иноземцы очень хвалили его. Меды были вареные, ставленные и ягодные, всевозможных сортов. Старые, стоявшие по несколько десятков лет в засмоленных бочках, были иногда так хмельны, что, выпив стакан, трудно было устоять на ногах. К прохладительным напиткам относились морсы из разных ягод и березовец — сок, добываемый из берез в апреле. Русская водка готовилась из ржи, пшеницы и ячменя и делилась на несколько сортов: простое вино, вино доброе, вино боярское, двойное (то есть крепкое) и прочее. Для женского пола готовилась водка сладкая — на патоке. Кроме того, из водки готовились всевозможные настойки. Водку пили и перед обедом, и за обедом, и после — во всякое время.

В. Стожаров Натюрморт. Квас

Иностранные вина в XVI веке были достоянием только знатных и богатых лиц, но в XVII веке в Москве были уже погреба, где продавались для всех всякие заморские вина. Больше всего в ходу были греческое вино, церковное, мальвазия, бастр, венгерское, белое и красное французское, рейнское и романея.

При Михаиле Федоровиче в числе напитков появляется в Москве чай, присланный в дар от одного монгольского хана. Во второй половине XVII века знатные люди его иногда пили как лекарство, будто бы предохраняющее от простуды и дурных последствий

пьянства. Никто тогда и не предвидел, каким любимым напитком для русских сделается это лекарство. Кофе стал известен русским через голландцев, — вероятно, несколько раньше чая.

Распорядок повседневной жизни

Дневные занятия. Выезды. Прием гостей. Пирь. Крестьянские братчины

День у предков наших распределялся иначе, чем в наше время. Летом все, и знатные и простые люди, вставали обыкновенно с восходом солнца, а осенью и зимой — за несколько часов до рассвета.

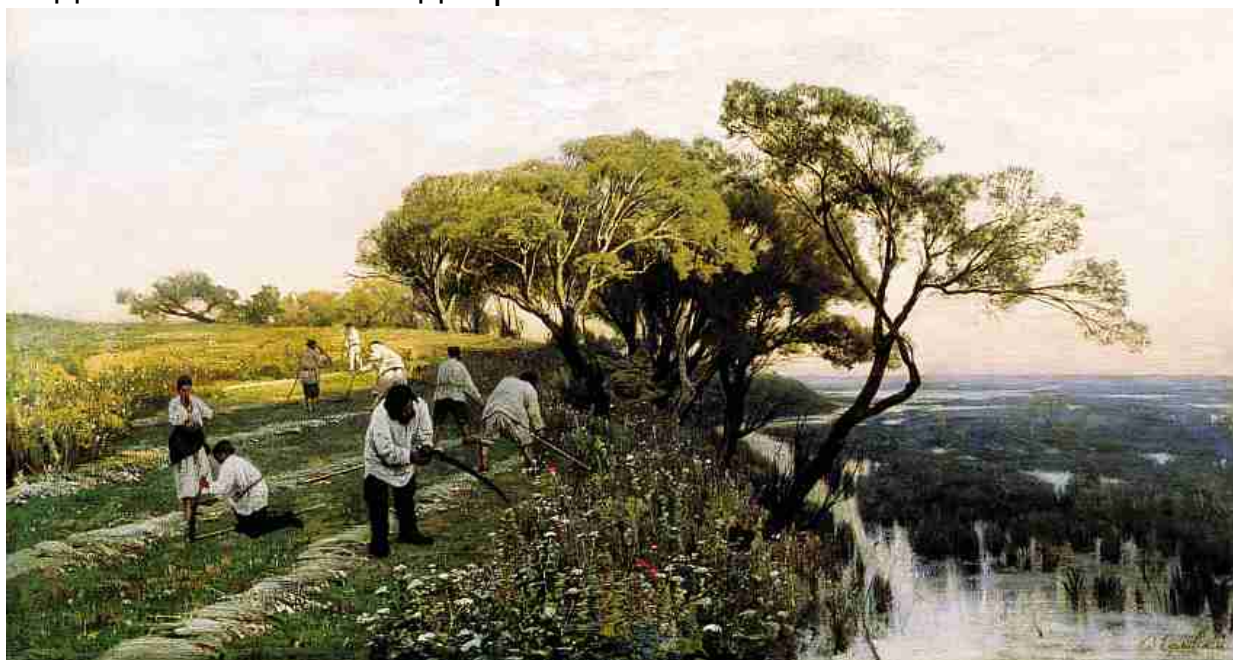
Счет часов у русских был в старину византийский: сутки делились на дневные и ночные часы. С восходом солнца начинался день и считался первый дневной час, а час заката был первым часом ночи. Летом, когда были самые долгие дни, дневных часов насчитывалось семнадцать, ночных — семь; а зимой наоборот.

К этому счету были приурочены в Москве и главные часы на Спасской башне в Кремле. (Находящееся наверху изображение солнца, прикрепленное неподвижно, показывало час на вращающемся дощатом круге с обозначением цифр.)

Предки наши старались уподобить свою жизнь монастырской, и счет часов у них совпадал с богослужениями. На исходе ночи, пред самым наступлением утра, отправлялась заутреня, богослужебные часы — первый, третий, шестой и девятый — как раз совпадали с теми же дневными часами, а вечерня означала конец дня.

Проснувшись, русский человек прежде всего обращал глаза к образу и крестился; затем, встав, умывался, одевался и опять приступал к молитве. В праздник старался встать пораньше и поспеть к заутрене до начала службы. У достаточных людей, у которых была в доме крестовая комната, каждый день с восходом солнца зажигались лампы и свечи, курили

ладаном, сходилась вся семья и прислуга — и хозяин, как домовладыка, читал громко утренние молитвы. Нередко таким образом у более благочестивых людей прочитывались заутреня и часы, а у тех бояр, у которых были домовые церкви, ежедневно совершались все службы, и священник после заутрени кропил святой водой всю семью и дворню.

В. Орловский Косари

После молитвы все отправлялись к своим обычным занятиям. Хозяйка дома держала совет с мужем, как провести наступающий день, затем заказывала кушанья, распределяла работы прислуге. В домах более знатных людей хозяйством заведовали дворецкий и ключник, обыкновенно из более доверенных холопов. В таком случае жена, после утренней молитвы, шла в свою светлицу и принималась за вышивание золотом или шелком в кругу своих служанок-золотошвеек. Хозяин же обходил весь двор — смотрел, все ли в порядке в конюшне, на скотном дворе и прочем, затем призывал

дворецкого, слушал его доклады, делал распоряжения. После этих домашних дел хозяин принимался за свои обычные занятия: купец шел в свою лавку, приказный — в должность, боярин — к государю. Приступая к делу, русский обыкновенно мыл руки, троекратно крестился, а если можно было, то принимал благословение священника.

В шестом часу дня (по нашему счету — в десять часов) служилась обедня. Цари, как известно, ежедневно ходили с боярами и думными людьми в церковь. Старались следовать этому примеру и служилые люди, и купцы. По воскресным дням и праздникам церкви наполнялись толпами молящихся.

С. Грибков В лавке

Обедали в полдень; домовитые и семейные люди — дома, а холостые и приезжие обыкновенно в харчевнях.

Цари и знатные лица обедали в своих покоях, отдельно от жен и детей. При царском дворе всякое кушанье должен был прежде всех отведать повар на глазах дворецкого, который приходил с толпой жильцов за каждой переменной; затем жильцы несли кушанье в

столовую, а здесь крайчий обязан был тоже отведать и ставить пред царем.

У знатных людей в поварне при отпуске кушаний находился ключник, а дворецкий — при столе, у поставца с посудой, который стоял против стола. Ключник и дворецкий разрезали кушанье на куски, отведывали, и тогда уже слуги ставили их перед господином и гостями. У людей незнатных дело обходилось, конечно, без всех этих затей.

Пред началом обеда обыкновенно пили водку, закусывая хлебом. Затем приносили кушанья — сначала холодные, мясные или рыбные с разными приправами, потом шли жидкие горячие кушанья — щи, уха, рассольник и прочее, далее жаркое разных сортов, за ним — всевозможные взвары и молочные кушанья; наконец лакомства, сладкие печенья, а затем — разные плоды. В постные дни соблюдался тот же порядок в постных блюдах: сначала подавали холодную рыбу, потом — рыбную уху, жареную рыбу, звары и плоды.

После обеда все ложились отдыхать. В каждом доме были широкие скамьи с изголовьями, приспособленные для спанья. Послеобеденный сон требовался обычаем, от которого отступать считалось чуть ли не грехом. Если принять в расчет, что предки наши вставали с рассветом, то отдых среди дня после довольно продолжительного труда был для рабочего человека необходим, а богатых людей располагал ко сну и сытный обед.

А. Венецианов Спящая девушка

Отдохнув после обеда, все снова принимались за свою обычную работу. Цари бывали у вечерни, а затем, если не случалось никаких важных дел, отдавались удовольствиям. Вечер и в частном быту был временем развлечений. Родные и приятели в эту пору обыкновенно ходили друг к другу в дом; летом разбивались перед жильем палатки, где и проводили время близкие люди в беседах. Русский человек считал необходимым ужинать, а после ужина у благочестивого домовладыки затепливались лампы, зажигались свечи перед иконами и совершалось вечернее моление в кругу всех домочадцев, как поутру.

Таков был обычный распорядок дня у домовитого хозяина. Чем выше был человек по своему положению, богаче и благочестивее, тем строже соблюдался этот чин (порядок) домашней жизни. Жизнь русского человека в старину, под давлением освященного веками обычая, обращалась в обряд. Особенно это ясно сказывалось в обиходе царской и боярской жизни.

В. Маковский Крестьянские дети

Даже выезды в гости, прием гостей, угощение их, пиры, нарушавшие обычное течение жизни, — все совершалось по раз установленному порядку.

Важные лица считали в старину неприличным для себя ходить по улице пешком, хотя бы надо было пройти несколько шагов. Летом бояре и дворяне обыкновенно ездили верхом, а старики — в колымагах; зимой — в санях. Верховые кони у бояр убирались очень богато: седла, обитые бархатом или сафьяном, вышитым золотом, роскошные чепраки, серебряные цепи, сбруя, уздечки, позолоченные бляхи, колокольцы и бубенцы — все это блестело и гремело, так что уже издали можно было заметить и услышать едущего боярина; притом он время от времени ударял в небольшие литавры, прикрепленные к седлу, чтобы проходящие сторонились и давали дорогу. Зимой богатые люди щеголяли санями, которые обивались дорогими материями. На спинку саней обыкновенно набрасывали дорогой персидский или турецкий ковер, а сверху накидывалась медвежья полость. Сани были очень простого устройства и небольшие; запрягалась в них одна лошадь, тоже богато убранная цепочками, колечками, разноцветными перьями и звериными хвостами, лисьими или собольими. Возница, по большей части молодой парень, сидел верхом на лошади и правил ею. Когда именитый боярин усаживался в сани, то в ногах у него становились два холопа, по бокам тоже шло несколько человек, а сзади следовал мальчик. При парадных выездах царя два ближних боярина стояли на запятках, а два стольника находились по обе стороны, у ног царя, и поддерживали полость; по сторонам шли придворные и стрельцы.

Езда в санях считалась почетнее, чем на конях, и потому в торжественных случаях пользовались санями и летом, особенно духовные лица. Архиереи в старину обыкновенно и летом езжали к обедне в санях; впереди служка нес посох, а позади шли слуги.

Жены и дочери бояр ездили в закрытых экипажах, летом — в колымагах, а зимой — в каптанах, которые отличались от первых лишь тем, что были на полозьях.

Внутри те и другие украшались разными материями; в дверцах, а иногда и по бокам делались небольшие слюдяные оконца, которые задергивались занавесками. У богатых бояр эти каптаны часто были роскошно отделаны золотом и серебром. Закрытая со всех сторон знатная боярыня или барышня сидела в колымаге на подушке, у ног ее помещались служанки. В колымагу или каптану впрягалась обыкновенно одна лошадь, но случалось, что запрягалось и несколько коней. Это начало входить в обычай с XVII столетия, и то ездить на паре считалось правом только бояр; запрягать же четыре или шесть лошадей позволялось лишь в праздники, во время свадеб и прочего. Лошади в женских поездах украшались еще наряднее, чем в мужских. Предки наши особенно дорожили конями белой масти. Каптану именитой боярыни обыкновенно сопровождало несколько десятков слуг, так называемых скороходов. Нечего и говорить, что поезд царицы отличался особенным великолепием: царскую каптану везли двенадцать превосходных белых коней; с государыней сидели боярыни; сопровождало ее множество слуг.

Таким образом царица и боярыни ездили на богомолье по ближним монастырям. Если приходилось отправляться в дальний путь, то думали, конечно, больше об удобстве каптан, чем об украшении их. Женские сани делались широкие, так что кроме госпожи могли в них сидеть и даже лежать две прислужницы, без которых боярыни никогда не ездили. Мужские дорожные сани были поуже, но тоже настолько длинные, что в них можно было свободно лежать одному или двум человекам рядом. Закутавшись в теплую дорожную шубу, накинув непромокаемую епанчу в защиту от снега и дождя, нахлобучив теплую меховую шапку, надев на руки меховые рукавицы, а на ноги — такие же ноговицы, да про запас спрятав за пазуху сулею с добрым вином,

русский человек в своих зимних санях, обитых мехами и покрытых медвежьей полостью, мог путешествовать по зимним путям, не боясь лютых морозов.

Зимние сани

Приезды гостей были довольно часты, особенно в быту богатых и родовитых людей.

Важные лица прямо подъезжали к крыльцу равного им по званию человека. Другие, менее значительные, хотя и въезжали на двор, но к крыльцу шли пешком, а считавшие себя гораздо ниже хозяина привязывали коня у ворот и проходили весь двор, иногда даже сняв шапки. Человек «вежливый», то есть знающий порядки, должен был все делать умеючи, согласуясь с тем, как делалось у

дедов и отцов, как творится у всех добрых людей. На все был известный чин, издавна установленный порядок.

Хозяин должен был тоже уметь встретить гостя по достоинству. Важного человека он встречал у крыльца, менее значительного — в сенях, а еще низшего — в комнате. В старину не было принято, чтобы старшие ездили в гости к младшим. Но если приезжал такой важный гость, которого хозяин хотел особенно почтить, то устраивалось несколько встреч: у ворот встречал посетителя дворецкий, у крыльца — сын или родственник хозяина, а в сенях — сам хозяин. Незначительных гостей вовсе не встречали; они сами ожидали хозяина в передней.

Вежливый гость ставил в сенях свою палку и, сняв шапку, держал ее в руке. При входе в комнату прежде всего, обратившись к иконам, крестился и делал три поясных поклона, касаясь пальцами до пола, потом уже кланялся хозяину, причем надо было сообразоваться с его достоинством: одному слегка кивали головой, другому кланялись в пояс, а третьему, если это было высокопоставленное лицо, незначительные люди кланялись в землю, «били челом». Равные и приятели здоровались, протягивая правую руку, как теперь, а не то обнимались и целовались. Хозяин должен был уметь и добрым словом обойтись с гостем, как это и теперь делается у домовитых крестьян да у купцов, живущих по-старому. Гость, например, поздоровавшись с хозяином, скажет ему: «Не зван, не прошен — в гости пришел», а хозяин на это ответит: «Незванный, да желанный! Доброму гостю хозяин всегда рад. Милости просим в избу; красному гостю — красное место...» — или что-нибудь в этом роде. В разговоре было принято величать гостя, конечно почетного, «благодетелем», «кормильцем», причем говорить сполна имя и отчество, а себя и своих называть уменьшительными именами, приговаривая такие выражения: «прости моему

окаянству», «дозволь моей худости», «кланяюсь стопам твоим, государя моего» и прочее. В беседе с духовным лицом принято было величать его «православным учителем», «великого света смотрителем», а себя называть «грешным», «нищим», «окаянным». Во всех этих книжных выражениях ясно видно подражание монастырю.

И. Прянишников Возвращение с ярмарки

Обычай требовал, чтобы во всякое время потчевали гостя чем-нибудь съестным, особенно водкой и какими-нибудь лакомствами: орехами, финиками и прочим. Уходя, гость опять крестился, обратившись к образам, затем целовался с хозяином или просто кланялся ему, а хозяин провожал его, смотря по достоинству, до порога или дальше.

Русское широкое гостеприимство и хлебосољство сказывались на пирах. Они были в старину почти единственным выражением радости и веселья. Большой церковный праздник, какая-либо радость в царской семье, именины кого-нибудь в семье — все служило поводом устроить пир, созвать к себе добрых знакомых и угостить их на славу.

***В. Шварц Вешний поезд царицы на богомолье при
царе Алексее Михайловиче***

Все и тут делалось неспроста, а по обычаю. Одних лиц звать в гости посылали слуг, к другим ездил сам хозяин и приглашал их различными способами, смотря по тому, он ли делал им честь своим приглашением или они ему — своим посещением. На семейные и

приятельские пиршества приглашали и жен гостей, но они обедали отдельно, на женской половине.

Пир устраивался в столовой комнате, а иногда в сенях, где было больше простору. Комната заранее убиралась как можно наряднее: доставались самые роскошные ковры, занавесы, полавочники и прочее, устанавливались столы пред лавками. Когда являлись гости, происходили обычные встречи и рассаживание по местам. Красный угол под образами занимал во время пира сам хозяин; место по правую руку от него считалось для гостя самым почетным. Все садились по старшинству, так что и здесь было своего рода местничество, и посадить кого-либо ниже его достоинства значило нанести ему сильную обиду. Скромный и вежливый человек нарочно садился на место, которое было ниже его сана, но это затем, чтобы сам хозяин упросил его сесть куда ему следовало. Заносчивые же люди иногда, садясь не по достоинству выше других, заводили споры и ссоры.

Ю. Сергеев Зимушка-зима

Начинался пир тем, что все выпивали по чарке водки, затем гости усаживались за столом. Тогда хозяин разрезал хлеб на кусочки и подавал гостям вместе с солью поочередно: просил «хлеба-соли» откусывать. Этим выражалось радушие и гостеприимство. (Было, между прочим, и поверье, что хлеб уничтожает влияние злых духов.) Затем подавались кушанья в обычном порядке, с той разницей, что их было несравненно больше, чем в обычное время, — всевозможные холодные закуски, уха, взвары, жаркое и прочее — кушаний пятьдесят или больше. Гости, человека по два, ели с одного блюда, только пред более почетными ставили «опричные», то есть особые, блюда, а также и пред хозяином. Он

раздавал с него куски гостям, выражая этим свое расположение; посылались кушанья со слугами и некоторым лицам, не смогшим почему-либо явиться на пир. Когда пир был во всем разгаре и хозяин хотел особенно почтить своих гостей, он призывал жену. Она являлась в богатом наряде; за ней прислужницы несли вино и чарки. Хозяйка потчевала вином почетнейшего гостя, причем должна была сначала отведать сама из той чарки, которую подносила; затем поспешно уходила и, вернувшись уже в другом платье, потчевала второго гостя таким же порядком, как первого; затем опять уходила и уже в новом наряде угощала третьего гостя и так далее. Этим обряд чествования гостей и выказывания своего богатства, занимавший немало времени, еще не кончался. Угостив всех, хозяйка становилась у стены, опустив голову и потупив глаза, а хозяин «бил челом» гостям дорогим, чтобы они поцеловали хозяйку по древнему обычаю. Иногда при этом она дарила гостей ширинками, вышитыми золотом и серебром.

Н. Аргунов Портрет крестьянина со стаканом в руке

Хороший хозяин, желающий угостить гостей на славу, должен был позаботиться, чтобы у него «гостьба (угощение) была толстотрапезна», то есть чтобы всего было вдоволь и гости долго бы помнили его «хлеб-соль». Гость не должен был отказываться от еды и питья.

Те гости, которые ели без конца и не наедались досыта, пили без меры да не напивались допьяна,

считались настоящей красой пира.

Пирь дльлись обыкновенно очень долго, с полудня до позднего вечера, а не то и до ночи. Кончалась еда, но попойка продолжалась. Хозяин предлагал пить за здоровье разных лиц. Он становился посреди комнаты с открытой головой и, подняв чашу вверх, говорил приветствие, затем пил за чье-либо здоровье. Начинали с царя, потом пили за членов царской семьи, за бояр, наконец за гостей. Опорожнив чашу, хозяин перевортывал ее вверх дном над своей головой, показывая этим, что все выпито. Каждый гость, выходя на середину комнаты, должен был так же усердно осушить свой бокал. При каждой здравице обыкновенно пели «многие лета» тому, за кого она провозглашалась. Понятно, как долго должны были тянуться пирь, на которых было много гостей.

После пира гости обыкновенно подносили хозяину подарки — этого требовал обычай. Говорят, что воеводы любили задавать обильные пирь богатым посадским и в убытке не оставались.

В. Стожаров Московская сдоба

В большие церковные праздники благочестивые люди иногда устраивали пиры, или трапезы, иного рода. После обедни являлось духовенство с крестами, иконами — кропили святой водой покои. По окончании молитвословия садились все за стол; почетнейшие места занимали духовные лица. На возвышенном месте на столе ставилась просфора Пресвятой Богородицы, как в монастырях. Начиналась трапеза молитвой «Достойно есть...». Во время пира дьячки пели священные песни. На дворе и в сенях кормили нищих. Бывали случаи, что благочестие хозяина побуждало его посадить эту «меньшую братию» за общий стол с гостями. После пира этим нищим раздавалась милостыня.

Справедливость требует упомянуть, что случались пиршества совсем иного свойства, чем описанные. Собиралось разгульное общество; хозяин призывал к себе в дом гусяров и скоморохов. Пир, впрочем, начинался чинно: пелись иной раз старинные песни, богатырские былины, но когда хмель уже начинал погуливать в головах гостей, дело принимало иной вид. Раздавалась песня удалая — с присвистом, с гиком. Скоморохи пускались в пляс, выкидывали непристойные коленца; подгулявшие гости не отставали от них. Часто такие пиры кончались руганью, даже дракой, и редко для кого из участников дело обходилось благополучно.

Ю. Кугач Накануне праздника

А. Попов Демьянова уха

Крестьянские пирушки по случаю церковных праздников или семейных радостей помещиков устраивали иногда последние, а не то сами поселяне — в складчину. Такие пирушки, или братчины, назывались по праздникам: братчина Николицина, братчина Покровщина и другие. На Пасху было в обычае в селах устраивать в понедельник большие братчины — в них иногда принимали участие не одни крестьяне, но и помещики. На этих пиршествах почти всегда дело кончалось бранью, бесчинствами, драками, а иногда и

убийством. Благоразумные люди советовали никогда не участвовать в этих сборищах.

Семейный быт

Взгляд на женщину. Жена. Хозяйка. Положение женщины. Семейные обычаи

Семейный быт наших предков вытекал всецело из родовых понятий, по которым родоначальник-домовладыка являлся в доме единственным властным лицом, господарем, которому должны все остальные младшие члены рода или семьи беспрекословно повиноваться, потому что он — глава дома, он блюдет честь его от всякой порухи. Его одного величают полным именем с отчеством на «вич» (например, Иван Семенович). Если есть у него младший брат, то называется уже неполным отчеством — без окончания «вич» (например, Петр Семенов); остальные дети, племянники, возрастные — полным именем, без отчества, а младших и слуг кличут уменьшительными. Жена считалась тоже подчиненным членом в семье. Домовладыка, по родовым понятиям, должен был зорко следить, чтобы никакой беды и порухи роду и дому его не было, чтобы в доме ничего не творилось «на посмех людям». Для этого приходилось особенно усилить надзор над «малосмысленными» или более слабыми членами семьи — над женой и детьми.

До татарского ига русская женщина еще пользовалась некоторой свободой, но с XIII века образованность, которая начала было развиваться на Руси, понижается, грубость нравов усиливается, и мало-помалу входит в обычай у бояр и зажиточных людей затворничество женщины.

А. Рябушкин Крестьянская свадьба в Тамбовской губернии

Взгляд на женщину был в старину очень низменный: за ней не признавалось ни значительных умственных способностей, ни глубоких чувств. Она во всем стояла, по убеждению наших предков, гораздо ниже мужчины, а в некоторых отношениях считалась существом даже вредным. Такой взгляд сложился у русских под византийским влиянием. В Византии во времена крайнего нравственного упадка многие ревнители благочестия пришли к печальной мысли, что в мирской жизни и в семейном быту трудно не погрязнуть в грехах и пороках; что спасти душу можно только вдали от общества, за монастырской стеной или в пустыни. Монашество и отшельничество в те времена очень усиливаются. На женщин, привлекавших людей к семейной жизни, стали смотреть враждебно, как на помеху к спасению: женская красота приравнивалась к дьявольскому искушению. Припоминали библейский рассказ о грехопадении первых людей, где Ева является как бы орудием дьявола, причиной греха и потери рая. Нравственный упадок византийского общества в

Средние века ярче сказывался на женщине, чем на мужчине, потому что к женской нравственности всегда относились строже, чем к мужской. И вот многие ревнители благочестия слабую женщину, иногда беззащитную жертву порока, стали выставять главной виновницей его. Русские книжные люди, черпавшие все свои знания и мудрость из византийских источников, вполне проникались мыслями и воззрениями их, составляли по образцу их сочинения или прямо переводили с греческого, и таким путем византийские взгляды на женщину распространялись между русскими.

Н. Неврев Боярыня

Надо заметить, что не только в Византии, но и в Западной Европе в средние века взгляд книжных людей на женщину был крайне невысокий. На одном соборе даже был не шутя поставлен на разрешение духовных отцов вопрос: «Человек ли женщина?» В средние века многие книжные люди, ослепленные суеверием, считали женщин особенно склонными к чародейству и сношению с нечистой силой и беспощадно жгли целые тысячи обвиненных в этом так называемых «ведьм» и «колдуний». Даже и гораздо позже, в XVI и XVII веках, на Западе являлись сочинения, не признающие за женщиной человеческого достоинства.

Мудрено ли, что и русские, особенно же люди высшего слоя и зажиточные, из книг или бесед с монахами и книжными людьми набирались таких взглядов, что «ум женский нетверд, аки храм непокровен; мудрость женская, аки оплот неокопан, до ветру стоит; ветер повеет, и оплот порушится»; «от жены начало греху... много бесу помощи в женах». Обзаведясь семьей, русский благочестивый человек хотел, по крайней мере в доме своем, завести некоторое подобие монастырской жизни и, подобно игумену, заботящемуся о спасении всей братии, брал на себя труд хранить чистоту душевную всех домочадцев, особенно же должен был позаботиться о жене и взрослых дочерях, помня, что «ум женский мал осмыслен и шаток», что «в женах много помощи бесу». Как же было предохранить их от грехов, спасти от мирских соблазнов? Самым простым способом, до которого нетрудно додуматься даже и нехитрому уму, было отделить их от внешнего мира, запереть их по возможности так, чтобы никакие мирские соблазны не проникли к ним. А чтобы сами не искали греха,

наложить на них грозу, следуя наставлению: «Яко коня держать уздою, так и жену води угрозою». Таким образом легко мог явиться обычай затворничества женщин и обычай учить жену уму-разуму, спасти ее страхом.

В каждом достаточном доме часть хором отделялась для женщин, обыкновенно в отдаленной от входа части здания (куда входили светлица и терем). Хотя со двора в эту половину был вход, но ключ от него, по свидетельству одного иноземного писателя, хозяин держал у себя, так что в женские покои можно было пройти только через его комнату. Из мужчин не пускали туда никого, не исключая и домашних. Двор за женскими комнатами (обыкновенно сад) огораживался таким высоким тыном, что разве только птица могла перелететь через него. В этом месте жена и дочери хозяина и прогуливались. Если же случалось боярыне или боярышням ехать, например, на богомолье в большой праздник, то выезжали, как сказано выше, в колымагах, закрытых со всех сторон, исключая боковые дверцы с окошечками, чрез которые женщины могли смотреть на улицу, но их разглядеть никто не мог. Можно было только мельком увидеть их, когда они садились или выходили из колымаг. В церквях для знатных женщин и девиц были особые места, обыкновенно на хорах, где трудно было их увидеть.

Ю. Сергеев Золотошвейки

На женщину, как сказано уже, смотрели как на существо слабое, малосмысленное и притом склонное ко всему дурному. Не другом, не товарищем мужа была жена в старину, а рабой или, в лучшем случае, умственным и нравственным недоростком, нуждающимся в постоянной опеке и руководительстве. Добрая, то есть хорошая, жена, по понятиям того времени, должна была во всем руководиться указанием

мужа, на все спрашивать его позволения: как распределять дневные занятия, как принимать гостей, даже о чем говорить с ними. Жить и действовать своим умом жене не полагалось. Даже если бы умная от природы женщина при случае высказала свои соображения, то это уже было бы, по старинным воззрениям, нарушением женской скромности, высокоумием и так же не понравилось бы нашим предкам, как нам, например, не нравится умничанье ребенка. Главными добродетелями жены считались, по учению книжников, «покорливость», молчаливость и трудолюбие: «Жена добра любит страду (работу) и воздержание от всякого зла. Жена добра — трудолюбива и молчалива». В поучении жене говорится: «Ты мужа имей во всем честна и бойся его и во всем честь воздавай ему и повиновение... Достоит женам повиноваться мужам своим... послушливым быти, понеже послушным Бог подает честь и славу, а непослушным горькую муку... Добрая жена и покорлива — венец мужу своему есть». В таких изречениях книжные люди старались представить образец доброй жены. Всякий хороший домовладыка обязан был учить ее уму-разуму словом, а если слово не действовало, то «страхом пользоваться», то есть наказывать, причем пускалась обыкновенно в дело плетка, как советовал «Домострой».

В тех домах, где домоводство предоставлялось хозяйке, дела ей было много. Припомним, что у богатых и даже достаточных людей хозяйство в старину было большое и сложное. Двор таких хозяев представлял как бы помещичью усадьбу — тут были и скотный и птичий дворы, был огород и фруктовый сад. Число слуг в доме нередко превышало сотню — тут были повара, поварихи, портные, швеи, сапожники, плотники и другие. Хорошая хозяйка должна была за всеми досмотреть: распределить работу между женской прислугой, чтобы

никто не сидел сложа руки и не гулял спустя рукава; показать, что и как сделать; присмотреть, чтобы все, что приказано, было исполнено, чтобы не переводилось понапрасну хозяйское добро; позаботиться, чтобы все слуги были сыты, одеты и довольны, чтобы не выходило между ними споров и неприятностей, чтобы всем в доме было хорошо. Исполнить все это было нелегкой задачей, и женщина, которая выполняла ее, действительно заслуживала большой похвалы. О такой жене-хозяйке говорится в «Домострое», что она для мужа «дороже камня многоценного», что она — «венец мужу своему». Но домоводство далеко не всегда предоставлялось женщине: у более богатых и знатных людей были на то ключники и дворецкие, а жене приходилось наблюдать лишь за рукодельницами и самой, если хотела, заниматься вышиванием. Одежды вышивались золотом, унизывались жемчугом и драгоценными камнями — это требовало большого искусства, и работы было тут немало. Но все-таки однообразие ее, отсутствие сколько-нибудь разумного труда, общества и развлечений, крайняя пустота теремной жизни налагали свою печать на знатную русскую женщину. Занимаясь пустой болтовней с сенными девушками, слушая сплетни их и нехитрые шутки и прибаутки разных домашних дур, шутих да рассказы приживалок, она вконец пустела, ум ее мельчал, и она действительно обращалась в «малосмысленное» существо — в умственного недоростка, нуждающегося почти на каждом шагу в указаниях и наказаниях мужа. Бывало и худшее. Иногда женщина, томимая скукой и пустотой теремной жизни, увлекалась всякими сплетнями, дразгами и проделками, ум ее направлялся на разные уловки, чтобы провести нелюбимого мужа, посеять вражду между родичами его. Тут и плетка не помогала: страх наказания, не соединенный с любовью и уважением к наказующему, не исправляет человека, а

озлобляет. Притом хитрость «малосмысленного существа» нередко торжествовала над суровостью домовладыки. Разные сплетницы под видом торговки да богомолки проникали в терема и много содействовали домашнему разладу. Таким образом, теремная жизнь отупляла женщину и развращала ее; «злая жена» являлась действительно «терновым венцом для своего мужа», и слова разных книг, где говорилось о злонравных женах, как будто оправдывались на деле. «Да, горе, горе мужу, если обрящет он жену льстивую, лукавую, крадливую, злоязычную, колдунью, еретицу, медведицу, львицу, змию, скорпию, василиску, аспиду. Горе, горе тому мужу!» — так восклицает отец в одной беседе с сыном о злонравных женах. Он истощает, кажется, весь свой запас страшных слов, чтобы обрисовать сыну самыми черными красками злонравную жену и отбить у него охоту к женитьбе. Таким образом, заключение в тереме и пользование «страхом» вели именно к тому злу, с каким думали бороться этими средствами.

К. Маковский Боярыня у окна

А. Соколов Наедине

Конечно, встречались семьи, где под влиянием христианского благочестия исполнялись лучшие советы «Домостроя». В семье был мир и лад, дом был как чаша полная, жилось всем хорошо, и хозяева не только заботились о своих детях, воспитывая их в духе благочестия, да о своих домочадцах, но принимали на свое попечение и чужих сирот и, как говорится, ставили их на ноги, выводили в люди. Но такие семьи были исключениями. В конце XVII века у некоторых передовых людей даже заводились иноземные обычаи, и женщина не отчуждалась от общества мужчин, не скрывалась от

взоров посторонних людей; но большинство смотрело на это как на отступничество от благочестия, как на ересь своего рода. Гораздо чаще встречались семьи, где все в доме начиная с жены трепетали пред суровым домовладыкой, всегда готовым на жестокую расправу. Случалось, что озлобленные жены, доведенные до отчаяния, доходили до преступления — отравой изводили своих мужей. И случалось это, вероятно, не очень редко: недаром в Уложении определяется страшное наказание таким преступницам — закапывать живьем в землю. Для жены, не любимой мужем своим, единственным законным способом избавиться от его жестокости было уйти в монастырь, и то с его согласия. Бывали и такие случаи, что слабым мужьям приходилось искать защиты от сварливых и буйных жен.

Незавидно было и положение царицы: она принуждена была еще более, чем боярыни, скрываться в тереме от людских очей. Дела ей было очень мало, и вся жизнь ее была подчинена строгой и тяжелой обрядности. Отправляясь на богомолье, царицы и царевны совершали свои поездки по большей части ночью, а если случались выходы днем, то делалось это по определенному чину, причем по обе стороны их несли суконные полы, чтобы скрыть их от взоров посторонних людей. Особенно печально было положение царевен: они должны были жить во дворце как пустынницы, в посте и молитве. Выйти замуж за подданных считалось для них унижительным, а за иностранных принцев — мешало разноеверие.

В. Маковский Девочка с гусями в поле

Об уме женщин мало заботились, даже обучать их грамоте не считалось нужным. Немудрено, что в мелочных заботах о нарядах, в пересудах и пустой болтовне с теремной прислугой глохли умственные способности женщины. «Московского государства женский пол, — говорит Котошихин, — грамоте не ученые, и не обычай тому есть, а породным разумом

простоваты, и на отговоры несмыслены и стыдливы». Это было, вероятно, одной из причин, почему царицы и царевны не присутствовали при приеме и угощении иностранных послов: они могли только из потаенного места смотреть на торжество. Государыни иноземного происхождения (София Фоминична, Елена Глинская) не чуждались иностранцев: они могли и в разговоре с ними вполне поддержать свое достоинство.

Женщина в мирской жизни должна была быть женой — в этом признавалось ее прямое назначение. На дочь смотрели тоже как на будущую жену. «Вскормить, вспоить и замуж выдать в добром здравии» — вот как определялась задача родителей по отношению к дочери. Со дня рождения дочери «Домострой» советует родителям уже понемногу заботиться о «наделке», то есть о приданом. Для девушки, не вышедшей замуж, как бы не было места в миру — ей оставалось уйти из него, то есть поступить в монастырь. На вдову, особенно бездетную, смотрели как на сироту. Она нередко также удалялась в монастырь, а не то одевалась в «смирную» вдовью одежду в знак своего сиротства, в знак того, что в мире она уже не имеет того значения, как мужняя жена. Но вместе с тем, конечно, она имела больше самостоятельности, особенно «матерая» вдова, то есть та, которая была матерью, имела несовершеннолетних сыновей, опека над которыми лежала на ней.

В. Максимов Сборы на гулянье

При указанном взгляде на девушку понятно, что родители в старину старались во что бы то ни стало выдать дочерей замуж; причем свахи и сваты были важными пособниками, старались подыскать жениха, чтобы был равен по породе, «в одну версту», как говорилось тогда, с невестой, чтобы роду ее не было никакой «порухи». Когда через свах родители невесты и жениха получали необходимые сведения, то отцы сходились и обстоятельно договаривались о деле,

главным образом о приданом. О согласии на брак у жениха и невесты не спрашивали: они не могли не желать того, чего желали их отцы. Притом надо заметить, что женили молодых людей обыкновенно в очень юные годы, когда родители имели основание смотреть на них как на ребят малосмысленных. Жених и невеста не могли даже и видаться до самого брачного обряда, а получали сведения друг о друге от свах. Случались нередко и обманы: вместо одной дочери показывали свахе другую, более красивую, а не то выставляли служанку вместо уродливой дочки. «Нигде нет такого обманства на девки, — говорит Котошихин, — как в Московском государстве». Понятно, какая участь ждала девушку, обманом выданную замуж; расчет родителей, что авось стерпится-слюбится, не всегда сбывался.

Н. Соломин После жатвы

Такие были порядки в боярском быту. У людей менее знатных и небогатых настоящего затворничества женщины не было и все отношения были проще, хотя и

тут родовые понятия о том, что отец семьи есть полновластный домовладыка, волю которого беспрекословно исполнять должны были все, то есть жена, дети и все домочадцы, у которых своей воли не должно быть, господствовали во всей силе. Этот взгляд проникал и всю народную жизнь.

Положение женщины-простолюдинки было очень тяжело; таким почти оно остается в большинстве случаев и до сих пор. Глубокой грустью проникнуты свадебные и семейные песни, которые издавна вылились, конечно, из сердца женщины. Хотя в XVII веке уже не было обычая «умыкать», то есть насильственно уводить, невест, не было и продажи их, на что указывается в иных свадебных песнях, но все-таки брак был делом родителей, все-таки жених и невеста являлись часто при этом людьми подневольными. По-прежнему девушке приходилось менять при замужестве известное, привычное житье-бытье в отцовском доме на неведомое — в мужнином, а неизвестное всегда кажется страшным. «Уж как чужая-то сторонushка, — говорится в одной песне, — горем вся испосеяна, она слезами поливана, печалью огорожена». Да и как не представлять этой чужой сторонushки, то есть мужниного дома, чем-то страшным, когда муж ищет в жене прежде всего «вековечной работницы, свекрубатюшке покорливой, свекрови-матушке послушливой, деверьям-братьям услужливой»? Трудно всем угодить. А как не сможешь «в чужих людях жить умеючи, держать голову поклонную, ретиво сердце покорное», тогда примутся учить уму-разуму и свекор-батюшка, и свекровь-матушка, а не то и муж. «Ах, вечор меня больно свекор бил, а свекровь ходя похваляется», — поется в одной песне, а в другой рисуется мрачными красками положение жены у лютого мужа. Мать два года не видела дочку, которую отдала «далече замуж», на третье лето едет ее навестить — и не узнает ее. «Что

это за баба, за старуха? Где твое девалось белое тело? Где твой девался алый румянец?» — спрашивает она у дочки. «Белое тело, — отвечает та, — на шелковой плетке, алый румянец — на правой на ручке: плеткой ударит — тела убавит, в щеку ударит — румянцу не станет».

П. Целебровский Перед венцом

Чем грубее среда, тем более в ней сказывается стремление у сильных поработить себе и принизить слабых. Понятно отсюда, что участь женщин в простом быту не могла быть красна. «Вековая работница» крестьянка, трудясь весь век свой, большей частью у печи, у колыбели да у корыта, не привыкла широко раскидывать умом, поотстала она от мужа и в

сметливости. «У бабы волос долог, да ум короток», — говорит он, а отсюда следует, что ей не должно жить своим умом и надо повиноваться во всем своему владыке-мужу, а он обязан держать ее в страхе. «Бей бабу, что молотом, — сделаешь золотом», — говорит пословица. Свыкается с этим и женщина. «Бьет муж, значит любит, хочет ума-разума придать», — утешается она. Но случается, что муж и без пути бьет ее — с хмелю или так, хочет волюшку свою померить, силушкой своей потешиться. Тут порой не стерпеть, и жалоба вырвется: «В девках сижено — горе мыкано; замуж выдано — вдвое прибыло». Но не всегда же так тяжело жилось простолюдинке. Здравый смысл и природная доброта русского человека брали нередко верх над грубостью и суровостью; умеет он и ценить хорошую жену. «Добрую жену взять, — говорит он, — ни скуки, ни горя не знать».

***Неизвестный художник Портрет молодой женщины
в русском костюме***

Обряд, как сказано уже, проникал всю жизнь русского человека — и вне дома, и в семье. Все семейные события — родины, крестины, именины, сватовство, свадьбы, похороны — сопровождались пирами и связаны были с множеством иногда сложных и

мелочных обрядов. Остановимся на некоторых более любопытных.

При рождении детей у зажиточных людей устраивался пир; гости должны были дарить мать деньгами. Новорожденных старались поскорее окрестить, чаще всего на восьмой день по рождении. Имя по большей части давали того святого, память которого чтилась в день крестин. В XVI и XVII веках еще держался обычай у русских кроме христианского имени давать и различные прозвища, которые употреблялись даже и в деловых бумагах и нередко переходили в фамилию потомков, например: Первый, Смирный, Красный, Третьяк, Шестак, Дружина, Неупокой, Козел и тому подобное. Любопытно, что иногда бывало по три имени у человека: прозвище и два крестильных — одно явное, а другое тайное, известное только духовному отцу, самым близким людям да тому, кто его носил. Этот странный обычай вызван был суеверным страхом, будто бы, зная имя человека, лихие люди или враги легче могут испортить его чародейством, так что только во время похорон знакомые узнавали, что настоящее имя покойного, например, Иван, а не Петр, как привыкли его звать. Крестины тоже сопровождалась пиром.

День именин считался важнее дня рождения. Именинник или именинница с утра рассылали близким и знакомым именинные пироги; чем знатнее было лицо, тем больше был и пирог. Гости, приглашенные к столу, подносили именинникам подарки: духовные лица благословляли образами, миряне дарили материи, кубки, деньги и тому подобное. Царь в день своих именин собственноручно раздавал пироги своим приближенным по окончании обедни; царица делала то же у себя на свои именины. Царям и царицам также подносили дорогие подарки не только бояре, но и все торговые люди.

Самые сложные и затейливые обряды были свадебные. Здесь надо различать три главных действия: сватовство, сговор и самое бракосочетание.

П. И. Коровин Крестины

Сватовство, как известно, было делом родителей. Женились русские очень рано: бывали случаи, что жениху было 12-13 лет, а невесте — несколько менее. Понятно, что браки таких детей устраивали их родители. Только в том случае, когда жених был уже зрелых лет или вступал во второй брак, он имел возможность располагать собой. Сватовство могло начаться как со стороны родителей жениха, так и родителей невесты. Посылались обыкновенно сначала сваты или свахи, и когда, уже после переговоров, оказывалось, что родители невесты не прочь ее выдать за того, за кого

сватают, то свахи просили позволения посмотреть невесту. Согласие на это по большей части давалось, и обыкновенно какая-нибудь родственница жениха или даже мать ехала смотрительницей, как называли ее. Показ невесты производился довольно торжественно. Невеста, богато разряженная, сидела за занавесом; занавес отдергивался, и она являлась во всей своей красе. Смотрительница заговаривала с ней, стараясь дознаться, не глупа ли она, не косноязычна ли и прочее. На таких смотринах и случалось, что показывали не ту, кого следовало. Жених по большей части не мог видеть сам невесты до самого венчания, после которого только и мог открыться обман. На обман можно было жаловаться, и если по розыску оказывалось, что жалоба справедлива, то брак расторгался и виновные наказывались. Но дело до этого доходило очень редко. Чаще жених и его родные покорялись судьбе, не желая заводить хлопотливой и неверной тяжбы, и хуже всего приходилось тогда, конечно, нелюбимой жене. Более самостоятельные, то есть возрастные, женихи настойчиво добивались иногда, чтобы им самим позволено было видеть невесту; родители ее, если дорожили женихом, соглашались. Но и это не всегда спасало от обмана: жених, раз увидав свою невесту, не видел ее уже до самого венчания, и потому подмен был возможен.

М. Шибанов Празднество свадебного договора

После смотра невесты происходил сговор в доме родителей ее. Они принимали с большим почетом гостей, то есть родителей жениха, его самого и родичей их, били им челом, сажали на почетные места. Некоторое время все молчали, глядя друг на друга, — так требовало приличие. Затем женихов отец или старейший родственник издали заводит речь, которую кончал сообщением, что они приехали для доброго дела, а родители невесты заявляли, что они рады такому приезду. Тогда составлялась рядная запись (уговор), где главным образом речь шла о приданом, назначался срок свадьбы и подробно прописывалось все, что должно

было идти в приданое. Вещи, назначенные в приданое, и деньги присылались в дом новобрачных обыкновенно после свадьбы; но бывали случаи, что недоверчивые родители жениха требовали, чтобы приданое было доставлено накануне, — держались пословицы «Денежки на стол, девушку за стол». В записях, составленных подьячим, обыкновенно все прописывалось подробно и назначалась для верности неустойка, или понятное. Любопытно, что иногда в договоре прибавлялось условие, чтобы муж не бил своей жены. Таким образом, благодаря родительской любви к дочери вносилось некоторое смягчение в семейную жизнь. Невесты при сговоре не было, но после него одна из родственниц от имени ее приносила подарки жениху. После сговора отказаться от брака было уже очень трудно: это значило нанести большое оскорбление противной стороне.

Неизвестный художник Благословение перед свадьбой

Обряды, сопровождавшие саму свадьбу, очень сложные и мелочные, сохранились во многом и в простом быту, а также в купеческих семьях, живущих по старине. Обряды эти знаменовали вступление жениха и невесты в иную жизнь, как бы возведение их в новое достоинство. Некоторые из обрядов были, вероятно,

заимствованы из старинных обычаев, соблюдавшихся при возведении князей в их сан: жених и невеста даже величались «князем» и «княгиней». Все действия свадебных чинов (тысяцкого, посаженных отца и матери, если не было родных, дружек, свах, ясельничего, или конюшего) направлены были к тому, чтобы привлечь Божие благословение и благодать на брачащихся, оборонить их от всякого лиха. Было, между прочим, верование, что колдуны и колдуньи могут внести порчу и нагнать злых духов в тот дом, где рядят свадьбу. Когда невесту снаряжали к венцу, то на нее надевали самое лучшее платье и как можно больше драгоценных украшений; при расплетании косы девицы пели обычные свадебные песни. При выходе из церкви сваха осыпала новобрачных льняным и конопляным семенем, желая им счастья и обилия. Накануне свадьбы, в день ее, затем на второй день и на третий устраивались пиры у родителей невесты и жениха. Гости обыкновенно дарили разные ценные вещи новобрачным, а те, по обычаю, должны были потом одаривать гостей вещами той же ценности.

Ю. Сергеев Одевание невесты

Новоселье в старину тоже считалось немаловажным событием и сопровождалось различными обрядами. Вступая в новопостроенное жилье, хозяин звал священника освящать дом и созывал родных и знакомых. Гости являлись обязательно с хлебом и солью. Этим выражалось пожелание обилия и благополучия; сверх того, наши предки, как известно, верили, что

хлебом-солью прогоняется злой дух. Люди суеверные, не чуждавшиеся колдовства, приносили на новоселье черную кошку и черного петуха, а также растворенную квашню. Место для постройки нового жилья надо было выбирать тоже умеючи. Обыкновенно гадали — клали, например, на землю кусок дубовой коры. На четвертый день смотрели, что под ней: если паук или муравей, то, значит, место лихое, а если червяки, то доброе и ставить на нем дом безопасно. Гадали еще и другим способом: из-под пазухи роняли на землю три хлеба. Если они все или два из них лягут на землю кверху верхней коркой — добрый знак, а наоборот — плохо. После новосельного пиршества каждый из гостей должен был что-нибудь дарить хозяевам. Этим выражалось пожелание, чтобы к хозяевам в дом шло всякое добро и был бы он как чаша полная.

В. Киселев Свадьба

Переселяясь на вечное новоселье, то есть расставаясь с жизнью, русский человек полагал обязанностью своей совершать добрые дела — это называлось «строить душу», и потому умирать в полной памяти, среди семьи считалось Божьей благодатью. Умиравший составлял духовное завещание, распределял имущество, причем богоугодными делами считались раздача милостыни, назначение вкладов в монастыри и церкви и особенно освобождение рабов. Случалось, что господин перед смертью не только отпускал своих холопов на волю, но и наделял их деньгами. Было верование, что в будущей жизни человека будут судить по делам, на которых постигнет его смертный час. Вокруг умирающего собирались его семья и домочадцы; ему подавали иконы, и он каждого благословлял особой иконой. При этом всегда находился священник, духовный отец умирающего. Многие перед смертью постригались в монахи или принимали схиму. Лишь только человек умирал, на окно ставили, по старинному обычаю, возникшему еще в языческие времена, чашу со святой водой и миску с кашей — на омовение и на питание души. Затем собирались родные и знакомые, и, по обычаю, начинался плач и причитания. Начинала обыкновенно жена покойника; в причитаниях она выражала свою любовь к покойному и горе. «Ах ты, милый мой, ненаглядный мой! — говорила она, рыдая. — Закатилось ты, солнышко мое ясное! Зачем ты меня покинул? На кого меня, сироту, оставил?» — и так далее.

В. А. Кузнецов Канун

В таком же роде были причитания и других родственников. Летом хоронили очень скоро, большей частью в течение двадцати четырех часов. Гроб обыкновенно не везли, а несли на руках. Нередко случалось, что нанимались плакальщицы, которые шли впереди и по сторонам гроба и громко вопили и причитали о доброте, о заслугах покойного, о скорби родных и близких. На краю могилы происходило

прощание с покойником. Крышка гроба поднималась, и все подходили и прикладывались, причем плакальщицы своими причитаниями заглушали вопли жены и родственниц. Затем священник полагал в руки мертвого отпустительную грамоту. Когда гроб опускали, все прикладывались к иконам и ели кутью. Могилы родителей и предков были святыней для русского народа, и кладбища считались местом святым; похоронить здесь самоубийцу было тяжким прегрешением, которое, по верованию наших предков, могло навлечь Божью кару на весь край: бездождие, падеж скота, мор и тому подобное.

В течение сорока дней по смерти совершалось поминовение по умершем. У людей семейных читалась Псалтирь — и в доме, где умер покойник, и на могиле его, где устраивалось крытое место для чтеца — монаха или дьячка. Жена, дети, родичи покойного носили смиренное (траурное) платье, черное или синее, притом худое, изодранное: одеваться в это время опрятно и прилично родичам покойного значило выказать неуважение к памяти его.

К. Маковский Похороны ребенка

Состояние образованности

Народная поэзия. Книжная словесность. Обучение грамоте. Искусства. Умственное развитие

Иноземцы, даже враждебно относившиеся к России, отдают полную справедливость большим умственным способностям русского народа, но вместе с тем указывают на то, что у русских людей не видно большой склонности к научному знанию и искусству. И немудрено. Вековое отчуждение от более образованных народов, зависимость от азиатской орды, крайняя бедность народа не могли пройти бесследно. Если вспомнить все неблагоприятные исторические обстоятельства, выпавшие на долю русского народа, то придется удивляться тому, что в нем вовсе не иссякли умственные и нравственные потребности; что он сквозь все невзгоды и напасти пронес свою душу живую. А что это так — доказывает богатейшая народная поэзия. В ней сохранилась память о вековой борьбе со степью; сохранился чудный образ богатыря Ильи — олицетворения народной силы в ее борьбе с темными силами, в поисках прямого пути сквозь темные дебри к свету, к красному солнышку. Сохранились в памяти и другие удалцы, у которых «сила по жилочкам живчиком переливалась», которым не сиделось дома и нужен был простор. Да и как было забыть народу их, когда они не переводились на Руси? Разве Ермак и его сподвижники не богатыри? Разве десятки, сотни искателей землицы, шедших по его следам, не богатыри? Разве Скопины и Минины не богатыри? Не только старые былины сохранились в живой памяти народа; спелись и новые песни — про Грозного царя, как он Казанское царство покорил, и про Гришку-расстригу,

и про Скопина, и про Разина, и про Алексея Михайловича. Все, что затрагивало сколько-нибудь сердце народа, нашло в нем живой отклик. Сказались народные думы и чувства и в сказках да прибаутках, и в пословицах да поговорках. Вылилась и печаль русской женщины, жалоба на свою горькую участь в семейных песнях. Не чужд остался темный народ и церковным книгам: начетчики и богомольцы, вышедшие из его среды, сложили немало так называемых «духовных стихов». Темные люди силились во что бы то ни стало объяснить некоторые вопросы, волновавшие их, вычитать ответы на них в книгах, нападали часто на ложные книги (апокрифы), где вкривь и вкось толковались слова Священного Писания, да и сами нередко давали волю воображению и вносили в свои стихи и сказания (легенды) много ложного. В стихе, например, о «Голубиной книге» так объясняется создание мира: «У нас белый вольный свет зачался от суда Божия, солнце красное от лица Божьего, млад светел месяц от грудей Божиих, звезды частые от риз Божиих, ночи темные от дум Божиих...». В стихах о Страшном Суде изображаются муки разных грешников: «Тьма кромешная, погреба глубокие и мразы лютые — неправедным священникам и судиям; котлы медные, огни разноличные, змеи сосущие — мужам-беззаконникам и женам-беззаконницам; смола кипучая и скрежетание зубное и плач непрерывный — глумотворцам и просмешникам; вытягивание языков и повешение за языки — клеветникам и злоязычникам; повешение за хребты над калеными плитами и на гвоздье железное — плясунам и волынщикам; червь неусыпающий — сребролюбцам и грабителям». Праведники же будут жить в раю прекрасном, где на деревьях сидят птицы райские и поют песни царские, так что все вольное житье человеку показалось бы за один час, за одну минуту. Много подобных духовных

стихов разносили в народе богомольцы да нищие, так называемые «калики перехожие». Все эти песни и сказания показывают, в какой темноте блуждал народный ум и как языческие понятия сплетались с христианскими, но вместе с тем свидетельствуют о духовной силе, которая не заглохла в нищете и невзгодах, искала простора, рвалась на волю.

На сказках, песнях, духовных стихах и легендах воспитывался русский народ, не только простой, но и люди высшего слоя. Мамушки да нянюшки тешили своих питомцев и питомиц в боярских хоромах народными песнями да сказками; сказочники или бахари (рассказчики) занимали ими взрослых людей в досужее время, а сладкоречивые странники и богомолки своими сказаниями услаждали в теремах благочестивых боярынь и боярышень.

Духовные лица и книжные люди вообще относились к народной двоеверной поэзии враждебно, и книжная словесность шла своим особенным путем. Первое место вслед за богослужебными книгами занимали учительные книги, заключавшие собрания различных поучений. Сборники эти носили названия «Златоуст», «Измарагд», «Златоструй» и тому подобные. Затем важное значение имели собрания житий святых (например, «Четьи-Минеи», собранные еще митрополитом Макарием, Киево-Печерский патерик). Были еще так называемые «пчелы», сборники статей не только религиозного содержания, но и различных рассуждений, — например, о правде, о богатстве и убожестве и прочем. Были в ходу и хронографы, заключавшие в себе исторические сказания греческих летописцев. Эти книги по большей части содержали в себе переводы или заимствования из византийской литературы; но были и свои, чисто русские хронографы, или летописи. Их набралось так много, что понадобилось делать из них выборки и своды. Таковы «Степенная книга» и свод летописей, сделанный по приказу Никона. В XVI веке вместо летописи являются «разрядные записки». Сюда заносились сведения о важных придворных событиях, о службе бояр и прочим. Взамен летописных сказаний являются исторические

записки («Записки» князя Курбского, «Сказание об осаде Троицкой лавры» Палицына, «Сочинение» Котошихина). Боярин Матвеев со своими сотрудниками в посольском приказе составил «Государственную большую книгу», где указывалось, с какими окрестными государями, христианскими и мусульманскими, были русские в ссылках, то есть в сношениях, и какие титулы писаны. В этой же книге были нарисованы парсуны (портреты) государей и гербы. Такая история имела, конечно, большое значение для посольского приказа. В таком же роде дьяк Грибоедов составил «Историю, сиречь повесть или сказание вкратце о благочестно державствующих и святопочивших боговенчаных царях и великих князях, иже в Российской земли богоугодно державствующих...».

Кроме книг религиозных, поучительных и исторических являются на Руси так называемые потешные книги. Это были по большей части иноземные повести и сказки, сначала доходившие до русских в южнославянских переводах (то есть болгарских и сербских), а в XVII веке более всего через Польшу. Так, например, любимым чтением грамотных русских людей были сказания об Александре Македонском. Дошли до русских и рыцарские романы в переделках — так, например, явились сказки о Бове-королевиче (рыцарь Буово д'Антоня). Переведены были басни Эзопа; сборники нравоучительных повестей «Дела римские» («Festa romanorum»), собрания анекдотов, смешных рассказов, шуток (смехотворные повести).

В. Васнецов Книжная лавочка

В. Максимов Единственный учитель

Знакомство с иноземными повестями вызвало охоту у русских грамотных людей составлять и самим подобные. Некоторые из них представляют развитие легенды с поучительным направлением, например «О князе Петре и княгине Февронии», а также «Повесть зело предивная града Великого Устюга купца Фомы Грутцына о сыне его Савве, как он даде на себе диаволу

рукописание и как избавлен бысть милосердием Пресвятой Богородицы Казанския». Но вместе с подобными повестями являются и более самостоятельные, изображающие мирскую жизнь. Любопытна в этом отношении «Повесть о Фроле Скобееве», где рассказывается, как он, бедный новгородский дворянин, хитростью и обманом познакомился с дочерью боярина Нащокина при помощи мамки ее и тайно женился на ней, а потом, благодаря своей изворотливости, сумел так подделаться к разгневанному боярину, так уноровил ему своей покорностью и услужливостью, что тот не только простил его и свою дочь, но отдал им впоследствии все свое состояние. Встречаются и такие рассказы, где остроумно осмеиваются недостатки современного строя, например судопроизводства («Повесть о Шемякином суде»). Особенно замечательна стихотворная «Повесть о Горе-Злосчасти», в которой рисуется живо русская жизнь. Захотелось молодцу жить по своей воле, по своему уму-разуму, не послушался он наставлений отца и матери — не ходить на пиры и братчины, не садиться на место большее, не пить двух чар за едину, не ходить к костарям (игрокам в кости) и корчемникам, не знаться с головами кабацкими, а знаться с разумными и надежными друзьями. Не послушался он советов родительских, забыл совет и чужих людей — не спесивиться, и навязалось к нему Горе-Злосчастье. «Босо, наго, нет на Горе ни ниточки, еще лычком Горе подпоясано...». «Стой, ты, молодец, — говорит оно, — от меня, Горя, не уйдешь никуда!» Оно-то и научило молодца разгулу кабацкому, разорило его, помешало ему своим домком зажить. И не уйти ему, не спастись от злого ворога. «Полетел молодец ясным соколом, а Горе за ним — белым кречетом; молодец полетел сизым голубем, а Горе за ним — серым ястребом. Молодец стал в поле ковыль-травой, а Горе пришло с косою острою.

Молодец пошел пеш дорогою, а Горе под руку под правую — научает молодца богато жить, убить и ограбить, чтобы молодца за то повесили или с камнем в воду посадили». Вспоминает тогда молодец «спасенный путь», идет в монастырь «постригаться», а Горе «у святых ворот остается, к молодцу впредь не привяжется...». Здесь сказалась обыкновенная история старинного русского удалого молодца. Захотелось ему пожить на полной свободе, своей личной жизнью, да не привык он своей волей жить, негде было этому и научиться — и отдается он вполне разгулу и бражничеству, которые и олицетворяются в Горе-Злосчастьи, постоянно наталкивающим свою жертву на грех, и только монастырь да совершенное отречение от свободы может спасти от беды.

В XVII веке в Россию приходили с Запада не только «потешные» повести, являются и другого рода книги: заносятся арифметики, лечебники, космографии. Уже с конца XVI столетия известен был в России «Большой чертеж земли Русской»; в XVII веке он дополняется. Русские послы из Польши «по государеву указу» привозили книги польские и латинские, преимущественно лексиконы да географические сочинения. Ордину-Нащокину присланы были из-за границы 82 латинские книги. И это был, конечно, не единичный случай.

Из этого беглого, далеко не полного перечня произведений народной и книжной словесности уже видно, что народ, несмотря на все помехи к умственному и нравственному развитию, нуждался в духовной пище и по-своему удовлетворял этой нужде; видно, что были на Руси и люди, которые хотели познакомиться с наукой. Беда была только в том, что некому было учить.

Известно, что сына Ордина-Нащокина обучал польский шляхтич. Такой же учитель был у детей Матвеева; но обыкновенно даже у именитых бояр

обучение не шло дальше простой грамотности, то есть умения читать и писать, и учить детей призывали священников, дьяков или церковных причетников. В Москве учительством занимались и подьячие. Учителем царевича Федора Алексеевича был подьячий посольского приказа; но начальным обучением царевича грамоте Алексей Михайлович не считал возможным ограничиться, и вызван был наставник иного рода, именно известный Симеон Полоцкий.

Обучиться грамоте в старину было не совсем-то легко. Никаких приспособлений и приемов, которые в наше время облегчают это дело, тогда не знали. Буквари и книги, по которым начинали учить, были сухи и незанимательны для ребенка, притом розга считалась необходимой принадлежностью учителя, который действовал преимущественно страхом. Даже на заглавных листках букварей иногда изображался учитель, наказывающий ученика. Эти картинки предназначались, конечно, для того, чтобы загодя наполнить сердце начинающего учиться страхом. В букварях иногда помещались похвалы розге в стихах, например: «Розга ум острит, память возбуждает и волю злую в благо прелагает, учит Господу Богу ся молити и рано в церковь на службу ходити...» «Розга хоть нема, да придаст ума», — говорили учителя.

А. Максимов Книжное научение

Обучали читать, писать, да еще церковному пению. Этим ученье и ограничивалось. Любознательный человек сам уже читал разные книги, доступные ему, церковные и поучительные, — таким образом являлась у него начитанность, или книжность. В конце XVII века в число читаемых книг вошли несколько сочинений географического и исторического содержания да переводные средневековые повести; стало быть, круг начитанности несколько расширился. Конечно, чтением книг приобретались более или менее отрывочные сведения, но не образование в том смысле, как мы теперь его понимаем.

Как низко стояло умственное образование, так же невысоки были и искусства. Хотя порой выказывалось много вкуса и своеобразия в деревянных постройках да в церковном зодчестве, но что касалось самого строительного искусства (то есть технической стороны), то оно более всего было в руках иноземцев и совсем немногих русских, которые выучились у первых внаглядку, по навыку. Иконопись, которая давно уже водворилась на Руси и считалась благочестивым делом, не проявляла особенной жизни. Составлены были сборники образцов различных икон — «подлинники», где точно указывалось, как писать тот или другой образ, и отступать от образца считалось тяжким грехом. Церковные власти следили за тем, чтобы никаких отмен или отступлений от старинных византийских икон не было. Припомним, как сурово отнесся Никон к образам «фряжского письма». При таких условиях всякое творчество подавлялось и живопись мало чем отличалась от простого ремесла. Выдающимися иконописцами считались в Москве инок Троицкой лавры Андрей Рублев (XV столетие) и Симон Ушаков (XVII столетие).

Хотя уже со времен Ивана III при дворе русских государей постоянно находились разные художники-иностранцы — чеканщики, литейщики, золотых дел мастера, которые даже обязывались иногда обучать русских своему делу, но последние очень редко доходили до настоящего искусства. Иностранцы, вероятно, намеренно не старались обучить их как следует своему мастерству, чтобы те не отбили у них заработка. Резное дело и женские рукоделия — вышивание золотом, унизыванье жемчугом и прочим — обнаруживали нередко много вкуса у наших предков.

**Карион Истомин Букварь славянских письмен.
Буква «О» 1694**

Многие непривлекательные черты русских людей в старину являлись прямым следствием низкого уровня образования. Иностранцы, посещавшие Россию, отдавая должную справедливость хорошим свойствам русского человека: добродушию, необычайному гостеприимству, хлебосольству и природному уму, в то же время

указывают и на дурные свойства: тщеславие, суеверие, узость взглядов, грубость в обращении.

Русские люди, особенно сановники, в обращении с иностранцами по большей части старались показать, что себя считают во всех отношениях выше их; что благочестивому русскому человеку непристойно учиться у иноземцев, которые, по народному поверью, были пропитаны нечистой силой.

Ф. Журавлев Знахарка

По свидетельству Олеария, в Москве многие считали его волшебником за астрономические знания, а когда

один из русских сановников увидел у него в камере-обскуре изображение людей и лошадей в обратном виде, то есть вверх ногами, то перекрестился и сказал: «Это чародейство!» Был и такой случай с одним голландцем, придворным цирюльником. Раз он играл на лютне; стрельцы, бывшие на страже, пришли на звук музыки и заглянули в дверь — и тотчас в ужасе разбежались: они увидели на стене человеческий скелет, и почудилось им, что он двигался. Слух об этом дошел до царя и патриарха, и назначены были нарочные — наблюдать за цирюльником. Они не только подтвердили показание стрельцов, но еще уверяли, что сами видели, как мертвец плясал на стене под музыку. По словам Олеария, по этому показанию было решено, что цирюльник — колдун и его следует сжечь вместе с костями его мертвеца. К счастью, один иностранец объяснил, что за границей у каждого хорошего врача есть скелет, по которому он соображает, как делать операции, а качался он у цирюльника потому, что в открытое окно дул ветер. Хотя после этого объяснения злосчастный голландец избавился от страшной казни, ему велено было немедленно выехать из России, а скелет выволокли за Москва-реку и сожгли.

Г. Мясоедов Знахарь

Н. Рерих Пантелеймон — целитель

Верование в колдовство и чародейство было сильно распространено на Руси. Упоминаются волхвы, чародеи, чаровницы, зелейщицы, обаянники, кудесники, сновидцы, звездочеты, облакопрогонники, ведуны, ведуньи и прочие. Одни из них были заклинателями змей и хищного зверя (обаянники); другие совершали разные заклинания, творили чудодейственные обряды и предвещали будущее (кудесники); третьи на основании снов предсказывали будущее, толковали сны другим, приходившим к ним; четвертые нагоняли или прогоняли облака — в их руках были дождь и ведро. Ведунами и ведуньями назывались ведавшие тайные силы, чтобы управлять обстоятельствами жизни. Всем этим ведовством занимались и мужчины, но преимущественно старые женщины. Верили в различные наговоры, заговоры, нашептывания. Думали, что

посредством их можно напустить на человека порчу, приворожить его. Верили, что можно наслать беду на человека по ветру: колдун бросал по ветру пыль и при этом приговаривал, чтобы ее понесло на такого-то человека, чтобы его корчило, сушило, раздувало и прочее. И все это по слову колдуна, как думал народ, непременно сбывалось. Наговаривали на след: из-под ноги человека, на которого хотели напустить лихо, брали след и сжигали в печи. Всему этому верили не только простолюдины, но и бояре. Когда присягали на верноподданство царю, то клялись «ведовством по ветру никакого лиха не насылати и на следу не вынимати». Сильно было распространено верование в чудодейственную силу некоторых трав и корешков, в разные приметы. Трудно было бы и перебрать здесь множество суеверий и поверий, которыми была опутана жизнь наших предков. Во многих суевериях коренятся древние языческие верования; некоторые заклинания и заговоры, вероятно, не что иное, как древние языческие молитвы. Хотя русское духовенство издавна сильно вооружалось против всяких волхвов и ведунов, а правительство преследовало их, но зло не уменьшалось. Сами преследователи верили в возможность волшебства, только приписывали его дьявольской силе.

Вследствие низкого умственного уровня и неблагоприятных исторических условий общественная жизнь в старину на Руси была крайне слаба. Всякий заботился только о себе, о своем роде, о домочадцах, редко думал о пользе общей, о выгоде посторонних ему людей — не понимал даже того, что от выгоды их часто зависит и его личное благополучие. К счастью, две могучие силы, несмотря на слабое общественное чувство у русских людей, все-таки сплачивали их в одно крепкое целое — эти силы были власть царя и православная вера.

И. Прянишников Сельский праздник

Слабость общественного чувства у русских сказывалась даже в беседах, какие они обыкновенно вели между собой и которые исключительно вращались около домашних, личных дел. Несмотря на известное гостеприимство и хлебосольство, у наших предков не было в обращении между собой той сдержанности и мягкости, какими отличаются в наше время все сколько-нибудь благовоспитанные люди. Посчитаться словами, даже побраниться им ничего не стоило. Нередко даже на боярских пирах между гостями начиналась перебранка, а иногда дело доходило и до драки. Побоям, нанесенным в хмельном состоянии, большой цены не придавали и обыкновенно в обиду не ставили. «Ничего не помню, был шумен (то есть пьян)», — оправдывался

тот, кого корили как зачинщика драки, и на этом по большей части дело и кончалось.

А. Попов Народная сцена. Старая Ладога

Даже и в тех случаях, когда совсем уже неудобно было вздорить, сварливость брала верх над благоразумием. На постельном крыльце государева дворца и у крыльца, где собирались бояре в ожидании приема у государя, не всегда бывало тихо; иногда и тут поднимался шум. Встретятся случайно два врага, один из них скажет что-либо обидное другому или только взглянет на своего противника «звероподобно», а тот не стерпит и скажет, например: «Вишь ты, чванится; а отец-то твой лаптем щи хлебал» или что-нибудь подобное. И пойдет словесная перестрелка, наговорят

друг другу всяких неподобных слов, переберут один у другого всю родню. Не всегда ссора кончалась только шумом, нередко переходила и в драку. Был даже случай, что один из поссорившихся прошиб другому камнем голову. Не раз царю подавались челобитные от лиц, пострадавших у него на крыльце в подобных ссорах.

Удовольствия и развлечения

***Взгляд на удовольствия. Скоморохи. Кулачные бои.
Корыстные игры (зернь, тавлеи, карты и прочее).
Табак. Качели и прочее***

При взгляде на монастырь как на единственный образец нравственнохристианской жизни удовольствия и развлечения у наших предков не могли, конечно, получить правильного развития. Всякое веселье и смех, с точки зрения монаха, помышлявшего о покаянии и спасении души, должны были порицаться как легкомыслие и грех. Даже на музыку благочестивые люди смотрели как на нечто греховное, а тем более на пляску. По «Домострою», когда «начнутся гусли, гудение всякое и плясание, и скакание, и всякие игры, и песни бесовские, тогда, якоже дым отгонит пчелы, тако-же отыдут и ангелы Божии от той смрадной беседы, и возрадуются беси...».

Русские качели

Крайне суровый взгляд на всякое веселье, даже самое обыкновенное и естественное, повел к тому, что музыка и пляски стали достоянием скоморохов, людей, пустившихся, как говорится, во все тяжкие, считавшихся отверженцами от общества порядочных людей. Скоморохи играли, пели и плясали преимущественно в корчмах, питейных домах, на рыночных площадях. Мудрено ли, что их представления, при общей грубости, стали не только крайне неизящными, но порой даже неприличными?

Гусли, гудки (ящики с натянутыми струнами), дудки, сурьмы (трубы), сопели, домры, накры (род литавр), медные трубы, волынки и барабаны — вот инструменты, игрой на которых скоморохи тешили православный люд. Нередко они составляли ватаги странствующих

музыкантов и плясунов и переходили из одного посада в другой, из села в село. Развлекали они толпу не только музыкой и пением, но и другими способами: одни играли на разных инструментах, другие плясали, третьи показывали ученых медведей и собак. Были тут глумцы, шутники-потешники, умевшие говорить складно разные прибаутки, вроде теперешних раешников на Масленице. Были лицедеи, которые, надев на себя личины, или хари (то есть маски), обыкновенно уродливые или смешные, да нарядившись в чудное (скоморошное) платье, разыгрывали разные действия. Были и такие, что носили на голове доску с движущимися куклами, — обвертят вокруг пояса кусок полотна, поднимут его вверх над головой, так что лица не видно, и приводят в движение куклы, приговаривая за них на разные голоса (марионетки или петрушки нашего времени). Особенное раздолье скоморохам было на Масленицу, на Святки, на Пасху, когда многие и благочестивые русские люди позволяли себе отдаваться веселью и приглашали их даже на дом. Скоморохи ходили обыкновенно большими ватагами — человек в пятьдесят и более, потому что часто случалось, что их обижали лихие люди, отбирали у них набранные деньги, но нередко и сами они грабили на больших дорогах. По временам правительство по внушению церкви принималось особенно ревностно преследовать скоморошество, приказывало воеводам ломать и жечь инструменты и хари, даже бить батогами тех, кто зазывал к себе скоморохов. При Михаиле Федоровиче в Москве раз отобрали не только у скоморохов, но и по всем домам музыкальные инструменты — собрали их пять возов и сожгли. Но проходило время горячего преследования, и природа русского человека, любящего веселье и широкий разгул, брала свое, и скоморохи, эти «сатанины ученики», как называло их духовенство, «неистойой гудьбой,

скаканием, плясанием» снова совращали людей с пути истины.

Кулачный бой

Ф. Сычков Катание с гор

Тешился народ в праздничные дни также кулачными и палочными боями; они происходили зимой обыкновенно на льду. Бойцы-охотники делились на две стороны: по свистку они бросались одна на другую с криком, и начиналась схватка, обыкновенно такая горячая, что многие выходили из лихой потехи калеками. Почти всегда бывали и убитые. Палочные бои еще чаще кончались убийствами, чем кулачные. На эти грубые потехи обыкновенно собирались огромные толпы зрителей, и не только из простонародья. Они своими криками одобрения подзадоривали бойцов. Бывали и состязания более разумные и действительно полезные: молодые люди собирались в праздники на удобное

место, боролись, бегали взапуски, гонялись на конях, метали копье в кольцо, положенное на земле, пускали стрелы в цель. Победители получали награды. Церковь вооружалась против всех этих игрищ и даже запрещала священникам отпевать убитых на боях.

Н. Соломин Стрдание

К зимним удовольствиям относились беганье на коньках по льду, очень любимое русскими, и катанье на салазках с гор. В длинные зимние вечера тешили бояр и

богатых людей домашние песельники; бахари (рассказчики) рассказывали сказки и прибаутки. Были в богатых домах и свои дураки и дуры, шуты и шутихи, которые своими пустыми и нередко грубыми шутками и выходками веселили невзыскательных на этот счет наших предков.

В конце XVII века в большом ходу в России были игры, имевшие корыстное значение: зернь, шахматы, тавлеи (шашки) и карты. Зернью назывались небольшие косточки с белой и черной стороной. Их бросали, и выигрыш зависел от того, какой стороной ложилась кость. Эта игра и карты сурово преследовались, но они распространялись все сильнее и сильнее, особенно игра в зернь. Играли, обыкновенно тайком, в корчмах и кабаках, разные гуляки и лентяи. Тут же в этих притонах курили и табак, что было, как известно, очень строго запрещено. Были между русскими уже тогда такие страстные любители табака, что готовы были платить за него вдвое-втрое против настоящей цены; иные готовы были отдать за него свои последние деньги.

М. Куликов Девушка с туесом

Табак курился обыкновенно сквозь коровий рог, который наполнялся водой, а в него вставлялась трубка с табаком, так что дым проходил через воду. Курильщики большей частью затягивались так усердно, что в два или три приема выкуривали большую трубку. Обыкновенно несколько любителей собирались «попить заповедного зелья», как выражались в старину, и

приговаривали: «Нет ничего на свете лучше табаку — он мозг прочищает». Благочестивые же люди, напротив, предостерегали от бесовского и богоненавистного табаку и утверждали, что у курящего «тая смердящая воня изгубит весь мозг и начнет пребывать во главе его, и не только во главе, но и во всех костях его». Происхождение табака, как объясняется в одной легенде, нечистое: бес достал табачные семена из самой глубины ада и посеял на могиле грешницы. Отсюда табак и распространился по земле, и бес одуряет им людей.

Женщины и девицы из простонародья тешились летом песнями, водили хороводы, плясали — подобно тому как это делается и до сих пор в деревнях. У людей знатных пляска считалась неприличным, не господским делом, но боярыни и боярышни по праздникам заставляли петь и плясать своих служанок. Церковь особенно сильно восставала именно против женских плясок, даже и смотреть на них считалось грехом.

М. Боскин Хоровод

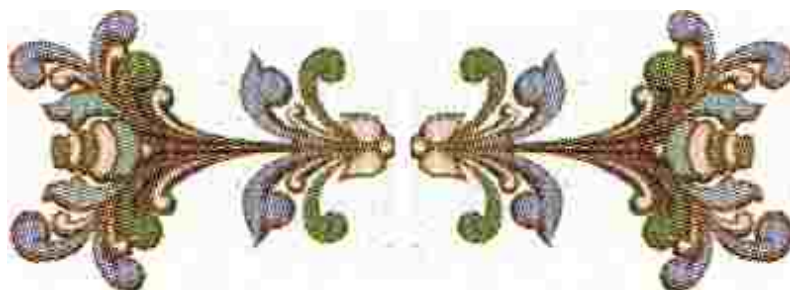
Любимой забавой женщин и девиц, знатных и простолюдинок, были качели и доски. Простолюдинки в посадах и деревнях качались на улицах, на открытых местах, а в зажиточных и боярских домах качели были необходимой принадлежностью сада или двора, то есть той части его, которая прилежала к женской половине жилья.

Самой благородной потехой у царей и бояр, как известно, считалась охота, особенно соколиная, хотя и она порицалась церковью.

Н. Соломин Белые ночи

Заключение

Русский народ, разбросавшись мелкими поселками на далеком севере, лишенный общения с Западной Европой, несмотря на свои большие дарования, сильно отстал от западных народов в знаниях, в просвещении. Он совершил великое дело — взрастил огромное, сильное государство с могучим властителем во главе, сберег в своей набожности православную веру. Самодержавие дало возможность русскому народу справиться с восточными врагами; православие спасло его в Смутную пору. Но и этим двум силам начинала грозить опасность: невежество все более и более глушит православие, приводит церковь к расколу; то же невежество уже начинает подрывать и высшую власть: нет образованных государственных деятелей, нет дальновидных советников и сколько-нибудь просвещенных и честных исполнителей, нет граждан, способных заботиться об общих выгодах, а не только о себе, и государь при всем своем могуществе и добром желании не в силах был избавить государство от страшных внутренних потрясений. Чтобы помочь беде, надо учиться. Но где? Византия уже вконец заглохла. Неужели пойти за наукой на латинский еретический Запад? Сильно против этого стоят многие ревнители древнего благочестия; все беды они приписывают тому, что порушена святая старина, что заводятся богомерзкие новшества. Одно знание имеет цену в их

глазах — знание божественных книг. Но уже давно западноевропейская пушка громогласно возвестила русским, что есть и человеческие знания, которыми пренебрегать опасно, — показала, что менять в бою своих десять голов на одну неприятельскую очень тяжело.

Под Москвой уже выросла целая слобода западных «хитрых мастеров». Чаше и чаще встречаются и русские люди, которые начинают жить по-европейски, увлекаются даже наукой. Еще в XVI столетии русский царь пытается пробить прямой путь на запад, к Балтийскому морю. После Смутной поры русские совсем отрезаны от него, и шведский король с великой радостью объявляет об этом на сейме. Исконным врагам Москвы — шведам и полякам — было очень важно, чтобы невежество, внутренние смуты и отсталость, особенно в ратном деле, продержались подольше в Московском государстве; при этих условиях враги не теряют надежды еще справиться с ним, расхитить его владения, как это отчасти и удалось им в Смутную пору. Для Московского государства, стало быть, является вопросом жизни сближение с Западом. Очистить туда дорогу прямоезжую, вдоль которой залегла вражья сила, и обновить русскую жизнь европейскими знаниями — вот первая задача, которую ясно и определенно выставила наша старина будущим государственным деятелям. Наряду с этой задачей и в тесной связи с ней выдвигалась, хотя и не так ясно, другая великая задача

— поднять слишком приниженную в России личность на степень гражданина, могущего сознательно относиться к своим обязанностям, повиноваться закону не только страха ради, но и по совести, способного заботиться и о себе, и о своих согражданах. Наша старина, в силу государственных нужд и обстоятельств закабалившая работника, прикрепившая крестьянина к земле, представляла и противоположные явления: Делались попытки завести нечто вроде земского самоуправления. Горячий ревнитель старины, известный составитель «Домостроя», отпускает своих холопов на волю. Наконец, многие благочестивые русские люди перед смертью, заботясь о спасении души своей, давали свободу некоторым из рабов своих, словно чувствовали, что по смыслу христианского учения о смирении и любви к ближнему порабощение людей — тяжкий грех.